РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Номер посвящен 25-летию социологического образования в России

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 4 (106)
Том 2, часть 1
2014

МОСКВА

Главный редактор

Т.Н. Юдина *– доктор социологических наук, профессор*

Заместитель главного редактора

В.В. Бондалетов *– кандидат социологических наук, доцент*

Председатель редакционного совета

О.А. Уржа *– доктор социологических наук, профессор*

Члены редакционного совета

Аттила Мелех*, проф. (Венгрия, г. Будапешт)*
В.Н. Бобков*, д-р экон. наук (Россия, г. Москва)*
Н. Генов*, руководитель Школы передовых социальных исследований (Словения, г. Нова-Горица)*
А.В. Дмитриев*, чл.-корр. РАН, д-р филос. наук (Россия, г. Москва)*
В.Н. Иванов*, чл.-корр. РАН, д-р филос. наук, советник РАН (Россия, г. Москва)*
С.В. Калашников*, д-р экон. наук (Россия, г. Москва)*
Кен Робертс*, проф. Ливерпульского университета (Великобритания, г. Ливерпуль)*
А. Коробков*, проф. политологии Университета штата Теннесси (США, г. Ноксвилл)*
С.А. Кравченко*, д-р филос. наук (Россия, г. Москва)*
А.И. Куропятник*, д-р социол. наук (Россия, г. Санкт-Петербург)*
Г.Р. Латфулин*, д-р экон. наук (Россия, г. Москва)*
Ли Шень Минь*, вице-президент Пекинской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)*
М.Б. Лига*, д-р социол. наук (Россия, г. Чита)*
И. Молодикова*, директор программы миграции и безопасности Центрально-Европейского университета (Венгрия, г. Будапешт)*
Г.И. Осадчая*, д-р социол. наук (Россия, г. Москва)*
В.А. Петросян*, д-р социол. наук (Россия, г. Москва)*
Г.А. Погосян*, чл.-корр. Национальной академии наук Республики Армения, д-р социол. наук (Армения, г. Ереван)*
Е.Ю. Садовская*, канд. филос. наук (Казахстан, г. Алматы)*
З.Х.-М. Саралиева*, д-р ист. наук (Россия, г. Нижний Новгород)*
Ю.П. Сурмин*, д-р социол. наук (Украина, г. Киев)*
Ж.Т. Тощенко*, чл.-корр. РАН, д-р филос. наук (Россия, г. Москва)*
Френк Дювель*, ст. науч. сотрудник Центра миграции, политики и общества Оксфордского университета (Великобритания, г. Оксфорд)*
Л.П. Шахотько*, д-р социол. наук (Беларусь, г. Минск)*

Научно-экспертные отделения редакционной коллегии

Социальная политика
Ответственный редактор – Л.И. Старовойтова*, д-р ист. наук*
К.Н. Новикова*, д-р социол. наук*
Т.Э. Петрова*, д-р социол. наук*
О.В. Ощёхина*, канд. пед. наук*
Социология социальной сферы
Ответственный редактор – Т.Н. Юдина*, д-р социол. наук*
И.В. Лескова*, д-р социол. наук*
А.В. Носкова*, д-р социол. наук*
Е.Ф. Шиморина*, д-р социол. наук*
Социальная философия, история и политология
Ответственный редактор – Г.Н. Кузьменко*, д-р филос. наук*
Г.П. Отюцкий*, д-р филос. наук*
М.Г. Ахмедова*, д-р филос. наук*
Л.И. Рогачева*, д-р ист. наук*
Социальное управление: теория и практика
Ответственный редактор – А.В. Кириллов*, д-р ист. наук*
М.В. Виниченко*, д-р ист. наук*
В.В. Бондалетов*, канд. социол. наук*
В.И. Савинков*, ведущий советник аппарата Совета Федерации РФ*
Е.В. Фролова*, канд. социол. наук*
Социальная педагогика и психология
Ответственный редактор – Н.М. Романенко*, д-р пед. наук*
Н.В. Филинова*, канд. пед. наук*
Л.В. Кузнецова*, д-р психол. наук*
Социальный менеджмент, туризм и гостиничное дело
Ответственный редактор – Ю.П. Кожаев*, д-р экон. наук*
С.А. Матяш*, канд. воен. наук*
Ю.Ф. Аношина*, д-р экон. наук*
А.С. Андреев*, канд. юрид. наук*
Научные новости, рецензии, интервью
Ответственный редактор – А.И. Щербакова*, д-р пед. наук*
Студенческая академия социальных наук
Ответственный редактор – Л.В. Макарова*, канд. социол. наук*
Социальное образование. Кафедра. Учебные программы
Ответственный редактор – Л.В. Мардахаев*, канд. пед. наук*
Новые книги по социальным наукам и управлению
Ответственный редактор – С.С. Новикова*, д-р социол. наук*
Зарубежные практики
Ответственный редактор – Т.Ю. Кириллина*, д-р социол. наук*

Над номером работали

Заведующая сектором научных изданий
Э.Х. Галиева
Главный редактор отдела оперативной полиграфии
Н.В. Багрова
Редактор
А.В. Корзун
Корректоры
М.В. Чуланова, И.Ю. Моргуновская
Технический редактор
Н.Е. Папкова
Компьютерная верстка и оформление
Т.А. Пробылова
Художественное оформление
Ю.А. Галкина

Решением Президиума ВАК Министерства образования России журнал «Социальная политика и социология» включен в перечень периодических изданий, рекомендуемых для публикации научных работ, отражающих основное содержание докторских диссертаций.

Перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, возможны только с письменного разрешения редакции.

Наш адрес: *129226, Москва, ул. В. Пика, дом 4, корп. 2, каб. 408.*
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, дом 24, каб. 106.
Контактный телефон: *(495) 748-67-67 (доб. 30-15, 17-92).*
www.rgsu.net/science/magazine/
E-mail: *editorialofficeRGSU@yandex.ru, soc_pol@mail.ru*

© Российский государственный социальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Иванов В.Н., Юдина Т.Н.
СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ:
К 25-ЛЕТИЮ НОВОЙ СТРАНИЦЫ 8

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

М.М. Басимов
ТРИВИАЛЬНОСТЬ ЛИНЕЙНОЙ КАРТИНЫ В СОЦИОЛОГИИ
И НЕОБХОДИМОСТЬ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
(НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ) 18

Т.Ю. Кирилина
СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ:
СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ 32

Е.И. Ключко
ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНТЕРНЕТА НА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ. 48

С.А. Кравченко
ВЕХИ ДИНАМИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕМИРНЫХ
И ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНГРЕССОВ) 54

А.И. Куропятник
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
КОНТЕКСТЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ. 69

И.В. Лескова
ВОЗМОЖНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ
ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИЯН. 81

А.К. Мамедов, Л.В. Темнова
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ 94

В.И. Мукомель
СПЕЦИФИКА ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ПРИНИМАЮЩЕГО
НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАНТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ 108

С.С. Новикова
ИСТОКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: 1875–1917 ГГ. 121

Г.И. Осадчая
СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ 133

Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина
СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РЕГИОНЕ 148

А.Л. Сазонова
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ
РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ 156

Е.А. Сайко
ПОТРЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ 177

Г.С. Солодова
РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР СТРУКТУРИРОВАНИЯ
ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ. 192

Д.К. Танатова
СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 201

Д.К. Танатова, Л.Р. Таирова
МОБИЛЬНЫЕ ГАДЖЕТЫ КАК ФАКТОР ТЕМПОРАЛЬНОСТИ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ. 209

Ф.С. Файзуллин, Т.Ф. Файзуллин
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ 218

Т.Н. Юдина
СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ:
ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ. 227

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ
УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В РАМКАХ ФГОС 248

И.П. Гладилина, С.Л. Разумовский
РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСТВА ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ 257

А.В. Кириллов, А.В. Мельничук, Ю.А. Мельничук
УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЯХ. 270

М.С. Козырев
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 286

Е.М. Крюкова
ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
МОНОКОРПОРАЦИЙ
(НА ПРИМЕРЕ Г. БАЙКОНУР) 296

А.А. Ходырев
ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ
КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДНЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ
СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 306

И.Н. Маркарян, А.С. Варюхин
РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
НА ЭТАПЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ 313

И.А. Шпехт, Р.Р. Саакян
ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА. 329

О.В. Стукова
СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРРУПЦИИ:
ОТБОР КАДРОВ С УЧЕТОМ ЦЕННОСТНОГО УРОВНЯ. 337

О.А. Уржа
СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КАК СРЕДСТВА ОПТИМИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА 344

М.А. Черкасова
МЕСТО И РОЛЬ КОНФЛИКТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ 358

Т.Ю. Шманкевич
МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ШКОЛЬНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК
В ГРАЖДАНСКИЕ. 367

ANNOTATIONS 379

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУССКОЯЗЫЧНОЙ РУКОПИСИ СТАТЬИ,
ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА», «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И СОЦИОЛОГИЯ», «ВЕСТНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВУЗОВ
РОССИИ ПО ОБРАЗОВАНИЮ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ» 394

ПРИЛОЖЕНИЕ К «ТРЕБОВАНИЯМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМ К РУССКОЯЗЫЧНОЙ
РУКОПИСИ СТАТЬИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ
«УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА», «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ»,
«ВЕСТНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВУЗОВ РОССИИ
ПО ОБРАЗОВАНИЮ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ» 399

Иванов В.Н.,
член -корреспондент РАН,
доктор философских наук, профессор, советник РАН, г. Москва

Юдина Т.Н.,
доктор социологических наук,
профессор, заведующая кафедрой социологии социальной сферы Российского государственного социального университета, г. Москва

СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: К 25-ЛЕТИЮ НОВОЙ СТРАНИЦЫ

Аннотация: *статья посвящена 25-летию новой страницы социологического образования в России в контексте истории развития социологии и социологического образования со второй половины XIX века. Центральной частью статьи являются воспоминания Вилена Николаевича Иванова о разработке правительственных решений по принятию необходимых мер для создания четко действующей системы по подготовке высококвалифицированных кадров социологов, который с 1983 по 1988 г. был директором Института социологических исследований АН СССР.*

Ключевые слова: *социальное знание, социология, социологическое образование, социологическая наука.*

25 лет назад в МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете были открыты социологические факультеты. Таким образом, открылась новая страница социологического образования в России.

Если говорить об истории социологического образования в России, то как область социальных знаний, исследований и преподавания социология стала утверждаться во второй половине XIX века. Ее становлению способствовал огромный интерес к ней со стороны общественности. Большую роль в распространении социологических знаний в России играли университеты. Как известно, в России изучение социальных наук, включая процессы обучения, стало делать свои первые шаги с момента учреждения Академии наук. Развитие социального знания, которое бы помогло в раскрытии закономерностей

духовной жизни людей и давало бы научное объяснение историческим событиям, особенностям научного и обыденного языка, произведений искусства и т.д. стимулировалось необходимостью решения практических задач, а также развитием и укреплением российской государственности. Такие задачи в первоначальном виде были поставлены Петром I в указе об учреждении Российской академии наук и получили дальнейшее развитие и обоснование в многосторонней деятельности М.В. Ломоносова и других ученых.

Как отмечает известный социолог Е.И. Кукушкина [1], дискуссии по вопросам преподавания социологии с самого начала велись в более широком контексте обсуждения проблемы реформирования всей системы социально- гуманитарного образования. В них участвовали широкие круги общественности России, прежде всего ученые и опытные педагоги. Осуществлялись поиски ответа на такие вопросы: Какие факультеты и кафедры должны готовить специалистов-социологов? Какие обязательные дисциплины следует преподавать студентам вне зависимости от выбранной ими специализации? В какой последовательности? Внимание участников дискуссии привлекала возможность соединения в едином комплексе юридического, исторического и экономического образования.

Свое воплощение в практику университетского преподавания и дальнейшее концептуальное развитие эти идеи получили в деятельности следующего поколения социологов, прежде всего Питирима Сорокина, который на короткое время стал деканом первого в России социологического факультета, созданного в 1920 г., и его ведущим лектором.

Если говорить о советском периоде развития социологии в целом и социологического образования в частности, то необходимо отметить следующие основополагающие моменты.

20-е годы XX века – это период острых дискуссий по поводу социологического наследия Маркса – Энгельса – Ленина, содержания основных теоретических концепций марксизма и категорий исторического материализма. Именно в начале 20-х годов в марксистской литературе прочно утверждается термин «социология», начинает издаваться социологическая литература теоретического профиля, появляются первые учебные курсы. Создаются кафедры социологии в Петрограде и Ярославле, и даже вводится научная степень по социологии. Однако этот период длиться недолго. Уже в конце 1922 г. во всех центральных университетах закрываются кафедры общей социологии и создаются кафедры общественных форм для чтения нового курса «История общественных форм». Эта новая учебная дисциплина преподавалась до 1924 года. А с 1923/24 учебного года впервые в университете и институтах Петрограда были введены лекции и семинары по историческому материализму. С этого времени в ленинградских вузах начинается преподавание «подлинно

научной социологии» [2]. К концу 30-х годов XX в. социология начала пониматься как исторический материализм. На это в частности прямо указал автор книги «Теория исторического материализма. Общедоступный учебник марксистской социологии» Н. Бухарин. Социология объявляется буржуазной наукой (т.е. лженаукой), а термин «социология» полностью изымается из употребления.

Это приводит к тому, что социология не просто прекращает существование на 30 лет в нашей стране, а даже отбрасывается назад.

Только в конце 50-х – начале 60-х годов, во время хрущевской «оттепели», снова положительно заговорили о социологии, так как возникла необходимость в более эффективном управлении социальными процессами во всех сферах общественной жизни. Возрождение социологии как науки в полном ее объеме (и теория и эмпирика) становилось возможным только на основе организации в стране высшего социологического образования. В конце 50-х – начале 60-х годов возобновились прикладные социологические исследования. В этот период начали создаваться лаборатории, исследовательские группы, отделы и сектора в академических учреждениях, в вузах и ведомствах, партийных комитетах. Проводимые в эти годы социологические исследования нередко грешили слабой методической оснащенностью, получаемые выводы не имели необходимого теоретического обоснования и доказательности. Все это явилось одной из причин того, что многие обществоведы, а также и практические работники, стали с некоторой настороженностью относиться к социологам и результатам их работы. Эту настороженность усиливало некритическое заимствование теоретических и методических объяснений и процедур зарубежной социологии.

В эти же годы стало более активным участие советских социологов в международных социологических конгрессах, конференциях, симпозиумах, вырос интерес к публикациям западных ученых и стал более широким доступ к последним. Эти обстоятельства также убеждали в том, что утвердившееся в Советском Союзе понимание социологии (ее фактическое отождествление с историческим материализмом) требует пересмотра. Нужны были радикальные меры по «возвращению» к той социологии, которая развивалась в России в дореволюционное время и была связана с именами выдающихся русских ученых: Н. Данилевским, М. Ковалевским, П. Сорокиным, П. Лавровым, Н. Михайловским, Н. Кареевым и др. И той социологии, которая развивалась в первые годы советской власти и была представлена трудами А. Гастева, П. Керженцева , О. Ерманского, А. Большакова, С. Струмилина и др. Конечно, это не означало отрицания исторического материализма как такового. Это означало признание того факта, что последний является неотъемлемой частью марксистской философии, а социология не является философский наукой.

Следует напомнить, что именно такой подход активно отстаивал и всячески пропагандировал видный болгарский социолог Живко Ошавков, труды которого были известны и в Советском Союзе.

Надо ли говорить, что вопрос «что преподавать» приобрел в эти годы особую остроту. Единого взгляда на предмет социологии, ее структуру связь с другими общественными науками не было. По большому счету и преподавателей, имеющих должную профессиональную подготовку, тоже не было. Установка – на самообразование, взаимопомощь, обмен опытом и взаимная поддержка в отстаивании права на существование возрождающейся в бесконечных спорах науки.

Определенные надежды (и как оказалось не беспочвенные) наша научная общественность возлагала на созданную по согласованию с отделом науки и высших учебных заведениях ЦК КПСС решением Министерства высшего и среднего специального образования комиссию по выработке предложений по введению в стране высшего социологического образования. В состав комиссии, созданной на базе Института социологических исследований АН СССР вошли не только академические и вузовские ученые, но представители заинтересованных ведомств. От ИСИ АН СССР вошли доктора наук: В.Н. Иванов (председатель комиссии), Г.В. Осипов, Ф.Р. Филиппов, Г.С. Кинбурский; от МГУ им. М.В. Ломоносова – В.И. Добреньков, Б.В. Князев; от АОН при ЦК КПСС – Ж.Т. Тощенко; от Военно-политической академии им. В.И. Ленина – Л.Г. Егоров. В состав комиссии были включены также представители Министерства высшего и среднего специального образования, МВДА и профсоюзов. Комиссия в результате многочасовых дискуссий удалось сформулировать согласованное мнение о предмете социологической науки. Мы пришли к выводу, что социология изучает социальные отношения (в узком смысле слова), закономерности функционирования и развития различных социальных общностей, составляющих социальную структуру общества. Имевшая в то время хождение концепция социологии как трехуровневой науки (исторический материализм, отраслевые социологические теории, социологические исследования) была нами отвергнута как некий эклектический конструкт, не позволяющий обрести социологии в полной мере статус самостоятельной науки.

Вместе с тем в наших предложениях был сделан акцент на прикладном характере социологической науки, что позволяло понять нашим оппонентам ее необходимость и безусловную полезность в изучении общества и в управлении им на основе науки.

В трактовке социальных отношений как объекта социологической науки подчеркивалась их специфичность как имплицитной характеристики взаимодействия между индивидами и порождаемой их совместной деятельностью сообществами. В зависимости от субъектов взаимодействия социальные от-

ношения подразделяются: на социально-классовые (классы, социальные группы, слои); социально-демографические (мужчины, женщины, дети , молодежь, пожилые люди); социально-этнические (нации, народности , этнографические группы); социально-профессиональные (трудовые коллективы, профессиональные ассоциации, объединения); социально-территориальные (городское и сельское население).

Особый интерес (и особую остроту) вызвал вопрос о взаимоотношении социологии и других общественных наук: социальной философии, истории, социальной психологии. Исходя из того, что социология не является философской наукой, справедливым было признано утверждение, что она изучает законы меньшей степени общности, чем социальная философия. Но поскольку знание законов (категорий) более общего характера является необходимым условием изучения законов (категорий) менее общего порядка, то социальная философия выступает как общетеоретическая и методологическая основа социологии как и других общественных наук. Вместе с тем, социология, давая конкретный анализ социальной реальности во всем ее сложном многообразии, способствует обогащению (уточнению) понятийного аппарата социальной философии и углублению ее связи с социальной практикой.

Немало общего между социологией и историей. Обе науки постоянно уделяют внимание субъективной стороне исторического процесса, сосредотачивая свои усилия на анализе конкретных фактов жизни общества. Но история при этом базируется на конкретно-хронологическом подходе к тем или иным свершившимся события и явлениям, характеристике их своеобразия, индивидуальной неповторимости. Социология же изучая современность находит в ней типическое, закономерное, переносит центр тяжести своих изысканий на социальные изменения, социальное планирование, конструирование, прогнозирование.

Не меньше «точек соприкосновения « социологии и социальной психологии. Но последняя, являясь разделом общей психологии , имеет дело с изучением психических явлений в процессах группового общения и поведения. Полученные ею знания необходимы для психически эффективной организации воспитания и взаимоотношения личности и коллектива, понимания природы психических явлений, возникающих в процессе включения людей в социальные группы и функционирование последних. В ходе многочисленных дискуссий и споров о судьбе социологии в СССР психологи, как правило, занимали позицию поддержки социологов. Не случайно позже психологи и социологи объединили свои усилия в создании и налаживании работы социальных служб на предприятиях, в подготовке «заводских социологов». Накопленный опыт взаимодействия нашел в частности отражение в монографии «Служба социального развития предприятия», подготовленной авторским коллективом под руководством директора Института психологии АН СССР член-корр. Б.Ф. Ломова и директора Института социологических исследований АН СССР д.ф.н. В.Н. Иванова и изданной издательством «Наука».

Подготовленный комиссией доклад мне было поручено сделать на заседании коллегии Министерства высшего и среднего специального образования, которое было проведено под председательством заместителя министра Н.И. Мохова. Основными нашими оппонентами были присутствовавшие на заседании вузовские философы, утверждавшие по инерции, что марксистская социология – это и есть исторический материализм, а социологические исследования, необходимость которых они не отрицали, должны проводиться на его методологической основе. Коллегия в целом поддержала предложения комиссии о введении в вузах страны высшего социологического образования и высказала пожелание ускорить подготовку учебников и учебных пособий в первую очередь по методике и технике социологических исследований.

Следует в этой связи отметить, что продолжительное время роль единственного в стране учебника по марксистско-ленинской социологии выполняла изданная Институтом социологических исследований «Рабочая книга социолога» (отв. ред. Г.В. Осипов). Институт социологических исследований АН СССР взял на себя обязательство подготовить учебник по социологии для вузов. Основную роль в его написании призван был сыграть отдел теории истории социологии Института, возглавляемый доктором философских наук, профессором Г.В. Осиповым. Мне предназначалась роль ответственного редактора. Мы приступили к работе, используя уже имевшийся в указанном отделе материал. Подготовленная в сжатые сроки рукопись была обсуждена на расширенном заседании Ученого Совета с приглашением вузовских преподавателей. Издательская идея и была одобрена в качестве учебника. Мы внесли ее в план НИР. Но тут подоспела очередная проверка Института. Издательскую деятельность Института проверял входивший в состав проверяющих уральский профессор, доктор философских наук Л.Н. Коган, отвергший нашу концепцию социологической науки. На итоговом заседании Отделения философии и права он выступил с резкой критикой подготовленной к печати рукописи и сумел убедить членов Отделения, что издавать ее в таком виде нецелесообразно. Издание так необходимого учебника было приторможено. Книга вышла только в 1988 году под названием «Марксистско-ленинская социология» под редакцией Г.В. Осипова и В.Н. Иванова. В аннотации в частности отмечалось, что в книге освещаются основные теоретические и методологические положения марксистской социологии. Рассматриваются предмет, объект, структура и функции социологии, некоторые направления прикладных исследований в СССР. Принципы организации и проведения социологического исследования, связь с социальной практикой и социальной политикой.

Важную роль в решении вопроса о введении в стране высшего социологического образования сыграло проведенное в Киеве в ноябре 1984 года Первое Всесоюзное совещание по развитию социологических исследований в стране. Его рекомендации не остались незамеченными. Так, они стали предметом обсуждения на Секции общественных наук Президиума АН СССР в январе 1985 года. В принятом Постановлении, в частности, отмечалось: «Заслушав и обсудив сообщение директора ИСИ АН СССР профессора Иванова В.Н, секция общественных наук постановляет:

1. Просить Минвуз СССР, Госкомитет по труду и социальным вопросам принять необходимые меры для создания четко действующей системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных кадров социологов. Институту социологических исследований АН СССР, Советской социологической ассоциации оказать всемерную помощь в этом всем заинтересованным организациями.

2. Считать целесообразным открыть в 1985–1986 гг. отделения прикладной социологии в Киевском и Тбилисском университетах, а в последующие годы в некоторых других университетах страны.

3. Поручить Советской социологической ассоциации АН СССР организовать на базе региональных отделений постоянно действующие школы для переподготовки штатных и нештатных работников социологических служб промышленных предприятий, а также других предприятий и учреждений, организующих проведение социологических исследований.

4. Считать целесообразным разработать положение о «Школе социологов», а также соответствующую программу обучения.

5. Советской социологической ассоциации всемерно использовать все существующие формы повышения квалификации социологических кадров (постоянно действующие семинары, курсы, проведение социологических чтений, научно-практических конференций и т.д.).

6. Использовать возможности отраслевых и ведомственных ИПК для повышения социологической подготовки хозяйственных руководителей промышленных предприятий. Разработать для ИПК спецкурс по прикладной социологии».

Постановление прямо обязывало Институт социологических исследований АН СССР активизировать свое участие в образовательном социологическом процессе: «Принять меры по подготовке и изданию учебников и учебных пособий по прикладной социологии. В связи с этим поручить ИСИ АН СССР совместно с Минвузом СССР и другими заинтересованными организациями:

1. Разработать план подготовки учебников и учебных пособий и представить его в РИСО АН СССР не позднее 01.03.85 г.

2. Утвердить авторские коллективы и определить сроки каждого издания.

3. Принять меры к оперативному изданию уже подготовленных к печати учебников и учебных пособий и монографий по прикладной социологии для заводских социологов.

4. Увеличить лимит бумаги для ИСИ АН СССР в связи с подготовкой учебников и учебных пособий на 609 п.л. в год, начиная с 1985 года.

5. Разрешить ИСИ АН СССР издать ротапринтным способом учебные пособия по спецкурсам, читаемым на отделении прикладной социологии в МГУ.

6. Просить отдел пропаганды ЦК КПСС увеличить периодичность выхода журнала « Социологические исследования» (6 номеров в год).

7. Поручить ИСИ АН СССР подготовить предложения о дополнительном издании переводной литературы по социологии.

8. Поручить ИСИ АН СССР разработать предложения по обеспечению унификации методик, используемых при проведении социологических исследований в различных регионах страны. В связи с этим с помощью ИСИ и других ведущих социологических центров страны обеспечить экспертизу исследовательских методик, используемых в региональных исследованиях.

8. Обратиться в крупнейшие социологические центры (в Москве, Ленинграде, Свердловске, Киеве, Хабаровске, Тбилиси, Таллинне) с предложением о создании экспертных комиссий по методикам социологических исследований.

9. ИСИ и ССА разработать предложения о создании в стране сети интервьюеров и банка эмпирических данных».

В Постановлении ставилась также задача создания в перспективе Всесоюзной социологической службы, намечались также мероприятия по пропаганде социологических знаний посредством телевизионных передач и выступления в печати.

По существу это была целая программа возрождения в стране социологии как самостоятельной науки и организации в этой связи образовательного процесса. В ее осуществление активно включился не только Институт социологических исследований АН СССР и Советская социологическая организация, но и вузовские работники и работники других заинтересованных ведомств. Важную роль сыграли в этом деле партийные комитеты разных уровней, при которых создавались исследовательские группы. Главным, конечно, в этой связи было принятие ЦК КПСС специального Постановления «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества» (май 1988 г.). Следует отметить, что предложения рабочей группы, готовящей это постановление, в которую входили ведущие социологи страны, были в полном объеме внесены в текст документа.

Предложения эти касались и проблем высшего социологического образования.

Постановление было встречено нашей научной общественностью с энтузиазмом. Верилось, что социология займет достойное место не только в системе общественных наук, но и в социальной практике в целом.

Так и случилось. В конце 1980-х – начале 90-х годов прошлого века развитие социологии приобрело особую динамику. В эти годы развивалась сеть научных академических и прикладных институтов, центров, фондов, кафедр, факультетов, развернута подготовка кадров профессиональных социологов. В перечень научных специальностей введены направления по социологическим наукам, открыты аспирантура и докторантура. Были созданы социологические общества, ассоциации, гильдии: Российское общество социологов (1989), Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского (1993), Содружество профессиональных социологов (1993), Гильдия исследователей общественного мнения и рынка (1997), Российская социологическая ассоциация (2003)., Союз социологов России (2005).

Динамично развивалась вузовская наука. Появились авторитетные социологические научные школы в МГУ им. М.В. Ломоносова (В.И. Добреньков), СПбГУ (А.О. Бороноев, Н.Г. Скворцов, А.И. Куропятник), Российском государственном социальном университете (В.Н. Ковалев, Г.И. Осадчая, Т.Н. Юдина, О.А. Уржа, И.В. Соколова, Д.К. Танатова), МГИМО (С.А. Кравченко), в Новосибирске (Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, В.Н. Шубин), в Екатеринбурге, Перми, Уфе (Л.Н. Коган, Н.А. Аитов, З.И. Файнберг, Г.Е. Зборовский, Л.Я. Рубина), на Алтае (С.И. Григорьев), в Ростове-на-Дону (Ю.Г. Волков), в Нижнем Новгороде (С.С. Балабанов), в Самаре (Е.Ф. Молевич), в Саратове (В.Н. Ярская-Смирнова) и др.

На современном этапе концепция подготовки специалистов по социологии базируется на политеоретической интерпретации общественных процессов (в контексте достижений мировой социологической науки), учитывает специфику вузов и направлено на подготовку профессиональных социологов и обучение неспециалистов в просветительских целях. Совершенствование системы социологического образования, поиски его оптимальной модели идут в русле современной реформы образования в России. Социологическое образование призвано помочь решению сложных общественных проблем, способствовать становлению социологической культуры граждан.

Это дополняется стремлением социологических факультетов к максимально гибкому и оперативному реагированию на потребности общества в специалистах различного профиля, не только социологов, но и представителей иных профессий и направлений, связанных с социологией.

Социологическая наука крайне важна в жизни общества. Великий российский писатель Л.Н. Толстой в своей статье «О переписи в Москве» [3] в 1882 г. написал: «Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии – счастье людей!».

Будем продолжать делать людей счастливыми!

Список литературы

1. Кукушкина Е.И. Университеты и становление социологического образования в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 130–137.

2. Новикова С.С. Социология: история, основы, институционализация в России. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2000. 464 с.

3. Толстой ЛН. О переписи в Москве // Собр. соч.: в 22 т. М.: Художественная литература, 1978—1985. URL: http://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_16/01text/0344.htm.

Spisok literatury

1. Kukushkina E.I. Universiteti i stanovlenie sociologicheskogo obrazovaniya v Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 2002. № 10. S. 130–137.

2. Novikova S.S. Sociologiya: istoriya, osnovi, institucionalizaciya v Rossii. M.: Izd-vo Mosk. psihol.-soc. in-ta; Voronej: MODEK, 2000. 464 s.

3. Tolstoi L.N. O perepisi v Moskve // Sobr. soch.: v 22 t. M.: Hudojestvennaya literature, 1978—1985. URL: http_//rvb.ru/tolstoy/01text/vol_16/01text/0344.htm.

М.М. Басимов,
доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и служебной деятельности Российского государственного социального университета, Москва.
E-mail: basimov_@mail.ru

ТРИВИАЛЬНОСТЬ ЛИНЕЙНОЙ КАРТИНЫ В СОЦИОЛОГИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА (НА ПРИМЕРЕ КОНКРЕТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

Аннотация: *в статье рассмотрены политические предпочтения студенческой молодежи и их отношение к «гражданскому браку» в рамках нелинейной социологии, даны подробные интерпретации отобранных по общему содержанию двух групп нелинейных зависимостей. Показана тривиальность линейного подхода и малосодержательность полученных с применением корреляционного анализа результатов, а значит, необходимость нелинейных моделей в социологии*.

Ключевые слова: *политические предпочтения, зависимость, нелинейный, максимум, сравнительная весомость, коэффициент силы связи, триады, кварты*.

Описание сложного, как показывает К. Майнцер – президент Немецкого общества по изучению сложных систем и нелинейной динамики, невозможно без представления о нелинейности и современных нелинейных моделей. В условиях современного мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным и даже опасным в нелинейной сложной реальности [17]. **«Нелинейность»** – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования. Можно даже сказать, что новая парадигма есть парадигма нелинейности [11].

При этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает последний европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или

[1] Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-00525а.

часть слова встречается (кроме наших материалов [13–16]) только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака» и проблемы формирования его образа под влиянием политических установок студентов (традиционный анализ экспериментальных результатов был представлен в дипломной работе Е.Ю. Грибовой).

Брак – особый общественный институт для регулирования отношений между его гражданами. Брак – традиционное средство формирования семьи и общественного контроля за ней, один из способов самосохранения и развития общества. Однако одной из характеристик современного российского общества принято считать трансформацию института семьи, а именно распространение «гражданских браков».

Социальная проблема заключается в том, что общество теряет контроль над институтом семьи. Члены общества в современном мире стали отходить от традиционных ценностей, которые ориентированы на сохранение и воспроизводство сложившихся норм и целей жизни. В силу увеличения количества «гражданских браков» происходит разрыв между обществом и семьей, утрачивается связь между ними, ведь «гражданский брак» представляет собой более свободную форму отношений.

Социальное противоречие заключается в том, что общество потеряло интерес к традиционным ценностям, но и четко сформированных современных тоже нет. Оно не может найти новых механизмов регуляции отношений с институтами семьи и брака. На сегодняшний день количество незарегистрированных браков растет, а нестабильность такой формы отношений не исключена.

Происходит изменение в формировании семейных отношений, и как следствие этого дезорганизация общества, общественных процессов. Это приводит к предпочтению молодыми людьми более свободной формы отношений – «гражданских браков».

Возникающая проблема для социологического исследования – распространение «гражданских браков» была нами расширена изучением также политических предпочтений и установок студентов, анализом взаимовлияния мнений студентов о феномене «гражданского брака» и их политическими предпочтениями и установками.

Для изучения связей (линейных и нелинейных) были отобраны или построены 24 интервальных (порядковых) параметра.

1. Отношение к гражданскому браку.
2. Приемлемость гражданского брака как формы отношений.
3. Возможность рождения ребенка в гражданском браке.

4. Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка.
5. Интерес к политике.
6. Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении.
7. Отношение к партии Единая Россия.
8. Отношение к партии Справедливая Россия.
9. Отношение к партии ЛДПР.
10. Отношение к партии КПРФ.
11. Отношение к партии Яблоко.
12. Отношение к В.В. Путину.
13. Отношение к Д.А. Медведеву.
14. Отношение к В.В. Жириновскому.
15. Отношение к Г.А. Зюганову.
16. Отношение к М.Д. Прохорову.
17. Отношение к С.М. Миронову.
18. Отношение к А.А. Навальному.
19. Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ.
20. Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ.
21. Удовлетворенность работой Президента РФ В.В. Путина.
22. Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ.
23. Возраст.
24. Субъективная оценка своего материального положения.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [4] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 3] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [1].

При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Но перед тем, как перейти к рассмотрению конкретных нелинейных социологических систем, рассмотрим одну показательную зависимость из идеализированной математической задачи, где каждый из параметров представляет собой значения одной из 36 элементарных функций в интервале, симметричном относительно нуля с равномерным шагом аргумента. Для изучения зависимостей между этими функциями был применен наш статистический метод изучения связей [12]. Коэффициенты силы связи **SV** нормируются таким образом, чтобы значение **SV=1** соответствовало бы единичной линейной корреляции **R=1**, полученной для линейной функции (например, **Y=X**).

Рассмотрим четную функцию (зависимость $\mathbf{Y=X^2}$ от **X)**, для которой коэффициент линейной корреляции равен нулю, но в тоже время не только нельзя сказать, что связь между переменными отсутствует, а следует отметить, что она очень сильная.

Зависимость параметра $\mathbf{Y=X^2}$ от параметра **X** в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +3720); X-2 (Y= -3798); X-3 (Y= -3798); X-4 (Y= +3720)

Коэффициент силы связи = 1.69

Коэффициент корреляции = 0.

В дополнение мы предлагаем программно реализованный метод классификации зависимостей. Для классификации определены виды зависимостей: 10 для триад и 28 для кварт. Основные типы зависимостей: зависимости с максимумом и минимумом, возрастающие и убывающие, но далеко не линейные, колебания max-min и min-max. В каждом типе содержится различное количество (от 2 до 9) видов зависимостей (для триад меньше, для кварт больше), которые определяются симметричностью, общей возрастающей или убывающей тенденцией, сдвигом влево или вправо, равномерностью изменения. Классификация проходит по определенным критериям. Зависимости, не попавшие ни в один из видов зависимостей, приводятся в конце отдельным списком и также могут быть интерпретированы.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [1] апробировалось также нами в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков (юношей) [5, 7], этнопсихология [9, 10], психология профессий [6], психология стресса [8] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричные, для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования.

Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны, и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

Поэтому в рамках применения нашего метода для выявленных линейных зависимостей мы выбираем только один вариант из двух симметричных

по линейной корреляции упорядоченных представлений зависимостей, которые попали под условия отбора сильных связей.

Всего была выявлена 21 сильная линейная (близкая к линейной) зависимость. Линейные зависимости, как правило, связывают родственные параметры, они легко предсказуемы, а значит, не представляют большого эвристического интереса для исследователя.

Но именно такие зависимости человек в силу своей обычной исследовательской логики предвидит, формулирует в виде гипотез исследования, логически выводит и ему часто кажется, что других закономерностей просто не существует. А более сложные закономерности социологического (и не только) содержания в основном непредсказуемы и требуют экспериментального изучения, дальнейшей аналитической работы, которая не ограничивается линейными представлениями.

Чтобы подчеркнуть сказанное перечислим все выявленные сильные линейные зависимости, для удобства объединяя их в 7 смысловых групп.

1. Связь параметра «Удовлетворенность работой Президента РФ В.В. Путина» с 6 параметрами:

- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах Президента РФ»;
- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ»;
- «Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия».

2. Связь параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах Президента РФ» с 4 параметрами:

- «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия».

3. Связь параметра «Удовлетворенность результатами голосования на выборах в ГосДуму РФ» с 4 параметрами:

- «Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ»;
- «Отношение к В.В. Путину»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву»;
- «Отношение к партии «Единая Россия».

5. Связи пар параметров:

- «Отношение к В.В. Путину» и «Отношение к партии «Единая Россия»;

- «Отношение к Д.А. Медведеву» и «Отношение к партии «Единая Россия»;
- «Отношение к Д.А. Медведеву» и «Отношение к В.В. Путину».

6. Связи пар параметров:

- «Приемлемость гражданского брака как формы отношений» и «Отношение к гражданскому браку»;
- «Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении» и «Интерес к политике».

7. Связи пар параметров:

- «Отношение к В.В. Жириновскому» и «Отношение к партии ЛДПР»;
- «Отношение к Г.А. Зюганову» и «Отношение к партии КПРФ».

Линейные зависимости могут пригодиться лишь в одном, это контроль искренности ответов респондентов, проверка результатов на отсутствие фальсифицированных ответов по анкете (аналог психологических шкал на лживость).

В выбранном для демонстрации нелинейной природы социологической информации исследовании сильных нелинейных зависимостей выявлено 122. Из них для триад независимой переменной выявлено 28 сильных нелинейных зависимостей (9 с максимумом, 3 с минимумом по критериям классификации); для кварт – 94 (из них 32 с максимумом, 9 с минимумом, 13 в виде колебаний).

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Среди нелинейных связей для качественного анализа мы отбираем только те случаи, когда наши коэффициенты силы связи SV>0.5, а линейные корреляции по модулю в 2 и более раза их меньше (близки к нулю). Далее рассмотрим выбранные для интерпретации нелинейные зависимости, объединив их по смыслу в два блока I-II.

I. А.А. Навальный в нелинейной структуре политических предпочтений студентов

Рассмотрим вначале две различные по форме (с максимумом и минимумом) зависимости отношений респондентов к традиционным политическим лидерам последнего десятилетия, а потом три зависимости (все с практически симметричным максимумом) отношения молодых респонденов к политическому лидеру новой формации, порожденному политической обстановкой в России в последние 3–4 года. Все рассматриваемые ниже зависимости далеки от линейной модели и представляют интерес в рамках синергетических представлений.

Зависимость параметра «Отношение к В.В. Путину (Y)» от параметра «Отношение к Г.А. Зюганову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= +13); X–2 (Y= +471); X–3 (Y= -1149)
Коэффициент силы связи = 0.61 (0.09)
Коэффициент корреляции = -0.08.

Положительное отношение к В.В. Путину увеличивается по сравнительной весомости (с +13 до +471) при увеличении принятия Г.А. Зюганова на начальном этапе (при переходе с низкого уровня на средний). В дальнейшем при принятии Г.А. Зюганова на высоком уровне (предпочтение на выборах) наблюдается резкий спад в принятии В.В. Путина до значений значительно меньших первоначальных значений (-1149 по сравнительной весомости). Первоначальный совместный рост положительного отношения к двум политикам можно объяснить как появление у респондентов интереса к политике и политическим лидерам, в дальнейшем мы наблюдаем, как парламентские антиподы (власть и оппозиция) дистанцируются в восприятии молодых респондентов. При этом следует отметить, что независимый параметр – это принятие оппозиционного лидера (Г.А. Зюганова), т.е. высокий уровень положительного отношения к одному из лидеров оппозиции способствует крайне резкому падению отношения к представителю власти (В.В. Путину). Обратная зависимость крайне слабая (коэффициент силы связи 0.09), и отношение к В.В. Путину не формирует отношения к Г.А. Зюганову. Таким образом, эта зависимость с небольшим максимумом и общей убывающей тенденцией.

Следующая зависимость противоположного плана в сравнении с предыдущей. Это зависимость с минимумом и общей крайне значительной возрастающей динамикой при сравнении 1 и 3 триады независимого параметра.

Зависимость параметра «Отношение к В.В. Жириновскому (Y)» от параметра «Отношение к С.М. Миронову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -111); X–2 (Y= -652); X–3 (Y= +1146)
Коэффициент силы связи = 0.68 (0.20)
Коэффициент корреляции = 0.14.

В рассматриваемой зависимости на первом этапе с увеличением принятия С.М. Миронова (переход с 1 триады на 2 триаду) наблюдается достаточно значительный спад (с -111 до -652 по сравнительной весомости) принятия В.В. Жириновского. Но в дальнейшем картина резко меняется и высокий уровень отношения к С.М. Миронову является причиной принятия и В.В.Жириновского (+1146 по сравнительной весомости). Обратная зависимость слабая и принятие лидера ЛДПР не оказывает ощутимого влияния на принятие лидера «Справедливой России».

Таким образом, при слабом интересе к рассматриваемым политическим лидерам они антиподы в отношениях респондентов, но в дальнейшем в восприятии респондентов они объединяются (путь от принятия С.М. Миронова

к принятию В.В. Жириновского, но не наоборот) как представители оппозиции.

Перейдем теперь к рассмотрению проблемы формирования интереса к политической фигуре А.А. Навального. Отношение к А.А. Навальному одинаково зависит от принятия как представителя власти (Д.А. Медведева), так и разноплановых представителей многолетней парламентской оппозиции (В.В. Жириновский и Г.А. Зюганов). Обратные зависимости слабые, т.е. принятие А.А. Навального не оказывает заметного влияния на формирование отношений к лидерам различных парламентских партий.

Сила связи наибольшая для принятия В.В. Жириновского (0.94), наименьшая для принятия Д.А. Медведева.

1. Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к Д.А. Медведеву (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -107); X–2 (Y= +970); X–3 (Y= +45)
Коэффициент силы связи = 0.59 (0.19)
Коэффициент корреляции = 0.11.

Положительное отношение к А.А. Навальному увеличивается по сравнительной весомости (с -107 до +970) при увеличении принятия Д.А. Медведева на начальном этапе (при переходе с низкого уровня на средний). В дальнейшем при принятии Д.А. Медведева на высоком уровне (предпочтение на выборах) наблюдается резкий спад в принятии А.А. Навального до значений близких к первоначальным значениям (+45 по сравнительной весомости). Первоначальный совместный рост положительного отношения к двум политикам можно как и раньше объяснить как появление у респондентов интереса к политике и политическим лидерам, а в дальнейшем мы наблюдаем, как властные и площадные антиподы (власть и непарламентская оппозиция) дистанцируются в восприятии молодых респондентов. При этом следует отметить, что зависимый параметр в этом случае, как и в следующих двух зависимостях, – это принятие непарламентского оппозиционного лидера (А.А. Навального), т.е. высокий уровень положительного отношения к лидеру одной из парламентских партий способствует крайне резкому падению отношения к представителю неформальной оппозиции А.А. Навальному. Обратная зависимость слабая (коэффициент силы связи 0.11), и отношение к А.А. Навальному не формирует отношения к представителю власти Д.А. Медведеву.

Таким образом, эта зависимость с практически симметричным максимумом. Для зависимостей с максимумом характерной особенностью является резкий спад зависимой переменной после первого этапа совместного увеличения зависимой и независимой переменных. Таким образом, максимальные значения зависимая переменная принимает при средних значениях независимой

переменной. Это можно характеризовать как эффект **насыщения** и резкого изменения (бифуркации) складывающейся поначалу простой и легко интерпретируемой зависимости, когда линейные аппроксимации могут привести к упрощенному и ошибочному пониманию изучаемого явления.

Аналогичные по форме зависимости наблюдаются и для двух других независимых параметров, характеризующих отношения респондентов к лидерам двух парламентских (оппозиционных) партий: В.В. Жириновскому и Г.А. Зюганову.

2. Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к В.В. Жириновскому (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -735); X–2 (Y= +899); X–3 (Y= -726)
Коэффициент силы связи = 0.95 (0.04)
Коэффициент корреляции = 0.07.

3. Зависимость параметра «Отношение к А.А. Навальному (Y)» от параметра «Отношение к Г.А. Зюганову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -891); X–2 (Y= +778); X–3 (Y= -48)
Коэффициент силы связи = 0.73 (0.14)
Коэффициент корреляции = 0.28.

II. Отношение к гражданскому браку в нелинейной структуре политических предпочтений студентов

Рассмотрим вначале три зависимости параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений» от трех других разноплановых параметров. Все три зависимости – это зависимости с максимумом, когда совместный рост двух параметров сменяется в точке бифуркации на убывание зависимого параметра. Это типичные нелинейной модели, представляющие интерес в рамках синергетических представлений.

1. Зависимость параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (Y)» от параметра «Отношение к партии КПРФ (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -292); X–2 (Y= +607); X–3 (Y= -608)
Коэффициент силы связи = 0.62 (0.19)
Коэффициент корреляции = -0.08.

Переход с низкого уровня принятия КПРФ на средний уровень способствует росту параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений» (с -292 до +607 по сравнительной весомости), но дальнейший рост принятия КПРФ (высокий уровень) способствует формированию противоположной тенденции – неприемлемости гражданского брака как формы отношений (до -608 по сравнительной весомости).

Похожая зависимость (только в задаче для кварт независимой переменной) выявлена и для политика другого толка – А.А. Навального.

2. Зависимость параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (Y)» от параметра «Отношение к А.А. Навальному (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X–1 (Y= -283); X–2 (Y= +533); X–3 (Y= +122); X–4 (Y= -973)
Коэффициент силы связи = 0.51 (0.11)
Коэффициент корреляции = 0.07.

Тот же вид зависимости обнаруживаем и для независимого параметра «Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении».

3. Зависимость параметра «Приемлемость гражданского брака как формы отношений (Y)» от параметра «Участие в обсуждении политических вопросов в своем окружении (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= +53); X–2 (Y= +844); X–3 (Y= -400)
Коэффициент силы связи = 0.59 (0.17)
Коэффициент корреляции = -0.14.

Мы обнаруживаем максимальные оценки приемлемости гражданского брака как формы отношений для средних значений участия в обсуждении политических вопросов в своем окружении.

А вот необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка, как следующий этап в отношениях, уже по-разному определяется политическими предпочтениями респондентов. Рассмотрим три выявленных сильных связи для этого параметра.

1. Зависимость параметра «Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка (Y)» от параметра «Отношение к партии КПРФ (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для триад по шкале X:

X–1 (Y= -37); X–2 (Y= -475); X–3 (Y= +1044)
Коэффициент силы связи = 0.57 (0.25)
Коэффициент корреляции = 0.10.

Сторонники КПРФ высокого уровня принятия партии однозначно определяются по вопросу: брак в случае рождения ребенка необходимо регистрировать (сравнительная весомость = +1044).

Аналогичная картина наблюдается и для отношения к одному из лидеров парламентской оппозиции С.М. Миронову, но с еще более значимым значением сравнительной весомости (+1585) для 3 триады независимой переменной «Отношение к С.М. Миронову».

2. Зависимость параметра «Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка (Y)» от параметра «Отношение к С.М. Миронову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X–1 (Y= +126); X–2 (Y= -415); X–3 (Y= -26); X–4 (Y= +1585)
Коэффициент силы связи = 0.55 (0.39)
Коэффициент корреляции = 0.05.

А вот третья из рассматриваемых в этом сегменте зависимостей имеет совершенно другую форму и интерпретацию. Максимум зависимого параметра наблюдается для первого среднего уровня независимой переменной «Отношение к М.Д. Прохорову». Респонденты (порядка 50%), принимающих М.Д.Прохорова (второй средний и высокий уровни) не особенно полагают, что в случае рождения ребенка необходима регистрация брака (сравнительные весомости -246, +371).

3. Зависимость параметра «Необходимость регистрации брака в случае рождения ребенка Y» от параметра «Отношение к М.Д. Прохорову (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X–1 (Y= +303); X–2 (Y= +1593); X–3 (Y= -246); X–4 (Y= +371)
Коэффициент силы связи = 0.82 (0.25)
Коэффициент корреляции = -0.02.

В заключение второго блока зависимостей приведем две зависимости, в которых параметры отношения к гражданскому браку влияют на параметры удовлетворенности работой властных институтов.

1. Зависимость параметра «Удовлетворенность работой Президента РФ В.В. Путина (Y)» от параметра «Отношение к гражданскому браку (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X–1 (Y= +129); X–2 (Y= -1028); X–3 (Y= +74); X–4 (Y= +653)
Коэффициент силы связи = 0.62 (0.08)
Коэффициент корреляции = 0.09.

Принятие гражданского брака в нашей аналитике можно рассматривать как причину удовлетворенности работой Президента (сила обратной связи близка к нулю 0.08). На второй кварте независимого параметра «Отношение к гражданскому браку» наблюдается минимум удовлетворенности работой Президента (сравнительная весомость = -1028). Но в дальнейшем рост зависимого параметра достигает наибольших значений (+653).

2. Зависимость параметра «Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ (Y)» от параметра «Возможность рождения ребенка в гражданском браке (X)» в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X–1 (Y= -74); X–2 (Y= +317); X–3 (Y= -765); X–4 (Y= +1226)
Коэффициент силы связи = 0.75 (0.31)
Коэффициент корреляции = 0.03.

Данная зависимость похожа на предыдущую. Только минимум теперь наблюдается на третьей кварте независимого параметра (сравнительная весомость = -765), а наибольшие значения на четвертой кварте почти в 2 раза больше, чем в предыдущей зависимости (+1226).

Полученные результаты позволяют говорить о содержательности выдвинутой проблемы для социологического исследования: анализ взаимовлияния мнений студентов о феномене «гражданского брака» и их политических предпочтений и установок.

Но при этом **главным содержанием** такого исследования в плане связей изучаемых параметров становятся зависимости, которые не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. **Нелинейная социология** – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Список литературы

1. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. с. 432.

2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128–157.

3. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.

4. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.

5. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142–158.

6. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – № 3 (специальный выпуск). – С. 54–57.

7. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы “Развитие” // Мир психологии. – 2007. – № 2. – С. 83–93.

8. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – № 3 (специальный выпуск). – С. 57–61.

9. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140–155.

10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – № 2. – С. 209–222.

11. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. С. 240.

12. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185p.

13. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

15. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.

16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

17. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. Berlin: Springer-Verlag, 1994. – P. 13.

Spisok literatury

1. Basimov M.M. Izuchenie statisticheskikh svyazeyj v psikhologicheskikh issledovaniyakh: Monografiya. Moskva-Voronezh, 2008. S. 432.

2. Basimov M.M. Metodih mnozhestvennogo sravneniya v psikhologicheskikh issledovaniyakh // Metodih issledovaniya psikhologicheskikh struktur i ikh dinamiki. Vihpusk 3. M.: Izd-vo IP RAN, 2005. – S. 128–157.

3. Basimov M.M. Mnozhestvennoe sravnenie v sociologicheskikh issledovaniyakh: Monografiya. Kurgan: Kurganskiyj gosudarstvennihyj universitet, 2012. – 224 s.

4. Basimov M.M. Nelineyjnaya sociologiya: Monografiya. – Kurgan: Kurganskiyj gosudarstvennihyj universitet, 2012. – 120 s.

5. Basimov M.M. Psikhologicheskaya tipologizaciya starsheklassnikov (starshikh podrostkov i yunosheyj) po faktoru uspevaemosti v shkolakh novogo tipa // Mir psikhologii. – 2007. – №4. – S. 142–158.

6. Basimov M.M. Trebovaniya k professii kak objhekt sinergetiki // Akmeologiya, Nauchno-prakticheskiyj zhurnal. – 2011. – № 3 (specialjnihyj vihpusk). – S. 54–57.

7. Basimov M.M. Uchet nelineyjnihkh svyazeyj pri osvoenii doshkoljnikami programmih “Razvitie” // Mir psikhologii. – 2007. – № 2. – S. 83–93.

8. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Issledovanie stressa v nelineyjnoyj psikhologii // Akmeologiya, Nauchno-prakticheskiyj zhurnal. – 2011. – № 3 (specialjnihyj vihpusk). – S. 57–61.

9. Basimov M.M., Khromov A.B. Aktualjnihe zhiznennihe problemih v ocenkakh studentov Rossii, Indii i SShA // Uchenihe zapiski RGSU. – 2010. – N2. – S. 140–155.

10. Basimov M.M., Khromov A.B. Tipologiya zavisimosteyj mezhdu parametrami otnosheniyj k zhiznennihm trudnostyam i problemam v razlichnihkh ehtnicheskikh gruppakh // Mir psikhologii. – 2009. – № 2. – S. 209–222.

11. Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P. Osnovaniya sinergetiki. Sinergeticheskoe mirovidenie. M.: KomKniga, 2005. S. 240.

12. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.

13. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.

14. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.

15. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988–989.

16. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociologcal Association (Torino, 28–31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.

17. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Complex Dynamics of Matter, Mind, and Mankind. Berlin: Springer-Verlag, 1994. – P. 13.

Т.Ю. Кирилина,
доктор социологических наук, профессор кафедры социологии социальной сферы,
Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: kirilina_t@rambler.ru

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *настоящая статья посвящена анализу характерных черт развития отечественной социологии морали на современном этапе в контексте развития отечественной социологии. Приводятся данные авторского исследования. Рассматриваются важнейшие проблемы и перспективы развития данного научного направления в нашей стране*.

Ключевые слова: *социология морали, моральная атмосфера российского общества, нравственные ценности*.

Теоретические области, находящиеся на стыке различных научных дисциплин, в том числе и социология морали, возникшая в процессе взаимодействия социологии и этики, являются наиболее сложными для исследований, но вместе с тем и наиболее многообещающими в творческом, эвристическом плане. На протяжении десятилетий социология и этика не имели в нашей стране необходимых условий для нормального развития, что отозвалось существенными потерями для обеих наук. Необходимо учитывать «российскую специфику» развития социологии, состоящую в том, что по меньшей мере четверть века в условиях сталинского режима социология в СССР находилась под запретом. Тем не менее социология морали развивалась в неразрывном единстве со всей отечественной социологией.

В становлении отечественной социологии морали, на наш взгляд, целесообразно выделить несколько основных этапов:

1) с 1860-х гг. до конца 1920-х гг.;
2) с начала 1930-х гг. до конца 1950-х гг.;
3) с начала 1960-х гг. до конца 1980-х гг.;
4) с конца 1980-х гг. до настоящего времени [8].

Обратимся к основным чертам четвертого, современного этапа, начало которого оказалось связанным в первую очередь с осуществлением в стране

горбачевской «перестройки». Конец 80-х гг. прошлого века ознаменовался ослаблением партийно-идеологического прессинга и некоторой, еще весьма относительной свободой творчества в социально-гуманитарных науках. В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества». Впервые на партийно-государственном уровне было заявлено о полной самостоятельности социологической науки, что выразилось в отделении ее от философии и признании необходимости активного развития теоретической социологии. В системе общественных наук социология заняла свое достойное и равное с другими науками место. Реабилитация социологии как науки способствовала развитию различных отраслей социологического знания, в том числе и социологии морали.

Отечественные социологи обратились к проблеме изменений, происходящих в нравственном сознании россиян под влиянием перестройки. Кафедра идеологической работы АОН при ЦК КПСС провела в 1987 г. всесоюзное социологическое исследование «Нравственное сознание: состояние и изменения под влиянием перестройки и обновления общественной жизни», основной целью которого стало выявление реального состояния нравственного сознания советских людей в трудовых коллективах разных сфер жизнедеятельности нашего общества. Важнейшая задача исследования заключалась в изучении эффективности нравственного воспитания подрастающего поколения, различных его средств, форм, методов, а также самовоспитания [16].

В целом материалы исследования продемонстрировали серьезные деформации нравственных основ жизни нашего общества, снижение уровня морального сознания, распространение социальной коррозии. Подавляющее большинство респондентов (82%), указали, что встречаются с недобросовестным отношением к труду и своим обязанностям, 67,6% – со стремлением взять больше, чем дать обществу, 68% – со злоупотреблением спиртными напитками; каждый второй отметил, что сталкивается с клеветой и наговорами и супружеской неверностью. Исследование также показало, что именно руководителей трудящиеся считают самыми «активными» носителями главного нравственного порока – разрыва между словом и делом [16].

При анализе основных компонентов морали эмпирическими методами у социологов возникали серьезные методологические проблемы. Мораль оказалась самой «неуловимой» формой социальной практики, наиболее трудно поддающейся изучению эмпирическими методами исследования. Ее слитность, нераздельность с различными общественными явлениями, «растворимость» в них явились причиной многих трудностей, которые сопровождали социологию морали с самого начала развития. В отличие от других специальных социологических теорий, таких как социология политики, социология

права, социология семьи, социология религии, изучающих институционализированные сферы деятельности, – социология морали исследует неинституционализированные отношения.

Многие ученые в СССР, а позже и в Российской Федерации отрицательно относились к возможности изучения морали в рамках социологии и к самому понятию «социология морали». Так, Г.С. Батыгин писал: «В самом понимании морали как социологического феномена заложен дуализм, делающий изучение социальных фактов неразрешимой задачей. С одной стороны, мораль является надындивидуальной реальностью и предстает как «вещь», отграниченная от свободного волеизъявления. С другой – моральное действие возможно только как действие трансцедентального «Я» [3, с. 6]. В понимании Г.С. Батыгина социология морали в состоянии только вести каталог отклонений от того, что считается нормой.

В большинстве социологических словарей и энциклопедий социология морали не получила официального статуса, отсутствуют статьи, посвященные социологии морали, хотя другим отраслям социологического знания в них уделяется достаточно внимания. Но даже в тех немногочисленных справочных изданиях, где встречаются статьи, посвященные социологии морали, зачастую подчеркивается спорный характер данной научной дисциплины. В «Российской социологической энциклопедии», изданной в 1998 году под редакцией академика РАН Г.В. Осипова, отмечалось, что социология морали, «…в отличие от социологии науки, религии, искусства, образования и т.п., не является еще четко обозначенной областью научного знания. Дискуссионны ее предмет, методы и междисциплинарные отношения с этикой, историей нравов и т.п.» [19, с. 509].

Вместе с тем были изданы словари, включающие термин «социология морали» и соответственно признававшие эту научную отрасль, но определявшие ее по-разному. Например, в словаре «Современная западная социология» (1990) социология морали определялась как «…отрасль социологии, исследующая эмпирическими методами социальные аспекты морали» [20, с. 199]. В «Социологическом энциклопедическом русско-английском словаре» 2004 года издания С.А. Кравченко трактовал социологию морали как «отраслевую социологию, изучающую нравственные ценности и нормы, их функционирование, механизм социальных санкций» [11, с. 401].

В издании «Социология. Энциклопедический словарь» (2005) В.А. Бачинин определил социологию морали как теорию среднего уровня, привлекающую исследовательские, познавательно-аналитические резервы социологии для изучения моральных феноменов. В современных отечественных исследованиях, отмечал он, «…данная проблемная область предстает как один из наиболее темных и непроработанных разделов социологии, где масса неразрешенных вопросов многократно превосходит число удовлетворительных решений» [4, с. 206–207]. В.А. Бачинин сделал вывод, что социология морали как полномасштабная теория, способная добывать добротную информацию о моральном состоянии социума и его составных частей, находится пока еще в стадии становления. Ученый объяснил подобное замедленное развитие социологии морали внеинституциональной природой морали, что отличает ее от других форм культуры и существенно затрудняет применение социологических средств к ее анализу.

Социологии морали посвящена глава 4 в учебнике «Прикладная этика», где определение дается из словаря «Современная западная социология» [15]. При этом автор учебника В.Н. Назаров тут же отметил, что такого рода определение «…нуждается в уточнении, продиктованном методологическим кризисом современной социологии морали, которая имеет репутацию наиболее проблематичного вида социологического знания» [15, с. 92].

В последние десятилетия проблемы развития социологии морали нашли свое отражение в диссертационных работах В.А. Бачинина («Социоморальное противоречие как философско-социологическая проблема. (Методологические основания социологии морали)»), С.П. Парамоновой («Динамика морального сознания»), Т.Ю. Кирилиной («Становление социологии морали: социолого-исторический анализ») [5; 18; 8]. В наши дни проблемы социологии морали исследуют также В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.М. Соколов, Т.Ю. Кирилина и другие ученые. [2; 21; 22; 23; 7; 8].

В 2013 году вышел в свет учебник «Социология морали» – первый в отечественной учебной литературе по этому предмету. В нем рассматриваются объект, предмет, методы социологического исследования морали, а также история становления и развития социологии морали как социологической отрасли. Большое внимание уделяется раскрытию структуры социологии морали как специальной социологической теории, ее места и функций в системе современного научного знания [7].

Несмотря на скептическое или даже негативное отношение к социологии морали как к науке, проблемы морали и нравственности все чаще становились предметом социологических исследований в России. Предметом работы Т.М. Карахановой в 1997–1998 годах стала нравственная составляющая образа жизни российских горожан [17]. Респондентами выступили жители Пскова. В ходе данного исследования были получены крайне тревожные данные. Более ¾ горожан оказались неудовлетворенными нравственным состоянием российского общества (таб. 1). Крайне показателен тот факт, что ни одна горожанка, принимавшая участие в данном опросе, не высказала удовлетворение состоянием нравственности в нашей стране.

Таблица 1

Удовлетворенность городских жителей нравственным состоянием российского общества

(в % от числа ответивших)

Группа опрошенных	Вполне удовлетворены	Отчасти удовлетворены, отчасти нет	Совсем не удовлетворены
Мужчины	1	20,2	78,8
Женщины	0	27,3	72,7

На постсоветском пространстве наблюдаются изменения социокультурной городской среды, в частности нарушается преемственность поколений в научно-производственной сфере, нивелируются культурно-исторические особенности регионов. Все это оказывает влияние на нравственную социализацию горожан [12].

Исследования показали, что, по мнению россиян, именно политика государства, а не личностные ориентиры и установки определяет моральную атмосферу российского общества. Так заявили 42% респондентов, причем мужчины уповают на политику государства в этом вопросе гораздо больше, чем женщины. Как видно из таблицы 2, лишь незначительная часть респондентов (0,7%) была убеждена, что нравственное состояние российского общества зависит от веры народа в Бога.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «От чего зависит, по Вашему мнению, нравственное состояние общества?»

(в % от числа ответивших)

Варианты ответов	Все ответившие	
	мужчины	женщины
От политики государства	51,6	34,6
От духовно-нравственного климата семьи	11,8	24,7
От веры в Бога	0,7	3,8
От воспитания отдельного человека и общего уровня культуры в обществе	1,3	0,6
От материального достатка каждого, уверенности в будущем	0,7	0,6

Исследования последних десятилетий, проведенные в рамках социологии морали, зафиксировали серьезные изменения нравственных ценностей людей. Почти вдвое снизилась, по сравнению с советским периодом, значимость для человека таких качеств, как социальная ориентированность труда, чувство долга, честность, принципиальность, и резко возросло значение личной инициативы, целеустремленности, материального благополучия и т.д. В целом, как подчеркивает В.М. Соколов, «нравственное сознание и поведение россиян сегодня характеризуется неустойчивостью и противоречивостью. В них переплетены как позитивные перемены в сторону свободы и развития социальной инициативы, так и апатия, пассивность, неудовлетворенность своими силами. Проявляется это во всех социальных группах и слоях общества» [23, с. 87].

В последние десятилетия крупномасштабные исследования нравственных процессов проводятся Институтом социологии РАН. Репрезентативное общероссийское социологическое исследование «Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты» провел Институт социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Ф. Эберта в Российской Федерации в марте–апреле 2007 года. Социологическая анкета (формализованное интервью) включала две группы: *основную*, собственно молодежь в возрасте от 17 до 26 лет (всего опрошено 1796 человека), и *контрольную*, представляющую старшее поколение в возрасте от 40 до 60 лет (всего опрошено 655 человека). В рамках данного исследования изучались духовно-нравственные ценности молодежи, проблемы формирования у молодежи этнической толерантности. В целом оно показало, что вынужденные приспосабливаться к постоянно меняющимся условиям жизни, многие россияне, особенно молодежь, заметно «преуспели» в искусстве обходить нормы, диктуемые им обществом и государством. Молодое поколение действительно несколько отстает от старшего по включенности в духовно-нравственный контекст жизни нашего общества, относясь ко многим вещам легче, без излишней рефлексии [14]. Однако традиционные ценности и смыслы, нормы обыденные, правила человеческого общежития по-прежнему актуальны для наших сограждан, в том числе для молодежи. По ряду вопросов позиция юных россиян достаточно близка к общепринятой, а по части норм семейных отношений они даже более требовательны, чем поколение «отцов» [14].

Молодежь традиционно гораздо более склонна надеяться на собственные силы и демонстрировать независимость от кого бы то ни было, в том числе и от государства. Однако в ситуации, когда общественная мораль переживает далеко не благополучные времена, основные надежды на ее укрепление молодежь связывает с российским государством (см. рис. 1). Причем чаще других к государству в этом вопросе апеллирует «старшая молодежь» в возрасте 24–26 лет (59% при 51% среди 17–19-летних опрошенных) и представители молодежи, проживающие в небольших городах и в сельской местности (58%–59% при 47% в мегаполисах**)** [14].

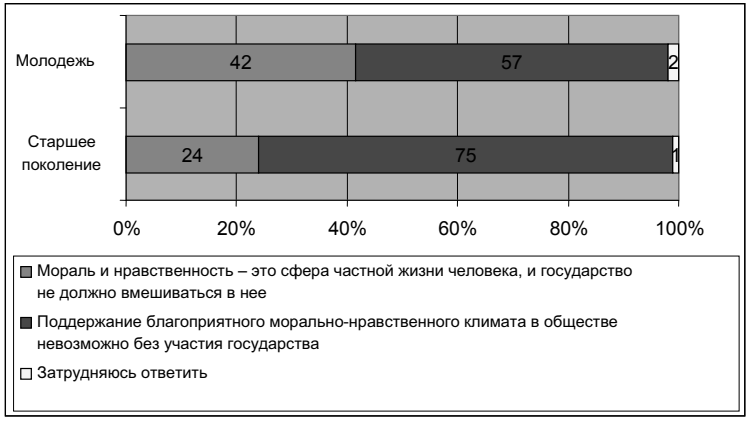

Рис. 1. **Суждения молодежи и представителей старшего поколения о роли государства в регулировании сферы морали и нравственности, %**

Изучению морального облика современного российского среднего класса посвящено исследование, проведенное институтом социологии РАН в 2007 году. В целом оно показало, что по большинству позиций установки молодых представителей среднего класса уступают установкам представителей среднего класса старших поколений, особенно 50-летних и старше. Таким образом, морально-нравственное отставание 30–40 летних представителей среднего класса, которым в 1990-е годы было 16–20 лет, особенно на фоне довольно успешного усвоения нормативного поведения более молодыми представителями среднего класса, наглядно демонстрирует, с одной стороны, особенности формирования среднего класса недавнего периода «дикого капитализма», когда ценности человека зачастую зависели от его нравственной «гибкости», а с другой – становление новых законов «респектабельных ценностей» [24].

Общероссийские исследования духовно-нравственной сферы, проводимые в последние годы, выявляют озабоченность и тревожность значительного числа россиян по поводу ослабления моральных устоев современного российского общества. Наши сограждане считают падение морали одной из самых больших потерь в результате реформ конца XX – начала XXI века. Крайне негативно оценивают россияне изменения в отношениях между людьми, отмечая нарастание агрессивности и цинизма и, напротив, ослабление таких качеств, как честность, доброжелательность, искренность и бескорыстие. Согласно исследованиям, проведенным Институтом социологии РАН в 2007 году,

это признают более половины молодежи (57%) и подавляющее большинство (75%) людей старшего возраста [14].

Социологический опрос, проведенный нами в январе 2013 года, с участием более 550 студентов Москвы и Подмосковья также свидетельствует о беспокойстве значительной части молодых людей по поводу ослабления моральных устоев современного российского общества [9]. В таблице 3 представлено распределение мнений респондентов относительно потерь российского общества в результате его качественных изменений в конце XX – начале XXI века. Каждый второй участник исследования (50,4%) отметил, что именно падение морали стало самой большой потерей для российского общества в результате реформ конца XX века – начала XXI века.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, стало самой большой потерей для российского общества в результате его качественных изменений в конце XX – начале XXI века?»

(укажите не более трех вариантов ответов)

(в % от числа опрошенных)

№ п/п	Потери российского общества	%
1	Падение морали	50,4
2	Рост агрессивности	45,1
3	Рост преступности	44,7
4	Снижение уровня жизни населения	41,6
5	Снижение престижа России на международной арене	**33**
6	Рост цинизма	30,9
7	Ослабление честности	30,4
8	Ослабление доброжелательности	26,5
9	Ослабление бескорыстности	17,8
10	Другой ответ	

Почти половина респондентов отнесли к наиболее серьезным потерям российского общества рост агрессивности – 45,1%, рост преступности – 44,7%. Уместно отметить, что рост преступности и агрессивности в современной России напрямую связан с нравственным кризисом, поразившим наше общество в конце XX века. Поэтому неудивительно, что около трети участников исследования (30,4%) отметили ослабление в нашем обществе честности, более четверти – доброжелательности (26,5%).

Серьезно задуматься о нравственном здоровье нашего общества заставляет также факт, что лишь 6,2% молодых людей, участвовавших в опросе, оце-

нили моральную атмосферу в современном российском обществе как положительную. Около половины респондентов (45,1%) считают, что моральную атмосферу в современном российском обществе можно оценить скорее как отрицательную, чем положительную (рис. 2). Более трети участников опроса (35,7%) уверены, что для выживания в современном обществе о нравственности нужно забыть. Значительная часть молодых респондентов (63,9%), убеждены, что в России бизнес и нравственность – понятия несовместимые. Таким образом, моральный облик российского общества и качество межличностных и деловых отношений являются сегодня «болевыми точками» молодежного сознания.

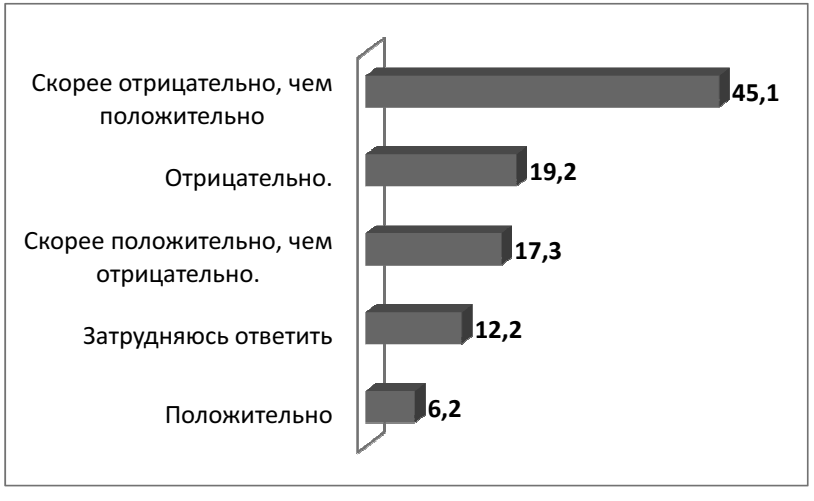

Рис. 2. **Оценка молодежью моральной атмосферы в современном российском обществе (%)**

Почти половина молодых респондентов (46,5%) солидарна с утверждением, что поддержание благоприятного морального климата в обществе невозможно без участия государства. Немногим более четверти участников опроса (28,6%) считают, что мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека, и государство не должно вмешиваться в нее.

Анализу духовно-нравственных отношений в российском обществе было посвящено исследование, проведенное ФОМ в декабре 2006 года [26]. Опрос, проходивший в 100 населенных пунктах России, показал следующее: на вопрос «Как Вам кажется, что такое духовность?» был получен очень широкий

спектр ответов. Четверть респондентов (25%) связывали понятие «духовность» с верой в Бога, религией, церковью; 21% опрошенных считали, что духовность – это совокупность положительных моральных качеств человека.

Аналогичное исследование, проведенное ФОМ в июле 2014 года, продемонстрировало, что сегодня в жизни нашего общества меньше духовности, чем было в советские годы. Так считают в целом 43% респондентов (табл. 4). Среди участников опроса с высшим образованием доля людей, убежденных, что в советское время духовности было больше, чем сегодня, составила 56%.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вам кажется, сегодня в жизни нашего общества больше или меньше духовности, чем было в советское время?» *(%)*

	2006 г.	2014 г.
Больше	23	25
Меньше	49	43
Затрудняюсь ответить	19	16

Исследование продемонстрировало, что за последние 8 лет все меньше россиян стали слышать слово «духовность». Почти десятая часть респондентов (9%) вообще не слышала слово «духовность» (табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы когда-либо слышали или никогда не слышали слово «духовность?» *(%)*

	2006 г.	2014 г.
Слышал(-а)	91	84
Не слышал(-а)	5	9
Затрудняюсь ответить	4	8

Поэтому неудивительно, что более трети россиян (37%) считают, что в последнее время уровень духовности в российском обществе снижается. В обратном убеждены менее трети участников опроса (30%). В то же время можно обнаружить некоторую положительную динамику в ответах респондентов в 2014 году по сравнению с 2006 годом. Если в 2006 году почти каждый второй опрошенный россиянин (45%) считал, что уровень духовности в жизни нашего общества снижается, то в 2014 г. более трети россиян (37%) оказались солидарны с данной точкой зрения (табл. 6).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы полагаете, в последние годы уровень духовности в жизни нашего общества растет или снижается?»

	2006 г.	2014 г.
Растет	28	30
Снижается	45	37
Затрудняюсь ответить	18	16

Около трети россиян (35%) считают, что уровень духовности в России выше, чем в странах Запада. Причем больше всего убеждены в этом жители Москвы (45%) и респонденты в возрасте 31–45 лет (36%). Меньше всего так считают россияне в возрасте 18–30 лет (22%).

На открытый вопрос «Как Вам кажется, что такое духовность?» получен очень широкий спектр ответов. 18% респондентов связали это понятие с верой в Бога, религиозностью, церковью. Для сравнения, в 2006 году так рассуждали значительно больше респондентов (25%). Каждый десятый участник опроса (10%) убежден, что «духовность» – это нравственность человека, его моральные устои, доброта, человечность, совестливость. Для 6% опрошенных «духовность» представляет собой внутренний мир человека, 4% респондентов ассоциируют духовность с умом, образованностью, культурой, воспитанностью. Для кого-то духовность – это положительные качества человека: чистота души, душевная гармония, любовь, надежда, вера во что-либо (3%); стремление к совершенствованию, развитие личности, самопознание, мировоззрение человека, его отношение к жизни (2%); традиции народа, верность традициям, патриотизм, бескорыстие, отсутствие меркантильности, сила духа, то, что связано с душой, духом (1%).

По мнению россиян, росту духовности в жизни нашего общества сегодня могло бы более всего способствовать: воспитание детей и молодежи (9%); вера в Бога, религиозное воспитание, восстановление и строительство храмов (8%); нравственное воспитание, приобщение к культуре, духовным ценностям (7%); школьное воспитание; изменение отношений между людьми, уменьшение власти денег; укрепление института семьи; введение цензуры в СМИ, изменение содержания передач; повышение уровня жизни людей; возрождение и укрепление национальных традиций, патриотическое воспитание; внимание государства к проблеме духовности [25].

Несмотря на то, что в православии духовность неразделимо связана с верой в Бога, почти половина православных респондентов (48%) считает, что и неверующий человек может быть высокодуховным (табл. 7). Аналогичной точки зрения придерживаются почти три четверти жителей Москвы (72%).

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос «Как вам кажется, может или не может быть высокодуховным неверующий человек?»

(%)

	Население в целом	Не считают себя верующими	Православные	Мусульмане	Жители Москвы
Может	47	52	48	30	72
Не может	25	9	28	40	15
Затрудняюсь ответить	12	14	11	9	6

Подводя итоги вышесказанного, можно сделать вывод, что социология морали в России развивается как самостоятельная наука, имеющая свой объект, предмет и методы исследования. Само по себе усвоение знаний о духовности, нравственности, морали, как правило, не способно совершить духовный переворот в человеке. Оно не может превратить нравственно испорченного человека в добродетельную личность. Но нравственное образование и воспитание могут укрепить человека в осознании своей правоты, помочь ему точнее сформулировать свои нормативные установки, найти верные решения, направить нравственный порыв человека в правильное русло. Насущной проблемой становится осознание и принятие общей моральной ответственности каждого человека за происходящее, что возможно только при полагании ее в основу смысложизненной установки [6]. Актуальность нравственного совершенствования в обществе и его научного анализа с помощью социологии морали становится самым востребованным императивом современности [12].

Перспективы и проблемы социологии морали обусловлены тем, что современный этап развития российского общества, сопровождающийся трансформацией всех сфер жизни, в том числе и института образования, процессами актуализации идеи гражданского общества оказывает влияние на характер социализации, формирования духовно-нравственных ценностей людей. В этих условиях научная система знаний о морали, опирающаяся на теоретико-методологические основы социологии морали, способна стать эффективным средством совершенствования нравственных отношений в обществе. Чрезвычайно актуальным становится мониторинг процессов, происходящих в нравственной системе общества, поэтому необходимо прослеживать динамику ценностных ориентаций в различных социальных группах [1, с. 64; 24, с. 28].

Социология морали как академическая дисциплина может оказывать заметное влияние на процесс нравственной социализации молодежи, а научный анализ социального феномена морали выступает предпосылкой выработки социальной политики, ориентированной на человека.

Список литературы

1. Архипова Т.Н. Актуальность применения инновационных методов в системе подготовки кадров индустрии моды и красоты // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. –2013. – № 1. С. 26–32.
2. Бакштановский В.И. Прикладная этика: рефлексивная биография направления. – Тюмень, 2007.
3. Батыгин Г.С. Как невозможна социология морали // Оправдание морали. – М., Тюмень, 2000.
4. Бачинин В.А. Социология. Энциклопедический словарь. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005.
5. Бачинин В.А. Социоморальное противоречие как философско-социологическая проблема (Методологические основания социологии морали): автореф. дис. … д-ра социол. наук. – Харьков, 1991.
6. Гайдабрус Н.В. Смысл жизни человека в условиях глобальных проблем современности: монография. – Пенза, 2011. – С. 104.
7. Кирилина Т.Ю. Социология морали. – М.: ИНФРА-М, 2013.
8. Кирилина Т.Ю. Становление социологии морали: социолого-исторический анализ: автореф. дис. … д-ра социол. наук. – М.: Изд-во РГСУ, 2009.
9. Кирилина Т.Ю, Бузмакова Т.И. Духовность и нравственность российской молодежи в социологическом измерении // Социальная политика и социология.– 2014. – № 3. – С. 169–183.
10. Ковалев В.Г. Общественно-историческое развитие: закономерный объективный процесс или сознательное творчество людей? // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2014. – № 8 (96).
11. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. – М.: Астрель, 2004.
12. Лапшинова К.В. Статусно-ролевые особенности российских наукоградов: дис. … канд. социол. наук. – М., 2010.
13. Минакова А.В., Сахневич И.В. Правовые основы участия волонтеров в строительстве социально значимых объектов // Правовые вопросы строительства. – 2014. – № 1. – С. 13–16.
14. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007.

15. Назаров В.Н. Прикладная этика: учебник. – М.: Гардарики, 2005.
16. Нравственное сознание: состояние и изменение под влиянием перестройки и обновления общественной жизни. – М.: АОН, 1988.
17. Образ жизни горожан в объективных и субъективных показателях / отв. ред. Т.М. Караханова. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2002.
18. Парамонова С.П. Динамика морального сознания: автореф. дис. … д-ра социол. наук. – Пермь: Изд-во Пермс. гос.тех. ун-та, 1997.
19. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: НОРМА–ИНФРА, 1998.
20. Современная западная социология: Словарь. – М.: Политиздат, 1990.
21. Согомонов А.Ю. Культурная асинхронность или «вывихнутое время» // Россия реформирующаяся: Ежегодник – 2004 / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Ин-т социологии РАН, 2004. С. 262–272.
22. Согомонов А.Ю. Прикладная этика как предмет морального выбора // Ведомости прикладной этики. 2012. – Вып. 40.
23. Соколов В.М. Социология морали – реальная или гипотетическая? // Социологические исследования. – 2004. – № 8.
24. Средний класс в современной России / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонов. – М., 2008.
25. Сучилин В.А., Архипова Т.Н. Адаптивная логика в образовательных и производственных технологиях // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2014. – № 1 (28). С. 61–65.
26. URL: http://www.fom.ru/TSennosti/11589.

Spisok literatury

1. Arhipova T.N. Aktual'nost' primeneniya innovacionnyh metodov v sisteme podgotovki kadrov industrii mody i krasoty / T.N. Arhipova // Vestnik associacii vuzov turizma i servisa. – M.: RGUTiS, 2013. – № 1. S. 26–32.
2. Bakshtanovskii V.I. Prikladnaya etika: refleksivnaya biografiya napravleniya. – Tyumen, 2007.
3. Batygin G.S. Kak nevozmozhna sotsiologiya morali // Opravdanie morali. – M., Tyumen, 2000.
4. Bachinin V.A. Sotsiologiya. Entsiklopedicheskii slovar. – SPb.: Izd-vo Mikhaylova V.A., 2005.
5. Bachinin V.A. Sotsoimoralnoe protivorechie kak filosofsko-sotsiologicheskaya problema. (Metodologicheskie osnovaniya sotsiologii morali)». Avtoref. dis. … d-ra sotsiol. nauk. – Kharkov, 1991.

6. Gaidabrus N.V. Smyisl zhizni cheloveka v usloviyah globalnyih problem sovremennosti: monografiya / N.V. Gaidabrus; Penzenskiy gosudarstvennyiy universitet arhitekturyi i stroitelstva. – Penza, 2011. S. 104.

7. Kirilina T.Yu. Sotsiologiya morali. – M.: INFRA-M, 2013.

8. Kirilina T.Yu. Stanovlenie sotsiologii morali: sotsiologo-istoricheskii analiz. – M.: MGUL, 2009.

9. Kirilina T.Yu., Buzmakova T.I. Dukhovnost I nravstvennost rossiyskoy molodezhi v sotsiologicheskom izmerenii // Sotsiflnaya politika i sotsiologiya. – 2014, №3. S. 169–183.

10. Kovalew V.G. Obchestvenno-istoricheskoe razwitie: zakonomernyi objektivnyi prozess ili soznatelnoe tvorchestvo lydei? / Uchenye zapiski Rossiskogo gosudarstvennogo sozialnogo universiteta. № 8 (96). – M.: RGSU, 2014.

11. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskii entsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar. – M.: 000 «Izdatelstvo Astrel», 2004.

12. Lapshinova K.V. Statusno-rolevie osobennosti rossiyskikh naukogradon: dis. … kand. sots. Nauk; Rossiyskiy gosudarstvenniy sotsialniy universitet. – Moskva, 2010.

13. Minakova A.V., Sakhnevich I.V. Pravovye osnovy uchastiya volonterov v stroitelstve sotsialno znachimykh obektov // Pravovye voprosy stroitelstva. – 2014. № 1. S. 13–16.

14. Molidyezh novoy Rossii: obraz zhizni I tsennostnye prioritety. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2007.

15. Nazarov V.N. Prikladnaya etika: Uchebnik. – M.: Gardariki, 2005.

16. Nravstvennoe soznanie: sostoyanie I izmenenie pod vliyaniem perestroika I obnovlrniya obshchestvennoy zhizni / Акad. Obshchestvennykh nauk pri TSK KPSS, kaf. Ideolog. raboty. – M.: AON, 1988.

17. Obraz zhizni gorozhan v obektivnykh b cubektivnykh / Otv. red. T.M. Karakhanova. – M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2002.

18. Paramonova S.P. Dinamika moralnigi soznaniya: avtoref. dis. … d-ra sotsiolo. nauk. – Perm: Izd-vo Perms. gos.tekh. un-ta, 1997.

19. Rossiyskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya. – M.: Izdatelskaya gruppa NORMA-INFRA, 1998.

20. Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar. – M.: Politizdat, 1990.

21. Sogomonov A.Yu. Kulturnaya asinkhronnost ili «vyvikhnutoe vremya» // Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik – 2004. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2004. S. 262–272.

22. Sogomonov A.Yu. Prikladnaya entsika kak predmet moralnogo vybora // Vedomosti prikladnoy etiki. Vyp. 40. – Tyumen: HII PE, 2012.

23. Sokolov V.M. Sotsiologiya morali: realnaya ili gipoteticheskaya?// Sotsiologicheskie issledovaniya, №8, 2004.

24. Sredniy klass v sovremennoy Rossii. – M.: Institut sotsiologii RAN, 2008.

25. Suchilin V.A., Arhipova T.N. Adaptivnaya logika v obrazovatel'nyh i proizvodstvennyh tekhnologiyah // Vestnik associacii vuzov turizma i servisa. – 2014. – № 1 (28). S. 61–65.

26. URL: http://www.fom.ru/TSennosti/11589.

Е.И. Ключко,
аспирантка, Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена, Москва.
E-mail: key-1@mail.ru

ВОЗДЕЙСТВИЕ ИНТЕРНЕТА НА НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ

Аннотация: *в статье рассматривается роль Интернета в формировании националистических настроений. Существует гипотеза, что Интернет, облегчая общение между людьми, уменьшает национализм. Согласно проведенному исследованию данная гипотеза не подтвердилась. Интернет является альтернативным методом коммуникации, но он не снимает проблему национализма*.

Ключевые слова: *национализм, национальная идентичность, Интернет.*

«Ненависть не существует,
пока ей не научились».
Г. Олпорт

Научные и культурные достижения последних десятилетий перевернули представление человечества о собственных возможностях. «Новая социальная форма – сетевое общество – распространяется по планете во всем многообразии своих разновидностей с демонстрацией существенных различий в том, что касается последствий этого процесса для жизни людей» [2, с. 315]. Информационное общество, по мнению В.А. Ядова, связано с постмодернистской идеологией, которая «исходит из постулата принципиального плюрализма культур, толерантности к особым интересам различных общностей» [7, с. 599].

Параллельно с глобализацией культуры, в результате которой происходит «превращение взаимодействия с представителями иных культур в рутинную практику, в часть повседневной жизни, через включение в повседневную культуру элементов инонациональных, "экзотических" локальных культур» [1, с. 74] наблюдается сохранение национальной дифференциации между людьми. Интернет соединяет представителей разных национальностей и культур в глобальную и многонациональную Сеть, но каждый пользователь находит

там свой собственный круг общения (например, ориентируясь на язык общения). «Существующие между нами профессиональные, общественные, этнические, половые, географические и культурные различия обусловливают самые разные последствия в отношениях каждого из нас с сетевым обществом» [2, с. 321].

Для выявления влияния Интернета на националистические настроения молодых людей был проведен опрос среди пользователей социальных сетей. Размер выборки составил 400 человек, при которой погрешность выборки составляет 5%. В исследовании приняли участие молодые люди обоего пола (200 юношей и 200 девушек) в возрасте до 30 лет. В ходе анкетирования удалось выявить с помощью шкал семантической дифференциации степень национальной напряженности у респондентов.

Респондентам предлагалось оценить свое отношение к национализму, а также свой интерес к культуре и истории, как своей нации, так и других народов. Большинство молодых людей 80% не разделяют «свою» и «чужую» культуру. Из них 74% опрошенных в равной степени интересуются культурой и своего, и других народов, а 6% заявили, что существующие национальные традиции, движения и их история для них не имеют значения. Для 5% респондентов достижения мировой культуры более значимы, чем национальные традиции своего народа, и только 15% от общего числа опрошенных молодых людей продемонстрировали этноцентризм, сказав, что история своей нации более значима для них.

На закрытый вопрос о чувстве гордости за принадлежность к собственной нации ответы распределились по четырехзначной шкале, где 1 – это «да», 2 – «скорее да», 3 – «скорее нет» и 4 – «нет». Результаты показали, что «да» ответило 40%, «скорее да» 40%, «скорее нет» 12%, а категорическое «нет» выбрали только 8%. Данная статистика показывает, что национальная идентичность занимает важное место в мировоззренческой картине мира у большого числа современных молодых людей, несмотря на то, что они проживают в глобальном мультикультурном обществе. Усиление интереса к нации, а значит национальной идентичности в последний год, подтверждается и статистикой поисковых запросов в поисковых системах Google и Яндекс, которая демонстрирует увеличение количества запросов со словами «нация» и «национализм».

Оценить деятельностные практики респондентов в Интернете был призван анализ ответов на вопрос о заинтересованности в информации, посвященной проблемам межнационального общения. 16% пользователей постоянно просматривают такие материалы, 54% делают это иногда, 27% не читают информации, связанной с нацией, а остальные затруднились ответить. Как видно из приведенной статистики, националистическая информация популярна в современном Интернет пространстве и легкодоступна для большинства

пользователей (70%), которые в качестве источника информации используются глобальную Сеть.

В интернет-пространстве с присущей ему свободой слова и плюрализмом мнений, идеи, разжигающие межнациональную вражду, находят сочувствующую аудиторию, а националистически настроенный человек – интересующие его материалы. В отличие от традиционных СМИ в Интернете новости имеют конкретных адресатов, поэтому контролировать (цензурировать) сетевую коммуникацию труднее.

В виртуальной Сети открытая демонстрация приверженности национальным ценностям, с одной стороны, способствует сохранению национальной идентичности, а с другой – обостряет проблему межнациональной нетерпимости, когда в виртуальном мире продолжается противопоставление «мы» и «они». Критерии, разъединяющие население в реальном мире, сохраняются и виртуальном пространстве и служат главным фактором для поиска единомышленников в Интернете, где происходит «развитие религиозных, культурных и этнических движений, переходящих национальные границы и сливающихся друг с другом» [5, с. 518].

Изучение социальных практик в Интернете показывает, что негативные явления и процессы, обусловленные национальными предрассудками и стереотипами, существовавшие до появления появление СМК (средств массовой коммуникации) остались, только приобрели новые формы. А.П. Назаретян исследователь, изучавший особенности массового поведения, описывает механизмы возникновения и распространения слухов в обществе в результате передачи «сведений <…> по каналам межличностного общения» [3, с. 68]. В современную эпоху Интернет объединяет функции и СМИ, и сетей межличностного общения, поэтому становится еще одним каналом циркуляции слухов с огромной аудиторией. После происшествий, вызывающих общественное внимание и всплеск националистических настроений можно наблюдать нагнетание информационного поля в социальных сетях и на форумах. Попытки нивелирования негативных последствий и локализации конфликта путем замалчивания ситуации в СМИ или игнорирования новостными интернет-ресурсами, только усиливают объем поисковых запросов в Сети, а значит, способствуют радикализации межнационального противостояния.

Наглядным подтверждением полученного результата служит аудитория информационных ресурсов националистического содержания. Будучи не только источником информации, но и предполагая обратную связь, виртуальная Сеть дает возможность проследить реакцию пользователя на размещенные материалы. Анализ популярных групп, в названии которых содержится либо само самоназвание нации, либо слово «нация», в одной из социальных сетей, показал определенные закономерности. По количеству гиперссылок, числу комментариев, одобрительных «лайков», а также по числу подписчиков лидируют группы, обсуждающие политические проблемы и этнические претензии или распространяющие юмор и сплетни, в сравнение с группами, посвященными традициям, языку и истории предков. Подтверждается мысль У. Эко, что только образованные люди, культурная элита могут правильно ориентироваться в информационном хаосе интернет-пространства, когда «перенасыщенность информацией приводит или к явной случайности отбора, или к сугубо квалифицированной селекции, которая по плечу <…> лишь высокообразованной элите» [6].

В эпоху Интернета появилась и новая элита: лидеры мнений, создатели пользующихся популярностью ресурсов (блогов, групп в социальных сетях), формируют информационный продукт, и для некоторых людей их мнение является определяющим. В любом обществе существует «неинтегрированный, колеблющийся человек, легко контролируемый лидерами и публицистами посредством внушений и сиюминутных призывов. Он увидит демонов там, куда поместит их утренняя газета. Будучи не уверен в собственных ценностях, он легко поддается демагогам и винит тех, кого полагается» [4, с. 83–84].

В отличие от традиционных СМИ, Интернет малоконтролируем и трудноуправляем, поэтому в руках опытных лидеров мнений он может стать опасным инструментом и причиной роста националистических настроений у молодежи. О возможной негативной роли Интернета в распространении «Вечного фашизма» с помощью качественного популизма предупреждает У. Эко, так как «телевидение или электронная сеть «Интернет», <…> способны представить эмоциональную реакцию отобранной группы граждан как “суждение народа”» [6].

Насколько реальный мир зависит от виртуального, и как часто межнациональный конфликт из сетевого становится уличным, можно предположить по проценту пользователей положительно ответивших на вопрос: «Вы когда-нибудь использовали Интернет для получения информации о народных сходах, национальных маршах, акциях протеста существующей национальной политике?». «Да, постоянно» – выбрали 12%, «да, иногда» – 34%, «нет» – 47%, 7% затруднились ответить. Получается, что для половины респондентов, Интернет – источник информации, побуждающий их к активной деятельности в реальном мире. Как показало исследование, идеи, высказанные в виртуальной Сети, могут трансформироваться в реальном мире в национальные выступления. Интернет способен нарушить национальный баланс в обществе.

Учитывая особенность интернет-коммуникации, а также способ поиска в нем информации (каждый пользователь сам с помощью поисковых систем формирует траекторию посещения страниц в виртуальной Сети), можно сделать вывод, что глобальная Сеть дифференцированно воздействует на на-

ционалистические настроения в обществе. А распространение гомогенных культурных ценностей в глобальном информационном потоке не ликвидировало существующие межнациональные противоречия, так как «на обширных просторах земли националистические течения набирают силу именно тогда, когда ставится под сомнение концепция национального государства во имя глобального или планетарного сознания» [5, с. 223].

Интернет эффективен как инструмент в исследовании степени межнациональных противоречий, он не является первоисточником националистических настроений и межнациональных конфликтов, но способен усилить их, привлекая внимание значительной аудитории, потенциально готовой к активным действиям в реальном мире. Для решения существующих межнациональных противоречий необходимо изучать социальные и политические факторы, предвосхищающие появление радикальных националистических настроений в обществе, а не устанавливать ограничение на доступ в Сети к конкретной информации.

Список литературы

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. – 96 с. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Culture/ivanov_virtual/ivanov_dv_virtualizatsiya_obschestva_11_obschestva.php.

2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеев; под ред. В. Харитонова. – Екатеринбург: У – Фактория, 2004. – 328 с.

3. Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные компании. – М.: Академия, 2005. – 160 с.

4. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.

5. Тоффлер Э. Третья волна – М.: АСТ, 2010. – 784 с.

6. Эко У. Вечный фашизм // Пять эссе на темы этики. – СПб.: Симпозиум, 2000. – URL: http://vbibl.ru/voennoe/7771/index.html.

7. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования идентичности личности // Психология самосознания: хрестоматия. – Самара: Бахрах-М, 2007. – 672 с.

Spisok literatury

1. Ivanov D.V. Virtualizatsiya obshchestva. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. – 96 s. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Culture/ivanov_virtual/ivanov_dv_virtualizatsiya_obschestva_11_obschestva.php.

2. Kastel's M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve / per. s angl. A. Matveev; pod red. V. Kharitonova. – Ekaterinburg: U – Faktoriya, 2004. – 328 s.

3. Nazaretyan A.P. Psikhologiya stikhiynogo massovogo povedeniya: Tolpa, slukhi, politicheskie i reklamnye kompanii. – M.: Akademiya, 2005. – 160 s.

4. Olport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. – M.: Smysl, 2002. – 462 s.

5. Toffler E. Tret'ya volna – M.: AST, 2010. – 784 s.

6. Eko U. Vechnyy fashizm // Pyat' esse na temy etiki. – SPb.: Simpozium, 2000. – URL: http://vbibl.ru/voennoe/7771/index.html.

7. Yadov V.A. Sotsial'nye i sotsial'no-psikhologicheskie mekhanizmy formirovaniya identichnosti lichnosti // Psikhologiya samosoznaniya: khrestomatiya. – Samara: Bakhrakh-M, 2007. – 672 s.

С.А. Кравченко,
доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН, заведующий кафедрой социологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет МИД РФ), Москва.
E-mail: sociol7@yandex.ru

ВЕХИ ДИНАМИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕМИРНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНГРЕССОВ)[1]

Аннотация: *рассматривается процесс весьма радикальных изменений в характере социологического знания, произошедших в сравнительно небольшой исторический период, начиная с 2002 г. (Австралия, Брисбан, XV Всемирный социологический конгресс) по 2014 г. (Япония, Йокогама, XVIII Всемирный социологический конгресс). Показывается, что социологическое знание, отражающее реалии «становящегося» (П. Штомпка), «текучего» (З. Бауман) социума, само всё более обретает качество рефлексивности, при этом в нем всё более увеличивается компонент «научного незнания» (У. Бек). При этом динамика знания обретает принципиально новый вектор: имеет место переход от простого аккумулирования знания через его парадигмальное развитие (Т. Кун) к усложняющемуся формированию сложного интегрального знания в контексте «стрелы времени» (И. Пригожин), предполагающей и эмерджентности, и реакции на «игру структур» (Ж. Деррида), и вместе с тем новые прочтения социологических классиков. Эти изменения востребовали адекватные типы социологического воображения, существенно отличающиеся от теории Ч.Р. Миллса, созданной в середине прошлого столетия. Также меняются взаимоотношения социологии с другими науками – осуществляется переход от обособления, спецификации предметной сферы к диалогу посредством «поворотов» к иному социальному, естественно-научному и гуманитарному знанию, у которого заимствуются как отдельные термины, так и концепции, которые в дальнейшем наполняются собственно социологическим содержанием. Раскрывается суть идеи нового социологического интегрализма, выдвинутая на Йокогамском конгрессе, которая в обозримом будущем может способствовать зарождению и становлению наднациональной, междисциплинарной социологии, теоретико-методологический инструментарий которой будет адекватен сложному социуму.*

Ключевые слова: *социологическое знание, социокультурная динамика, сложный социум, стрела времени, рефлексивность, повороты в социологии, новый интегрализм.*

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00112-а.

В настоящее время мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся социокультурной динамикой общества,* невиданными ранее эмерджентностями, бифуркациями, травмами, разрывами, парадоксами, «вдруг событиями» и «играми структур» (Ж. Деррида). Согласно постулату *стрелы времени*, обоснованному лауреатом Нобелевской премии И.Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи* и *ускоряющаяся динамика человеческих сообществ*. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы», – пишут И. Пригожин и И. Стенгерс [13, с. 265]. Ретроспективный взгляд на динамику социологического знания в XXI века, новации, выработанные на всемирных и европейских форумах, свидетельствуют, что *эффект стрелы времени следует распространить на динамику научного знания вообще и социологического знания в особенности*. Оно весьма быстро «устаревает» в контексте происходящих изменений в современном глоболокальном социуме. Соответственно, социология становится всё более *динамичной* и *рефлексивной* наукой.

XV Всемирный социологический конгресс, состоявшийся в Австралии, Брисбане, в 2002 году, ознаменовался прежде всего тем, что по сравнению с прошлым столетием развитие социологии пошло по пути резкого увеличения *разнообразных теоретико-методологических подходов* к исследованию общества, которое становилось все более динамичным. В связи с этим практически были оставлены попытки создания универсальной, всеобъемлющей социологической теории (в духе теорий К. Маркса, Э. Дюркгейма или Т. Парсонса), которая бы давала ответы на все или хотя бы большинство глобальных вызовов современности. Изменения в современных социальных реалиях, связанные с факторами их спонтанной активности, увеличения неопределенности, случайности, многовариантности и альтернативности, поставили под вопрос появление такой теории и вообще потребовали новых теоретико-методологических подходов, связанных не с поиском и обоснованием закономерностей общественного развития, а с *рефлексивным* отражением *становящихся* социальных реалий. По оценке П. Штомпки, нормой ныне является *становление* (becoming) социума, которое происходит в контексте сопутствующих социо-культурных *травм*. Им была предложена *теория социального*

становления, нацеленная на анализ «общества в действии» [19], на которую опирались многие участники форума. Показательна в этом плане прошедшая сессия: «Теории для чего? чего? для кого?» (председатель – П. Штомпка, который на том форуме был избран Президентом Всемирной социологической ассоциации).

Тогда же появились примечательные новации, связанные с *усложнением структуры знания и исследований*, *качественными изменениями в предмете*, который существенно расширяется: появились три новых исследовательских комитета – «Социокибернетика», «Социология профессиональных групп», «Социология детства». Также возникли новые тематические группы, среди которых: «Тело в социальных науках»; «Социология локально-глобальных отношений», включавшая проблематику «путешествия культур», Интернет как «транслокальная архитектура для диалога»; «Социология Холокоста»; «Социальный надзор в информационных обществах»; «Переосмысление цивилизационного анализа (в частности, Э. Тирикьян выступил с докладом: «Имеет ли "цивилизация" смысл после 11 сентября?».

Произошла *институализация феминистского направления* в социологии. Состоялись более двадцати сессий, среди которых «Женщины и социальное изменение», «Феминистское изучение мужчин и маскулинности», «Новые возможности феминистской активности», «Феминистские социологические парадигмы» и др. Весьма примечательно и то, что исследовательский комитет «Социологическая теория» провел специальную сессию «Феминистская теория вызовов социологической теории» [8].

Принципиально новый вклад в развитие социологического знания внесла **6-я Конференция Европейской социологической ассоциации,** состоявшаяся в 2003 году в Мурсии (Испания), которая проходила под девизом *«Стареющие общества, новая социология»*. В своем докладе Я. Сойсал, в то время Президент исполкома Европейской социологической ассоциации, призвала участников форума переосмыслить многие существовавшие социологические понятия, категории и стереотипы с учетом нарождающихся новых европейских реалий XXI века, которые будут значительно отличаться от нынешних *«стареющих»* обществ. Это означает, что уже нынешнее столетие ознаменует собой «старение» и «конец» Европы в структурно-функциональном плане. Соответственно, нужен новый мир социального знания, *новая социология*, которая *в условиях отсутствия строгих ценностных и нормативных данностей* смогла бы тем не менее прояснить общую картину перемен, выявить потенциал хаоса, диффузных процессов, а также возможные альтернативы развития [18, с. 7].

Отмечу три аспекта материалов форума, которые мне показались наиболее существенными, свидетельствующими о *«старении»* существующих обществ и,

соответственно, востребованности *качественно обновленного* социологического знания. Во-первых, возникает невиданная ранее *открытость* европейского социума. Суверенитет конкретного государства ставиться под вопрос ввиду того, что акторы из других стран начинают оказывать существенное воздействие на характер принятия судьбоносных политических и экономических решений; легитимность государства в общественном сознании европейцев подрывается; миграция населения обрела невиданные ранее масштабы, так что всё труднее определить «своих» и «чужих» жителей; сохранить «чистоту» национальной культуры, стабильность ценностей и норм становиться невозможным, а процессы глобализации неизбежно ведут к культурным травмам. Во-вторых, *масштабы эмерджентных эффектов* от деятельности акторов постоянно увеличиваются. В итоге социальные системы всё больше и больше утрачивают стабильность, отклоняются от равновесия – постоянно идет борьба за утверждение новых ценностей и стилей жизни. Очевиден рост неопределенностей и рисков, многие из которых вызваны тем, что отдельные *структуры и функции существующих обществ развиваются разными темпами*, вследствие чего утрачиваются связи между ними, а сами они травмируются. В третьих, *деятельность человека входит в противоречие с функционированием природы*. Презумпция коэволюции человечества и природы оказалась утопичной: эти системы развиваются по *разным законам*. Конфликт между ними усугубляется плюрализацией ценностей и норм и как следствие – отсутствием эффективных механизмов регулирующих эти взаимоотношения. В связи с этим возникла ответственность европейцев не только за свое *социальное будущее*, но и выбор *наиболее оптимального вектора социо-природного развития*. *Новая социология* призвана была этому содействовать. И действительно, социология XXI века становится не только наукой об обществах, но и наукой, изучающей проблемы *соразвития природы и обществ*. С тех пор буквально возник всплеск интереса к экологии, что породило целый ряд экологических направлений с принципиально новыми методологическими основаниями.

Следующей вехой в развитии мировой социологии стал **XVI Всемирный социологический конгресс**, состоявшийся в ЮАР, в Дурбане, в 2006 году. Выделю также три, на мой взгляд, наиболее существенных новаций. Во-первых, было констатировано *углубление процесса усложнения социокультурной динамики современного социума*, формы которого в значительной степени под влиянием глобализации стали развиваться *нелинейно, с разными скоростями и ритмами*. Не случайно, первая президентская сессия была посвящена теме «Разнообразие социального существования в глобализирующемся мире». Во-вторых, рельефно проявил себя фактор *интернационализации социологии, полицентричности*. Доминирование американской и европейской со-

циологии, несомненно, сохраняется. Большинство сессий возглавляли ученые из США и Европы. Однако и в других регионах мира появились и весьма активно развиваются социологические центры и школы, становящиеся *новыми, весьма значимыми социологическими акторами*. Они, естественно, не приемлют евроцентризм, имеют не только *специфический социум* для анализа, но и выработали во многом *свой теоретико-методологический инструментарий* в контексте того, что само содержание мирового, европейского центра и их периферий переосмысливается, что *касается и центров социологической науки*. В-третьих, нелинейная динамика социума, находящегося в разных темпомирах, естественно, не может не отразиться на развитие самой социологии, *которая обретает рефлексивный характер с отсутствием единого стержня развития*. Под натиском рефлексивных концепций *логоцентризм сдает свои позиции*, свидетельством чему стала критика линейного детерминизма, новые подходы к анализу причинности в социальной жизни, а также разработки нелинейной динамики в конкретных сферах жизнедеятельности. Вместе с тем это многогранный амбивалентный процесс: *сама социологическая наука становится фактором рефлексивности социума – она, войдя в общественный дискурс, может задавать то или иное направление его развития* [7].

8-я конференция Европейской социологической ассоциации, состоявшаяся в Великобритании, в Глазго, в 2007 году, несомненно, стала значимой вехой в развитие социологической науки, в определение ее перспективных тематических и теоретико-методологических направлений на ближайшие годы. Главная тема Конференции была посвящена проблемам социального существования европейцев в глобализирующемся мире, сущностной характеристикой которого становится усложняющаяся социо-культурная динамика, что порождает принципиально новые конфликты, касающиеся гражданства и гражданского общества, которые с силу своей сущностной инновационности *не могут быть адекватно проанализированы только с помощью существующего теоретико-методологического инструментария*. Показателен в этом плане заглавный пленарный доклад – «Конфликт, гражданство и гражданское общество: как возникающие социальные конфликты бросают вызов подходам в социальных науках», который сделала профессор Донателла Дела Порта, известный специалист в области изучения социальных движений, политического насилия и терроризма. В нем, в частности, отмечалось появление *принципиально новых форм социального протеста*, имеющих своеобразный *глобальный дискурс*, что буквально «потрясло некоторые доминирующие представления» о социальных движениях. Если ранее их основу составляли *институционализированные* коллективные акторы, то теперь им на смену, по ее мнению, приходит *«конвергенция разных типов акторов»*. Они порождают *новые* конфликты, которые «отражаются на концептуализации гражданства»; под вопрос также были поставлены прежние *концепции национальных границ*. Чтобы исследовать эти динамичные реалии, докладчик высказалась за «взаимообогащение различных теорий и методов», за так называемый *«здравый эклектизм»,* предполагающий использование «транснациональных достижений» социологов, а также новейших наработок из политической науки, антропологии, географии, истории и других наук [20, с. 33–34].

Особый интерес вызвало выступление Маргарет С. Арчер, как известно, разрабатывающей оригинальную теорию синтеза самоорганизующихся структур и акторов. Утверждающаяся глобализация, по ее мнению, *качественно меняет характер рефлексивности*. «Впервые в человеческой истории, – подчеркнула докладчик, – рефлексивный императив касается всех» и, кроме того, распространяется на принципиально новые реалии: жизненно важные структуры обретают траснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности посредством перехода от разнообразия до стимулирования еще большего разнообразия. Соответственно, европейское население не только противоборствует с «контекстуальной дискретностью», но вынуждено адаптировать свои умения и чаяния к постоянно возникающим инновациям, к открывающимся дополнительным сферам деятельности, что, по существу, ведет к радикальным изменениям жизнедеятельности людей. В итоге Арчер делает вывод: нынешняя трансформация рефлексивности, являющейся посредником между структурой и деятельностью акторов, ведет к «переопределению и переструктурированию конфликта, гражданственности и гражданского общества» [20, с. 36–37].

Во многом по-новому были интерпретированы конфликты, вызванные небывалыми ранее потоками мигрантов в Европу. Их природу социологи видят прежде всего в *ответной реакции локального социума на последствия глобализации*. Без глобализации не было бы такой *масштабной* и *дисфункциональной* социальной мобильности, выходящей за пределы границ конкретных государств. Значительную социальную основу этой мобильности составляют, по З. Бауману, «новые бродяги» как латентный продукт глобализации и глобального туризма [1]. Отсюда – многочисленные противостояния «Они»- и «Мы»-групп и, соответственно, появляются *«неонационализм»* и *«неонарциссизм»*, выливающиеся в новые конфликты, с которыми сталкиваются как коренные жители Европы, так и мигранты. Естественно, эти конфликты трансформируют характер гражданства и гражданского общества в Европе, что стало предметом изучении социологии XXI века [4].

Девиз **XVII Всемирного конгресса социологии**, состоявшегося в Швеции, в Гётеборге, в 2010 году, – *«Социология в движении»* – в целом определяет современное состояние науки как *весьма динамичное*. Однако этот тезис нуждается в принципиальной конкретизации. Традиционно развитие социологи-

ческого знания в целом мыслилось *линейное* – «старение» одних теорий и, соответственно, переход к новым парадигмам, более адекватно отражающим *ускоряющуюся* динамику социума, которые на определенное время становились *лидерами мировой социологической мысли*. Ныне же развитие социологического знания обрело *принципиально иной* вектор движения – к *сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов, в котором практически невозможно выделить главенствующую теорию, своего рода методологический центр, задающий характер и направление развития мировой социологической мысли. Нет и очевидно лидирующей темы исследования*. На мой взгляд, данная трансформация социологического теоретизирования обусловлена не столько *ускоряющейся*, сколько *усложняющейся* динамикой социума, который обретает такие новые качества как нелинейность, саморазвитие, рефлексивность и особенно – *диверсификация* социального пространства и времени. Если предыдущий конгресс был посвящена *одной* макро теме, то на этот было вынесено целых *пять* макро тем, представляющих собой актуальные проблемы, связанные сетевой логикой глоболокальных взаимодействий. Это следующие темы, вынесенные на президентскую сессию: 1) «Насилие и война» – прежние представления о возможности искоренения насилия и утверждения долговременного мира не выдержали испытание временем, что порождает принципиально новые вызовы социологическому знанию; 2) «Основы жизнедеятельности» – экологические проблемы, последствия климатических изменений, ограниченные ресурсы энергоносителей, продуктов питания и воды требуют нового концептуального осмысления; 3) «Миры различия» – евроцентристские и американоцентристские интеллектуальные традиции были поставлены под вопрос в контексте множественности модернов, постмодернов и глоболокального разнообразия; 4) «Действие и воображение» – социологи вынуждены находить ответы на вызовы растущей значимости симулятивных образов и смыслов в виртуальном мире; 5) «Религия и власть» – тема, привлекающая исследователей тем, что религиозный опыт, его артикуляция ныне все более используются для достижения прагматических политических целей [25, с. 17]. Подчеркну, здесь дело не в простом увеличении количества тем для главной дискуссии. Если посмотреть на эти темы под углом зрения их значимости для функционирования ныне существующих цивилизаций и культур, их динамики и возможного партнерства, то нельзя не видеть, что каждая тема представляет собой глоболокальную проблему, по существу находящуюся во взаимодействии с другими проблемами человечества в усложняющейся *динамичной сети* [10].

Организаторы **10-й Европейской социологической конференции,** состоявшейся в Швейцарии, в Женеве, в 2011 году, выдвинули в центр научных дискуссий проблематику *социальной турбулентности,* которая стала

знаменательной вехой в качественном приращении социологического знания. По существу социальная турбулентность предстала как атрибутивная черта современности, определяющая и направление основных жизненных траекторий европейцев, и природу современного капитализма. Вот характерная тематика пленарных сессий – «Социальная Европа под давлением», «Жизненные траектории в турбулентные времена», «Будущее капитализма», «Социология для турбулентных времен: взгляды со всего мира».

Меня особо привлекло выступление британского социолога Дж. Урри. Свой взгляд на социальные отношения в турбулентные времена и новое толкование предмета социологии ученый изложил не только в докладах на пленарной и тематической сессиях, но и в новой книге, издание которой было приурочено к 10 Конгрессу – «Климатическое изменение и общество». Подчеркну, *никогда прежде природные и материальные объекты не были предметным стержнем социологического знания*. «Я включаю в общество, – пишет социолог, – и, соответственно, в социологию как предмет анализа климатического изменения, и в более общем плане – мир объектов, технологий, машин и природных сред. Серьезная претензия, заявленная в ней, состоит в том, что социальный и физический/материальный миры чрезвычайно переплетены, и дихотомия между ними есть идеологический конструкт, который необходимо преодолеть… Я ратую за "ресурсный поворот" в социологии, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов» [21, с. 8, 16]. Идеи ресурсного поворота и посткарбонной социологии ученый развивает в контексте разработки представлений о сложном социуме, который виделся им как утверждение принципиально новых социальных структур эмерджентного толка, возникающих в результатов серии процессов, среди которых: быстрые и *неожиданные мобильности* людей, капиталов, информации в глобальном масштабе; увеличение сложности товаров и технологий, что выражается в содержащихся в них огромного числа *культурно гибридных компонентов*; имеет место невиданный ранее *синтез физического, биологического и социального*; возникают *необратимые процессы*, связанные с изменением климата; увеличивается роль фактора *научных сетей*, делающих появляющиеся инновационные технологии мобильными [22, 23]. Ныне все более востребованными становятся повороты в социологии [9].

Другим знаменательным событием для качественного развития социологического знания стала специальная сессия, возглавляемая известным рискологом Дж. Зинном, «Общество риска – 25 лет спустя», имея ввиду теорию Ульриха Бека. Примечательно, что сам Бек в новой книге, изданной на немецком языке в 2007 году, а на английском – в 2010 году (по существу, к данной конференции) предложил *принципиально новаторскую* теорию *«мирового*

общества риска», подчеркивая, что «категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает *общество риска*», что, по его словам, востребовало «введение и развитие целых серий концептуальных инноваций» [16, с. 9]. Приведем лишь два примера этих инноваций: 1. «теория мирового общества риска обосновывает различие между старыми и новыми рисками». Последние обладают тремя характерными чертами: они – 1) «делокализированы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчисляемы» (ибо «включают "гипотетические" риски, основанные на научно обобщенном незнании и нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение» или «необратимые интервенции в существование человека», вызванные генетическим воздействием) [16, с. 52]. 2. Возрастает роль фактора *незнания*. «Мировое общество риска является обществом незнания в самом прямом смысле. В противоположность домодерновой эры оно не может быть преодолено бóльшим и лучшим знанием, бóльшей или лучшей наукой; скорее, как раз наоборот: оно – продукт бóльшей и лучшей науки. Незнание правит в мировом обществе риска. Так, жить в среде созданного незнания означает искать неизвестные ответы на вопросы, которые никто не может ясно сформулировать» [16, с. 115]. Полагаю, что отныне надо иметь в виду сложную диалектику социологического знания и незнания [5].

11-я Европейская социологическая конференция (Италия, г. Турин, 2013 год) проходила под девизом: *«Кризис, Критика и Изменение»*. Организаторы форума выдвинули в центр научных дискуссий проблематику современного глобального *кризиса,* имея в виду, что он побуждает к *критическому пересмотру* существующего социологического знания и *выработке новых, более валидных подходов, оригинального теоретико-методологического инструментария*, позволяющего довольно адекватно определить вектор происходящих в мире *изменений*. Председатель программного комитета Конференции Франк Уэлз отметил: «Современный кризис многолик. Это не только долговой, но также политический и социальный кризис… Что стоит за кризисом? Действуют два процесса. Первый, происходила системная трансформация, обусловившая смещение власти от общества в частный сектор и адаптирование государства к потребностям капиталистических рынков. Второй, распространение критики по жизненно важным вопросам. Подумайте об углублении существующих разногласий. Протестные акции «оккупируй», социальное восстание в период Арабской Весны, беспокойство в Греции, недовольство в других европейских странах – всё это свидетельствует о реконфигурации связи между кризисом и критикой» [24]. Становится фактом, что людям приходится учиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка,

общепризнанных традиций и авторитетов, что касается и теоретического инструментария, ранее исправно служившего многие годы.

Взятые вместе эти сложные процессы с неизбежностью востребовали *принципиально новые рефлексии относительно существующего социологического знания*. По моему убеждению, новые рефлексии обусловлены прежде всего *стрелой времени*: научное знание не только все быстрее устаревает, но и качественно усложняется его динамика. В свое время П.А. Сорокин отмечал «недолговечность» теоретического инструментария социологической науки: «Еще сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается» [14, с. 471]. Т. Кун, принимая во внимание ускоряющиеся изменения, обосновал тип *научной рефлексии* в виде *революций в знании*, поставив под вопрос традиционные представления о развитии наук по пути линейного его накопления [12]. Ныне же в контексте стрелы времени ситуация радикально изменяется, динамика вызовов знанию становится все более ускоряющейся и сложной, чем это было даже сравнительно недавно – во времена П.А. Сорокина и Т. Куна: 1) научная революция, по существу, обрела *перманентный* характер, из чего следует одновременное сосуществование *целого ряда* парадигм; 2) сам плюрализм парадигм, их *короткоживучесть* практически исключает доминирование одной из них, что особо отмечал Кун; 3) в научное знание вошло *научное незнание*, из чего следует, что одной из сущностных характеристик современного социологического знания – *парадоксальное сочетание самого разного знания и незнания*. Это принципиально новый вызов и для развития наук, и для их представителей. Современный ученый-социолог поставлен в условия творчества, когда постоянно *необходимо выбирать знания из разного знания и незнания,* просто *нельзя не выбирать* с учетом фактора немедленного или отложенного риска оказаться на периферии своего научного поля. Более того, *возникает ситуация одновременного существования в одном пространстве разновременных социальных и научных реалий, относящихся к разным темпомирам*, что, естественно, порождает принципиально новые выборы и валидности того или иного теоретико-методологического инструментария для научных акторов [11]. Даже незначительные научные воздействия в виде «эффекта бабочки» приводят к быстрым и радикальным изменениям в самых разных исследовательских полях, что обретает характер вызовов. При этом могут возникать такие деформированные формы существования общественного и научного сознания, как неверие, разочарование, апатия, отторжение пропагандируемых ценностей, отчуждение людей от идеалов и самих себя [15, с. 123–124].

В целом же, на мой взгляд, как общественное, так и научное сознание россиян трудно адаптируется к восприятию усложняющегося социума. Тому есть ряд причин. В советское время утверждались идеи предопределенности

прогрессивного общественного развития сообразно «объективным» законам истории, что в принципе «исключало» возможность существенных неопределенностей для «социалистического пути развития». Осознанно или нет, формировалось *позитивистское мышление*, которое ныне преодолевается.

Современный глобальный кризис также позволяет *преодолеть «детскую болезнь» романтизма*, характерную для периода становления социологии как самостоятельной науки. Представители классической и даже новой социологии были убеждены в возможностях практически безграничного улучшения социальной жизни. Предстоит иначе посмотреть и на постулат о «всесилие» научного знания. Полагаю, сегодня крайне важно не преступить грань хаоса в осуществлении научных и технологических инноваций, столь необходимых для модернизации России. Для этого нужна качественно иная, чем мы имели прежде, их научная и общественная экспертиза, включающая представителей *естественных, социальных и гуманитарных наук* [6].

Наконец, о **XVIII Всемирном социологическом конгрессе**, проходившем в Японии, в Йокогаме, в 1914 году под девизом: *«Сталкиваясь с неравным миром: вызовы глобальной социологии»*. Прежде всего отмечу то, что на нем качественное приращение социологического знания вырабатывалось за счет того, что в центр научных дискуссий были выдвинуты проблемы *современных социокультурных неравенств,* которые становятся иными, более сложными, чем были даже несколько десятилетий назад. Особое внимание уделялось анализу их *побочных эффектов*, не ограничивающихся локальным пространственно-временным контекстом, а, как правило, имеющих глобальный характер. Среди новых реалий глобальных неравенств, которые обсуждались, здесь отмечу лишь три: 1) *человечество в целом обретает облик неравного и несправедливого мира* на фоне величайших достижений науки и техники, развития информационных технологий, практически повсеместного распространения интернета и беспроводного телефона и т.д., которые тем не менее потенциально незначительно использованы для гуманизации социальных отношений. Данные неравенства выходят за рамки традиционного национального контекста, порождаются ущербностью принципов глобализирующейся неолиберальной биополитики, основанной на принципах формального рационализма, прагматизма и меркантилизма; 2) *неравенства, обусловленные реалиями «мирового общества риска»*. На верху социальный лестницы, заявляет У. Бек, оказывается тот, кто имеет возможность *инсценировать* риск, *конструировать и определять его смысл*. То, что отношения производства в капиталистическом обществе представляли для К. Маркса, то *отношения определения риска* представляют сегодня: «"Отношения определения" основываются на контроле над "средствами определения", над научными и легальными правилами. Здесь, аналогично, существуют "собственники средств определения" – конкретно, ученые и эксперты – и граждане "лишенные средств

определения", которые имеют зависимый статус "простых людей" и которые подвержены власти определения и выбора экспертов, решающих от имени всех» [16, с. 33]; 3) *неравенства инвайронментального характера* обусловлены изменением статуса природы, которая обретает *социетальный* характер, в значительной степени становится рукотворной. Эти процессы, по существу, разделили людей на тех, кто живет в «экологически дружественной» среде, и тех, кто вынужден жить в местах экологически опасных для здоровья человека. Данные неравенства во многом порождены *побочными эффектами сетевого* производства и потребления еды во взаимозависимом мире: Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать, что объективно не только ущемляет интересы определенных национальных производителей, но главное – традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» генно-модифицированными культурами, имеющими побочные эффекты для здоровья человека.

Для анализа этих и других сложных неравенств нынешнего мира нужна *инновационная социология нового интегрального типа*. Полагаю, данный форум может стать вехой зарождения *наднациональной, междисциплинарной социологии, открытой для диалога с другими науками*. Ее теоретико-методологический инструментарий органически вберет в себя и новое мышление, и новые типы социологического воображения. О ее перспективах высказался Коичи Хасегава, руководитель японского организационного комитета Конгресса. Опираясь идеи Г. Зиммеля о том, что мост представляет собой не только сооружение, соединяющее берега реки или чего-либо, но и нашу волю к связи, он ратует за социологию, которая «станет мостом, связующим Восток и Запад, Юг и Север, женское и мужское, прошлое и будущее, молодое и старое, природу и общество, соединяющего всевозможные расколы социологии ради более равного мира» [17, с. 17].

Мне думается, эту интеграционную тенденцию нового типа может и должен усилить союз с представителями гуманитарного знания. В числе других уже апробированных поворотов (мобильности, сложности и др.), необходим *гуманистический поворот* в социологии [2] и соответствующая ему концепция нелинейно-гуманистического социологического воображения [3], что находится в русле лучших традиций нашей российской социологии. Ведь формирующаяся наднациональная и междисциплинарная социология по существу неизбежно востребует лучшие достижения национальных социологий.

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – С. 138.

2. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 1.

3. Кравченко С.А. Динамика социологического воображения: всемирная культура инновационного мышления: монография. – М.: Анкил, 2010.

4. Кравченко С.А. К итогам VIII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социс. – 2008. – № 2. – С. 3–9.

5. Кравченко С.А. К итогам X Конференции ECA // Социс. – 2012. – № 3. – С. 6–13.

6. Кравченко С.А. Кризис: пересмотр инструментария для определения вектора изменений (К итогам 11 конференции социологов Европы) // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 148–151.

7. Кравченко С.А. Куда идет развитие мировой социологии // Социс. – 2007. – № 1. – С. 6–13.

8. Кравченко С.А. От Монреаля до Брисбена: новации, приобретения, упущения // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 17–20.

9. Кравченко С.А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии, 2012. – № 5. – С. 19–29.

10. Кравченко С.А. Социология в движении к сетевому взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социс. – 2011. – № 1. – С. 11–18.

11. Кравченко С.А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1 (5). – С. 110–124.

12. Кун Т. Структура научных революций. – М., 1975.

13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М., 2000.

14. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: ЗХГИ, 2000. – С. 471.

15. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. 2-е изд. – М., 2008. – С. 123–124.

16. Beck U. World at Risk. – Cambridge: Polity Press, 2010.

17. Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. – Yokohama, Japan.

18. Programme of Sessions. The 6th Conference of the European Sociological Association. Ageing Societies, New Sociology. Murcia (Spain), 23–26 September, 2003.

19. Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. – Cambridge, 1991.

20. The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd–6th September 2007. Glasgow Caledonian University.

21. Urry J. Climate Change and Society. – Cambridge: Polity Press, 2011.

22. Urry J. Complexity. Special Issue of Theory // Culture and Society, 2005. No. 22.

23. Urry J. Global Complexity. – Cambridge: Polity Press, 2003.

24. Welz F. The theme: Crisis, Critique and Change // Programme Book. ESA 2013, Torino. Crisis, Critique and Change. 11th European Sociological Association Conference. 28th – 31st August, 2013. Turin – Italy.

25. XVII World Congress of Sociology. Programme. G teborg, Sweden, 2010.

Spisok literatury

1. Bauman Z. Globalizaciya. Posledstviya dlya cheloveka i obthestva. – M.: Izdateljstvo «Vesj mir», 2004. – S. 138.

2. Kravchenko S.A. Vostrebovannostj gumanisticheskogo povorota v sociologii // Sociologicheskaya nauka i socialjnaya praktika, 2013. № 1.

3. Kravchenko S.A. Dinamika sociologicheskogo voobrazheniya: vsemirnaya kuljtura innovacionnogo mihshleniya. Monografiya. – M.: Ankil, 2010.

4. Kravchenko S.A. K itogam VIII konferencii Evropeyjskoyj sociologicheskoyj associacii: tematicheskie, teoreticheskie i metodologicheskie novacii // Socis, 2008. № 2. S. 3–9.

5. Kravchenko S.A. K itogam Kh Konferencii ECA // Socis, 2012. № 3. S. 6–13.

6. Kravchenko S.A. Krizis: peresmotr instrumentariya dlya opredeleniya vektora izmeneniyj (K itogam 11 konferencii sociologov Evropih) // Sociologicheskie issledovaniya, 2014. № 4. S. 148–151.

7. Kravchenko S.A. Kuda idet razvitie mirovoyj sociologii // Socis, 2007. № 1. S. 6–13.

8. Kravchenko S.A. Ot Monrealya do Brisbena: novacii, priobreteniya, uputheniya // Sociologicheskie issledovaniya, 2003. № 2. S. 17–20.

9. Kravchenko S.A. Slozhnihyj socium: vostrebovannostj povorotov v sociologii, 2012. № 5. S. 19–29.

10. Kravchenko S.A. Sociologiya v dvizhenii k setevomu vzaimodeyjstviyu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov // Socis, 2011. № 1. S. 11–18.

11. Kravchenko S.A. Strela vremeni: sovremennihe vihzovih sociologicheskomu znaniyu // Sociologicheskaya nauka i socialjnaya praktika, 2014. № 1 (5). S. 110–124.

12. Kun T. Struktura nauchnihkh revolyuciyj.– M., 1975.

13. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz khaosa. Novihyj dialog cheloveka s prirodoyj. – M., 2000.

14. Sorokin P.A. Socialjnaya i kuljturnaya dinamika: Issledovanie izmeneniyj v boljshikh sistemakh iskusstva, istinih, ehtiki, prava i obthestvennihkh otnosheniyj. – SPb.: ZKhGI, 2000. S. 471.

15. Tothenko Zh.T. Paradoksaljnihyj chelovek / 2-e izd. – M., 2008. S. 123–124.

16. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010.

17. Hasegawa K. Welcome from the Chair of the Japanese Local Organizing Committee // XVIII ISA World Congress of Sociology. 13–19 July 2014. Yokohama, Japan.

18. Programme of Sessions. The 6th Conference of the European Sociological Association. Ageing Societies, New Sociology. Murcia (Spain), 23–26 September, 2003.

19. Sztompka P. Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge, 1991.

20. The 8th European Sociological Association Conference. Conflict, Citizenship and Civil Society. Programme. 3rd – 6th September 2007. Glasgow Caledonian University.

21. Urry J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011.

22. Urry J. Complexity. Special Issue of Theory, Culture and Society, 2005. №2.

23. Urry J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003.

24. Welz F. The theme: Crisis, Critique and Change // Programme Book. ESA 2013, Torino. Crisis, Critique and Change. 11th European Sociological Association Conference. 28th – 31st August, 2013. Turin – Italy.

25. XVII World Congress of Sociology. Programme. Goteborg, Sweden, 2010.

А.И. Куропятник,
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурной антропологии и этнической социологии факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: alkuropjatnik @mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНТЕКСТЫ СТАНДАРТИЗАЦИИ

Аннотация: *статья посвящена изучению контекстов стандартизации как совокупности условий, в которых происходит изменение форм концептуализации образования и его модернизация. Стандартизация рассматривается как инструмент оптимизации процессов обновления образования.*

Ключевые слова: *стандартизация, модернизация, образование, социологическое образование, образовательное пространство, культура, новые формы образования, рынок образовательных услуг, глобализация.*

В настоящей статье государственные образовательные стандарты анализируются преимущественно в одной перспективе, а именно, как форма реализации идей стандартизации. В связи с этим основное внимание уделяется стандартизации, ее эвристическим возможностям применительно к анализу изменений в образовании и образовательном пространстве России. Исходя из этого, стандартизация понимается, во-первых, как форма концептуализации процессов модернизации и изменений в сфере образования, во-вторых, как научный подход, в рамках которого выявляются специфические пути движения образования к новым формам и способам своего существования в условиях глобализации. В контексте данной работы стандартизация понимается также как инструмент модернизации, при помощи которого формы взаимодействия локального и глобального могут быть представлены как механизмы открытия и закрытия социальных и культурных границ национального государства. При этом формы стандартизации, реализуемые с опорой на национальное государство, а также с опорой на императивы изменений, существования культуры и общества в условиях глобализации рассматриваются нами как позволяющие выявлять амбивалентный характер функций интеграции, стабилизации, фрагментации и модернизации в глобальных, национальных и локальных контекстах.

Идея стандартизации в том виде, в каком мы ее пониманием сегодня применительно к образованию, появилась в нашей стране одновременно с идеей новой России на рубеже 1980–1990 гг. Новая Россия принесла в сферу образования освобождение от тоталитарной идеологии, демократизацию и рынок образовательных услуг. Стандартизация, сделавшая в этот период ставку на культуру как «порядок, соответствующий осмысленному действию» [1] и как основу реформирования России, внесла в стихию либеральных реформ 1980–1990 гг. элемент стабилизации, а в стремительно развивавшийся процесс модернизации страны, общества и культуры координирующий потенциал национального государства. Усилиями реформаторов в российском образовании, в частности, в высшей школе были «заново систематизированы крупные направления науки, практики и культуры, составляющие содержание высшего образования, разработан классификатор специальностей, определены основополагающие требования к изучению обязательных дисциплин [1].

Одновременно с развитием этого тренда модернизации образования, были внесены коррективы в учебные планы по специальностям, в частности по специальности 020300 – «Социология», доставшиеся высшей школе от советской эпохи. Из них были исключены дисциплины с отчетливо выраженной идеологической компонентой. Подверглась изменению также и структура высшего образования. В нее «по американскому образцу» был внесен такой важный структурный элемент, как двухступенчатое высшее образование, реализуемое на основе программ высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавра и магистра, что представляло собой, по мнению Ж.Т. Тощенко, «примитивное подражательство и просто пресмыкательство перед чужим опытом» [1].

Новые формы образовательных услуг, активно развивавшиеся в условиях свободного рынка и предпринимательства в 1990 гг. вызвали к жизни в системе образования, наряду с привычным государственным сектором, особую структуру рыночных образовательных услуг – систему новых форм образования. Ее учреждения выполняли в основном функцию дополнительного образования, функционально-компенсаторного свойства и выдавали, как правило, официальные документы об образовании, признававшиеся работодателям. В этом случае государственные требования к качеству предоставляемых услуг транслировались посредством стандартизации на некоторые новые формы образования. Благодаря этому стандартизация выступала важным инструментом вовлечения этой коммерческой образовательной структуры в систему государственного образования.

Основное назначение государственного образовательного стандарта в рассматриваемый период состояло в том, «чтобы четко определить контуры федерального образовательного пространства, которое должно быть единым для всей

нашей страны» [3]. Для России, открытой в это время новым идеям, и информационным технологиям, формам и перспективам международного сотрудничества в условиях глобального мира, стандартизация стала важным инструментом структурирования, стабилизации, упорядочения процессов политической, экономической, социальной и культурной модернизации национально-государственного пространства. Она подчеркивала значение мобильности в социальной сфере, науке, образовании, культуре, технологиях в условиях рыночной экономики, в рамках парадигмы развивающегося обучения. Стандартизация придавала процессам модернизации своеобразный пульсирующий характер в форме открытия, а также закрытия границ национального государства с «расширенным горизонтом» (Ю. Хабермас), вовлеченного в пространство глобализации. Она способствовала изменению формы, характера и темпов социальной интеграции, а посредством вовлечения ресурсов образования в освоение новых форм социальной жизни показала особую роль традиции в стабилизации современных форм культуры и самосознания. «Жизненный мир, – писал по этому поводу Ю. Хабермас, – дезинтегрированный под давлением, возникшим после его открывания, необходимо снова закрыть, на этот раз – в расширенных горизонтах. При этом свободные пространства расширяются в трех измерениях – пространства для рефлексивного усвоения традиции, стабилизирующих идентичность; пространства автономии для взаимного общения; наконец, пространства для индивидуального оформления личной жизни. Более или менее удачные учебные процессы при этом запечатлеваются в образцовых жизненных формах» [10].

В условиях известной децентрализации власти в стране процессы модернизации на местах развивались по своим, локальным сценариям. Каждый из них нашел опору в своих локальных ресурсах власти, экономики, культуры. Образование в этих условиях также приобрело свои локальные векторы развития, которые не всегда совпадали с тенденциями и планами модернизации России в целом. В сложившейся ситуации стандартизация выполняла важнейшую для интеграции государства функцию посредством введения регионов, национальных республик и областей, краев и национальных автономий страны в единое общероссийское образовательное и культурное пространство. Тем самым посредством процесса стандартизации усиливался демократический вектор преобразований в сфере образования и культуры. Благодаря стандартизации, укреплялась роль субъектов Российской Федерации, вузов в реализации программ модернизации на местах через новые направления и формы образования, новые дисциплины, новые идеи в области социального и культурного возрождения, отражавшие интересы региональных сообществ, народов, этнических и культурных групп населения России. В государственном образовательном стандарте этот фокус стандартизации и развития был представлен в форме национально-регионального (вузовского) компонента.

В контексте стандартизации основная образовательная программа высшего профессионального образования, основой которой выступал государственный образовательный стандарт, впервые была осмыслена в России не только как новый тип образовательной программы, но и как коммерческий, рыночный продукт. Например, цели детальной «проработки» структуры, содержания, задач, форм и условий реализации государственного образовательного стандарта по направлению 521200 – «Социология» (от 1993 года – «первого поколения»), логика междисциплинарности, заложенная в структуру информационно-дидактического пространства стандарта, остаются непонятными до тех пор, пока стандарт не рассматривается как документ, предназначенный для актуальной рыночной ситуации. С одной стороны, для конкуренции на рынке образовательных услуг, а с другой – для заинтересованного «сотрудничества предпринимателей и руководителей с теми высшими учебными заведениями, с которыми у них могли «установиться прочные творческие связи как в деле подготовки кадров, так и решении научно-технических и социальных проблем» [4]. С этой точки зрения стандарт «первого поколения» как продукт, предъявленный общественности и рынку образования, имеет контуры конкурентоспособной стандартизованной основной образовательной профессиональной программы, обладающей определенной спецификой, продуманными условиями подготовки специалиста и ясными результатами обучения. Позитивные импульсы именно этого стандарта положили начало дискуссии, а в дальнейшем конкретной работе по переопределению целей образования, направленных на развитие личности, на индивидуализацию процесса обучения.

Таким образом, стандартизация в 1990 гг. выполняла важную задачу стабилизации, унификации, универсализации и реконфигурации общероссийского образовательного пространства применительно к тем задачам, которые стояли в то время перед страной и обществом. Культура России, культура ее народов явились в этот период основой модернизации образования, вовлеченного в рыночные отношения и контексты глобализации.

Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, по направлению подготовки бакалавра социологии, введенный в действие в 2000 г., также опирался на культуру как основу социально-политической интеграции страны и развития ее общего образовательного пространства. Благодаря этому стандартизация обрела два направления реализации – культурный и государственно-организационный, с опорой на которые оказалось возможным осуществление задач интеграции страны через стандартизацию образовательного пространства как пространства общей культуры национального государства. Одной из форм реализации интеграционных усилий в этих направлениях явился национально-региональный (вузовский)

компонент, сохранившийся в структуре образовательного стандарта [3]. Однако рыночный потенциал основной образовательной программы заметно изменился. Строгое следование стандартному уровню и качеству образования, как минимуму обязательных требований к условиям и результатам обучения, сыграло здесь свою негативную роль. Общий стандарт подготовки явился основанием для определения содержательных и функциональных требований к профессии как массовому явлению, конкурентный потенциал которой был локализован в одних и тех же профессиональных конфигурациях. Университеты, вузы, обучавшие студентов по одним и тем же требованиям, исключались из конкуренции или участвовали в ней косвенным образом. Конкурировали лишь бренды, марки университетов. Действительные конкурентные «битвы» переместились на индивидуальный уровень, на рынки труда, что впоследствии стало дополнительным стимулом развития индивидуальных программ обучения и индивидуализации образования. В этой связи становилось очевидным, что стандартные требования к специалисту также задавали усредненный характер требований и к профессиональному пространству, в границах которого «усредняющий порядок» работы существенно менял статус учебного заведения. С формальной точки зрения вузы, имевшие высокий статус и возможности модернизации образовательной деятельности, предъявляли рынкам труда своих выпускников общего «стандартного» качества и вузы с низким статусом и возможностями предъявляли своих выпускников такого же «стандартного» качества. В общественном мнении диплом о высшем образовании, полученный в одном вузе был ничем не лучше и не хуже диплома о высшем образовании другого вуза. Тем более что документ о высшем образовании сам по себе стал пропуском во многие сферы управления, бизнеса, власти, политики без всякой профессиональной конкуренции. Накладываясь на весьма консервативную структуру профессий, эта система подготовки специалистов оказалась неспособной адекватно реагировать на требования рынков труда и быть хотя бы на шаг впереди запросов современности. Эта задача оказалась не по силам ни государственному стандарту, ни профессиональным сообществам, ни творческим союзам предпринимателей, ни представителям сферы образования. Стандартизация срабатывала как эффективный механизм только тогда, когда необходимо было поток новых знаний, технологий, идей приостановить, чтобы упорядочить, осмыслить и привести в соответствие с возможностями и требованиями развития национального культурного пространства. Иначе говоря, когда стандартизация действовала как механизм открытия и закрытия границ, как механизм унификации, стабилизации и пополнения культурного архива. Но стандартизация как инструмент планирования и создания нового знания, новых форм деятельности в пространстве глобального мира, где ей отводилась крайне незначительная роль, оказа-

лась неэффективной. В этой связи отметим, что современная высшая школа в странах Запада, идущая по пути модернизации, изменения условий и форм своего современного существования, весьма настороженно относится к идее стандартизации. Ведь в «университетах более нет места, – как заметил Бертон Р. Кларк, – для управленческих стереотипов и универсальных решений [5]. Стандартизация как управленческий стереотип и ресурс администрирования при определенных условиях способствует развитию процесса стагнации.

Возвращаясь к рыночному аспекту развития системы образования, отметим, что в отличие от стандарта «первого поколения», в стандарте подготовки бакалавра социологии «второго поколения» рыночную рефлексию в форме глубокой дисциплинарной и междисциплинарной подготовки бакалавра сменила парадигма «менеджеризма», когда подавляющая часть обучающихся стала видеть себя высокооплачиваемыми управленцами, топ-менеджерами, рантье или держателями активов. Эти ожидания имеют в социологии и обществе свою историю, когда «эмпирическое крыло» науки в той или иной форме представлялось ассоциированным с государственными органами власти и управления, политическими структурами, предприятиями в целях оптимизации их деятельности. Именно это обстоятельство подчеркивается в стандарте «второго поколения» как преимущество по сравнению с другими, смежными с социологией сферами знания и практики. Научно-исследовательский, проектно-аналитический и экспертно-консультационный виды деятельности действительно являются приоритетными в профессиональной работе социолога. Они, как правило, связаны с управлением и экспертизой, а профессиональная самореализация происходит в научно-исследовательских подразделениях предприятий, организаций, а также в государственных органах федерального и муниципального уровня. Но это «конкурентное преимущество» становится сегодня все менее привлекательным для абитуриентов.

С момента вхождения России в пространство действия Болонского соглашения, режим воспроизводства устаревшей и не отвечающей запросам рынков труда структуры профессий, только однажды дал «счастливый» сбой. Это случилось тогда, когда в структуру профессиональной подготовки стали включаться требования максимального использования личностного потенциала обучающегося для формирования такой совокупности компетенций, которая, с одной стороны, могла быть преобразована в форму, адекватную запросам рынков труда и сфокусирована на выполнении профессиональных задач, а с другой – содержать необходимый набор транспрофессиональных конвертируемых компетенций, таких как способность к общению, умение работать в команде, умение распознавать социально значимую проблему и предлагать пути ее решения, способность к самообучению, умение жить в условиях новой социокультурной среды, быть мобильным, понимать значение определенной

конфигурации ценностей, моральных норм в локальном культурном пространстве для успешной гуманитарной и профессиональной самореализации. Конвертируемые компетенции сегодня необходимо рассматривать не как факультативное дополнение к обучению профессии, а как необходимый атрибут качества специалиста, призванного жить и действовать в условиях глобального пространства мобильности.

Стандарт «второго поколения», помещенный в контексты глобализации, в своей ориентации на культуру как источник развития и обновления образования, получил в новых условиях такие интерпретации и смыслы, которые и следовало ожидать от линейного, преемственного понимания характера связей традиции и современности. В стандарте была заложена попытка сохранения и интеграции региональных, национально-этнических, локальных, культурных, этносоциальных, социально-экономических сегментов профессионального поля в общем поле «большой социологии», не знающей и не признающей национальных границ как границ образования и науки. Однако этот путь был сопряжен с опасностью перехода от взвешенного мониторинга направления и характера движения, к преувеличению значения связей между традицией и современностью, иначе говоря, к идеям социологии с национальным, этническим, религиозным лицом и лицом социального меньшинства. Выбор второго пути зачастую усугублялся также и тем, что прошлое начинало выступать «непогрешимым источником истины и достоинства» [3], а традиция превращаться в «способ объединения рефлексивного мониторинга действий с пространственно-временной организацией сообщества».

Как итог, социология, социологическое знание, практики образовательной деятельности в области социологии постоянно лишались ориентиров модернизации и ускользали из актуальных полей современности в своеобразные «времена сновидений», где «все стремится к тому, чтобы застыть» [К. Ясперс]. Будучи вовлеченным в тот же водоворот событий, что испытывает система образования в целом, социологическое образование проходит новейший этап модернизации вне ясных ориентиров и целей движения, но с подчеркнутой риторикой контекста глобализации, с присущей последней нестабильностью, стихийностью, неопределенностью и фрагментарностью.

Обращаясь к глобальным контекстам стандартизации образования и образовательного пространства России, важно напомнить, что образование является неотъемлемой частью культуры. Только на основе «своей» культуры национальное образование способно выходить в глобальные информационные, культурные и социальные поля для обновления и возвращаться к контекстам своей реальности с новым потенциалом творчества и развития. В этой связи оно не может осознавать как «продвинутую», модернизированную только одну свою часть. Оно будет стремиться распространить ресурс обновления

на всю систему, на всю науку и образование. Культура в этом движении соединяет прошлое, настоящее и будущее новыми контекстами развития социальных практик и творческих идей.

В процессе стандартизации культура имеет важное, непреходящее значение. В связи с этим логично предположить, в государственных образовательных стандартах культуре также будет отведена особая роль. Действительно, в стандарте «второго поколения» слово «культура» использовано в различных сочетаниях и контекстах более пятидесяти раз. В рамках учебных дисциплин, а также на междисциплинарном уровне она представлена как мировая культура, русская культура. Как культурная жизнь общества, локализованного в пространстве и времени. Культура современной России. Культурные нормы, культурные ценности как формы и стили социального взаимодействия, модели поведения, мышления и творчества. Культурные традиции как источник неисчерпаемого наследия и форма возвращения «к корням». Культурная модернизация – как механизм трансляции, подвижности границы традиции и современности, их роли в процессах обновления. Массовая культура – как совокупность социальных форм жизни и культуры, вызванных к жизни стихиями индустриального общества, общества потребления и глобализации. Культура повседневности как рутина социальной и индивидуальной жизни на уровне локальности. Концептуально проблемы культуры рассматриваются в таких дисциплинах стандарта как отечественная история, русский язык и культура речи, культурология, психология и педагогика, социология, философия, история социологии, общая социология, социальная антропология, социальная педагогика. Контекстуально культура присутствует повсюду – как на «периферии», так и в «ядре» стандарта социологии, создавая прецеденты междисциплинарности и ожидания новых конфигураций образования.

В действующем в настоящее время Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению – 040100 – «Социология» (бакалавр), ситуация противоположная. Слово «культура» употребляется всего семь раз. Один раз – собственно, как «культура», а в остальных случаях в сочетаниях – культурные различия, общекультурный (это о компетенциях), учреждения культуры, межкультурные коммуникации, культурная традиция и физическая культура[a]. Контексты использования этих сочетаний слов указывают, что присутствие культуры в стандарте не является ни важным, ни концептуальным. Для ее содержательной и функциональной операционализации нет соответствующих базовых дисциплин. Новый стандарт, можно сказать, находится вне привычного понимания поля культуры. Он профессионально техничен и даже технологичен, содержателен и только в этом значении занимает определенное положение в координатах профессиональной культуры. Но в стандарте отсутствует даже упоминания

о многочисленных научных направлениях в социологии и сферах социологического образования, которые представлены сегодня в мировой социологии. Указание на возможность профилизации образования на основе стандарта не решает проблемы, потому что Федеральный государственный стандарт высшего профессионального образования по направлению «Социология» в действительности – это результат стандартизации профиля экономической социологии. В связи с чем остальная отечественная социология и зарубежная социология является лишь дополнением к нему, «невидимым гражданином» в конфигурации экономико-социологического образовательного проекта, возникшего в результате «стандартизации» в условиях глобализации. Будучи вынесенным за границы общего поля социологии, упомянутый стандарт выведен также за рамки национальной культуры как основы формирования единого социологического образовательного пространства страны. Положение «за пределами культуры» означает, что в качестве центрального элемента стандартизации была избрана не профессиональная культура, потому что последняя «вписана» в более широкий контекст культуры, в том числе и в глобальный, а сегмент профессиональной культуры, в нашем случае – сегмент, сопряженный с экономической социологией. Этот сегмент, будучи вынесен за пределы культуры, оказался помещенным в качестве искусственного, сконструированного фрагмента социологии в глобальное пространство модернизации, лишившись при этом притязаний на традицию, то есть «на корни», а также на весьма разнообразную социологическую современность. Отказ от культуры указывает также на невозможность поддержания в релевантном современности состоянии национальной специфики социологического образования и науки.

Глобализация не признает целостности как феномена, сопряженного с такими характеристиками, как стабильность, преемственность, творчество, индивидуальность, что присуще культуре и традиции. И это не случайно, потому что фрагментарность, нестабильность, стихийность являются условиями ее существования. Кредо глобализации – техничность, исполнительность, точность, бездуховность, циничность. Преувеличенное понимание роли стандартизации в организации науки, образования, практик трансформирует ее функцию регулятора процессов модернизации, в роль манипулятора, умеющего выдать фрагмент картины за всю картину. И, вместо того, чтобы способствовать раскрытию границ отечественной социологии контекстам глобализации, осмыслить и представить в рамках стандарта отечественную социологию как исторически сформировавшуюся систему знания и практик, стандартизация вынесла на просторы глобализации только ее фрагмент, частный случай, искусственно от нее отделенный. Этот фрагмент сконструирован под «брендом социологии, но держит закрытыми не только внутренние субдисциплинарные

границы, но, в известном смысле, и внешние, в том числе и по отношению к тем информационным потокам, новым технологиям, новым мирам и идеям, которые экономическая социология сама, без участия всей социологии, ни освоить, ни переработать не сможет. Стандартизация в этом случае из инструмента интеграции, модернизации превратилась в инструмент фрагментации современности, предлагающий не только постсовременные структурные контуры социологии, но фрагментарность как способ мышления, организации и модернизации образовательного пространства. В связи с этим, действительно, не важно, какая субдисциплина социологии составит основу очередной конфигурации социологического образования. Важно, чтобы она оказалась наиболее подготовленной к тому, чтобы выйти в глобальный контекст современности, найти свой «кураж» обновления и увлечь за собой остальные сегменты социологии. Ведь задача стандартизации состоит в поддержании общего образовательного пространства. Пространства чего? Национального государства или мирового, европейского образовательного пространства? Как представляется, сущность дилеммы кроется в разном понимании профиля стандартизации в высшем образовании и науке. В одном случае профиль реализуется в интересах государства и под его административным контролем, предполагающим ставку на культуру. В другом случае он осуществляется в интересах науки, образования и стремится к модернизации в неограниченных ничем пространствах глобализации, где культуры представляют собой лишь фрагменты, контексты, в контурах которых развиваются национальные, региональные и локальные проекты образования. Это желательный путь выравнивания возможностей для развития и конкуренции отечественного и зарубежного образования. Однако в условиях России и этот профиль стандартизации целиком подчинен интересам государства, которое сохраняет монополию на финансирование науки и образования даже тогда, когда оно осуществляется по «остаточному принципу».

Тем не менее, попытка реконфигурации новой версии социологии для России, как образовательного проекта, интересна и имеет определенное будущее, но она представляет все же только одну конфигурацию социологии. А это, как нам кажется, совсем не та социология, какая формируется сегодня в России. Круг, таким образом, замкнулся. Принцип стандартизации как инструмент формирования преемственного, цельного профессионального пространства, обернулся своей противоположностью, в условиях бюрократизированных правил закупки интеллектуального продукта, которые не способны реагировать ни на темпы, ни на содержание модернизации в условиях и для условий постсовременности, существование которой обнаруживается в, частности, в формах дискретности и фрагментарности. Игра в стандартизацию, таким образом, превратила стандарт по направлению «Социология» (бакалавр) в констелляцию бюрократической машины, в недрах которой его истинные назначения и смыслы оказались подмененными формой и удобствами коммуникации.

Нужны ли высшему образованию стандарты? Вопрос дискуссионный. Но тем, кому они нужны, можно ответить. Стандарт в области социологии и других наук, по-видимому, не должен быть один. Профессиональные сообщества, в которых сконцентрирован огромный интеллектуальный потенциал и есть еще привычка быть ответственными «за дело всей жизни», нуждаются в возвращении доверия, а также признания в качестве равноправных участников дискуссии. Ведущие университеты страны могут сами создавать свои государственные стандарты и нести ответственность за них не только перед Российским государством, но и перед международным социологическим сообществом.

Список литературы

1. Александер С. Дж. Аналитические дебаты: понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. – 2007. – Том 6. №1. – С. 17–36.

2. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А Кибальчича; вступ. ст. Т.А Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.

3. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию. – М., 1995. – 381 с.

4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление 521200 – «Социология». – М.: Министерство образования Российской Федерации, 2000. 18 с.

5. Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейстади концепций / пер. с англ. Е. Степкиной.– М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2011. – 312 с.

6. Крокинская О.К., Куропятник А.И., Михеева Л.Д., Смирнова Е.Э. Научные достижения и передовой опыт в области образования // Информационный сборник. Вып. 10. – М., 1992. – С. 1–31.

7. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна / пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский остров, 2004. – 623 с.

8. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с.

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 040100 – Социология. Квалификация – бакалавр социологии, 2010. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm230-1.pdf (дата обращения: 29.09.2014).

10. Хабермас Ю. Политические работы / сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005. – 368 с.

Spisok literatury

1. Aleksander S. Dzh. Analiticheskie debatih: ponimanie otnositeljnoyj avtonomii kuljturih // Sociologicheskoe obozrenie. Tom 6. № 1. 2007. S. 17–36.

2. Giddens Eh. Posledstviya sovremennosti. Per. s angl. G.K. Oljkhovikova, D.A Kibaljchicha; vstup. Statjya T.A Dmitrieva. – M.: Izdateljskaya i konsaltingovaya gruppa «Praksis». 2011. 352 s.

3. Gosudarstvennihyj obrazovateljnihyj standart vihsshego professionaljnogo obrazovaniya. Gosudarstvennihyj komitet Rossiyjskoyj Federacii po vihsshemu obrazovaniyu. – M., 1995. 381 s.

4. Gosudarstvennihyj obrazovateljnihyj standart vihsshego professionaljnogo obrazovaniya. Napravlenie 521200 – «Sociologiya», M. Ministerstvo obrazovaniya Rossiyjskoyj Federacii, 2000, 18 s.

5. Klark B.R. Podderzhanie izmeneniyj v universitetakh. Preemstvennostj keyjs-stadi koncepciyj / Per s angl. E. Stepkinoyj; Nac. Issl. Un-t «Vihsshaya shkola ehkonomiki», – M.: Izd. Dom Vihssheyj shkolih ehkonomiki. 2011. 312 s.

6. Krokinskaya O.K., Kuropyatnik A.I., Mikheeva L.D., Smirnova E.Eh./ Nauchnihe dostizheniya i peredovoyj opiht v oblasti obrazovaniya. Informacionnihyj sbornik. Vihpusk 10. Moskva, 1992. S. 1–31.

7. Louehntalj D. Proshloe – chuzhaya strana. Perevod s angliyjskogo A.V. Govorunova. Izdateljstvo «Russkiyj ostrov». Sankt-Peterburg «Vladimir Dalj», 2004. 623 s.

8. Tothenko Zh.T. Paradoksaljnihyj chelovek. – M.: Gardariki, 2001. – 398 s.

9. Federaljnihyj gosudarstvennihyj obrazovateljnihyj standart vihsshego professionaljnogo obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 040100 – Sociologiya. Kvalifikaciya – bakalavr sociologii, 2010, http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm230-1.pdf (29. 09. 2014), 27 s.

10. Khabermas Yu. Politicheskie rabotih / Sost. A.V. Denezhkina; per. s nem. B.M. Skuratova. – M.: Praksis, 2005. – 368 s.

И.В. Лескова,
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии социальной сферы, директор Дирекции управления интеллектуальными ресурсами, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: Leskova.i@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ РОССИЯН

Аннотация: *в статье рассмотрены некоторые аспекты отношения россиян к варианту интеграции Белоруссии, Казахстана и России в рамках Евразийского Союза. Показаны особенности отражения в общественном мнении интеграционных процессов и видения гражданами специфики устройства будущего Союза трех государств. В качестве информационной базы для анализа использованы материалы общероссийского социологического исследования.*

Ключевые слова: *Евразийский Союз, интеграция, общественное мнение, отношение россиян к интеграции Белоруссии, Казахстана и России, социологическое исследование.*

Вводный комментарий

Сегодня стремление лидеров трех государств – Белоруссии, Казахстана и России – к интеграции обрело ясные и вполне оформившиеся политически, организационно и, частично, институциональные очертания. Более того, рассматривая набирающие силу в рамках Евразийского пространства интеграционные устремления и процессы, уже можно говорить не только о волевых импульсах, идущих от «первых лиц», но и о достаточно устойчивых объединительных тенденциях, проявляющихся в экономической, политической и социально-трудовой сферах. Но любые интеграционные устремления государств, их лидеров, или же хозяйствующих субъектов заведомо обречены остаться фрагментарными и малопродуктивными, если не найдут широкой поддержки, или, хотя бы, должного понимания у граждан государств, объединяющихся в экономический или политико-экономический союз. Именно поэтому важно понимать то, как представлены в общественном мнении не только предпринимаемые на государственном уровне интеграционные усилия, но и сами объ-

единяющиеся страны, и их лидеры, и те перспективы, что открываются для народов этих государств благодаря интеграции.

В данной статье мы рассмотрим и попытаемся охарактеризовать в целом отношение россиян к такому варианту интеграции, который предполагает сближение Белоруссии, Казахстана и России в рамках Евразийского Союза. При этом будем придерживаться следующей логики анализа, а также – выстраивания наших оценок и рассуждений:

- оценка отношения россиян к интеграции в целом;
- оценка отношения россиян к интеграции России с каждой из двух названных стран;
- оценка отношения россиян к лидерам и лидерству в свете идеи интеграции.

В свою очередь, характеризуя отношение россиян, акцентируем внимание на видении людьми конфигурационных вариантов такой трехсторонней интеграции и на мотивационных (точнее – мотивировочных) аспектах выявленного отношения людей к интеграции.

Приводимый ниже анализ базируется на материалах общероссийского социологического опроса, проведенного сотрудниками РГСУ в 2013 году по квотной выборке, репрезентирующей взрослое население страны (n=942 чел.).

Итак, рассмотрим некоторые из полученных результатов.

Вначале приведем несколько выявленных фактов, отраженных в распределениях ответов опрошенных россиян на соответствующие вопросы анкеты[1].

Является ли, на Ваш взгляд, полезным и взаимовыгодным вступление Вашей страны в Евразийский Союз?

1. Да – 20,9
2. Скорее да, чем нет – 41,9
3. Скорее нет, чем да – 17,5
4. Нет – 8,6
5. Затрудняюсь ответить – 11,1

Одобряете ли Вы идею создания Евразийского Союза в составе Беларуси, Казахстана и России?

1. Да, одобряю – 40,9
2. Скорее одобряю – 29,6
3. Скорее не одобряю – 12,6
4. Нет, не одобряю – 8,0
5. Затрудняюсь ответить – 8,8

Как видно из приведенных данных, весомое большинство граждан нашей страны в той или иной мере одобряет идею создания Евразийского Союза

[1] Здесь и далее (кроме специально оговоренных случаев) данные приводятся в %% от числа ответивших.

(70,6%) и за интеграцию в рамках такого союза России с двумя дружественными странами (62,8%).

Но здесь возникают, как минимум, два попутных вопроса, высвечивающих проблему качества такой поддержки. Первый из них – «За какую именно интеграцию?» и второй – «Каковы причины такой поддержки?».

Ответы на них можно найти, рассмотрев приведенные ниже распределения выявленных мнений, но в целом они могут быть сведены к следующему. Интеграцию в рамках Евразийского пространства большинство у нас видит как объединение «других» стран с Россией под верховодством России; объединение, которое способно привести к количественному усилению стран-участниц в экономической и политической сферах, но не к структурным изменениям качественного характера, порождающим принципиально новое, динамичное общество и принципиально новый, динамичный исторический тип человека. Что касается причин поддержки интеграции, то у части наших сограждан они – имперско-ностальгические, у части – материально-прагматические.

Но – вернемся к данным исследования.

Можно ли, по Вашему мнению, сравнивать Евразийский Союз с Советским Союзом?

1. Можно и стоит сравнивать, чтобы учитывать опыт прошлого для благоприятного развития ныне функционирующего Союза	– 9,8
2. Можно сравнивать только отчасти, поскольку изменился исторический, культурный и политический контекст	– 39,6
3. Бессмысленно сравнивать два принципиально разных объединения	– 35,9
4. Затрудняюсь ответить	– 14,3
5. Другой вариант ответа	– 0,4

Мы видим, что основная масса выразивших свое мнение разделилась на две вполне весомые группы: тех, кто так или иначе склонен сопоставлять, сравнивать Евразийский Союз с Советским Союзом (назовем их условно «ностальгисты») и не принимающих саму возможность такого сравнения. В связи с этим, необходимо сделать несколько уточнений. Прежде всего ностальгия по СССР как фактор поддержки ими идеи интеграции и евразийского Союза с участием России сегодня «работает» лишь у части людей (их 39,6 + 9,8 = 49,4 процента). Ожидания и позитивный настрой около 36% связаны не с «тоской» по СССР, а с новыми пользами, которые им видятся возможными вследствие полноценного объединения в рамках Евразийского пространства.

Таким образом, множество сторонников интеграции среди россиян состоит из двух групп:

(1) ностальгисты по СССР (их 49,4%) и

(2) новаторы-прагматики (их от 35,9 до 46%) (см. ниже: следующее распределение ответов).

Как Вы считаете, приведет ли создание Евразийского Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?

1. Да – 14,5
2. Скорее да, чем нет – 31,7
3. Скорее нет, чем да – 22,1
4. Нет – 17,1
5. Затрудняюсь ответить – 14,7

В позитивные изменения в своей жизни, которые могут произойти вследствие трехсторонней интеграции России Казахстана и Белоруссии в рамках ЕВРАЗЭС, суммарно, в той или иной мере верят 46,2% россиян.

Кто же это такие?

Прежде всего это люди старшего и среднего возрастов – те, в ком живы воспоминания, связанные с совместным опытом пребывания народов в «братской семье СССР» (табл. 1).

Таблица 1

Связь возраста респондентов с отношением к созданию Евразийского Союза (% ответивших)

Возрастные группы	Приведет ли создание Евразийского Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?				
	Да	Скорее да, чем нет	Скорее нет, чем да	Нет	Затр. ответить
Молодежь	10,9	30,0	26,5	15,2	17,5
Люди среднего возраста	15,2	31,8	21,0	17,9	14,1
Люди старшего возраста	17,5	33,5	19,0	17,5	12,5
В среднем по выборке	14,5	31,7	22,1	17,1	14,7

С другой стороны, возрастное наполнение «оптимистов» и «пессимистов» в отношении рассматриваемого вопроса, также, имеет определенную специфику (табл. 2).

Так, среди молодежи несколько больше, чем в среднем по выборке тех, кто затруднился с ответом. Молодые же, чаще склонны не связывать возможности позитивных изменений в своей жизни с процессами евразийского объединения. Среди «оптимистично настроенных», наоборот, несколько больше представителей средней и старшей возрастных групп.

Показателен состав этих групп с точки зрения профессиональной принадлежности (точнее, рода деятельности) (табл. 3).

Таблица 2

Связь отношения к созданию Евразийского Союза и возраста респондентов (% ответивших)

Приведет ли создание Евразийского Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?	Возрастные группы		
	Молодежь	Люди среднего возраста	Люди старшего возраста
Да	20,6	53,7	25,7
Скорее да, чем нет	25,9	51,5	22,6
Скорее нет, чем да	32,9	48,8	18,4
Нет	24,4	53,8	21,9
Затрудняюсь ответить	32,6	49,3	18,1
В среднем по выборке	27,4	51,3	21,3

Таблица 3

Связь рода трудовой деятельности респондентов с их ожиданиями, связанными с созданием Евразийского Союза (% ответивших)

К какой из перечисленных групп Вы себя относите?	Приведет ли создание Евразийского Союза к позитивным изменениям в Вашей жизни?		
	Да + Скорее да, чем нет	Нет + Скорее нет, чем да	Затрудняюсь ответить
Предприниматели, фермеры, коммерсанты, «челноки» и т.п.	69,7	23,7	6,6
Интеллигенция, не занятая на производстве	53,4	31,3	15,3
ИТР	51,7	38,8	9,4
Служащие сферы управления	46,7	40,9	12,4
Служащие правоохранительных органов (МВД, таможня, суд и т.п.) и военнослужащие	35,7	57,2	7,1
Служащие сферы обслуживания	44,1	38,1	17,8
Рабочие	34,1	43,2	22,7
Работники сельскохозяйственных предприятий	33,3	66,7	0,0
Другое	34,4	39,6	25,9
В среднем по выборке	48,6	37,1	14,4

Так, из данных таблицы следует, что ожидающие позитивных изменений в своей жизни в связи с созданием Евразийского Союза встречаются наиболее часто среди предпринимателей, фермеров, коммерсантов (в т.ч. и мелких, таких например, как «челноки») и т.п., а также – среди представителей

интеллигенция, занятых внепроизводственной сфере деятельности. С другой стороны, обратная ситуация наблюдается в среде рядовых работников сельскохозяйственных предприятий, а также служащих силовых и близких к ним структур – правоохранительных органов, таможни, судов и военнослужащих.

Аналогичная картина, правда, на фоне более высокого уровня конкордации мнений вырисовывается и в плане направленности отношения наших сограждан к самой идее создания Евразийского Союза в составе Беларуси, Казахстана и России (табл. 4).

Таблица 4

Связь рода трудовой деятельности респондентов с их отношением к созданию Евразийского Союза (% ответивших)

К какой из перечисленных групп Вы себя относите?	Одобряете ли Вы идею создания Евразийского Союза в составе Беларуси, Казахстана и России?		
	Да, одобряю + Скорее одобряю	Скорее не одобряю + Нет, не одобряю	Затрудняюсь ответить
Предприниматели, фермеры, коммерсанты, «челноки» и т.п., живущие на доход	68,9	26,0	5,2
Интеллигенция, не занятая на производстве	72,4	20,9	6,7
ИТР	57,7	37,7	4,7
Служащие сферы управления	67,6	21,0	11,4
Служащие правоохранительных органов (МВД, таможня, суд и т.п.) и военнослужащие	85,8	10,7	3,6
Служащие сферы обслуживания	80,5	14,4	5,1
Рабочие	68,2	4,6	27,3
Работники сельскохозяйственных предприятий	100,0	0,0	0,0
Другое	62,0	22,4	15,5
В среднем по выборке	70,6	20,8	8,6

При переходе с личного, связанного с ожиданиями возможных позитивных изменений в собственной жизни, уровня на более абстрактный для большинства людей, отношения «в целом» к идее объединения трех стран, естественным образом, существенно возрастает доля высказавшихся позитивно. Это не удивительно, поскольку в опросе речь шла о тех странах, в отношении которых отечественные СМИ дают в основном позитивную информацию, показывая их исключительно как друзей России.

На то, что ностальгические мотивации, связанные с поддержкой идеи евразийской интеграции Белоруссии, Казахстана и России существуют, и играют не последнюю роль, указывают и данные таблицы 1, из которой видно, что по мере увеличения возраста увеличивается доля в той, или иной мере ожидающих позитивных изменений (среди молодежи таких 40,9%; среди лиц среднего возраста – 47,0% и среди представителей старшей возрастной группы – 51,0%).

Вместе с тем группа «ностальгистов» также неоднородна: в свою очередь, она включает в себя тех, чья ностальгия по СССР (а) слабая-однобокая, связанная с абстрактной «тоской» по «советскому прошлому», воспринимаемому такими людьми как нечто более психологически и социально комфортное по сравнению с современными реалиями и (б) многогранная, включающая в себя и «тоску» по былой империи, и «тоску» по «советскому прошлому», и весьма распространенную в среде наших соотечественников тягу к государственному патернализму.

Но к «Советскому Союзу», в обозначенном контексте, отношение, как минимум, двойственное: к такому предположению можно прийти, анализируя распределение ответов на вопрос о том:

Какую роль будет играть Евразийский союз в решении международных проблем?

1. Решающую – 21,9
2. Второстепенную – 46,9
3. Никакую – 24,9
4. Затруднились ответить – 6,3

Действительно, то, что всего 1/5 опрошенных отводит России решающую роль и ¼ – не отводит ни какой роли (при половине – ½ – полагающих, что такая роль будет второстепенной) говорит о том, что наши сограждане, с одной стороны, не очень верят в такой евразийский союз, в его возможности, поскольку он воспроизводит ряд традиций, подходов советского образца, во многом, как бы, реализует преемственность советской интеграции, при том, что, – с другой стороны, – идея интеграции представляется далеко не чуждой большинству из них.

То есть группа потенциально поддерживающих и одобряющих интеграционные веяния разнородна и включает в себя как разного рода ностальгистов по советскому прошлому в виде «братства» народов и непререкаемого авторитета страны-империи, так и прагматически настроенных граждан, в большинстве своем, являющихся предпринимателями или представителями непроизводственной интеллигенции. Для группы чиновников (которая очень разнородно внутри себя) нет общего отношения к рассматриваемому вопросу, и ее представители (особенно – занимающие руководящие должности разного уровня) занимают выжидательную позицию. Остальные – одобряя идею объединения «в принципе», не видят каких-либо плюсов от этого ни для страны, ни для себя лично.

Следует отметить, что «рецидивы» имперского менталитета в среде наших сограждан сильны чрезвычайно, однако, за прошедшие после распада СССР почти четверть века, они подверглись существенным деформациям.

Вот, что показывают полученные данные.

При ответе на вопрос о том,

«Должна ли принадлежать какому-либо из государств ведущая роль в Евразийском Союзе»

были получены следующие распределения высказанных мнений:

1. Да – 31,5
2. Скорее да, чем нет – 23,6
3. Скорее нет, чем да – 14,5
4. Нет – 13,7
5. Затрудняюсь ответить – 16,6

То есть, мнения «за» и «против» наличия в Евразийском Союзе «страны-старшего брата» разделились практически в пользу, и при довольно большом перевесе «имперцев». Но здесь показательно само распределение. Так, в той или иной мере «за» высказались около 55% (31,5+23,6); «против» подобного «верховодства» – около 28% (14,6+13,7).

Возьмем на себя смелость констатировать два обстоятельства.

Во-первых, наличие раскола в обществе, который проявляется и в рассматриваемом вопросе. Полагаем, что такое разделение респондентов говорит о «раздрае в головах» наших сограждан, и этот «раздрай» – отражение отголосков двух идеологических парадигм устройства власти в обществе, заложенных когда-то в массовое сознание россиян и проявившихся сегодня в условиях отсутствия разделяемой большинством общегосударственной идеологии:

– патерналистической и
– демократически-либеральной.

Подчеркнем, что мы интерпретируем такое соотношение именно как наличие актуального раскола в обществе, носящего явно-идеологический характер, но существующего в условиях отсутствия в обществе и государстве сколь-нибудь внятной идеологии.

Во-вторых, то, что большинство у нас высказывается именно за ведущую роль какого-то одного (всем понятно, какого именно!!!) государства в общем союзном объединении («да» – 31,5% и «скорее да, чем нет» – 23,6%), – является еще одним доказательством следующего факта.

Речь идет о том, что, интуитивно, большинство россиян, хоть и не читали документов, относящихся к созданию Евразийского союза, чувствуют, причем на грани понимания, что традиционно наши (бывшие советские по духу) чиновники, наша (и российская, и казахстанская, и белорусская) власть с советским

менталитетом, работая над проблемами объединения, смотрят на «Запад», пытаясь черпать там, образцы, эталоны и оценки для сравнения и понимания степени успешности в этом деле. Именно на «Запад» происходит равнение, а отсюда – стремление власти выстраивать контуры нового союза по «западным лекалам». А обществу же, простым людям, включая и участников нашего опроса, ведь, понятно, что объединяются «сверху», по решению верховных правителей и согласно полученным от них установкам, что и высвечивают следующие данные.

Евразийский союз может строиться по образу и подобию Евросоюза?

1. Определенно, да – 14,9
2. Скорее да, чем нет – 28,7
3. Скорее нет, чем да – 19,4
4. Однозначно нет – 9,1
5. Затрудняюсь ответить – 27,9

Обратите внимание, 43,6% опрошенных стоят на позициях «Определенно, да» и «Скорее да, чем нет» (при почти 30% затруднившихся с ответом)!

Разовьем мысль отражения в общественном сознании интеграционных процессов, связанных с «объединением сверху».

Что, на Ваш взгляд, препятствует объединению стран-участниц Евразийского Союза?

1. Нет конкретных, четких предложений – 18,1
2. Каждая страна преследует лишь свои интересы – 21,8
3. Политическая, культурная, экономическая разобщенность стран-участниц – 20,2
4. Отсутствие единства по поводу целей – 15,2
5. Всё вышеперечисленное – 20,8
6. Свой вариант ответа – 3,8

Что можно сказать, глядя на представленные цифры?

Прежде всего то, что информационная работа в среде российского населения, предметно связанная с проблематикой Евразийского Союза, ведется недостаточно продуктивно (на это указывает отсутствие «… конкретных, четких предложений» у 18,1% опрошенных).

Далее.

Представленные данные показывают, что обыкновенные люди в России чувствуют, что, как уже было показано нами, объединяются, преимущественно, «сверху». И дальше скорее всего возникает интерпретация связанных с этим событий в терминах обыденной раздвоенности сознания россиян – говорим одно, но думаем и действуем по-другому («держа фигу в кармане»).

Первое:

(а) объединяются «сверху» для политического самосохранения – через поддержку друг друга и через взаимоусиление своих экономических позиций

(позиций своих подконтрольных фирм и иных хозяйствующих организаций) благодаря открывающимся (для сведущих «правильных» людей) при объединении стран новым экономическим возможностям сотрудничества;

(б) объединяются «сверху» для упрочения экономических позиций своих группировок в среде политических и хозяйственных элит.

Второе.

Но поскольку все группировки чиновников, проявляющих активность на поле объединения, в конечном итоге, преследуют прежде всего свои интересы, и только уже потом пекутся о благе своих стран и об общем благе Евразийского Союза, – то отсутствие единства по всем ключевым направлениям не может не сказаться негативно на всем общей объединительном процессе, что люди и чувствуют (частично, повторимся):

«нет конкретных, четких предложений» – 18,1%, «каждая страна преследует лишь свои интересы» суммарно с вариантом «политическая, культурная, экономическая разобщенность стран-участниц» – 42,0% (21,8 и 20,2, соответственно) и «всё вышеперечисленное» (включая и отсутствие «в верхах» единства в целях) – 20,8%.

Еще приведем несколько замечаний о представленности в общественном мнении россиян того, как им видится будущий возможный Союз в различных его аспектах.

Мы уже упоминали выше о распространенности представления о союзе под главенством «старшего брата». Что же еще?

Дальнейшие перспективы Евразийского Союза?

1. Дальнейшее расширение и увеличение количества стран-участников – 34,5
2. Формирование наднациональных политических институтов – 11,4
3. Введение общей валюты – 13,7
4. Принятие общей нормативно-правовой базы – 13,9
5. Создание единого социокультурного пространства – 13,2
6. Другое – 13,2

Треть опрошенных связывает их с «чисто механическим» увеличением, без качественных структурных трансформаций входящих стран, обществ и экономик.

В плане организационной открытости, этот союз представляется следующим образом:

Как Вы думаете, возможно ли вступление других стран в Евразийский Союз?

1. Да, безусловно, это возможно – 52,0
2. Скорее всего, это возможно – 21,5
3. Скорее всего, это невозможно – 7,3

4. Затрудняюсь ответить – 19,2

Здесь опять же выходит на поверхность, казалось бы, канувшая в Лету вместе с Советским Союзом идея некритичного «братства народов», а еще эти данные говорят о том, что общественное мнение россиян так и не созрело до освоения идеи прагматического сотрудничества с другими странами и народами, прагматического интернационального содружества.

Заключение

Таким образом, приведенные материалы позволяют охарактеризовать отношение россиян к интеграции в целом как положительное в количественном измерении, но по-разному мотивированное у типичных представителей различных возрастных и социо-профессиональных групп.

Отношение россиян к интеграции России с каждой из двух стран-участниц интеграционных процессов однозначно направляется характером подачи информации о них российскими СМИ и, частично, у представителей более старших поколений, формируется под влиянием позитивного опыта сосуществования народов Белоруссии. Казахстана и России в составе единого государства – Советского Союза.

Отношение россиян лидерству в свете идеи интеграции несет на себе отпечаток имперских умонастроений; при этом, возможные перспективы развития государств Евразийского Союза представляются большинству россиян лишь как количественное наращивание экономической и политической мощи объединенного межгосударственного образования, но не связываются с необходимостью и открывающимися возможностями прогрессивных изменений качественного характера в обществе, тех изменений, что и должны составлять сущностную сторону модернизационных преобразований.

Вот, такое, пока что противоречивое, сформировалось отражение интеграционных процессов в среде российских граждан.

Напомним, в данной статье, нами были поставлены два вопроса: «За какую именно интеграцию?» высказываются люди, и «Каковы причины такой поддержки?».

Надеемся, что нам удалось, хотя бы частично, на них ответить.

Список литературы

1. Лескова И.В. Представления о Евразийском Союзе в общественном мнении россиян (по материалам общероссийского исследования) // Потенциал современной науки. – 2014. – № 4. – С. 79–82.

2. Осадчая Г.И. Методология и методика социологического анализа этносоциального будущего Москвы // Социальная политика и социология. – 2010. – № 1 (55). – С. 35–59.

3. Танатова Д.К., Лескова И.В. Москвичи: социальные настроения // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 11 (111). – С. 4–8.

4. Юдина Т.Н., Александрова А.В. Социокультурные ценности молодых москвичей // Социальная политика и социология. – 2000. – № 3. – С. 33.

5. Юдина Т.Н. Московский мегаполис: миграционные волны и этносоциальная политика // Социальная политика и социальное партнерство. – 2011. – № 8. – С. 138.

6. Leskova I.V. The conceptual basis for exploration of opportunities for self-organization of integration processes across the eurasian region // Social policy and sociology. – 2012. – No. 12 (90). – P. 46–54.

7. Leskova I.V., Raspopov S.V. Interstate educations: specifics of the organization and functioning of economic systems // Sustainable economic development of regions/ ed. by L. Shlossman. – Vienna, 2014. – P. 132–157.

8. Leskova I.V., Ermakov D.N., Andruschenko G.I., Raspopov S.V., Khmelevskaya S.A. Relevant aspects of the integration of post-soviet countries in the pro-ject of the eurasian economic space // Review of European Studies. – 2015. – T. 7. No. 6. – P. 231–238.

9. Kryukova E.M., Vetrova E.A., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // Asian Social Science. – 2014. – T. 11. No. 1. – P. 258–267.

10. Ossadtchaya G. E. Meshkova. Methodology of sociological analysis of social sphere // coll. of short art. a. abstracts / RC33 Sixth Intern. conf. on social science methodology «Recent developments a. applications in social research methodology», Moscow–Amsterdam, Aug. 16–20, 2004; [Ed. in chief: G. Ossadchaya, E. Meshkova]. – M., 2004.

11. Tanatova D.K. Russian society in sociological measurement // Russian Society in Sociological Dimension collected works of USR to the 9th ESA conference in Lisbon, September 2–5, 2009. Union of sociologists of Russia. Moscow, 2009. С. 180–184.

Spisok literatury

1. Leskova I.V. Predstavleniya o evrazijskom soyuze v obshchestvennom mnenii rossiyan (po materialam obshcherossijskogo issledovaniya) // Potencial sovremennoj nauki. 2014. № 4. S. 79–82.

2. Osadchaya G.I. Metodologiya i metodika sociologicheskogo analiza ehtnosocial'nogo budushchego Moskvy // Social'naya politika i sociologiya. 2010. № 1 (55). S. 35–59.

3. Tanatova D.K., Leskova I.V. Moskvichi: social'nye nastroeniya // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2012. № 11 (111). S. 4–8.

4. YUdina T.N., Aleksandrova A.V. Sociokul'turnye cennosti molodyh moskvichej // Social'naya politika i sociologiya. 2000. № 3. S. 33.

5. YUdina T.N. Moskovskij megapolis: migracionnye volny i ehtnosocial'naya politika // Social'naya politika i social'noe partnerstvo. 2011. № 8. S. 138.

6. Leskova I.V. The conceptual basis for exploration of opportunities for self-organization of integration processes across the eurasian region // Social'naya politika i sociologiya. 2012. № 12 (90). S. 46–54.

7. Leskova I.V., Raspopov S.V. Interstate educations: specifics of the organization and functioning of economic systems // Sustainable economic development of regions ed. by L. Shlossman. Vienna, 2014. S. 132–157.

8. Leskova I.V., Ermakov D.N., Andruschenko G.I., Raspopov S.V., Khmelevskaya S.A. Relevant aspects of the integration of post-soviet countries in the project of the eurasian economic space // Review of European Studies. 2015. T. 7. № 6. S. 231–238.

9. Kryukova E.M., Vetrova E.A., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Dusenko S.V. Social-economic problems of russian mono-towns // Asian Social Science. 2014. T. 11. № 1. S. 258–267.

10. Ossadtchaya G. E. Meshkova. Methodology of sociological analysis of social sphere // coll. of short art. a. abstracts / RC33 Sixth Intern. conf. on social science methodology «Recent developments a. applications in social research methodology», Moscow–Amsterdam, Aug. 16–20, 2004; [Ed. in chief: G. Ossadchaya, E. Meshkova]. – M., 2004.

11. Tanatova D.K. Rossijskoe obshchestvo v sociologicheskom izmerenii // V sbornike: Russian Society in Sociological Dimension collected works of USR to the 9th ESA conference in Lisbon, September 2–5, 2009. Union of sociologists of Russia. Moscow, 2009. S. 180–184.

А.К. Мамедов,
доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: akmnauka@rambler.ru

Л.В. Темнова,
доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией информационно-образовательных технологий социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: temnova.larisa@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в статье рассматриваются основные тенденции развития социологического образования в России, начиная с 1990-х годов. Авторы анализируют функции социологического образования, роль и место университетского образования в развитии общества, востребованность социологов, динамику требований работодателей к деятельности социолога, проблемы становления молодых специалистов-социологов, особенности содержания образования социологов, динамику качества педагогических кадров.*

Ключевые слова: *социологическое образование, востребованность социолога, педагогические кадры, содержание образования, деятельность социолога.*

В июне 2014 года отмечается 25-летие широкой имплементации социологического образования в России. С 1990-х годов пошло создание кафедр социологии, открытие более 100 социологических отделений и факультетов, что явилось реакцией на вызовы времени. Правда, зачастую этот процесс проходил без учёта количества рабочих мест для выпускников-социологов, а также необходимого уровня подготовки профессиональных социологов-преподавателей.

Логика социального развития такова, что новое прочтение культурного контекста, крах социалистической системы привели (в силу разных причин) к отторжению (как минимум некой девальвации) макросоциальных теорий, в частности, истмата, и, как следствие, сужение поля социологической теории, массовое увлечение позитивизмом, уход в частные социологические ис-

следования. Но сама диалектика развития научного знания такова, что эти конкретные (частные) социологические теории с обязательностью подводили научное социологическое сообщество к необходимости их системного осмысления. Великий австрийский физик Людвиг Больцман подчеркивал, что нет ничего практичнее хорошей теории. Проведенный нами анализ социологической литературы, вышедшей в последнее время, подтверждает данный тренд. Это также верифицируется структурой и содержанием учебных социологических дисциплин. Если мы говорим, что теоретической основой первых моделей социологического образования был позитивизм, то современные модели исследования являются в основном полипарадигмальными. Наблюдается игнорирование традиций монизма, недооценка интегративных тенденций в социальных науках вообще и в социологии в особенности.

Эволюция социологического образования происходила циклично: через смену моделей – просветительской и профессиональной, в которых одновременно транслировались и трансформировались традиции отечественной социологии. 1990-годы – это период слепого переноса (копирования) западных теорий и социальных технологий на российскую действительность. Наблюдается массовое распространение в отечественных вузах слабо адаптированной к нашим условиям зарубежной социологической литературы. В эти годы мы как бы заново открывали для себя то, что на Западе изучено и усвоено было 60–70 лет назад (Фрейд, Липман, Зиммель и др.). Российский культуролог Борис Успенский назвал эту тенденцию «двойным переводом».

В конце 1990-х в связи с коренным изменением стратегии развития страны наша наука сталкивается с необходимостью моделирования собственного социального развития на основе иного – российского – социокультурного контекста. Это послужило когнитивным основанием для поиска и изыскания новых, уже собственных социологических теорий, отражающих наши реалии.

Однако степень легитимности – признания законности отечественного социологического образования, самостоятельности его форм и методов – определялась и определяется отношением действующей власти к социологии как науке. На протяжении своего существования социологическому образованию пришлось не раз прибегать к мимикрическим формам, развиваясь «под прикрытием» других общественных наук: философии, истории, экономики, юриспруденции, что не могло не отразиться и на кадровой политике вузов. Так, если в начале 1990-х годов заведующими кафедрами социологии были в основном выходцы кафедр научного коммунизма, истории КПСС (что было вполне естественно), доктора и кандидаты философских и исторических наук, то в 2010-е годы – это в основной массе доктора и кандидаты социологических наук, получившие базовое или поствузовское социологическое образование. В качестве подтверждения нашего тезиса приведем данные по защитам в области социологии [7].

Таблица 1

Динамика защиты диссертаций по социологии

Степень	1990	1995	1999	2000	2002	2003	2012 [11]	2013 [10] (неполные данные)
Кандидат социологических наук	22	144	390	420	432	463	217	106
Доктор социологических наук	5	15	41	60	66	41	26	26

Мы видим, что наибольшее количество защит приходится на 2002–2003 годы. Вместе с тем с 2005 года начинается постепенное сокращение общего числа диссертационных советов, идет снижение количества защит по социологии, что также объясняется частичным насыщением данного сегмента рынка труда.

В 2000 г. на основе введенного второго Государственного образовательного стандарта социология была лишена статуса обязательного базового вузовского курса. Став учебной дисциплиной по выбору, она попала в зависимость от позиции руководства вузов. Это привело к снижению уровня социологических знаний у выпускников высших учебных заведений – будущей хозяйственной и управленческой элиты страны. В результате к 2006 г. учебное время, выделенное на преподавание социологии в непрофильных вузах, сократилось на 35%, а количество преподавателей-социологов – более чем на четверть при неизбежной девальвации преподавательского труда, стимулирования совместительства.

Резкое возрастание значимости преподавательских рейтингов и введение многочисленных курсов «по выбору» привело к тому, что студенты в подавляющем большинстве в силу прагматической установки голосуют за «полезные» дисциплины. А это, в свою очередь, ведет к структурным изменениям в учебных планах, кадровом наборе преподавателей. И университеты, и даже отдельные факультеты теперь финансово зависимы от предпочтений студентов. Эта тенденция существенно меняет стратификацию в среде преподавателей, выдвигая на первый план отнюдь не академические критерии. Лидерами становятся те преподаватели, кто любыми способами (иногда далекими от классических университетских) привлекают массы студентов, формируя свой личный бренд на внешнем рынке. В рамках университета выживает тот, кто не только может произвести новое знание, но и обладает способностями выгодно его реализовать. Вероятно, в новой формации требуется, чтобы собственным имиджем и стилем жизни профессор социологии должен демонстрировать студентам экономическую и социальную успешность, иначе у него нечему у него учиться.

Всё это происходит на фоне падения интереса студентов к осознанию болевых точек общества, рефлексии социальных проблем. Их в основном интересует «красивая», «гладкая» социология, не поднимающая серьезных нравственных и социальных вопросов, но обеспечивающая безбедное существование в замкнутом – герметичном – социальном пространстве. Это с неизбежностью ведет и к социально-гражданственной герметизации преподавания.

Тенденция такова, что скоро в перспективе факультеты и кафедры как структурные единицы начнут трансформироваться, уступая место департаментам, обеспечивающим подготовку по динамичным междисциплинарным программам, открывающимся и закрывающимся в соответствии с запросами внешнего рынка и опирающимся на подвижный состав профессоров, привлекаемых на договорной основе. Данный тренд характерен не только для отечественного образования. Социологические факультеты (например, в Дюкском университете США) уже не могут конкурировать с другими факультетами по числу привлеченных студентов и объемам внешнего внебюджетного финансирования. Поэтому в этом университете традиционная факультетская структура нашла свое спасение в открытии общеуниверситетских и межфакультетских программ, обеспечивающих большую привлекательность для студентов. Не случайно за рубежом получили широкое распространение департаменты behavior science – науки о поведении – которые включают в себя широкий ряд социальных учебных дисциплин – социология, психология, политология, философия и т.д.

Таким образом, на место классического социологического знания приходит знание экзотическое, т.е. ориентированное на необычность, неповторимость, уникальность и при этом раскрывающее свои новые потребительские качества на рынке профессий [5].

Анализ учебных планов по специальности/направлению «Социология» 83 государственных вузов [1] позволил выделить три группы учебных дисциплин, которые можно условно назвать: «ядро социологического образования», «полупериферийные дисциплины», «фронтирные».

Таблица 2

Группы учебных дисциплин по направлению «Социология»

	Группы	Количество учебных дисциплин	Вузы, преподающие данную дисциплину, %	Примеры дисциплин
1	«ядро социологического образования»,	21	50–80%	Методика и техника социологических исследований (82%), Социология культуры (73%)
2	«полупериферийные дисциплины»	32	15–50% вузов	

Окончание таблицы 2

	Группы	Количество учебных дисциплин	Вузы, преподающие данную дисциплину, %	Примеры дисциплин
3	«фронтирные»	141	1–15% вузов	Социология времени, Социология жилья и жилища, Социальная геронтология (13%) Социология профессий (9%) Социология профессий (6%) Социология игры, Социология кино, Социология медицины, Социология морали (3%)

Выделенное «ядро социологического образования», дисциплины которого преподаются 50–80% вузов, включает 21 дисциплину. Наиболее часто читаются – методика и техника социологических исследований (82%) и социология культуры (73%).

Группу дисциплин, которые преподают от 15 до 50% вузов – полупериферийные дисциплины, составили 32 учебных курса.

И, наконец, предметы, которые преподают от 1 до 15% вузов – составили группу фронтирных дисциплин. Эта наиболее многочисленная группа включает 141 учебный курс. Фронтирные дисциплины в каждом вузе формируют уникальное лицо социологического образования, отражая профессиональные интересы преподавателей и сложившиеся традиции, они охватывают большинство возможных областей социологического знания.

Если сосредоточить внимание на общих тенденциях профиля подготовки социологов-бакалавров, то анализ основных образовательных программ выявил, что наиболее распространенными на данном уровне подготовки являются следующие: Общий профиль, Экономическая социология, Социология управления, Социология коммуникаций и Прикладные методы социологических исследований. У магистров наиболее распространенными профилями являются: Социология управления и Социология политики и международных отношений [4].

Сегодня вузовское социологическое сообщество сталкивается с проблемой воспроизводства собственных кадров. А действительность такова, что сегодня лишь один из тридцати выпускников-отличников вуза остается в системе российского образования. Сравним с Финляндией, где семеро из десяти выпускников идут работать в образовательные учреждения, в США – двое из десяти. При переходе на уровневую систему подготовки вполне закономерно из ООП бакалавров многие вузы вообще исключают подготовку к педагогической деятельности. Этот вид профессиональной деятельности остается

в основном у магистров. А, как мы знаем, лишь 35% бакалавров идут сегодня в магистратуру. Таким образом, приток молодых преподавателей социологии в вузы еще более сократится, что актуализирует деятельность нашего УМС и всего социологического сообщества.

На основе результатов проведенных исследований среди студентов-социологов 5 курса можно констатировать, что 81% из них не собираются продолжать обучение в аспирантуре. Как следствие, корпус преподавателей стремительно стареет. На кафедрах социологии молодых преподавателей крайне мало. Среди них либо самозабвенные и отрешенные служители науки, либо молодые люди, имеющие какой-то иной семейный доход и потому не возражающие «немного попреподавать», либо откровенно слабые выпускники нынешней аспирантуры. Все это еще раз подтверждает наличие проблемы воспроизводства научно-педагогических социологических кадров.

Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие «полезное знание» (useful knowledge), т.е. знание не как самоценность, а как инструмент для достижения жизненных практических целей, то есть ограниченное в принципе, сфокусированное на конкретике и нацеленное на результат, приносящий немедленную экономическую выгоду.

Это приводит к «перенастройке» всей системы университетского образования, в том числе образования социологического, а также влечет за собой десакрализацию образа ученых (равно как и преподавателей), как людей, приобщенных к недоступным истинам, превращение их в социальную группу, ничем не отличающуюся от других субъектов рыночных отношений. Отныне университет – это не только храм науки, а market place в самом широком смысле этого понятия.

Критерием полезности социологического образования для общества в целом и лично для будущего социолога является спрос на социологов-профессионалов на рынке труда. Агентства по подбору персонала указывают, что спрос крайне низкий: на протяжении последних 15 лет он оценивался на уровне 3,0–3,5 баллов (при 10-балльной оценке интенсивности спроса). Такое положение дел говорит о невостребованности российскими социальными практиками труда профессионального социолога. Этот же факт подтверждается опросом работников системы высшего образования, ведущих подготовку социологов, который показал, что 58,7% респондентов считают профессию социолога невостребованной [7].

Но при общем сокращении численности студентов в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих программы высшего профессионального образования [12], вступительный конкурс в наибо-

лее престижные вузы по направлению «Социология» составляет 3–7 человек на одно бюджетное место [8]. И это, как может показаться, не противоречие. С нашей точки зрения, это поддерживается профессионализмом социологического сообщества в вузах.

Таблица 3

Динамика числа обучающихся в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, реализующих программы высшего профессионального образования

		2009	2010	2011	2012
всего	Российская Федерация	6 135 592	5 848 736	5 453 855	5 145 267

Согласно данным опроса, проводимого порталом moeobrazovanie.ru, был составлен рейтинг 300 наиболее престижных, по мнению абитуриентов, профессий. Профессия социолога в этот список не вошла [13]. Однако, в рейтинге специальностей вузов социология находится на 15 месте [14]. Эти данные актуализируют необходимость формирования и продвижения бренда социолога на рынке труда через раскрытия широкого потенциала этой профессии, ее статуса в современном информационном обществе.

Сегодня насчитывается достаточно большое количество трактовок профессии социолога. Так, шведский социолог П. Монсон, сравнивает работу социолога с плаванием на «лодке на аллеях парка», предполагая сложный путь познания жизни и поведения людей. Американо-австрийский социолог П. Бергер, подчеркивал роль социологии в проникновении в неизвестное, сравнивал социолога с разведчиком. Многие социологи, в том числе и отечественные, говоря о функциях социологии, считают, что социолог – это аналитик, соучастник управления, прогнозист. На наш взгляд, его лучше сравнить с социальным врачом, который проводит анализ и диагностику состояния тех или иных процессов и на этой основе делает выводы, вносит предложения, о том, как поступать в сложившейся ситуации, а, если это необходимо, прогнозирует направления развития анализируемого социального явления.

Социология в процессе своего становления как науки наработала свои параметры социологической культуры, к которым относятся следующие нормативные установки:

- социальная реальность признается принципиально подлежащей научному исследованию;
- социальное регулирование и управление основывается на социологическом научном анализе;

- постоянная нацеленность на всесторонний анализ и комплексный учет возможных социальных последствий планируемых действий;
- постоянное отслеживание реального и возможного развития социальных процессов на всех уровнях [2].

Пока спрос на социологические услуги, особенно в регионах, достаточно низок. Не случайно большинство выпускников остаются работать в мегаполисах, куда они приехали учиться (работа по месту учебы). Распределение вузов, занимающихся подготовкой социологов, весьма неравномерно по федеральным округам. Эту мысль подтверждает анализ числа обучающихся социологов на 100 000 населения. Он выявляет явные диспропорции в распределении учебных заведений, ведущих подготовку социологов по регионам. Если в Центральном федеральном округе обучается 23,2 студента-социолога на 100 000 населения, то в Северо-Кавказском – 3,7.

Таблица 4

Распределение вузов и количества студентов-социологов по федеральным округам и субъектам Федерации на 2012 год [9]

Федеральный округ/ население округа/ плотность населения	Население округа / плотность населения (чел. на 1 кв. км)	Число вузов (гос и негос.)	Число обучающихся социологов	Число обучающихся социологов На 100 000 населения
Приволжский	29,9 млн чел. / 28,8 чел.	22	3369	11,3
Северо-Кавказский	9,5 млн чел. / 55,8 чел.	3	351	3,7
Южный	13,9 млн чел.; 32,9 чел.	9	1356	6,2
Дальневосточный	6,3 млн чел.; 1 чел.	9	831	13,2
Сибирский	19,2 млн чел.; 3,7 чел.	17	2410	12,1
Уральский	12,1 млн чел.; 6,6 чел.	11	1714	14,2
Центральный	38,4 млн чел.; 59,5 чел.	46	8918	23,2
Северо-Западный	13,6 млн чел.; 8,1 чел.	16	2629	19,3
Итого по России			133	21 578

Анализ динамики контингента студентов, обучающихся по специальности или направлению “Социология», свидетельствует о том, что в последние годы

он остается довольно стабильным, колеблясь в промежутке от 20 до 21 тысячи человек. Такая ситуация говорит о том, что скорее всего оптимизация количества социологов на данном этапе развития и системы образования и экономики в целом достигнута.

Несколько иная динамика имеет место в государственных и муниципальных вузах. Количество обучающихся социологов падает.

Таблица 5

Динамика обучающихся по специальности/направлению «Социология» в государственных вузах

Год	Число вузов	Общее число студентов
2011	107	16 835
2012	100	16 548
2013	105	15 770

С целью преодоления низкой общественной востребованности профессии социологи зачастую начинают выполнять гувернерские обслуживающие функции властных структур. Речь идет о социологическом политическом сервилизме, к сожалению, не так редко сегодня встречающемся [5]. В социологической сегодня науке социально острая проблематика не приветствуется, доминируют темы, связанные с оправданием сложившегося в России социального уклада. Это темы изучения элит и элитарного детерминизма в жизни страны, темы предпринимательства, жизни российской буржуазии.

Проблема малой востребованности социологии в российском обществе не снимается тем фактом, что выпускники социологических факультетов обычно не остаются безработными: они востребованы коммерческими структурами, средствами массовой информации, в госструктурах. Достаточно большое число студентов, имея опыт работы в различных организациях во время учебы, после завершения выбирают иные профессии. Часть этих профессий далеки от профессии социолога, другие – используют знания, полученные на факультетах социологии. При этом приоритетность теоретического образования исчезает, уступая место гибридизируемым форматам практических навыков и технологий (правда, зачастую с ограниченной зоной социальной ответственности): это инструменты маркетинговых исследований, методики оценки эффективности рекламы, рекрутерские стратегии работы с кадрами и пр. Это усугубляется ситуацией, когда на социологических факультетах работают преимущественно академические социологи, а успешные практики редко идут преподавать в вузы. Потому мы и наблюдаем разрыв между хорошей социологической теорией и технологиями ее воплощения в практической деятельности социолога, который, с нашей точки зрения, может быть

преодолен нацеленностью процесса подготовки социолога на формирование поликомпетентного специалиста, способного органично и гибко применять полученные социологические знания и умения практически в каждой сфере специализированной деятельности [4].

Последнее время ситуация меняется. Работодатели включаются (может быть не столь быстро и активно) в образовательный процесс, пока через различные виды практики. И мы видим, что за последние два года 20 выпускников нашего факультета трудоустроились именно в те организации, где они проходили производственную практику.

Таблица 6

Примеры баз производственной практики на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова

	Базы практики	Взяли на постоянную работу выпускников за период 2013/2014
	• Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации • Управа района Раменки ЗАО г. Москвы • Центр социально-консервативной политики в ЦФО	
Компании исследовательского профиля	• «ВЦИОМ», Общероссийский Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), «Аналитический центр Юрия Левады», «Исследовательский холдинг РОМИР»	2
Международные компании специализирующиеся на коммерческих исследованиях	• «Международная исследовательская компания TNS», «Международная социологическая компания IPSOS», «SYNOVAT E COMCON», «Международный маркетинговый центр ГФК-Русь» • Коммуникационный холдинг «VIVAKI»	12 6 человек
Компании и агентства социально-маркетинговых исследований	• «VECTOR MARKET RESEARCH», • «Magram Market Research», • ООО «Фабрика Маркетинга», «МАСМИ», «Маркетинговое Агентство Степ бай Степ»	

В этом учебном году на нашем факультете состоялись встречи студентов с топ-менеджерами крупнейших российских корпораций: Ростехнология, Боинг в России и т.п.

Ряд исследователей отмечают, что для повышения спроса на социологические кадры вся современная подготовка должна быть направлена на формирование «гибридного», конверсионного социолога, ориентированного на де-

ятельность в смежных с социологией сферах («нужен не просто социолог, а социолог-политолог, социолог-экономист, социолог-обществовед»).

Условно в существующем институциональном раскладе можно видеть три наиболее распространенных социальных типа современного российского социолога:

1) преподаватель (как правило, вузовский);

2) научный работник-исследователь;

3) социолог-практик (как правило, представитель руководящих хозяйственных, государственных, партийно-политических звеньев).

Речь в данном случае идет об идеальных социальных типах. Каждый конкретный человек, в зависимости от ситуации, может выступать, к примеру, и преподавателем, и исследователем, и практиком.

Каковы же сегодня ожидания и требования работодателей к выпускникам-социологам, в чем особенности вызовов рынка труда?

В сфере социальных исследований высоко ценятся два критерия: мотивация на работу именно в этой сфере и, имеющийся потенциал: наличие идей, умение выражать свои мысли, кругозор, пытливость ума, желание учиться новому. Эксперты единодушны в оценке качества теоретической подготовки социологов – она высокая. Претензии и ожидания работодателей связаны с практической подготовкой, спектром освоенных методов и приемов исследовательской работы, ориентированностью на работу в практической сфере деятельности. Что подтверждается диагностикой личностно-профессионального развития студентов-социологов. На этапе обучения в вузе у большей части студентов были выявлены: невысокий уровень профессиональной идентичности и мотивации к выполнению профессиональной деятельности; достаточно низкий уровень практической подготовки выпускников, а именно слабое оперирование знаниями других наук при решении профессиональных задач (статистики, иностранного языка, информатики); отсутствие стремления проводить собственные исследования; слабо выраженная потребность во взаимодействии с профессиональным сообществом.

В этой связи актуализируются следующие задачи образовательного процесса подготовки социологов:

– формирование такой мотивации обучения, когда высшее образование становится самоценностью;

– развитие навыков самообразования и саморазвития;

– формирование потребности в поствузовском социологическом образовании;

– формирование у будущего социолога дополнительных профессиональных навыков с целью построения оптимальной траектории своей профессиональной деятельности [6] через факультативные образовательные услуги (межфакультетские курсы);

– активное включение в процессы так называемого трансграничного высшего образования. Основными путями его реализации является сетевое обучение, создание совместных образовательных программ двумя или несколькими вузами, научными организациями, производственными объединениями и выдача на основе этого двойных дипломов.

Среди преимуществ сетевого обучения называют:

- динамичное изменение структуры образовательной деятельности в соответствии с изменениями спроса на рынке образовательных услуг
- снижение издержек и затрат за счет более эффективного использования ресурсов и развития интегрированных сервисных служб;

– расширение доступа обучающихся к современным образовательным ресурсам, технологиям и средствам обучения.

– обеспечение гибкости организации обучения за счет реализации индивидуальных траекторий обучения. Тем более что ФГОС третьего поколения имеет рамочный характер. Он в максимальной степени (в отличие от предыдущих) ориентирован на построение индивидуальных траекторий развития будущего социолога (за счет модульного обучения, сетевого обучения, за счет увеличения вариативной части и т.д.).

Как показал ретроспективный анализ развития социологического образования в России, большинство его трендов определяются интересами и запросами рынка с его колебаниями, непредсказуемостью, прагматичностью и ориентацией на сиюминутные потребности. Но мы должны осознать, что невидимая «рука рынка» не решит задач социологического образования. Вместо этого мы хотим опираться на видимую руку государства, университетов, социологического сообщества и нашего УМС, от взаимодействия которых зависит будущее российского социологического образования.

Список литературы

1. Абрамов Р.Н, М.А. Юманова М.А. Состав учебных планов и структура социологического образования в России: опыт эмпирического исследования // Социологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 81–94.

2. Добреньков В.И., Зборовский Г.Е, Нечаев В.Я. Проблемы и задачи социологического образования // Образование и общество [Электронный ресурс]. – URL: http://www.education.rekom.ru/6_2003/44.html (дата обращения: 10.05.2014).

3. Добреньков В.И., Зырянов В.В., Темнова Л.В. Вопросы качества подготовки социологов в контексте реформирования высшей школы России // Социология образования. – 2010. – № 9.– С. 36–48.

4. Зырянов В.В., Сайко Е.А., Темнова Л.В. Итоги мониторинга ООП по направлению Социология: проблемы и тенденции // Образование и общество. – 2013. – № 5. – С. 84–89.

5. Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е. Тенденции развития социологии и социологического образования в России // Мир России. – 2005. – № 1. – С. 89–119.

6. Малахов Ф.В., Сайко Е.А. Основные тенденции образовательной стратегии современного студента-социолога // Социология образования. – 2013. – № 12. – С. 91–107.

7. Москвичев Л.Н. Этапы институциализации отечественной социологии [Электронный ресурс]. – URL: http://elibrary.ru/item.asp?id=9230986; http://dissers.ru/1sotsiologiya/index2.php (дата обращения: 10.05.2014).

8. Портал Ucheba.ru [online] [Электронный ресурс]. URL: http://www.ucheba.ru/vuz/5955/faculty-8507/spec-176465.html (дата обращения: 10.05.2014).

9. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Стат. сб. / Росстат. – М.: Статистика России, 2011. – С. 7. [Электронный ресурс]. URL: – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis2010/VPN_BR.pdf (дата обращения: 10.05.2014).

10. URL: http://vak1.ed.gov.ru/ru/news/index.php?from54=17 (дата обращения: 10.05.2014).

11. URL: http://dissers.ru/1sotsiologiya/index2.php (дата обращения: 10.05.2014).

12. URL: http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31564 (дата обращения: 10.05.2014).

13. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/reiting_professii_top_300 (дата обращения: 10.05.2014).

14. URL: http://www.moeobrazovanie.ru/specialities_rating_vuz/ (дата обращения: 10.05.2014).

Spisok literatury

1. Abramov R.N, M.A. Yumanova M.A.Sostav uchebnihkh planov i struktura sociologicheskogo obrazovaniya v Rossii: opiht ehmpiricheskogo issledovaniya // Sociologicheskiyj zhurnal. – 2008. – № 2. – S. 81–94.

2. Dobrenjkov V.I., Zborovskiyj G.E, Nechaev V.Ya. Problemih i zadachi sociologicheskogo obrazovaniya // Obrazovanie i obthestvo. [Ehlektronnihyj resurs]. – http://www.education.rekom.ru/6_2003/44.html (data obratheniya: 10.05.2014).

3. Dobrenjkov V.I., Zihryanov V.V., Temnova L.V. Voprosih kachestva podgotovki sociologov v kontekste reformirovaniya vihssheyj shkolih Rossii // Sociologiya obrazovaniya. – 2010. – № 9. – S. 36–48.

4. Zihryanov V.V., Sayjko E.A., Temnova L.V. Itogi monitoringa OOP po napravleniyu Sociologiya: problemih i tendencii // Obrazovanie i obthestvo. – 2013. – № 5. – S. 84–89.

5. Konstantinovskiyj D.L., Ovsyannikov A.A., Pokrovskiyj N.E. Tendencii razvitiya sociologii i sociologicheskogo obrazovaniya v Rossii // Mir Rossii. – 2005. – № 1. – S. 89–119.

6. Malakhov F.V., Sayjko E.A. Osnovnihe tendencii obrazovateljnoyj strategii sovremennogo studenta-sociologa // Sociologiya obrazovaniya. – 2013. – № 12. – S. 91–107.

7. Moskvichev L.N. Ehtapih institucializacii otechestvennoyj sociologii / [Ehlektronnihyj resurs]. – http://elibrary.ru/item.asp?id=9230986; http://dissers.ru/1sotsiologiya/index2.php (data obratheniya: 10.05.2014).

8. Portal Ucheba.ru [online] // [Ehlektronnihyj resurs]. http://www.ucheba.ru/vuz/5955/faculty-8507/spec-176465.html (data obratheniya: 10.05.2014).

9. Predvariteljnihe itogi Vserossiyjskoyj perepisi naseleniya 2010 goda: Stat. sb./ Rosstat. M.: IIC «Statistika Rossii», 2011. – S. 7. [Ehlektronnihyj resurs]. – http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis2010/VPN_BR.pdf (data obratheniya: 10.05.2014).

10. http://vak1.ed.gov.ru/ru/news/index.php?from54=17 (data obratheniya: 10.05.2014).

11. http://dissers.ru/1sotsiologiya/index2.php (data obratheniya: 10.05.2014).

12. http://fedstat.ru/indicator/data.do?id=31564 (data obratheniya: 10.05.2014).

13. http://www.moeobrazovanie.ru/reiting_professii_top_300 (data obratheniya: 10.05.2014).

14. http://www.moeobrazovanie.ru/specialities_rating_vuz/ (data obratheniya: 10.05.2014).

В.И. Мукомель,
доктор социологических наук, заведующий сектором изучения миграционных и интеграционных процессов Института социологии РАН.
E-mail: mukomel@isras.ru

СПЕЦИФИКА ВЗАИМНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ ПРИНИМАЮЩЕГО НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАНТОВ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ[1]

Аннотация: *наибольшие напряжения между принимающим сообществом и мигрантами отмечаются в молодежной среде. В статье анализируются проблемы взаимной адаптации и интеграции местной молодежи и молодых мигрантов из Средней Азии и Закавказья в российских городах. Исследуются ценности, особенности самопрезентации, презентации «чужих», специфика маркирования повседневных коммуникативных практик как «своих» или «чужих», а также стереотипы ожидаемого функционирования социальных институтов принимающих сообществ.*

Ключевые слова: *интеграция; мигранты; молодежь; доверие; лояльность; ценности.*

До 2030 г. миграционный прирост в России составит почти 7,5 млн человек (по среднему варианту прогноза Росстата). Численность временных трудовых мигрантов, ежегодно работающих в России и оцениваемая в 4–6 млн человек, также резко возрастет в связи с сокращением численности трудоспособного населения. Большинство мигрантов составят иноэтничные и иноконфессиональные мигранты, их массовый приток станет серьезным социальным вызовом, если не удастся обеспечить их адаптацию и интеграцию.

Содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом является одной из ключевых задач миграционной политики, а формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, создание программ по формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом является приоритетным направлением государственной миграционной политики [2].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 13-03-00494.

Наибольшие напряжения между принимающим сообществом и мигрантами отмечаются при столкновении разных поведенческих стандартов, основанных на разном восприятии ситуации, особенно в молодежной среде и, в частности, среди работающей молодежи. Отсутствие взаимопонимания между молодыми представителями местного сообщества и мигрантами (большинство из которых – молодые люди) ставит серьезные барьеры на пути адаптации и интеграции мигрантов, провоцируя социальные и межэтнические конфликты.

В чем особенности адаптации и интеграции молодых мигрантов, их взаимодействия с местной работающей молодежью? В какой мере отсутствие взаимопонимания между местной и мигрантской молодежью является следствием разных ценностных ориентаций и представлений о социальных ценностях, различиями в самоидентификации (этнической, религиозной, гражданской, территориальной, социальной)? В какой мере на взаимоотношениях молодежных групп сказываются их представления и социальные практики, формирующие круги доверия, лояльности и солидарностей?

Поиск ответов на вышеперечисленные вопросы, необходимых для предотвращения социальной исключенности, снижения рисков роста социальной и межнациональной напряженности в молодежной среде, является целью настоящей статьи.

Методология исследования и профили выборок

Методология работы включала социологические опросы, а также качественные исследования местной работающей молодежи и трудовых мигрантов в возрасте 18–30 лет в городах Астрахане и Самаре. Опросами, проведенными в 2013-2014 гг., было охвачено 316 респондентов, представляющих местную молодежь и 300 респондентов, не имеющих российского гражданства – представителей трудовых мигрантов, являющихся выходцами из Азербайджана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Качественные исследования включали 7 тестовых индивидуальных и 16 групповых интервью с использованием методики семантического дифференциала (в том числе:4 – мужчины, 4 – женщины, 4 – в возрасте 18–24 лет, 4 – в возрасте 25–30 лет).

Выборки различаются по полу: если среди молодых россиян 46,2% респондентов – мужчины, то среди мигрантов – 65,0%. Большинство опрошенных россиян по национальности были русскими (80,4%). Среди представителей других этнических групп лучше представлены татары – 6,3% от общего числа респондентов, казахи – 2,2%, чуваши – 1,9%, башкиры – 1,3%, а также народы Дагестана – 1,8%. Среди опрошенных мигрантов 35,5% – таджики, 27,7% – узбеки, 19,0% – киргизы и 18,0 – азербайджанцы.

Опрошенные россияне и мигранты существенно различаются по уровню образования: среди российских респондентов высшее образование имело 35,0% опрошенных, незаконченное высшее – 31,5%, среднее специальное – 25,4%, тогда как среди мигрантов – соответственно 4,2%, 7,3% и 48,3%.

Основная часть как россиян, так и мигрантов, никогда не состояли в браке (57,6% и 42,1%, соответственно). Материальное положение семей молодых мигрантов хуже, чем у местной молодежи, но доля совсем бедных, кому не хватает на элементарные нужды, примерно одинакова в обеих молодежных группах. Мигрантская опрошенная молодежь происходит в основном из низшей и средней страт среднего класса, среди местных больше представлена средняя страта среднего класса. К выходцам из высшего класса можно причислить 9,3% российских респондентов и 5,0% – мигрантов.

Для фиксации профиля ценностных ориентаций респондентов были сконструированы два блока вопросов анкеты. Первый был построен на основе методики Р. Инглхарта и направлен на измерение двух параметров ценностных ориентаций: 1) традиционные /секулярно-рациональные ценности и 2) ценности выживания/самовыражения[1].

Второй блок вопросов был сконструирован на основе измерения такого параметра как «дистанция власти» в типологии Г. Хофстеда. (Измерение социальной дистанции, отражаемой в представлениях о приоритетном праве на принятие решений, ответственности за реализацию этих решений, мере подчинения этим решениям, мере личной инициативы и т.п.)[2]

Социальные ценности, ценностные ориентации

Для молодежи – как российской, так и мигрантской, – значимо всё: и деньги, и дорогостоящие вещи, и образование, и семья, и уважение других. При этом, как для россиян, так и для иностранцев, материальный капитал, символический капитал менее значимы, чем человеческий капитал (табл. 1). На первых местах в обеих группах – желание и умение работать, воспитанность, мудрость, необходимые для того, чтобы быть уважаемым человеком среди тех, с кем они обычно общаются и с чьим мнением считаются.

Отметим также, что, во-первых, мигранты придают, как правило, бо́льшее значение всем социальным ценностям, чем местная молодежь. (Единственно

[1] Более подробно см.: [3] .

[2] Высокая дистанция власти характеризуется такими признаками, как ориентация на сильную власть, возложение ответственности за результат деятельности на руководство, социальная недоступность вышестоящих, проведение реформ путем смены руководящих персон, основная задача управления – сохранение существующей структуры. Для низкой дистанции власти характерны: ориентация на компетентную власть, ответственность каждого за результат своей деятельности, социальная доступность вышестоящих, реформы через изменение структуры власти, основная задача управления – решение текущих задач. Как свидетельствуют исследования Г. Хофстеда, высокая дистанция власти характерна для обществ, ориентированных на традиционные ценности, а низкая дистанция власти – на ценности секулярно-рациональные.

значимое отличие – россияне уделяют больше внимания известности, популярности в обществе.) Во-вторых, приезжие придают несоразмеримо бо́льшее значение чувству долга перед ближайшим окружением, верности традициям, семейные ценности для них также более значимы. В-третьих, для мигрантов – выходцев из местностей, где земля представляет огромную ценность, – она остается таковой и в России. Вероятно, для мигрантов – а многие из них пребывают в России достаточно большой срок[1], – земля значима не столько как материальная ценность, сколько как мерило престижа – так же, как обладание фирменными вещами, современной техникой.

Таблица 1

Социальные ценности местной и мигрантской молодежи, % ответивших «Скорее важно, очень важно»

Социальные ценности / Виды капитала	местные	мигранты
Деньги и ценности	43,8	42,8
Недвижимость	44,8	56,9
Земля	26,8	42,3
Собственное дело	44,2	43,6
Машина	43,2	56,9
Хорошее образование	74,9	72,7
Высокая квалификация	71,1	75,3
Доходная должность	51,3	65,5
Талант	76,5	87,3
Мудрость	84,1	92,0
Желание и умение работать	87,6	94,9
Крепкое хорошее хозяйство	47,0	56,3
Здоровье	68,9	70,0
Большая дружная семья	75,8	87,0
Уважаемая семья	71,3	88,3
Высокий пост, власть	34.7	36,9
Уважаемая профессия	57	78,8
Влиятельные родственники	31,7	38,0
Влиятельные друзья	34,9	30,8
Чувство долга перед родственниками, земляками	57	80,3
Верность традициям	55,3	87,5
Воспитанность	92,3	91,3
Известность, популярность в обществе	35,6	25,8
Работа в известной фирме, компании	40,4	41,3
Наличие престижных, фирменных вещей	27,3	38,4
Обладание современной техникой	48,6	65,9

[1] 17,8% мигрантов пребывают в России свыше 7 лет, 31,7% – от 4 до 7 лет.

Среди россиян секулярно-рациональные ценностные ориентации больше распространены, чем среди мигрантов, тогда как мигранты больше ориентируются на традиционные ценности (табл. 2). (Единственное исключение из рассматриваемых ценностных компонент – более сдержанное неодобрение абортов, – вероятно, объясняется различиями в возрастно-половом составе местной и мигрантской молодежи.) Мигранты, вполне предсказуемо, также больше ориентируются на ценности выживания, тогда как россияне – на ценности самовыражения (табл. 2).

Таблица 2

Средние значения показателей Р. Ингларта среди местной и мигрантской молодежи

Показатели, шкалы	Местные	Мигранты
Ориентация на секулярно-рациональные или традиционные ценности		
Важность Бога (шкала 0–9)	6,65	8,20
Индекс послушания: важно воспитывать послушание и религиозность, а не независимость и решительность (шкала 0–1)	0,31	0,43
Неодобрение абортов (шкала 0–9)	6,02	5,75
Национальная гордость (шкала 0–4)	3,24	3,34
Мера опоры на государство (шкала 0–1)	0,13	0,37
Ориентация на ценности самовыражения или выживания		
Неодобрение гомосексуализма (шкала 0–9)	7,59	8,49
Субъективное ощущение несчастливости (шкала 1–4)	1,79	1,77
Предпочтение материалистических ценностей постматериалистическим (шкала 0–1)	0,65	0,66
Неготовность подписывать петиции (шкала 0–1)	0,43	0,65

Большинство как опрошенной рабочей молодежи Самары и Астрахани, так и трудовых мигрантов условно можно отнести к промежуточному типу между ориентированным на традицию и ценности выживания типом («властная иерархия») и ориентированным на секулярно-рациональные ценности и ценности самовыражения – «инициативная автономия» по Р. Инглхарту.

Большинство работающей местной молодежи ориентировано на низкую дистанцию власти, что характеризует субкультуру местной работающей молодежи как ориентированную на образцы современного модернизированного общества (табл. 3).

Таблица 3

Измерения по параметру «дистанция власти» Г. Хофстеда

Ответы на вопросы	Местные	Мигранты
«Я считаю правильным когда…»		
1 Подчиненному можно и нужно высказывать свое мнение в любой момент	67,4%	46,3%
2 Подчиненному следует высказываться только тогда, когда начальник его спросит	22,8%	34,2%
Нет ответа	9,8%	19,5
«Я считаю правильным когда…»		
1 Решения принимают те, кто выполняет задания, и они же несут за них ответственность	58,9%	33,4%
2 Решения всегда принимает начальник, и он несет ответственность за все	32,6%	50,5%
нет ответа	8,5%	16,1%

У мигрантов дистанция власти намного выше – своеобразная дань традиционному патриархальному обществу. При этом примечательно, что значительная часть молодых мигрантов – в отличие от местной молодежи – затрудняется в ответах.

В целом, как местную работающую молодежь, так и мигрантов, можно характеризовать как ориентированных на традицию в той части ценностной системы, которую относится к морально-этическим ценностям, и в то же время ориентированных на современные глобальные ценности в части ценностей повседневной, в том числе экономической, деятельности.

Структура идентичностей

Как у россиян, так и у мигрантов, на первом месте гражданская идентичность: 89,2% молодых астраханцев и самарцев согласились с утверждением «Мы – это граждане России»[1], среди мигрантов идентифицировали себя со страной выхода 86,1% респондентов.

Однако последующая иерархия идентичностей у этих групп различается. Для россиян значимы территориальная идентичность («жители города») – отметили 60,0% опрошенных, этническая идентичность (50,8%), локальная идентичность («жители района») – 41,5%, религиозная идентичность (45,7%).

Для мигрантов наиболее значимы вероисповедание – отметили 79,2% респондентов, национальность (78,6%), достаток (70,9%), менее выражены

[1] Любопытно, что гражданская идентичность у русских оказалась менее ярко выраженной, чем у представителей других этнических групп.

территориальная и локальная идентичности (29,8% и 31,5%). При этом 16,4% мигрантов идентифицировали себя с гражданами России.

Самой слабовыраженной у россиян оказалась стратификационная идентичность: с утверждением «мы – это люди того же достатка» солидаризировалось в целом лишь 28,5% опрошенных. Напротив, среди мигрантов эта идентичность вышла на четвертое место. Однако если у российских респондентов с самым низким уровнем дохода стратификационная идентичность акцентуализирована значительно сильнее, чем у других респондентов, то среди мигрантов она актуализирована среди выходцев из семей, относимых к низшему слою среднего класса.

Доверие, лояльность

Наибольшее доверие всех молодых людей вызывают родители (о доверии к ним заявило 90,4% всех опрошенных россиян и 89,3% мигрантов), другие члены семьи (им доверяет, соответственно, 82,2% и 84,0%), а также близкие друзья (они вызывают доверие у 71,1% россиян и 72,4% мигрантов). Однако мигранты, в отличие от местной молодежи, включают в ближний круг доверия также других родственников, не проживающих с ними (71,7% респондентов), уровень доверия к ним такой же, как и к близким друзьям.

Межличностное доверие россиян ограничивается ближним кругом: семьей, родственниками, друзьями, хорошими знакомыми. Низкий уровень межличностного доверия россиян, как неоднократно отмечалось более характерный для менее образованных и материально обеспеченных слоев, напрямую сказывается на росте ксенофобных настроений: «Взаимное недоверие, подозрительность становится одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе» [1, с. 171].

Межличностное недоверие сказывается в первую очередь на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.). Другой, более широкий круг доверия охватывает категории людей, с которыми мы не сталкиваемся непосредственно, только наше представление соединяет их в реальные сообщества: члены этнической группы, религии, расы и т.п. В этом случае доверие к конкретным лицам переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам [4, с. 117]. П. Штомпка подчеркивает, что эта форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, самоутверждения, достоинства, автономии» [4, с. 117, 157–158]. Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества.

Молодые россияне не доверяют жителям своего города (им не доверяют 67,2% опрошенных), жителям того же района (они не вызывают доверия у 66,3% опрошенных), соседям (об отсутствии доверия к ним заявило 60,4% опрошенных), коллегам по работе (30,9% респондентов). Картина, разительно отличающаяся от уровней доверия мигрантов: жителям города не доверяют лишь 23,4% мигрантов, жителям района – 24,0%, соседям – 19,4%, коллегам по работе – 16,3%.

Молодые россияне не доверяют людям других национальностей, проживающим в их городе (о недоверии к ним заявило 66,8% респондентов), однако не намного больше они доверяют и людям своей национальности – 58,3% из них заявило о недоверии к представителям своей этнической группы. В отличие от россиян, мигранты лояльны не только к представителям своей национальности (о недоверии к ним заявили 14,3% опрошенных), но и к представителям других этнических групп (недоверие к ним выразили 25,3% мигрантов).

Даже духовным, религиозным лидерам большинство российской молодежи выказывает недоверие (отметили 52,5% респондентов). В отличие от россиян, мигранты демонстрируют большее уважение к духовным лицам: только 13,7% из них выказывают недоверие к ним.

Особая проблема – институциональное доверие. Что касается формальных организаций, то в целом доверие к ним у российской молодежи находится на весьма низком уровне. Полиции не доверяет 41,9% всех респондентов, суду – 41,6% респондентов, еще ниже уровень доверия к городским властям и депутатскому корпусу (табл. 4).

Парадоксально, но иностранцы выказывает существенно большее доверие и лояльность российским институтам, чем сами россияне. Особенно удивляет, что российская молодежь демонстрирует бо́льшее недоверие Русской Православной Церкви, чем мигранты-мусульмане.

Таблица 4

Уровень недоверия к российским институтам среди молодых россиян и трудовых мигрантов, % ответивших

Не доверяющие	Местные	Мигранты
Полиции	41,9	23,3
Суду	41,6	26,0
Русской Православной Церкви	34,3	19,1
Духовному Управлению Мусульман	45,7	10,4
Другим религиозным организациям	54,9	19,5
Администрации города	52,7	21,1
Местным депутатам	60,9	24,4
Руководству Вашего предприятия	35,2	19,1
Правозащитным организациям	33,3	16,1
Профсоюзу	46,8	42,6

На фоне экспансии в российском обществе культуры недоверия[1], затронувшей и российскую работающую молодежь, мигранты выглядят пришельцами с другой планеты с их высокими уровнями межличностного, межгруппового и институционального доверия и лояльности российским институтам.

Отношение к «другим»

Подавляющее большинство молодых россиян отмечают, что они встречают мигрантов в своем районе очень часто (41,1% ответов) или часто (31,0%). Парадоксально, но сами мигранты, чаще россиян контактирующие с себе подобными, намного реже встречаются с мигрантами: только 18,5% высказались, что встречают их очень часто и 49,0% – часто. Вероятно, имеет место своеобразная аберрация, когда к мигрантам обыватель относит всех представителей «видимых меньшинств», визуально отличающихся от этнического большинства – независимо от гражданства. Сказывается, наверное, и воздействие масс-медиа, молодежной субкультуры, демонстрирующих уничижительное отношение к мигрантам.

Основная масса респондентов-россиян (38,5%) убеждена, что России никакие мигранты не нужны, 12,9% опрошенных полагали, что стране нужны только те мигранты, которые хотят здесь жить навсегда, 16,2% – что страна нуждается только в тех мигрантах, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно, 4,5% – что России нужны любые мигранты. Значительная часть респондентов (27,8%) затруднились с ответом.

Мнение мигрантов иное: 51,5% считают, что России нужны любые мигранты, 17,8% – только те мигранты, которые хотят здесь жить навсегда, 12,1% – что Россия нуждается только в тех мигрантах, которые приезжают на заработки и не собираются здесь жить постоянно. Только 1,3% полагают, что России никакие мигранты не нужны, еще 17,2% затруднились с ответом.

Подавляющее большинство молодых мигрантов (68,2%) намерены остаться в России навсегда, 15,1% – уехать в другой российский город. Уехать из России собираются лишь 10,7% респондентов, 5,9 % затруднились с ответом.

Более 4/5 молодых мигрантов, таким образом, связывают свое будущее с Россией. Среди молодых мигрантов широко распространены интеграционные настроения и ожидания, резко контрастирующие с настроениями принимающего населения. Эти мигранты, однозначно связывающие свое будущее с Россией, оптимистично (вероятно, чрезмерно) оценивают отношение к ним местного населения и перспективы интеграции.

Их российские сверстники относятся к этим планам настороженно. Подавляющее большинство опрошенных (70,8%) не хотели бы, чтобы дети и внуки

[1] Для нее характерны аномия, нестабильность общественного порядка, непрозрачность институций, чуждость окружения, безответственность других людей и институтов.

мигрантов жили здесь постоянно. Среди самих мигрантов, напротив, 75,9% хотят, чтобы их дети и внуки осели в городах опроса. 64,9% опрошенных россиян не посоветовали бы мигрантам переезжать сюда на постоянное жительство. (Среди мигрантов такой совет землякам поддерживают лишь 14,1%).

Около половины опрошенных молодых россиян отрицательно отнеслись бы к соседству с семьей мигрантов. При этом наибольшее отторжение вызвали бы соседи из Таджикистана, несколько меньшее – соседи из Киргизии и Азербайджана (табл. 5).

Таблица 5

Отношение к возможному соседству с семьями мигрантов и местных, % ответивших

Ответы на вопросы	Положительно, скорее положительно	Безразлично	Отрицательно, скорее отрицательно
Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Азербайджана?			
Местные	13,9	30,4	49,4
Мигранты	68,2	17,1	12,0
Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Киргизии?			
Местные	12,0	31,7	48,9
Мигранты	74,7	17,9	4,4
Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Таджикистана?			
Местные	8,9	28,3	56,2
Мигранты	76,0	19,6	1,7
Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья мигрантов из Узбекистана?			
Местные	11,4	30,5	51,8
Мигранты	68,0	19,3	11,0
Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы рядом с Вами поселилась самая обычная семья местных жителей?			
Мигранты	78,5	18,9	2,7

Мигранты более толерантны к себе подобным. (За единственным исключением: молодые таджики весьма настороженно отнеслись бы к соседству с узбеками – более четверти из них (26,4%) выступили против такого соседства). Но наиболее благосклонно они отнеслись бы к соседству с местными жителями.

Возможность совместной работы с мигрантами вызывает у российских респондентов меньшее неприятие. В среднем 44,2% россиян отнеслись бы к

этому безразлично, 36,7% – отрицательно и 12,8% – положительно. Причем наиболее предпочтительными коллегами по работе респондентам представляются мигранты из Азербайджана, а наименее – мигранты из Таджикистана.

Мигранты намного лучше отнеслись бы к тому, чтобы работать с мигрантами же – 72,3% отнеслись бы к этому положительно. Но работа с местными жителями для них еще более предпочтительна – 82,0% выказали такое мнение.

Возможность руководить мигрантами на работе воспринимается молодыми россиянами примерно так же, как совместная работа «на равных»: 44,5% респондентов относятся к такой возможности безразлично, 36,3% – отрицательно и 12,0 % – положительно. У мигрантов предпочтения все те же: при том, что 69,0% позитивно отнеслись бы к руководству мигрантами, 77,2% предпочли бы иметь в подчинении местных работников.

Возможность проведения совместного досуга с мигрантами вызывает у молодых россиян несколько большее отторжение, чем совместная работа. В среднем 42,2% опрошенных безразлично отнеслись бы к тому, что среди тех людей, с которыми они обычно проводят свободное время, оказался мигрант, 30,0 % – отрицательно и 11,6% – положительно. Сами мигранты же отдают предпочтение общению с местными жителями – 80,6% опрошенных отнеслись бы к этому положительно (к общению с мигрантами во время досуга положительно отнеслись бы 72,1%).

Местная молодежь демонстрируют достаточно высокий уровень неприятия мигрантов. Вместе с тем представители национальных меньшинств относятся к иностранцам более лояльно, чем русские, работники смешанных коллективов проявляют к мигрантам большую толерантность, чем работники коллективов, в основном состоящих из местных жителей, равно как и приезжие из других регионов. Более сдержано к мигрантам относятся наиболее образованные молодые люди.

В чем и мигранты, и их российские сверстники сходятся, так это в оценке глубинных, социально-культурных факторов, формирующих барьеры между мигрантами и принимающим населением. 66,6% молодых россиян полагают, что в образе жизни мигрантов есть особенности, к которым местным жителям сложно привыкнуть. Аналогично, 67,7% мигрантов считают, что в поведении и образе жизни местного населения имеются особенности, к которым сложно привыкнуть. Большинство молодых россиян (68,6% опрошенных) убеждены, что местные жители никогда не будут считать мигрантов «своими». И мигранты с этим не спорят: 55,0% из них согласны с таким утверждением.

Признание мигрантами определенных сложностей взаимоотношений с принимающим населением, вероятно, интерпретируется ими как преодолимых и не являющихся, с их точки зрения, препятствием для адаптации и интеграции.

И тому имеются определенные основания. Мигранты оценивают свои отношения с принимающим населением весьма позитивно (табл. 6).

Таблица 6

Оценка местной и мигрантской молодежью отношений мигрантов с принимающим населением, % ответивших

Согласен/скорее согласен с утверждением:	Местные	Мигранты
Россияне хорошо относятся к мигрантам	20,1	71,4
Жители этого города/села хорошо относятся к мигрантам	20,3	79,2
У меня хорошие отношения с местными там, где я живу	50,1	94,7

Большинство респондентов считает, что россияне хорошо относятся к мигрантам, еще выше доля полагающих, что к ним относятся хорошо жители данного города (76,4%), и совсем уж зашкаливает доля полагающих, что у них хорошие отношения с местными в их микрорайоне, в доме (94,7%).

Их молодые российские сверстники, пусть и более сдержано, считают свои лично отношения с мигрантами хорошими: только 39,7% считают их плохими, тогда как хорошими – 50,1%. И совершенно другие представления у них об отношении к мигрантам горожан и жителей страны…

Чем уже и конкретней круг коммуникаций, чем он более персонифицирован, тем лучше оцениваются обеими сторонами отношения мигрантов с местным населением. Отчасти это свидетельство того, что напряжения между мигрантами и принимающим населением во многом являются искусственно созданным конструктом, а основным каналом распространения ксенофобных настроений служат масс-медиа, из которых и мигранты, и россияне черпают представления об отношении принимающего населения к мигрантам.

Тот факт, что ценности молодых мигрантов не вступают в кардинальное противоречие с ценностями их сверстников, что их высокий уровень межличностного, межгруппового, институционального доверия не замыкается на земляках и распространяется на принимающее население и российские институты внушают оптимизм, создавая рамочные условия для успешной интеграции. А их позитивный настрой, ориентация на «оседание» в конкретной местности, готовность большинства их них к коммуникациям с местными жителями – свидетельство того, что многим из них удастся интегрировать в локальные социумы.

Список литературы

1. Козырева П.М., Смирнов А.И. Доверие и его роль в консолидации российского общества // Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. – М.: Новый хронограф, 2010.

2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf (дата обращения: 18.09.2014).

3. Магун В., Руднев М. Типология европейцев по ценностям Р. Инглхарта и межстрановые сравнения // Вестник общественного мнения – 2012. № 3–4.

4. Штомпка П. Доверие – основа общества. – М.: Логос, 2012.

Spisok literatury

1. Kozireva P.M., Smirnov A.I. Doveriye i ego rol v konsolidacii rossiyskogo obshestva // Socialnie factory konsolidacii rossiyskogo obshestva: sociologicheskoye izmerenie. – M.: Noviy hronograf, 2010.

2. Koncepciya gosudarstvennoy migracionnoy politiki Rossiyskoy Federacii na period do 2025 goda. URL: http://www.fms.gov.ru/upload/iblock/07c/kgmp.pdf (дата обращения: 18.09.2014).

3. Magun V., Rudnev M. Tipologiya evropeycev po cennostyam R. Inglharta I mezstranovie sravneniya // Vestnik obshestvennogo mneniya. – 2012. № 3–4.

4. Shtompka P. Doveriye – osnova obshestva. – M.: Logos, 2012.

С.С. Новикова,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социология социальной сферы, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: s_novikova60@mail.ru

ИСТОКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: 1875–1917 ГГ.

Аннотация: *в России в 1875–1917 гг. шел интенсивный процесс институционализации социологии и становление системы социологического образования. Работы талантливых и блестяще образованных русских ученых (прежде всего М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева), широкий интерес молодежи к новому социологическому знанию, другие факторы помогли социологии стать самостоятельной социальной дисциплиной. Однако негативный стереотип официальной власти так и не был преодолен. В результате в начале XX века в государственных высших учебных заведениях не было создано ни одной кафедры социологии.*

Ключевые слова: *социология, высшее образование, социологическое образование, самообразование, институционализация.*

Хронологически процесс изначальной институционализации социологии в России прослеживается от середины 70-х гг. XIX в. до 1917 года. Этот период наиболее тесно связан с именами М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева.

Появление новой науки – социологии – было встречено в России настороженно со стороны властей: к ней с самого начала сложилось негативное отношение, шутливое название социологии во Франции – «blaguologie», было переведено как «пустословие» и долгое время имело широкое хождение. Даже в некоторых ученых советах именно это подразумевалось под социологией. Показательно, что, например, термины «революция», «общество» и «прогресс» официально было запрещено использовать вплоть до 1861 г., в соответствии с «высочайшими» решениями Павла I и Николая I по этому поводу. Слово «эволюция» также подвергалось гонениям, особенно со стороны богословов, так как они усматривали в нем материалистический смысл. Этим объясняется то, что подавляющая часть социологов в этот период преследовалась в той или иной форме, и публиковать свои работы многие из них вынуждены были за границей.

Тем не менее потребность в подготовке образованных специалистов по социологии требовало становления систематического социологического образования. В последней трети XIX века в Европе, Америке и России предпринимаются первые попытки ввести преподавание социологии в высших учебных заведениях [10].

В России в середине XIX в. было шесть университетов – Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский, Университет им. Св. Владимира в Киеве и Дерптский. Несмотря на то что на преподавание социологии был наложен запрет со стороны государственной власти, она отрывочно преподавалась в рамках других дисциплин: истории, энциклопедии права, истории права, философии истории и др. [17, с. 462].

В конце 70-х – начале 80-х годов XIX века были предприняты первые попытки чтения лекций по социологии. В Московском университете на кафедре государственного права в конце 70-х гг. XIX в. М.М. Ковалевский начал читать курс лекций по эволюции общественных форм на основе сравнительного анализа [см.: 5, с. 374]. В это же время в Петроградском университете профессор Н.М. Коркунов свой курс по энциклопедии права стал все больше дополнять социологическим материалом [см.: 5, с. 378]. Это привело к тому, что в 80-е годы XIX в. студентам вместо «Энциклопедии права» уже читался курс философской пропедевтики обществоведения. Н.И. Кареев писал, что для того, чтобы этот курс с полным на то основанием можно было бы назвать курсом социологии, не хватало только экономического материала [см.: 5, с. 379].

В 1877 г. И.В. Лучицкий, будучи профессором Киевского университета, у себя на дому прочитал специальный курс об О. Конте и Г. Спенсере [см.: 14, с. 53]. Через год им была издана книга «Описательная социология или группы социологических фактов, классифицированные и распределенные Г. Спенсером» (Киев, 1878). В 1880 г. под его же редакцией вышла другая работа Г. Спенсера «Начала социологии (Обрядовые учреждения)» (Киев, 1980).

В начале 90-х гг. XIX века Н.И. Кареев предпринял «попытку изложения с университетской кафедры наиболее важных социологических вопросов с историко-критической точки зрения» [5, с. XII]. В 1890 г. один из прочитанных им курсов был посвящен рассмотрению вопроса роли личности в истории, а другой курс – «экономическому материализму». С осени 1891 г. Н.И. Кареев начал ежегодно читать курс «Исторической энциклопедии». Социологические вопросы в это время интересовали учащуюся молодежь, они широко освещались в социологической литературе (как книгах, так и журналах), часто обсуждались в беседах и только университетские кафедры избегали их [см.: 5, с. XII].

Из существующих университетских факультетов наиболее близко к социологии стояли юридический и исторический факультеты. «На юридическом

факультете, – писал Н.И. Кареев в 1897 г., – есть даже особый предмет преподавания, – так называемая энциклопедия права (с историей философии права), – который при современном состоянии общественных наук не может излагаться сколько-нибудь научно без социологического элемента. Современное состояние исторической науки тоже требует со стороны занимающихся историей усвоения социологических идей и теорий» [5, с. XII].

В начальный период звучали многочисленные возражения против социологии как новой самостоятельной науки. Социологию или сводили к какой-либо уже сложившейся конкретной науке, либо представляли как совокупность всех конкретных наук. Это объяснялось рядом причин. Одна из главных причин была связана с мнением о том, что социология не имеет своего специфического объекта изучения, а поэтому она способна только суммировать выводы, полученные другими науками.

Второй причиной было то, что русские социологи в это время не имели специальной социологической подготовки. Среди них было много историков, юристов и политэкономов, кроме этого были выпускники естественнонаучных факультетов, военных учебных заведений и даже лица, не имеющие законченное высшее образование, а также крупные чиновники, профессора-теологи [см.: 2, с. 17]. Н.И. Кареев писал, что «когда в роли социологов выступают экономисты или юристы, антропологи или историки, они вносят в свои сочинения специальные интересы и точки зрения своих частных наук...» [5, с. 364]. Об этом говорил и Б.А. Кистяковский: «Каждый из последующих социологов, вкладывал в свою “социологию” свое собственное содержание, которое соответствовало его научным интересам и его запасу знаний» [см.: 7, с. VI].

Третья причина заключалась в том, что в социологии тогда господствовал редукционизм разных оттенков (биологический, географический, психологический, механистический, экономический и т.д.). Согласно редукционизму главным союзником социологии, а значит, и моделью для подражания объявлялись биология или психология и т.п.

В конце XIX века в Англии и Америке началось широкое движение содействия самообразованию тем, кто по тем или иным причинам не могли получить систематического университетского образования. Стремление к самообразовании заметно усилилось в это время и в России. Это стало причиной создания в Москве осенью 1894 г. Комиссии по организации домашнего чтения, состоящей при учебном отделе Общества Распространения Технических знаний. Одновременно с этим, в Санкт-Петербурге в ноябре того же года при Педагогическом Музее был создан особый «Отдел для содействия самообразования», в состав которого вошли: М.А. Антонович, В.Л. Бернштам, И.И. Боргман, П.Ф. Каптерев, Н.А. Карышев, Н.И. Кареев, В.А. Мякотин, И.П. Пав-

лов и др. Председателем «Отдела» был избран директор Музея А.Н. Макаров, а товарищем председателя – Н.И. Кареев [6, с. 18].

Изданные московской Комиссией по организации домашнего чтения программы стали пользоваться заслуженным успехом и «показали как сильна потребность читающей публики в подобного рода программах и списках» [6, с. 5], до этого потребность удовлетворялась разными, чаще всего односторонне и неумело составленными списками книг.

С ноября 1894 г. по апрель 1895 г., под председательством Н.И. Кареева был проведен ряд заседаний «Отдела для содействия самообразования», на которых была обсуждена и одобрена к печати «Общая энциклопедическая программа», состоящая из 14 частных программ: по философии, физики, химии, астрономии, истории земли (геологии), ботанике и зоологии, анатомии и физиологии животных, антропологии (зоологической), социологии, юриспруденции и государствоведения, политической экономии, всеобщей истории, русской истории и истории литературы, а также двух специальных программ: по русской истории и политической экономии. Авторами программ являлись специалисты данных областей знания. Во всех программах указывались важнейшие вопросы, «знакомство с которыми необходимо для каждого образованного человека, желающего составить себе определенное миросозерцание» [6, с.18] и приводилась литература, преимущественно на русском языке, с которой полезно было ознакомиться для уяснения сущности того или иного вопроса.

Н.И. Кареев принимал активное участие в составлении данного труда. Он был автором программы по социологии и философии истории, при содействии С.А. Муромцева – программы по государственному праву и общей теории права, совместно с В.Л. Беренштамом разработал программу по всеобщей истории [см.: 6, с. 19]. Социологии отводилось самостоятельное место в ряду других наук. «Главный предмет социологии, – указывал Н.И. Кареев, – строение, деятельность и развитие человеческого общества, отвлеченно взятого. Отдельные стороны общественной жизни, называемые государством, правом и народным хозяйством, изучают более старые, чем социология, науки, именно: политика, юриспруденция и экономика, общим теориям которых в нашей программе отведено самостоятельное место рядом с основными вопросами социологии. Современное научное миросозерцание исходит их того принципа, что общественные явления совершаются так же закономерно, как и явления, происходящие в природе. Задача социологии заключается в том, чтобы открывать законы причинности и развития общественных явлений» [6, с. 22–23].

Разработанная Н.И. Кареевым программа по социологии была оценена научными кругами противоречиво. С одной стороны, о высокой ее оценке говорит тот факт, что она была три раза переиздана. С другой – она была подвергнута резкой критике С.Н. Южаковым в его работе «Дневник журналиста» (1895), посвященной вопросу изучения социологии. С.Н. Южаков разработал свою программу самостоятельного ознакомления с социологией, логически расчленив ее на двенадцать рубрик. Он рекомендовал ознакомиться с работами ряда мыслителей (Аристотеля, Макиавелле, Т. Гоббса, Вольтера, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, Ж.А. Кондорсе). Только после знакомства с социологическими работами общего характера и работами старинных мыслителей, следует, по его мнению, начинать изучение социологии. К двенадцати выделенным рубрикам, он привел список работ отечественных и зарубежных социологов того времени, с кратким обзором некоторых. Главная цель работы «Дневник журналиста» заключалась в том, чтобы дать лицам, желающим заняться самообразованием, указания общего характера позволяющие после знакомства с программой самостоятельно продолжить начатую работу.

Несмотря на запреты, новая отрасль науки быстро развивалась, росло количество публикаций. Так, в 1897 г. вышла на русском языке работа Н.И. Кареева «Введение в изучение социологии». Это был первый учебный обзор по социологии. В библиографическом списке книг было указано около 900 работ, из них около 600 работ на иностранных языках и порядка 280 работ изданных на русском языке, принадлежащих перу как русских ученых, так и западных. В этом же году им был отдельно издан «Указатель социологической литературы» (Спб., 1897). Следующие обзоры социологической литературы были изданы С.И. Гальпериным в 1902 г. и 1903 г.

В России подготовка социологов систематически, на профессиональном уровне из-за запрета властей не велась вплоть до начала XX в. В 90-х годах XIX в. в столичном университете только для желающих Н.И. Кареев читал социологические курсы. Подобные курсы читались в Петербурге (в Университете, иногда в Политехническом институте), Москве и Харькове [см.: 1, с. 176]. Но социология не была обязательной дисциплиной в государственных учебных заведениях, лишь в некоторых городах в это время были разрешены факультативные спецкурсы.

Рост революционных выступлений в конце XIX в., появление марксизма, который становился всё более популярным среди интеллигенции, стали причиной прекращения в русских университетах преподавания социологических знаний. Из университетов были уволены многие профессора – М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, Е.В. Де-Роберти и другие. В связи с этим некоторые из них были вынуждены покинуть Россию, и только после революции 1905 г. у них появилась возможность вернуться на родину.

В конце XIX – начале XX вв. российские ученые за неимением своих социологических обществ, кафедр и специализированных журналов, что отрица-

тельно сказывалось на положении социологии в России, активно сотрудничали с западными социологами. Многие из них были сотрудниками зарубежных журналов. Например, М.М. Ковалевский, П.Ф. Лилиенфельд, И.В. Лучицкий, Н.В. Новиков, А.С. Трачевский – принимали активное участие в издании основанного в 1893 г. Р. Вормсом «Revue Internationale de Sociologie» (Международные обозрения социологии). При этом русские социологи были не только постоянными сотрудниками профессиональных западных журналов, но и оказывали им посильную материальную помощь (например, М.М. Ковалевский) [см.: 1, с. 175].

Ведущие отечественные социологи (М.М. Ковалевский, Я.А. Новиков, Е.В. Де-Роберти и др.) были активными членами Международного института социологии и Парижского социологического общества. На Первом Конгрессе Международного института социологии (Париж, 1894 г.) были рассмотрены рефераты М.М. Ковалевского, П.Ф. Лилиенфельда, Н.В. Новикова. На Втором Конгрессе (Париж, 1895 г.) председателем был М.М. Ковалевский. На Третьем Конгрессе (Сорбона, 1897 г.) П.Ф. Лилиенфельд был избран президентом Международного института социологии. О том, как оценивались русские социологи за рубежом, говорят следующие факты: П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев и П.А. Сорокин избирались президентами Международного института социологии, а около двадцати отечественных социологов в разные периоды времени избирались его вице-президентами [см.: 11, с. 4–5].

Проведение первых Конгрессов Международного института социологии, личные контакты, благоприятные условия для преподавания социологии на Западе подтолкнули М.М. Ковалевского к открытию в Париже осенью 1901 г. Русской высшей школы общественных наук, в которой социология стала обязательным предметом. Связь организаторов школы с ведущей профессурой России способствовала стабильности, систематичности и высокому уровню преподавания. Некоторые профессора были готовы работать длительное время, другие имели возможность приезжать только на короткий срок, прочитать несколько лекций. В школе преподавали Г. Тард, Р. Вормс, Е.В. Де-Роберти, К.М. Тахтарев и др. Лекции читали Л.И. Мечников, М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, П.Н. Милюков, Э. Дюркгейм, Г.В. Плеханов и др. Школа была популярна в России. После революции 1905 г. под давлением царских властей, которые угрожали ее создателям лишением гражданства, она была закрыта [см.: 1, с. 176]. Хотя школа просуществовала недолго, она имела большое значение для развития системы социологического образования.

Мысль о том, что открытие Международной школы является своего рода учреждением, «настоящего социологического факультета» [см.: 13, с. 176] была высказана Е.В. Де-Роберти в его вступительной лекции. Хотя ее организаторы понимали, что в виду ряда объективных причин (слабая материальная обеспеченность, отсутствие необходимого состава преподавателей, специальных слушателей и т.д.) «поспешно было бы думать о какой бы то ни было специальной высшей школе с систематическим преподаванием того или иного цикла науки на русском языке» [см.: 16, с. 138], но это не мешало им надеяться, что «невозможное в настоящем сделается возможным завтра» [16, с. 138], и «отрывочные сегодня лекции по отдельным вопросам легко могут перейти завтра в систематические курсы по целой науке» [16, с. 139].

Становлению социологии в качестве учебной дисциплины в России во многом способствовало то, что со второй половины XIX в. наряду с государственными университетами, где она была запрещена царской властью, постепенно начал пробивать себе дорогу и другой тип высшего образования – частные высшие школы. В 60–70-е годы XIX века, в России появляются первые «вольные» высшие учебные заведения. Несмотря на тяжелые условия существования, к 1905 г. в России уже действовало 14 общественных высших учебных заведения.

Высочайшим указом от 27 августа 1905 г. университетам была дарована автономность в сфере учебной и ученой деятельности, а также разрешен прием женщин. Это послабление действовало недолго, в 1908 г., вследствие переполнения университетов, им было предложено прекратить с начала 1908–1909 учебного года прием женщин. Поступившим в 1905, 1906 и 1907 гг. в университеты женщинам было разрешено окончить образование.

С 1905 по 1907 гг. было открыто еще 36 «вольных» высших учебных заведения, с 1908 по 1913 гг. – 26. Важную роль в этом сыграл возросший интерес торгово-промышленных кругов к проблемам высшего образования, именно поэтому 11, т.е. 44%, из возникших в это время подобного рода учебных заведений были профессионально-техническими. За период 1914–1917 гг. было создано еще 12 неправительственных высших учебных заведений. Наиболее крупными неправительственными высшими учебными заведениями по количеству обучающихся в них студентов были Московский городской народный университет им. А.Л. Шанявского и Психоневрологический институт.

Первая русская кафедра социологии была создана в Психоневрологическом институте в Петербурге в 1908 году. Однако министр народного просвещения А.Н. Шварц при открытии этого института заявил, что социология является предметом, который компрометирует учебное заведение, и он отказывается удовлетворять ходатайство Совета института по этому поводу. При Психоневрологическом институте в 1910–1911 гг. профессор Е.В. Де-Роберти организовал социологический семинар, и только в 1911 г. здесь была учреждена первая кафедра социологии. В связи с этим в 1913 г. М.М. Ковалевский восклицал: «У нас существует всего-навсего одна кафедра на всю Империю

в 160 миллионов жителей и то в частном университете, в Психоневрологическом Институте, получившим свой устав непосредственно от Монарха, минуя Министерство народного просвещения» [9, с. 3–4]. Первоначально, в течение двух лет, кафедру возглавлял М.М. Ковалевский, затем ее руководили Е.В. Де-Роберти, П.А. Сорокин и К.М. Тахтарев [см.: 8, с. 3].

Кафедрой была проделана уникальная работа по составлению учебных курсов, реферированию и рецензированию социологических работ, в основном западных авторов. Было выпущено пять выпусков серии «Родоначальники позитивизма» (СПб., 1910–1913). А в 1913–1914 гг. под редакцией М.М. Ковалевского и Е.В. Де-Роберти опубликованы четыре выпуска сборника «Новые идеи в социологии». В них были опубликованы труды крупнейших русских и западных социологов по разным проблемам социологии. Данный сборник явился основой для создания профессионального журнала русских социологов.

Знакомство студентов университетов с социологией начиная с конца XIX в. осуществлялось благодаря деятельности разного рода кружков. Циркуляром от 21 июня 1899 г. в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения разрешалось открывать студенческие кружки с ограниченным числом участников и с тщательно отобранными руководителями из профессоров, которые должны были удерживать эти организации «в требуемых границах» [4, с. 305]. 22 декабря 1901 г. власти опубликовали «Временные правила организации студенческих учреждений в высших учебных заведениях Министерства народного просвещения» [4, с. 305–306]. На рубеже веков в государственных университетах начали работать студенческие кружки, которые занимались проблемами социальных наук. В Петербургском Университете профессора Л.И. Петражицкий, М.И. Туган-Барановский и А.С. Лаппо-Данилевский руководили студенческими кружками (кружок философии права, кружок политэкономии и исторический кружок), в которых предметом обсуждения выступали социологические проблемы. Студенческие кружки создавались и в других городах.

В последнее десятилетие перед революцией 1917 г. лекции по социологии, кроме Психоневрологического института, читались на Высших Курсах при лаборатории П.Ф. Лесгафта (М.М. Ковалевский, К.М. Тахтарев), а также некоторыми профессорами в высших коммерческих институтах и одно полугодие (1916) в Народном университете им. А.И. Лагутина. В дореволюционной России это были единственные систематические лекционные курсы по социологии. До Февральской революции в государственных университетах не были организованы кафедры по социологии и не читались по ней обязательные лекции.

В 1911 г. при Московском университете было основано «Научное общество им. В.И. Чупрова для разработки общих наук». На заседании этого об-

щества часто ставились и обсуждались социологические проблемы и теории, как отечественные, так и зарубежные (например, в 1915 г. была подвергнута содержательному анализу концепция Ф.У. Тейлора). Деятельность общества регулярно освещалась в журнале «Юридический вестник».

В 1912 г. при Историческом обществе Петербургского университета открывается секция по социологии. Данная секция была по существу нацелена на объединение российских социологов для более успешной реализации их деятельности.

В этом же году М.М. Ковалевский, Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев, К.М. Тахтарев и другие ученые сделали первую попытку создать в Петрограде русское научное социологическое общество. Было проведено учредительное собрание и одно-два собрания, на этом все и закончилось.

Вторая попытка была предпринята в марте 1916 г. Новое стремление создать русское социологическое общество в Петрограде проявилось на другой день после смерти «отца русской социологии» М.М. Ковалевского. 26 марта состоялось первое собрание фактических учредителей общества, на котором присутствовали «молодые социологи» – Н.Д. Кондратьев, П.И. Люблинский, П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, Я.М. Магазинер, С.И. Солнцев и др. На втором предварительном собрании, проходившем через несколько дней на квартире П.И. Люблинского, уже присутствовали и старые, заслуженные петроградские ученые, представители различных общественных наук [см.: 13, с. 15–16]. Весной 1916 г. на третьем собрании общества был принят устав «Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского». Академик А.С. Лаппо-Данилевский был избран председателем общества. Практически все ведущие представители общественной науки в столице были объединены в этом обществе. В него входило более 70 человек. Но едва начавшись (состоялось только два заседания), деятельность общества прервалась событиями 1917 года.

Основатели русской социологии многое делали для введения социологического образования в высшей школе, для распространения социологического знания. Чтобы придать социологии официальный статус они утверждали, что эта наука выступает за «общественную солидарность», «прочный общественный порядок», «вызывает опасения самых левых течений общественной мысли». Она не допускает «чистый эмпиризм в деле общественного и государственного строительства», а также имеет огромное воспитательное значение «для подготовки будущих чиновников государственной службы». Чтобы избежать запрета правительства на ее введение в программы учебных заведений, подбирались различные синонимы: пользовались такими названиями, как «обществоведение», «законоведение», «введение в изучение права», «введение в государствоведение» и т.д. Однако Министерство просвещения отвергло неоднократные ходатайства ряда факультетов Петроградского и Мо-

сковского университетов о создании социологической кафедры или факультета и о введении социологии в качестве официального предмета изучения в учебных заведениях. В начале XX века социология официально не читалась в государственных высших учебных заведениях и в них не было создано ни одной кафедры социологии.

Одновременно в научном сообществе и общественном мнении к 1917 г. произошло признание того, что среди множества общественных явлений существуют такие, которые изучает только социология (это, например, формы «общественного взаимодействия», общие виды и типы общения). Подобное понимание открывало социологии путь для самостоятельного изучения социальных объектов, вносило определенные разграничения в междисциплинарные дискурсы и дало толчок повсеместному признанию социологии представителями многих дисциплин, причем не только социальных, но и естественно-научных.

Список литературы

1. Голосенко И.А. Процесс институализации буржуазной социологии в России конца XIX – начала XX в. // Социологические исследования. – 1978. – № 2. – С. 170–179.

2. Голосенко И.А. Русская социология: ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России / редкол.: Ю.В. Гридчин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1986. – С. 3–24.

3. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX-XX вв.: пособие. – М.: Онега, 1995. – 286 с.

4. Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начала XX века. – М., 1991. – 392 с.

5. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – XVI, 418 с.

6. Кареев Н.И. Об отношении истории к другим наукам с точки зрения интересов общего образования // Историческое обозрение. – 1895. – Т. 8. – Отд. II. – С. 1–54.

7. Кистяковский Б.А. Предисловие [к русскому переводу] // Зиммель Г. Социальная дифференциация: Социологические и психологические исследования / авториз. пер. с нем. Н.И. Вокач, И.А.Ильин; под ред. и с предисл. Б.А. Кистяковского. – М.: М. и С. Сабашниковых, 1909. – С. I–X.

8. Ковалевский М.М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы) / под ред. М.М. Ковалевского, К.А. Тимирязева. – [Пг.]: Издание Т-ва «Бр. А. и И.ГРАНАТ и К°», [1914]. – [Т.VII]. – Вып. 27–29. – С. 1–254.

9. Ковалевский М.М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии // Непериодическое изд-ние, выходящее под ред. М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти. – СПб.: Образование, 1913. – Сб. 1.– С. 1–10.

10. Кукушкина Е.И. Социологическое образование в России XIX – начала XX в. – М., 1994.

11. Култыгин В.П. Социальное знание и реальность: Противоречия в познании и развитии современного мира // Социологические исследования. – 1999. – № 12. – С. 3–14.

12. Новикова С.С. Социология: История, основы, институционализация в России. – М., 2000. – 458 с.

13. Семенов Е. Высшая русская школа в Париже // Русская мысль. – 1902. – № 2. – С. 167–181.

14. Тарле Е.В. И.В. Лучицкий (К пятидесятилетию его научно-литературной деятельности 1863–1913) // Голос минувшего. – 1914. – № 1. – С. 42–61.

15. Тахтарев К.М. Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского // Социо-Библиологический Вестник. – 1919. – № 4–6.

16. Хопров В.П. Высшая русская школа общественных наук в Париже // Вестник воспитания. – 1902. – № 1. – С. 136–149.

17. Sorokin P. Die russishe Soziologie im zwanzigsten Jahrhundert // Jahrbuch fur Soziologie. Eine internationale Sammlung. Zweiter Band. – Frankfurt am Main, 1962. – S. 462.

Spisok literatury

1. Golosenko I.A. Process institualizacii burzhuaznoj sociologii v Rossii konca XIX – nachala XX v. // Sociologicheskie issledovaniya. – 1978. – № 2. – S. 170–179.

2. Golosenko I.A. Russkaya sociologiya: ee sociokul'turnye predposylki, mezhdisciplinarnye otnosheniya, osnovnye problemy i napravleniya // Iz istorii burzhuaznoj sociologicheskoj mysli v dorevolyucionnoj Rossii / AN SSSR. In-t sociol. issled., Sov. sociol. assoc.: redkol.: YU.V. Gridchin (otv. red.) [i dr.]. – M., 1986. – S. 3–24.

3. Golosenko I.A., Kozlovskij V.V. Istoriya russkoj sociologii XIX-XX vv.: posobie. – M.: Onega, 1995. – 286 s.

4. Ivanov A.E. Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachala XX veka / Akademiya Nauk SSSR: Institut istorii SSSR. – M., 1991. – 392 s.

5. Kareev N.I. Vvedenie v izuchenie sociologii. – SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1897. – XVI, 418 s.

6. Kareev N.I. Ob otnoshenii istorii k drugim naukam s tochki zreniya interesov obshchego obrazovaniya // Istorich. obozrenie. – 1895. – T. 8. – Otd. II. – S. 1–54.

7. Kistyakovskij B.A. Predislovie [k russkomu perevodu] // Zimmel' G. Social'naya differenciaciya: Sociologicheskie i psihologicheskie issledovaniya / avtoriz. per. s nem. N.I. Vokach, I.A.Il'in; pod red. i s predisl. B.A. Kistyakovskogo. – M.: M. i S.Sabashnikovyh, 1909. – S. I–X.

8. Kovalevskij M.M. Ocherk istorii razvitiya sociologii v konce XIX i v nachale XX veka // Istoriya nashego vremeni (Sovremennaya kul'tura i ee problemy) / pod red. M.M. Kovalevskogo, K.A. Timiryazeva. – [Pg.]: Izdanie T-va "Br. A. i I.GRANAT i Ko", [1914]. – [T.VII]. – Vyp. 27–29. – S. 1–254.

9. Kovalevskij M.M. Sociologiya na Zapade i v Rossii // Novye idei v sociologii / Neperiodicheskoe izd-nie, vyhodyashchee pod red. M.M. Kovalevskogo, E.V. de Roberti. – Spb.: Izd-vo "Obrazovanie", 1913. – Sb. 1– S. 1–10.

10. Kukushkina E.I. Sociologicheskoe obrazovanie v Rossii XIX – nachala XX v. – M., 1994.

11. Kultygin V.P. Social'noe znanie i real'nost': Protivorechiya v poznanii i razvitii sovremennogo mira // Sociologicheskie issledovaniya. – 1999. – №12. – S. 3–14.

12. Novikova S.S. Sociologiya: Istoriya, osnovy, institucionalizaciya v Rossii. – M., 2000. – 458 s.

13. Semenov E. Vysshaya russkaya shkola v Parizhe // Russkaya mysl'. – 1902. – №2. – S. 167–181.

14. Tarle E.V. I.V. Luchickij. (K pyatidesyatiletiyu ego nauchno-literaturnoj deyatel'nosti 1863–1913) // Golos minuvshego. – 1914. – № 1. – S. 42–61.

15. Tahtarev K.M. Russkoe sociologicheskoe obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo // Socio-Bibliologicheskij Vestnik. – 1919. – № 4–6.

16. Hoprov V.P. Vysshaya russkaya shkola obshchestvennyh nauk v Parizhe // Vest. vospitaniya. – 1902. – № 1. – S. 136–149.

17. Sorokin P. Die russishe Soziologie im zwanzigsten Jahrhundert // Jahrbuch fur Soziologie. Eine internationale Sammlung. Zweiter Band. – Frankfurt am Main, 1962. – S. 462.

Г.И. Осадчая,
доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социально-политических исследований РАН по научной работе, Москва.
E-mail: osadchaya111@gmail.com.

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

Аннотация: *в статье представлены основные положения авторской концепции специальной социологической теории социологии социальной сферы.*

Ключевые слова: *социология, социальная сфера, теория, методология, методика, мониторинг, социологическое образование.*

Развитие социологии и социологического образования в России является важным фактором углубления социального познания в науке, гуманитаризации образования, а также совершенствования социальной практики, ибо социология – это фундаментальная наука о человеке и обществе, о взаимодействии людей в процессе их деятельности. Когда общество идет к своему новому качественному состоянию, именно социология призвана проанализировать ситуацию, оказать помощь в выработке целостной концепции его развития.

Особое значение в условиях ориентации России на инновационное развитие страны приобретает фундаментальное исследование социальной сферы, ее особенностей, эффективности реализации ею своих функций, определения приоритетов, выстраивания реалистичной стратегии ее развития.

В связи с этим представляется значимым решение ряда теоретических проблем, таких как определение границ социальной сферы как объекта социальной политики, выявление противоречий, сложившихся между целями, потребностями, интересами людей и возможностями социальной сферы, а также самих групп и слоев населения в реализации своих интересов, связанных с социальным воспроизводством действительной жизни. Важно уточнение эндогенных и экзогенных факторов, детерминирующих ее функционирование, разграничение социального от экономического, политического, культурологического, определение ориентиров, базовых ценностей ее самодвижения как интеграционной системы.

Не утрачивает своего значения и задача системных эмпирических исследований реальных социальных проблем. Возникает необходимость подготовки специалистов–социологов, хорошо знающих «устройство» того пространства,

на котором им предстоит профессионально трудиться, принципы функционирования социальной сферы, шкалу измерения социальных процессов, специалистов, способных на современном уровне знаний обеспечивать управление развитием социальной сферы.

Решению этих задач служит специальная социологическая теория – социология социальной сферы, объектом которой является социальная сфера, а предмет тесно связан с понятием «социальное», качественное своеобразие которого задается основной и производными функциями социальной сферы. Методологическую основу формирования этой теории составили идеи классиков зарубежной и российской социальной мысли Т. Парсонса, Р. Мертона, Р. Мюнха, К. Маркса, Ю. Хабермаса, И. Лумана, Н.Я. Данилевского, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайлова, П.И. Новгородцева о постоянном усложнении социальной организации и социальных связей; модернизации общества как дифференциации самовоспроизводящихся подсистем общества; взаимосвязанности социальных явлений и элементов; социальной справедливости, социальной солидарности общества; государственном управлении в интересах более справедливого и устойчивого развития общества.

Новая система знаний о социальной сфере строится на фундаменте теоретических ценностей, накопленных отечественной социологической школой, являющейся продолжением социологической российской традиции анализа структуры общества в направлении более системной детализации ее элементов в трудах наших современников. Так, вопросы социальной сферы рассматривались в работах В.Г. Афанасьева, В.С. Барулина, И.Н. Барыгина, В.В. Василькова, В.Г. Виноградсткого, Г.Е. Зборовского, В.Н. Иванова, В.М. Краснова, М.В. Лашиной, Г.В. Осипова, В.П. Рожина, В.А. Ребрина, М.Н. Руткевича, Э.С. Маркаряна, Ю.К. Плетникова, В.М. Соколова, Ж.Т. Тощенко, А.К. Уледова, Р.И. Эпштейна, И.П. Яковлева и других. В них обоснованы и раскрыты системные модели современного общества, обобщены представления об исходных элементах и основных сферах жизнедеятельности людей.

Важное значение в понимании реальных проблем социальной сферы в условиях изменившегося характера участия государства в хозяйственной деятельности, сокращения доли государственной собственности, слома старых механизмов управления ею; в осмыслении оптимальных моделей социального воспроизводства населения имеют масштабные исследования и тщательный анализ реальной социальной ситуации и социальной политики, проведенные В.Э. Горлиным, В.И. Жуковым, К.И. Микульским, Г.В. Осиповым, В.Н. Расторгуевым, Н.М. Римашевской и другими.

Большой вклад в проектирование эффективной социальной сферы, ее инновационное развитие, обобщение накопленного практического опыта управлением социальными процессами в обществе внесли Э.М. Андреев, Н.А. Антонов, Г.А. Антонюк, Ю.Е. Волков, В.И. Герчиков, Т.М. Дридзе, В.С. Дудченко, В.И. Иванов, Л.Н. Коган, Н.И. Лапин, П.П. Лузан, Г.Д. Никредин, В.И. Патрушев, А.С. Пашков, В.Г. Подмарков, А.И. Пригожин, В.З. Роговин, В.М. Рутгайзер, Ж.Т. Тощенко, В.В. Щербина и другие.

Социологическая теория социальной сферы обеспечивает комплексное изучение своего объекта. Она дает представление о социальной сфере как о социологической категории, реальном объекте социологического анализа и социального управления, методах ее исследования и преобразования, особенностях эмпирических исследований социальных отношений и процессов, выполняет важную методологическую функцию в информационно-аналитическом обеспечении управления социальной сферой и ее инфраструктурой.

Под социальной сферой понимается целостная, непрерывно изменяющаяся система поддержания постоянного воспроизводства субъектов социального процесса. Ее историческое становление, наряду с другими сферами жизнедеятельности общества рассматривается, как результат движения от первобытного синкретизма общества к дифференцированию в нем самостоятельных частей, каждая из которых выполняет свою функцию.

Генетическим истоком социальной сферы полагается семья, с древнейших времен выполнявшая свою важнейшую функцию – функцию «социального воспроизводства человека». Генезис социальной сферы описывается как процесс спонтанных и целенаправленно организуемых обществом (государством) взаимодействий социальных институтов, осуществляющих непосредственное жизнеобеспечение и воспроизводство социальных субъектов в конкретно исторических условиях. В качестве субстанциональной основы социальной сферы выступает социальная деятельность по воспроизводству жизни и регулированию социальных отношений между субъектами данной деятельности. Социальная сфера, представляет пространство реализации социальной функции общества, включает в себя совокупность условий и факторов, обеспечивающих воспроизводство, развитие и совершенствование взаимодействующих общественных групп и индивидов, ее функционирование тесно связано с другими сферами. Она обладает необходимым для своего существования набором компонентов вещного, процессуального, идейного и человеческого характера: социальная инфраструктура и производимые ею продукты потребления, социальные процессы, субъекты управления и субъекты социальной сферы, а также нормативная база регулирования потребительского поведения населения. Компоненты социальной сферы обладают различной степенью сложности, находятся по отношению друг к другу в иерархической зависимости и являются производными от социальной сферы как целостной системы. Их специфика, возникновение и существование обусловливаются главной функцией социальной сферы – воспроизводством различных слоев и групп

населения, а также всесторонним жизнеобеспечением и поддержанием перспектив развития субъектов исторического процесса. Анализ социальной сферы предполагает анализ потребностей индивидов и групп. Противоречивость этих потребностей определяет противоречивость самой социальной сферы и служит источником ее самодвижения, саморазвития. Противоречие между растущими потребностями и возможностями их удовлетворения является основным в процессе саморазвития, самореализации каждого социального субъекта. Характер и направленность этого процесса детерминируются как личными возможностями людей, так и уровнем развития социальной сферы общества.

Процесс социального воспроизводства населения характеризуется реализацией социорегулятивной, социоадаптивной, социопродуктивной, социокультурной, социодинамической и социозащитной функций. Эмпирическая модель социальной сферы в данной теории представлена системой показателей, получаемых статистическими и социологическими методами и отражающих соотношение структуры потребностей и результатов их удовлетворения. Изменения в социальной сфере тесно связываются с изменениями в других сферах жизнедеятельности общества, а причинные связи сфер общественной жизни на разных этапах истории рассматриваются не как раз и навсегда данные и неизменные – они носят исторический характер, т. е. возникают, изменяются, развиваются, отмирают, и их динамика подчиняется определенным законам. Теория социальной сферы утверждает, что функционирование социальной сферы в том или ином обществе определяется, с одной стороны, особенностями культуры и природно-географической среды, а с другой – базисными социальными универсалиями, отражающими основные потребности человека. Степень ее развития зависит от уровня цивилизованности конкретного общества и от таких факторов, как уровень социально-экономического развития страны и каждого конкретного региона; особенности социальной инфраструктуры; характер и тип собственности на предприятиях; социально-политическая ситуация в стране; правовые нормы и правоотношения в области регулирования социальных отношений; уровень правосознания населения; система нравственных и культурно-духовных ценностей, норм и традиций, господствующих в обществе; региональные и природно-климатические особенности региона и экологическая ситуация в нем; образ жизни населения; социально-демографическая ситуация; национальный менталитет и др.

В условиях глобализации пространство социального воспроизводства человека или группы людей глобализуется, это изменяет параметры и характеристики социальной сферы, выдвигает новые требования к управлению ею на локальном уровне. Особенности изменения современной модели социальной сферы России связаны с приобретением ею сервисного характера. В ней сегодня все более формируется новый – сетевой тип взаимодействия ее компонентов, единое межотраслевое информационное пространство, создаются социальные учреждения нового типа – казенные, бюджетные и автономные, внедряются элементы конкуренции и социального маркетинга. Результатом социально-экономических реформ российского общества последних десятилетий стали: регионализация социальной сферы, не идентичность трансформации организационных структур управления процессами социального воспроизводства на местах, изменение форм собственности учреждений социальной сферы, неэффективность социальной поддержки, рост платности социальных услуг. Повышение компенсаторных возможностей социальной сферы страны связывается с развитием сетевого типа взаимоотношений всех компонентов социальной сферы, конкуренции, социального маркетинга и внедрением принципов сетевого управления, формированием единого межотраслевого информационного пространства и информационных технологий, созданием вариативной системы предоставления услуг населению и их диверсификацией, повышением общественного контроля за деятельностью государственных и муниципальных служб в социальной сфере, а также изменением потребительских ориентиров.

К специфическим категориям социологии социальной сферы также относятся такие категории, как «потенциал социальной сферы», «социальное благополучие», «социальная инфраструктура», «социальная защита», «уровень социальной защищенности», «субъекты социальной сферы», «социальная политика» и т.д. Все эти категории отражают связь нашего объекта с предметной сущностью социологии как науки.

Социология социальной сферы нацелена на раскрытие сущности целостного жизнесуществования социальных субъектов и решение конкретных социальных проблем. Ее разработка создает теоретическую основу для фундаментального исследования социальной сферы, эффективности реализации ею функций социального воспроизводства населения, определения приоритетов, выстраивания реалистической стратегии ее развития. Социологическая теория социальной сферы представляет собой системное знание со сложной внутренней структурой.

Предметная область этой социологической теории включает изучение специфических закономерностей функционирования и развития социальной сферы, отношений между группами людей, занимающих неодинаковое положение в обществе, различающихся структурой личного потребления, уровнем личностного развития, типом общественного сознания, образом жизни по поводу воспроизводства себя, своих близких,. В рамках ее предметного поля процессы распределения и распределительные отношения, личное потребление и анализ потребностей деятельностного бытия человека, осознание

и оценка людьми факторов и условий своей жизнедеятельности, возможностей и перспектив развития, реализации своего творческого потенциала.

Особенности изучения социальной сферы задаются двумя важнейшими принципами, диктуемыми особенностью социальной сферы как объекта социологического изучения:

– Междисциплинарностью исследования социальной сферы;
– Социоинженерным характером ее анализа.

В социологическом анализе социальной сферы наиболее часто используются такие методы сбора и анализа информации, как анализ статистики, а также опрос экспертов и населения в режиме мониторинга.

Учитывая, что процессы воспроизводства населения очень динамичны, а также характеризуются широким кругом неформализуемых проблем социальной сферы, сложных и малоизученных, трудно поддающихся познанию особое значение приобретает постоянный мониторинг социальных процессов в обществе, регионе для определения научно обоснованных перспектив социального развития, использования специальных информационных технологий, методов экспертных оценок.

Методологической базой мониторинга является стабильность повторяющейся реальности, в основе которой лежат законы, определяющие развитие пространства социального воспроизводства дифференцированных объектов исторического процесса, позволяющее сформировать группы показателей, образующие в своей сущности единый смысловой ряд и характеризующие специфику социального воспроизводства и его динамику, а значит, получать более точную информацию о состоянии объекта наблюдения, с максимальной достоверностью оценивать вероятность наступления возможных тенденций и явлений и более эффективно воздействовать на социальную сферу с целью повышения или понижения вероятности наступления конкретных событий, тех или других направлений развития.

Его предметное поле представлено как динамично функционирующая совокупность социальных отношений определенного качества и содержания, возникающих между взаимодействующими субъектами. При этом пространство охватывает различные уровни структурной организации управления социальной жизнью субъектов и позволяет проследить влияние социальной ситуации в обществе, регионе на складывающиеся взаимоотношения между людьми, их социальное самочувствие и обеспечивает комплексный, многоуровневый подход к формированию методического инструментария мониторинга.

Это предметное поле описывается информативной и универсальной аналитической системой показателей, что обеспечивает эффективный контроль и прогноз динамики процесса социального воспроизводства реальной жизни дифференцированных субъектов жизнедеятельности. Система создает целостное отражение совокупности факторов и конкретных ситуаций, под воздействием которых развертываются социальные связи и отношения людей, требующие социозащитных гарантий и принятия практических мер. В содержательном плане система показателей ориентирована на изучение признаков, характеризующих социальные отношения субъектов социальной деятельности, оценку их качества, выражаемую через категорию «социальная безопасность» и представлена системой объективных (внешних для данного субъекта) и субъективных обстоятельств жизнедеятельности. Для каждой группы этих показателей в мониторинге предусмотрены свои специальные методы сбора, обработки, анализа.

Структурно-логическая схема мониторинга представлена группами относительно самостоятельных, но связанных между собой информационных блоков: социально-трудовых; социально-политических; социально-потребительских; социокультурных отношений, а также психологического самочувствия населения. А система показателей содержит десять разделов: социально-демографический, социально-трудовой, уровня и качества жизни, жилищного обеспечения, здоровья населения и здравоохранения, народного образования, культуры, информационных услуг, экологической и социальной безопасности, социально-психологического самочувствия людей.

В мониторинге используется стабильная, стандартная система мониторинговых индикаторов, приведенная в форму, удобную для измерения анализа и оценки состояния социальной сферы. Сконструированная система вторичных показателей, ориентированных на сравнение результатов социального воспроизводства человека, групп. В мониторинге «Сфера» решен вопрос обеспечения непротиворечивого сопряжения массивов информации, полученных из разных источников и на разных уровнях управления. Он обеспечивает оперативное и регулярное получение актуальной информации из материалов статистики, опросов, наблюдения о жизнедеятельности различных социальных субъектов, о состоянии социальной сферы общества, региона, систематическое наращивание и интегрирование исходных данных, что дает возможность адекватно воспроизвести социальную жизнь населения, дать конкретные предложения и рекомендации, принять верное административное и управленческое решение.

Как информационная технология он осуществляет: отслеживание, анализ и прогнозирование наиболее важных характеристик социального воспроизводства. Его функциональные возможности сводятся к регулярному сбору статистической и социологической информации по показателям, интересующим субъект управления; интеграции собранной социальной статистики и результатов опросов в совокупные показатели, отражающие динамику развития

наблюдаемого социального процесса; диагностированию состояния объекта нашего наблюдения; прогнозированию процесса социального воспроизводства и упреждению назревающих конфликтных ситуаций; подготовке специальных аналитических материалов по изучаемой проблеме, разработке предложений и рекомендаций по разрешению возникших противоречий.

Методические особенности социального мониторинга заключаются в специфике методической стратегии, сущность которой составляют жесткие, формализованные методы, хотя она может быть дополнена и мягкими неформализованными. Методическую основу составляют: наблюдение за объектом мониторинга, проводимое по стандартному числу наиболее значимых показателей, характеризующих его состояние; регулярные повторные социологические замеры, производимые с помощью стандартных процедур; оценки ситуаций и объектов, также даваемые в стандартной форме. Объектами наблюдения в данном мониторинге выступают дифференцированные социальные субъекты и типологические группы семей. Субъектами мониторинга – авторитетные специалисты, способные судить о внутренних механизмах социального воспроизводства населения, приоритетах развития потенциала социальной сферы, состоянии объекта мониторинга. Его особенностью является компьютерная поддержка, дающая возможность в автоматическом режиме собирать, хранить, сравнивать собранную информацию и представлять ее в удобном для руководителя виде.

В качестве наиболее продуктивной в мониторинге социальной сферы принята репрезентация информации по региональному признаку, с учетом демографического состава, места жительства населения, основных социальных секторов экономики и социально-профессиональных групп. При необходимости данная выборка дополняется целевой, которая заранее предполагает возможность увязки с репрезентативной выборкой.

Комплексное изучение социальной сферы в специальной социологической теории социальной сферы представлено теоретическим, конкретно-социологическим и социоинженерным уровнями. Первый уровень обеспечивает общетеоретический анализ социальной сферы как социально-философской категории и опирается на философское и историческое знание, данные социальной антропологии. Этот уровень предполагает интерпретацию ключевых понятий и основной функции социальной сферы, выделение определенных компонентов, их операционализацию, анализ связей с другими сферами жизнедеятельности общества. Предмет исследования здесь рассматривается как составная часть, компонент определенного социального целого.

Конкретно-социологический уровень исследований связан с изучением реальных проблем функционирования и развития социальной сферы, ее региональных и местных особенностей. Ему присущи собственные методология

и логика разработки аналитических и позитивных программ, разрешающих реальные противоречия, и рекомендаций по совершенствованию социальной политики и обеспечению адресности социальной защиты населения.

Объектом исследования здесь может стать как вся социальная сфера, так и любой из ее компонентов. Социологические исследования ведутся на макро-, мезо- и микроуровнях, обеспечивая анализ реально существующих в обществе социетальных, региональных социальных проблем, а также проблем микросреды.

На социоинженерном уровне решаются задачи изменения организационных структур, повышения компенсаторных возможностей социальной сферы, эффективности социального воспроизводства различных групп населения, социального проектирования и создания технологий организации социальных процессов.

Проблематика исследований социологии социальной сферы определяется реально существующим противоречием между растущими социальными потребностями общества в повышении человеческого потенциала и реальными возможностями социальной сферы, экономическими ограничениями ее развития. Она включает в себя такие наиболее актуальные направления социологического анализа, как эффективность социального воспроизводства населения и его повседневной жизни, социальная защита различных групп населения и типов семей, научно-информационное обеспечение анализа и прогнозирования социальных процессов в обществе и регионах. В условиях глобализации пространства социального воспроизводства человека, группы, призывов к глобальной реформе социальной сферы, социология социальной сферы дает ответы на вызовы практики, позволяет научно интерпретировать потребности социального воспроизводства населения, формирование высокого человеческого потенциала, разработку принципов, инструментов и моделей социальной стратегии. Возникнув относительно недавно, социология социальной сферы развивается как перспективное направление научного знания. Следует отметить, что в западной социологии нет такой специальной теории, как социология социальной сферы, хотя само понятие используется в социологической науке, а в учебных заведениях ведется подготовка кадров по специальности «Социальная политика». Возможно, это объясняется различиями в социокультурных традициях стран, в концептуальных подходах к дифференциации отраслей социологического знания.

Со времени публикации основных идей в 1996 году социологии социальной сферы [1] специальная социологическая теория прошла определенный путь институционализации, позитивно оцениваемый научным сообществом [4, с. 11]. Проводятся перспективные исследования социальной сферы, образа жизни, разработаны и реализуются учебные планы специализаций, профилей

и магистерских программ по «Социологии социальной сферы», для направления «Социология», «Социальная работа» в учебные программы введена дисциплина «Социология социальной сферы». Подготовлены и опубликованы учебники и учебные пособия [2, 3], в вузах России созданы кафедры «Социологии социальной сферы» (РГСУ, СамГУ, СГУ и др.), в научных журналах, на информационных порталах созданы рубрики «Социология социальной сферы». Так, на сайте ЦИРКОН в постоянной рубрике «Социология социальной сферы и гражданского общества» опубликовано 91 статья по данной проблематике (URL: http://www.zircon.ru/publications/sotsiologiya-sotsialnoy-sfery-i-grazhdanskogo-obshchestva/http://www.zircon.ru/), в журнале «Социальная политика и социология», входящего в перечень Высшей аттестационной комиссии в течение 15 лет ведется рубрика «Социология социальной сферы», что способствует развитию методологии социального познания, формированию профессиональной науки о социальной сфере, социальной политике, созданию эффективного механизма координации работы по подготовке специалистов для социальной сферы, научно-информационному обеспечению учебного процесса, повышению квалификации преподавателей социальных дисциплин.

Однако пока еще не полностью завершена разработка многих фундаментальных теоретических и методологических проблем. Несмотря на несомненные достижения в эмпирическом изучении социальных проблем, опыт таких исследований должным образом не обобщен, не систематизирован. Между тем в нем обнаруживаются серьезные противоречия, без глубокого анализа которых невозможны дальнейшая исследовательская деятельность в социальной сфере и процесс обучения будущих специалистов.

Теоретико-методологические и эмпирические исследования требуют продолжения работы над категориальным аппаратом и переводом на язык теории множества феноменов и зависимостей, которые сегодня уже стали фактами обыденного сознания, но в аппарат науки пока не включены. Это относится прежде всего к фундаментальной категории «социальная сфера», непосредственно обслуживающей ее понятийный аппарат.

Необходимо продолжение историко-социологического анализа мер, предпринимавшихся органами государственной власти, общественными структурами для улучшения социальных механизмов развития социальной сферы на разных исторических этапах развития России. Нужны социальные эксперименты, нацеленные на совершенствование ныне действующих социальных механизмов регуляции и развития социальной сферы, проводимые с участием социологов и под их контролем.

Требуется операциональная разработка понятийного аппарата, изучение реальных проблем социальной сферы, ее региональных особенностей, углу-

бление методологической и процедурно-методической исследовательской базы, опираясь на которую можно успешно разрешить реальные противоречия функционирования и развития объекта, разрабатывать практические рекомендации по совершенствованию социальной политики, повышению эффективности адресной социальной защиты.

Задачей чрезвычайной важности является продолжение работы по методическому обеспечению социологических исследований социальной сферы, разработке новых систем аналитических и нормативных показателей и соответствующих им индикаторов, совершенствованию способов их измерения, расширению используемых видов социологической информации, обогащению методов сбора и анализа первичной информации.

Развитие проблематики социологических исследований социальной сферы определяется нарастающими противоречиями между социальными потребностями общества и спецификой ее трансформации. Они характеризуются интенсивным расслоением общества, ухудшением качественных характеристик популяции, нарастанием региональных противоречий, связанных с дифференциацией положения различных территорий, а также необходимостью выработки эффективной социальной политики и системы социальной защиты.

Наряду с направлениями такого анализа, сохраняющими свою актуальность, такими как: проблемы занятости и безработицы, изучение уровня потребительских запросов и жизни населения, культурно-духовных интересов, морально-психологического состояния, а также исследование потенциала социальной сферы, эффективности социальной защиты различных групп населения и типов семей, появляются новые – модели социального взаимодействия государств – участниц процесса евразийской интеграции, теоретико-методологические основы его конструирования, оценка процесса и степени интеграции государств – участниц, формирование социальных институтов интеграции, разработка принципов, механизмов, норм экономического и социального взаимодействия, социальное измерение данного процесса, оценка уровня социальной сплоченности населения стран, вошедших в ЕАЭС, социальные эффекты интеграции, социальный опыт, социальная политика в контексте формирования ЕАЭС. Значимыми являются проблемы определения этапности реализации социальных программ, формирования системы практических мер по их воплощению в жизнь, дифференцирования этих мер с учетом особенностей различных районов страны, социально–демографических, профессиональных, региональных групп населения. Важной задачей является обеспечение обратной связи в управлении социальной сферой, налаживании систематического контроля социологическими методами за ходом выполнения программ, протекания социальных процессов в обществе.

Все эти направления так или иначе интегрируются с научно-информационным обеспечением, анализом деятельности социально-аналитических служб, ведающих прогнозированием социальных процессов в обществе, регионе.

Требуют своего развития исследования компенсаторных возможностей социальной сферы, эффективности социального воспроизводства различных групп населения, создание технологий организации управления социальными процессами.

Необходимость дальнейшей разработки социологии социальной сферы также связана с тем, что любое управленческое решение в социальной сфере затрагивает интересы людей, меняет их статус, трансформирует поведение множества взаимодействующих групп. При этом для разработки стратегии развития социальной сферы региона и общества в целом органам управления крайне необходима полная, точная, направленная информация о потребностях, интересах, ценностях, поведении общественных групп в тех или иных социальных ситуациях, равно как и о влиянии этого поведения на общественные интересы. Несомненно, в перспективе дальнейшего развития этой научной дисциплины выявятся новые исследовательские задачи в соответствии с реальным социальным запросом.

Необходимо повышение качества кадрового обеспечения исследований социальной сферы, что позволило бы снять проблемы подготовки социологических кадров для информационно-аналитических служб, аналитических отделов при администрациях регионов, социальных службах, а также способствовало бы формированию социологического мышления у руководящих кадров и специалистов социальной сферы на местах.

Если целью социологии социальной сферы как науки является открытие и использование конкретных форм действия социальных закономерностей в деятельности различных групп, коллективов, классов, регионов, то социология социальной сферы как учебный предмет подчиняется достижению педагогических целей, решению задач обучения и воспитания. И как учебный предмет она существует в виде учебных курсов, программ, учебников, созданных педагогами на основе данной социологической теории, и требует ответов на очень важные вопросы: какими должны быть соотношение теоретической и эмпирической подготовки будущих специалистов, качество образования и профессиональной квалификации социологов?

Учебный предмет «Социология социальной сферы» представляет собой систему педагогических знаний, созданную путем научно-методической переработки социологии социальной сферы как науки. Выделенное в качестве учебного знания содержание этой отраслевой теории изучается с учетом его исторического развития как системы развивающегося знания, имеющего альтернативные подходы и концепции, в порядке воспроизведения логической

структуры социологической науки, ее различных школ и направлений, как следствие закономерностей формирования познавательных возможностей субъектов обучения.

Профессиональная функция социологии социальной сферы состоит в том, что она закладывает фундамент научного знания, заботясь о его постоянном пополнении усилиями новых генераций ученых.

Важнейшим методологическим принципом описываемого учебного предмета является единство логико-содержательного и научно-методического подходов в оценке научного материала, вводимого в учебный предмет, а также учет принципов постепенности и долговременности социологического образования, преемственности социального заказа. Совершенно очевидно, что в условиях ограниченного числа часов, выделенных на изучение предмета, невозможно охватить все многообразие проблем социологической теории социальной сферы. Необходимо разумно ограничить себя в своем желании довести до студентов богатство этой частной социологической теории, но суметь заинтересовать их, показать, что социологическое знание социальной сферы позволяет решить профессиональные задачи в будущем.

При этом степень соответствия учебного знания научному диктуется и всегда будет диктоваться конкретными социально-историческими условиями. И развитие социологии социальной сферы будет постоянно влиять на изменение в учебном предмете и наоборот.

Сегодня этот курс опирается на рациональное сочетание приобретения в ходе изучения данного курса исследовательских, конструкторских и социоинженерных навыков.

Обучение, как и профессиональная деятельность будущих социологов, тесно связано с четырьмя направлениями:

- эмпирико-аналитическое знание об отдельных социальных явлениях (социальная структура, связи между социальными действиями и пр.), основанное на методах эмпирических исследований и интерпретации их результатов;
- теоретическое, объясняющее знание о социальной деятельности, направленное на раскрытие функциональной деятельности, функциональных и казуальных связей между социальными явлениями на микро- и макроуровне;
- знание о социальной деятельности стратегического характера, направленное на познание ее материальных, организационных и временных условий, ориентирующее в решении тех или иных проблем посредством применения соответствующих методов социального планирования;
- критически-инновационное знание, позволяющее анализировать конкуренцию общественных интересов и вырабатывать по отношению к ним оценочную позицию.

Построение учебного плана нацелено на реализацию научного потенциала, заложенного в названных типах знания. Дальнейшая конкретизация проблемы «наука – учебный план» выявляется при рассмотрении соотношения учебных тем, перечня основных социологических категорий и фактов, предусмотренных для изучения в рамках этой конкретной учебной дисциплины.

Этим определяется построение учебного плана, в который включены темы, наиболее полно раскрывающие будущее предметное поле специалиста. Первая группа из них связана с изучением генезиса социальной сферы, социального механизма ее функционирования и развития как целостной системы, становления системы управления социальной сферой общества. Вторая – с историко-социологическим анализом формирования теории социальной сферы. Третья – с раскрытием предметного поля социологии социальной сферы, характеристикой ее категориального аппарата. Четвертая группа тем посвящена теоретико-методологическими проблемам социологии социальной сферы, раскрытию конкретных форм связей социальной сферы с материально-производственной, культурно-духовной и политической сферами, ее компонентов, факторов и закономерностей развития. Пятая – с изучением особенностей методологии, методики и техники социологического анализа процесса социального воспроизводства действительной жизни субъектов жизнедеятельности. Шестая – с социологическим обеспечением процессов управления социальной сферой.

Учитывая, что теория и эмпирия могут устаревать, хотя и с различной скоростью, в курсе делается акцент на методологии. Методология всегда остается, дисциплинирует мышление, придает курсу логическую стройность, повышает культуру анализа. Хотя и методике, вооружающей техникой исследования, уделяется большое внимание. Завершается курс деловой игрой с компьютерной поддержкой, представленной достаточно весомым объемом часов.

Развитие преподавания этого учебного курса требует большего сопряжения с преподаванием на факультете таких сфер профессиональной деятельности социологов, как социальная диагностика, социальное развитие и социальная политика, управление обществом, социология предприятия, организации, персонала, с производственной и исследовательской практикой,

качественных изменений в методике преподавания, использование интерактивных методов, превращающих студента в активного субъекта, продуктивно реагирующего на проблемное освещение темы, стимулирующих и студента, и преподавателя к мыслительной исследовательской деятельности, совместному творчеству.

Однако обеспечение преподавания и исследовательской деятельности не должно держаться лишь на инициативе преподавателей. Нужны научная инфраструктура нового типа, материальная поддержка исследовательских

проектов. Тогда вузовские ученые перестанут быть лишь ретрансляторами готовых знаний, превратятся в творцов нового, исследователей. Необходима разработка новых профилей, магистерских программ в смежных областях, например по программе менеджмент в социальной сфере. Это расширит возможности применения знаний, а также повысит конкурентоспособность выпускников.

Нет сомнения, если социологическое образование и социологическая наука будут соответствовать практическим потребностям людей, восприниматься и востребоваться обществом для дела, то они будут эффективными и смогут нормально развиваться и в дальнейшем. В противном случае возможны кризисные ситуации как в социологической науке, так и в сфере образования.

Список литературы

1. Акулич М.М., Кузнецов В.Н. Социология социальной сферы: учеб. пособие для вузов. М.: Гардарики, 2007.

2. Осадчая Г.И. Социальная сфера общества: теория и методология социологического анализа. – М.: Союз, 1996.

3. Социология социальной сферы // П.Д. Павленок., Е.В. Куканова. Основы социологии и политологии. М.: Инфра-М, 2007.

4. Тощенко Ж.Т. Новые тенденции в развитии российской социологии // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 3–12.

Spisok literatury

1. Akulich M.M., Kuznecov V.N. Sociologiya social'noj sfery. Uchebnoe posobie dlya vuzov. Gardariki, 2007.

2. Osadchaya G.I. Social'naya sfera obshchestva: teoriya i metodologiya sociologicheskogo analiza. – M.: «Soyuz», 1996.

3. Sociologiya social'noj sfery // P.D Pavlenok., E.V Kukanova. Osnovy sociologii i politologii. Infra-M, 2007.

4. Toshchenko ZH.T. Novye tendencii v razvitii rossijskoj sociologii // Sociologicheskie issledovaniya. – 2013. – № 4. – S. 3–12.

Е.В. Реутов,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
социальных технологий Института управления,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород.
E-mail: reutovevg@mail.ru

М.Н. Реутова,
кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальных технологий Института управления,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород.
E-mail: reggina77@mail.ru

И.В. Шавырина,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, Белгород.
E-mail: shavyrina_77@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ГРАЖДАНСКОГО АКТИВИЗМА В РЕГИОНЕ[1]

Аннотация: *на основании результатов социологического исследования диагностируется уровень принятия населением гражданских инициатив и потенциал гражданского участия. В обществе появляется запрос на преодоление социальной атомизации. Общественный активизм становится нормативно приемлемым для большинства граждан. Люди, как правило, далеки от политизированных форм гражданского участия, но приветствуют гражданские инициативы, направленные на решение местных проблем. Именно в данной сфере наиболее высок потенциал личного участия, который, по данным проведенного исследования, составляет около двух третей опрошенных.*

Ключевые слова: *социальное пространство, местное сообщество, солидарность, микропрактики солидарности, гражданское участие, гражданские инициативы.*

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества» № 14-13-31008 (рук. – Е.В. Реутов).

Доминирование в течение длительного исторического времени государственных (в противовес общественным) институтов в российском обществе вполне закономерно привели к нейтрализации автономной гражданской активности. Ее восстановление в постсоветский период протекало, с одной стороны, в условиях самоустранения государства из ряда сфер социальной регуляции, с другой – при довлеющем значении советского опыта во взаимодействии государства и общественных организаций. В результате к 2000-м годам российское гражданское общество приобрело «гибридный» характер, для которого стало характерно сочетание установки некоторых общественных институтов на абсолютную свободу от вмешательства государства и полностью зависимый и провластный порядок деятельности других.

В том числе и по этой причине был столь полярно воспринята редакция Федерального закона «О некоммерческих организациях» в 2012 г., вводившая в законодательное поле понятие иностранного агента применительно к общественным организациям. Общественные организации, получающие финансирование из-за рубежа, восприняли принятие данного закона как неправомерное посягательство государства на гражданское общество; представители же провластных структур явно обрадовались давлению на конкурентов. Характерным примером последнего является доклад Российского института стратегических исследований (март 2014 г.), в котором ряду российских исследовательских центров, научных организаций и вузов (в том числе, Институту социологии РАН) инкриминировался «сбор социологической, политологической, военной и иной информации, имеющей разведывательную ценность, проведение мониторингов и аналитических исследований в интересах зарубежных заказчиков» [5].

Подписанный Президентом РФ 21 июля 2014 г. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» фактически исключил общественные организации из перечня самостоятельных субъектов общественного контроля. По сравнению с первоначальным проектом Закона существенно урезанными оказались и права граждан по осуществлению некоторых форм общественного контроля, например общественного расследования.

Таким образом, общественные организации и гражданские инициативы в целом в российском обществе функционируют в достаточно сложной институциональной среде, а их деятельность (особенно первых) связана не только с реализацией уставных функций, но и постоянным преодолением административных, правовых и финансово-экономических барьеров.

При этом едва ли не большим препятствием для общественных инициатив является достаточно неблагоприятный социокультурный фон – убежденность значительного числа граждан в том, что общественные организации – это

бесполезный или даже вредный институт, созданный для реализации интересов каких-либо узких групп. По данным опроса Левада-Центра 2010 года, лишь незначительная часть респондентов (13%) считала, что большинство общественных движений и инициатив создано по частному почину самих граждан, снизу, минуя власть или иные политические силы. Остальные были убеждены в том, что это инициатива либо власти (30%), либо оппозиции (22%), либо внешних сил, заинтересованных в определенном развитии России (13%) [1].

Соответственно, далеко не всегда очевидной выглядит и общественная польза от их деятельности. Так, в ходе опроса Левада-Центра (июль 2013 г.) лишь 50% респондентов оценили положительно деятельность некоммерческих организаций (при этом целиком положительно – только 9%) [3]. Разница между двумя этими показателями характеризует, во-первых, низкий уровень включенности граждан в проблематику общественных инициатив и, во-вторых, небольшой общественный резонанс от деятельности некоммерческих организаций. С одной стороны, люди склонны давать не вполне определенные ответы в тех случаях, когда рассуждают о достаточно отвлеченных предметах, с другой – эти мнения отражают невысокую инклюзивность гражданского активизма, его, по большому счету, периферийный характер.

Треть респондентов (34%), опрошенных ВЦИОМ в августе 2014 г., согласны с тем, что общественные организации не нужны, в принципе, а их задачи должно решать государство. Противоположное мнение высказали 41% опрошенных. С тем, что общественные организации создаются для решения отдельных задач, соответствующих интересам их руководителей, согласны 40% респондентов, а не согласны – только 36% [2]. Данное распределение ответов наглядно иллюстрирует амбивалентность, присущую общественному мнению россиян относительно общественных организаций и гражданского активизма. Характерно, что большинство респондентов (59%), как ни странно, не смогло назвать ни одной общественной организации или политической партии [2].

Безусловно, в таких средовых условиях общественным организациям и движениям не только сложно рекрутировать потенциальных участников. Сложившийся социокультурный барьер, отсутствие общественной поддержки и признания могут в принципе делегитимировать всю их деятельность.

События последних лет показали, насколько подвижно массовое сознание в отношении мобилизации против тех или иных социальных субъектов, в том числе, общественных объединений и их лидеров. При этом общественным инициативам навязывается совершенно излишний политизированный дискурс, логике которого они вынуждены следовать – иногда и против своей воли.

Исследование, проведенное в Белгородской области в рамках проекта «Потенциал общественных организаций в формировании регионального солидарного общества», преследовало цель диагностики социокультурной среды гражданского активизма в регионе, то есть определения характера его восприятия гражданами, а также вовлеченности населения в активистсткие практики. Полевой этап исследования проходил в июне-июле 2014 г. Объем выборочной совокупности составил 994 респондента. Выборка сбалансирована по полу, возрасту и типу поселения.

Прежде всего исследование выявило достаточно позитивный фон восприятия результатов деятельности общественных организаций. На вопрос «Как Вы считаете, есть ли в нашей области общественные организации, которые реально способствуют улучшению жизни людей, решению социальных проблем?» 47,31% опрошенных дали положительный ответ. Менее четверти респондентов (21,16%) сказали, что не знают таких, и 31,54% затруднились ответить на данный вопрос (таблица 1). Таким образом, почти половина опрошенных либо посредством личного опыта, либо через своих знакомых и СМИ информирована о деятельности общественных организаций, которые приносят реальную пользу населению региона. Эта доля респондентов заметно больше доли скептиков, считающих, что подобных организаций нет.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, есть ли в нашей области общественные организации, которые реально способствуют улучшению жизни людей, решению социальных проблем?», %

Варианты ответов	% опрошенных
Есть	47,31
Нет	21,16
Затрудняюсь ответить	31,54

К сожалению, нельзя сказать, что активная гражданская позиция приобрела характер модальной или даже нормативной ценности в региональном социуме. Наличие у человека соответствующей ментальности и образа жизни у десятой части (10,76%) респондентов вызывает подозрения. Лишь немногим более половины (53,98%) отметили уважительное отношение к «общественникам»; остальные же 35,26% респондентов не имеют мнения по этому поводу (таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Скажите, как Вы относитесь к тем людям, которых называют «общественниками», которые пытаются как-то организовать других людей, решить какие-то общие проблемы, собирают подписи, собрания?», %

Варианты ответов	% опрошенных
С уважением	53,98
С подозрением	10,76
Никогда не задумывался об этом	18,53
Затрудняюсь ответить	16,73

При этом, судя по ответам на последующие вопросы, мнения респондентов о людях, проявляющих общественную активность, в большинстве случаев не абстрактно, а имеет под собой основания в виде знакомства с этими людьми. Так, в общей сложности 72,91% опрошенных отметили наличие общественников в своем окружении. Правда, лишь у 14,94% респондентов таких людей в окружении много. Как правило, они немногочисленны, на что указали 57,97% респондентов. Не знакомы с общественными активистами 26,69% опрошенных.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Есть ли в Вашем окружении такие люди?», %

Варианты ответов	% опрошенных
Есть, и достаточно много	14,94
Есть, но мало	57,97
Нет	26,69
Затрудняюсь ответить	0,40

Наличие в ближайшем и опосредованном окружении позитивных примеров гражданского активизма в значительной мере обусловливает декларируемую готовность респондентов самим включиться в данные практики. Естественно, декларируемая готовность не ведет автоматически к переходу к конкретным действиям. Прежде всего, помимо преодоления социокультурного барьера – привычки к атомизированному образу жизни, необходим комплекс причин, связанных, прежде всего, с нарушением привычного образа жизни, конфигурации сложившихся отношений с внешней средой. Почти для трети респондентов (29,08%) – это нарушение их прав. В этом случае они могли бы изменить привычный образ жизни и включиться в активистские практики. Нарушение прав окружающих может быть стимулом уже для меньшего числа респондентов – 13,15%. Однако уровень декларируемого альтруизма, в целом, довольно высок, поскольку еще 30,48% опрошенных готовы включиться в общественные инициативы, «если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы». Только 15,14% респондентов указали на невозможность стать «общественником» в принципе – вне зависимости от какой-либо ситуации. И еще 13,55% затруднились с ответом (таблица 4). Таким образом, около 70% населения являются резервом для общественных организаций и движений.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Могли бы Вы сами стать таким «общественником»? Если «да», то в какой ситуации?», %

Варианты ответов	% опрошенных
Не мог бы ни в какой ситуации	15,14
Мог бы в случае нарушения моих прав	29,08
Мог бы в случае нарушения прав окружающих	13,15
Мог бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	30,48
Другое	0,40
Затрудняюсь ответить	13,55

Аналогичным образом тенденцию к росту бескорыстных, альтруистических мотивов общественного участия зафиксировало исследование Института социологии РАН (2014 г.). И это – принципиальное изменение ситуации, «поскольку еще совсем недавно политическое и общественное участие, если оно не сулило каких-то прямых материальных или карьерных выгод, рассматривалось значительной частью населения, включая активистское, «продвинутое» меньшинство, как деятельность сугубо маргинальная» [4, с. 14].

Возможность своего включения в работу какой-либо общественной организации на постоянной и безвозмездной основе отмечают 46,02% респондентов – при 28,69% исключающих этот факт. 25,30% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос. Тем не менее, тот факт, что практически половина опрошенных рассматривает себя в качестве потенциальных участников общественных объединений, говорит уже не только возможности их мобилизации на «разовые» гражданские инициативы, но и об установке на институционализированное гражданское участие – постоянного либо возобновляющегося характера.

Спектр деятельности общественных организаций, в которых респонденты могли бы и хотели бы работать, достаточно широк. Лидирующие позиции за-

нимают организации и общества защиты прав и интересов населения, в том числе в сфере самоуправления (14,74%), общества взаимопомощи и помощи слабым (12,55%), ветеранские организации (11,75%). Следующими по значимости для респондентов являются досуговые и спортивные организации (9,76%), а также культурные и просветительские организации (8,37%), объединения профессионалов и профсоюзы (4,58%). На наш взгляд, представленная иерархия типов общественных организаций, в участии в которых заинтересованы граждане, напрямую соответствует запросам и интересам населения в решении наиболее актуальных для него проблем.

Таким образом, на основании данных регионального и общероссийских исследований, можно констатировать, что, при всей сложности восприятия населением институтов гражданского общества, общественный активизм становится нормативно приемлемым для большинства граждан. Безусловно, необходимо иметь в виду, что люди, как правило, далеки от политизированных форм гражданского участия и приветствуют, прежде всего, гражданские инициативы, направленные на решение «низовых» проблем. Именно в данной сфере наиболее высок потенциал личного участия, который, по данным нашего исследования, составляет около двух третей опрошенных. В значительной мере этот потенциал является «спящим». Актуализировать его могут осознание людьми проблемности собственной жизненной ситуации, неудовлетворенность состоянием социальной среды в сочетании с увеличением в регионе «критической массы» общественных организаций и движений, реализующих общественный запрос на решение «малых» дел.

Список литературы

1. Как Вы считаете, большинство общественных движений, инициатив в современном российском обществе возникает...[Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/kak-vy-schitaete-bolshinstvo-obshchestvennykh-dvizheni (дата обращения: 31.08.2014).

2. Нужны ли нашему обществу общественные организации? [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114932 (дата обращения: 31.08.2014).

3. Отношение к НКО [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/11-07-2013/otnoshenie-k-nko (дата обращения: 31.08.2014).

4. Петухов В.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. – 2014. – № 9. – С. 11–19.

5. Российские исследовательские центры и вузы: зарубежное финансирование и влияние на политику [Электронный ресурс]. URL: http://www.riss.ru/analitika/2797#.VARPhsV_t8I (дата обращения: 31.08.2014).

Spisok literatury

1. Kak Vih schitaete, boljshinstvo obthestvennihkh dvizheniyj, iniciativ v sovremennom rossiyjskom obthestve voznikaet...[Ehlektronnihyj resurs]. URL: http://www.levada.ru/archive/partii-i-obshchestvennye-organizatsii/kak-vy-schitaete-bolshinstvo-obshchestvennykh-dvizheni (data obratheniya: 31.08.2014).

2. Nuzhnih li nashemu obthestvu obthestvennihe organizacii? [Ehlektronnihyj resurs] URL: http://wciom.ru/index.php?id=515&uid=114932 (data obratheniya: 31.08.2014).

3. Otnoshenie k NKO [Ehlektronnihyj resurs]. URL: http://www.levada.ru/11-07-2013/otnoshenie-k-nko (data obratheniya: 31.08.2014).

4. Petukhov V.V. Grazhdanskiyj aktivizm v Rossii: motivaciya, cennosti i formih uchastiya // Vlastj. 2014. № 9. S. 11–19.

5. Rossiyjskie issledovateljskie centrih i VUZih: zarubezhnoe finansirovanie i vliyanie na politiku [Ehlektronnihyj resurs]. URL: http://www.riss.ru/analitika/2797#.VARPhsV_t8I (data obratheniya: 31.08.2014).

А.Л. Сазонова,
канд. социол. наук, доцент, член Российского общества социологов РАН (РОС РАН), Союза социологов России (ССР), доцент кафедры социологии социальной сферы, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: an-netic@yandex.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ РЕСПУБЛИКИ ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Аннотация: *в статье на основе результатов опроса молодежи Республики Южная Осетия и Москвы, проведенного в рамках реализации проекта, поддержанного РГНФ, анализируются актуальные проблемы молодой семьи. Изучается ценностное отношение молодых к семье, к любви между мужчиной и женщиной; показывается детерминация этим отношением их деятельности и поведения*.

Ключевые слова: *семья, молодая семья, семейный потенциал, семейное поведение, семейные стратегии, ценности, любовь, социальные практики*.

Проблемы семьи, переживающей сегодня демографический кризис, стоят в ряду актуальнейших для большинства стран Европы. Актуальны они и для южноосетинского общества. Последствия экономической блокады, перманентных военных действий, природных катаклизмов на протяжении многих лет не могли не отразиться на численности населения. За двадцать лет борьбы за независимость демографическая ситуация в Южной Осетии оказалась на грани порога необратимости. Но сегодня появилась надежда на выправление ситуации. Небольшим, но видимым показателем изменения в лучшую сторону стало увеличение числа детей, пришедших в этом году в школы страны. Так, в этом году в школы Республики пришли 717 первоклашек, т.е. в полтора раза больше чем в прошлом году, и более чем на треть больше количества первоклашек шести – восьмилетней давности. Еще одним признаком демографического улучшения являются небывалые очереди в детские сады. Сейчас, по данным Министерства образования, места в дошкольных учреждениях ожидают 2018 детей [11]. Но проблема остается еще острой (см. табл.1).

Таблица 1

Официальные данные Министерства здравоохранения и социального развития РЮО (от 28.08.2014) [1]

Годы	Рождаемость	Смертность
2011	658	575
2012	572	582
2013	641	531
ИТОГО	1871	1688

Приведенные данные говорят о том, что за три года число рожденных превысило число умерших на 183 человека. По итогам последнего «подворового опроса», проведенного в январе 2013 года, численность населения РЮО составила 51 547 человек. Следовательно, средние показатели рождаемости и смертности РЮО сопоставимы с российскими. Средний показатель рождаемости по России в 2013 году– 13,2 человек на 1 тыс. человек населения (для стран с аналогичным уровнем доходов – 17 чел.). А средняя смертность – 13,1 человек на 1 тыс. человек населения. Сравним: в РЮО (примерно) – 12,4 и 10,3 соответственно. Это далеко недостаточно в современной демографической ситуации как для России, так и для Южной Осетии. Несмотря на то, что семья, бесспорно, остается общечеловеческой ценностью, не всё происходящее в современной семье, является позитивным. Так, за последние годы значительно выросло число мужчин и женщин никогда не состоявших в браке. Значительно выросло число разводов. До 10% супружеских пар не регистрируют отношения. Резко снизился воспитательный потенциал семьи. Увеличивается число детей рожденных вне брака (в России около 400 тыс. ежегодно). Значительно ухудшилось здоровье подрастающего поколения. Очень много семей (в России – 67%) воспитывают только одного ребенка. Сокращение рождаемости происходит на фоне роста социального сиротства и беспризорности. Беспрецедентными по масштабу, по уродливости и цинизму стали такие явления, как насилие в семье, отказ от своих детей, торговля детьми и другие девиации. Семейное положение опрошенных демонстрируют данные на рисунке 1.

Более четверти опрошенных молодых граждан РЮО имеют семьи. Но среди них 10,8% (2,7% от всех респондентов) живут в незарегистрированном браке. Еще 1,7% – разведены или вдовствуют, 21,7% – имеют детей. Почти 70% «детной» молодежи имеют по одному ребенку; менее четверти – по два ребенка; остальные (8%) – по три ребенка. Более того, все респонденты хотят иметь детей. Но вот в желаемом и планируемом количестве детей зафиксирован достаточно большой разброс мнений (табл. 2).

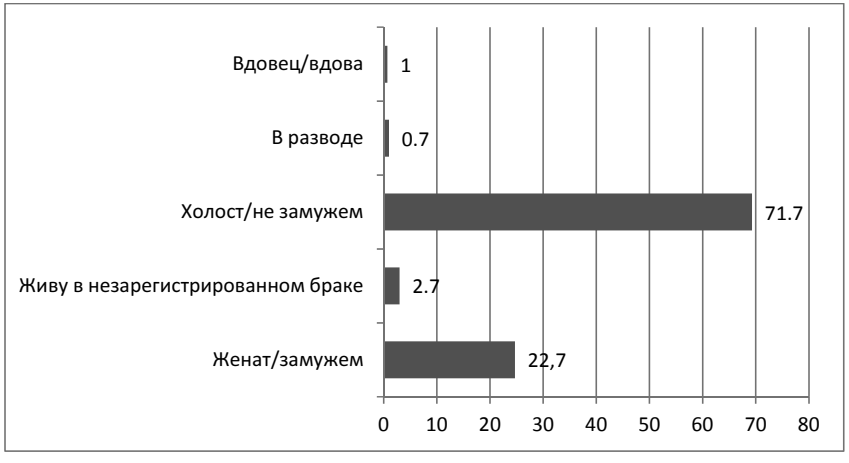

Рис. 1. **Семейное положение** *(в % от числа опрошенных, n=396)*

Таблица 2

Стратегии деторождения

(в % от числа всех опрошенных)

Количество детей	Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия? *n*=398	Сколько детей Вы планируете иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств (учитывая тех, которые уже есть)? *n*=375
1	8.2	26.2
2	65.5	59.7
3	20	6.5
4	3.5	0.5
5	2.2	0
0	0	0.7

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице, если одного ребенка хотят иметь 8,2% респондентов, то планируют «заводить» не более одного уже в три с лишним раза больше. Троих детей хочет иметь каждый пятый респондент, но планируют троих детей – в три раза меньше. Четыре ребенка планируют «заводить» уже в 7 раз меньше, чем желают. А пять детей не планирует никто, хотя часть опрошенной молодежи продемонстрировали такое желание.

6,2% – вообще отказались отвечать на вопрос «Сколько детей Вы планируете иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств?».

Среди причин, которые могут помешать иметь желаемое количество детей названы: *материальные проблемы* – 41,7%; *жилищные проблемы* – 26%; *состояние здоровья* – 24%; *страх за будущее своих детей* – 17%; *карьера* – 9,5%; *полноценная личная жизнь* – 6%; *моральная и психологическая неготовность* –3,5%.

48% респондентов заявили, что им ничто не может помешать иметь желаемое количество детей. 78,4% респондентов, находящихся в браке имеют постоянную работу, 6,8% – работают и учатся, 9,8% – учатся. Не работающих и не учащихся – 4,9% (все женщины). 14,7% – имеющих семью (в т.ч. неофициально) помимо основной работы имеют еще одну и даже две.

Семейное благополучие сегодня является острой социальной проблемой. Для молодых семей очень важными его составляющими являются экономический и жилищный факторы. Субъективные оценки уровня жизни семейных молодых граждан РЮО дают следующую картину: 4,9% указанной группы молодежи позиционируют себя как очень бедных (*едва сводят концы с концами, проблема даже с покупкой продуктов*); 11,8% – как бедных (*покупка одежды вызывает затруднения*); 34,3% – как нуждающихся (*денег хватает на продукты и одежду, но не на вещи длительного пользования*); 43,1% – как достаточно обеспеченных (*могут приобретать вещи длительного пользования, но не очень дорогие вещи*); 5,9% – позиционируют себя как богатых (*ни в чем себе не отказывают*). При этом 2,9% респондентов, имеющих семью, полностью зависят от родителей (других людей) материально, 8,8% зависят от родителей в большей степени, а еще 11,8% – наполовину. 28,4% зависят от кого-то в меньшей степени. Только 48% – обеспечивают свои семьи полностью сами. У 85% семейных респондентов заработная плата является основным или единственным источником доходов. Помощь родных и близких является почти для 35% молодых людей рассматриваемой группы единственным или основным источником средств. Личное подсобное хозяйство более чем для половины является достаточно значимым источником средств. Таковым же источником для 17,6% являются сбережения. Среди других источников были названы *стипендии, пенсии, пособия*, которые у подавляющего большинства молодых, имеющих семьи, отсутствуют или являются незначительными в структуре доходов. Главными статьями расходов в бюджете молодой семьи являются: *покупка продуктов питания* – 70,6%; *покупка одежды и обуви* – 68,6%; *коммунальные платежи* – 46,1 %. 70,6% молодых, имеющих семью, живут в собственной квартире (доме); 22,6% – в квартире (доме) родителей; 2% – в коммунальной квартире; 2,9% – снимают комнату, а 2% – квартиру (дом).

Обеспеченность жильем и его качество, как показал анализ эмпирических данных, заметно влияет на характер семейных отношений. Более 40% отметили, что **нуждаются в улучшении жилищных условий**. Но о перспективах улучшения своих жилищных условий в ближайшие три года, более трети семейных респондентов высказалась весьма скептически. Купить квартиру на собственные средства собирается всего 2%.

Среди главных проблем молодой семьи были названы: *материальные трудности; невозможность найти прилично оплачиваемую работу «по душе»; Нехватка времени на детей, семью в целом; сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу; невозможность реализации своего личностного потенциала*.

Вообще острота различных проблем, как было зафиксировано исследованием, сильно отличается у семейных респондентов по сравнению со средними показателями по всему массиву опрошенных. Представление об этом дают данные приведенные в таблице 3.

Таблица 3

Острота личных проблем для молодых граждан РЮО

Проблемы	Имеющие семью *n*=102	Все опрошенные *n*=400
1. Материальные трудности	63.7	49.7
2. Невозможность найти прилично оплачиваемую работу «по душе»	49	28
3. Нехватка времени на детей, семью в целом	40.2	10.2
4. Сложности с трудоустройством, боязнь потерять работу	37.2	19.5
5. Невозможность реализации своего личностного потенциала	34.3	30.2
6. Конфликты в семье	34.3	17
7. Проблемы с устройством детей в школу, д/с, ясли	25.5	7
8. Плохое здоровье – Ваше или кого-либо из членов семьи	15.7	12.5
9. Плохая экология в районе проживания	4.9	6.2
10. Неблагоустроенность двора и территории около дома	4.9	3.7
11. Алкоголизм, наркотическая зависимость кого-либо из членов семьи	2	1.2
12. Недоступность получения необходимого образования	1	5
13. Другие проблемы	14.7	13
14. Никаких серьезных трудностей нет	21.6	33.7

Такая ситуация обусловливает надежду на помощь семье со стороны государства – более чем 55% семейной молодежи. Причем, если 26,5% – нуждаются лишь в некоторой поддержке, то 29,4% – считают, что без такой поддержки не могут обойтись.

Исследование подтвердило факт высокой значимости ценности «Семья». Этот же факт, относительно российской молодежи, зафиксирован рядом исследований по схожей проблематике. У южноосетинской молодежи эта ценность получила самый высокий рейтинг в системе ценностей. При этом, в целом, группа респондентов, высоко ценящих семью, продемонстрировала более высокий уровень социально значимых и нравственных качеств, характеризующих личность, чем группа мало или совсем не ценящих семью. Причем уровень устойчивый, т.е. по всей совокупности позитивных показателей. Заметим, что в описываемой группе респондентов меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные-богатые), больше работающих, высокообразованных, религиозных. Они более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни. Респонденты этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия попрежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие, отзывчивость к людям; в то же время, для них менее важными, или совсем неважными, являются такие ценности, как наличие связей с нужными людьми, умение приспособиться, способность переступить законы и мораль, эгоизм, деньги, что полностью подтверждено компаративным анализом полученных в ходе исследования данных.

На наш взгляд, необходимо остановиться на таком виде «супружества» как **незарегистрированный брак**. Факт, что почти каждый девятый в общей численности семейных респондентов живет в незарегистрированном браке свидетельствует: в среде молодежи Южной Осетии проявляется эта, пришедшая к нам с Запада, тенденция, хотя осетинские семьи остаются в большинстве своем традиционными. Анализ эмпирических данных выявил серьезные различия в ряде социально значимых параметров между респондентами живущими в **официальном** и **незарегистрированном** браке. Например, хотя большинство из живущих в незарегистрированном браке (8 из 11 человек) имеют детей, только двое указали что хотят двух детей. Остальные – одного ребенка. Респонденты первой группы тратят значительно больше, чем второй, на продукты, коммунальные платежи, одежду и обувь. Зато вторые – на бытовые услуги. Они же тратят больше (хотя не намного) на отдых, досуг, транспорт. Это позволяет, с достаточной долей уверенности предположить, что у незарегистрированных семей неустойчивый совместный бюджет, или его вообще не существует. В рамках совместного проживания такие супруги мало обременены домашней работой. Да и вообще, важная функция семьи – ведение совместного хозяйства – сведена к минимуму. Различается молодежь, живу-

щая в разных формах брака и оценкой степени остроты большинства проблем. Например, молодежь из первой группы меньше подвержена конфликтам, чем из второй. Живущие в зарегистрированном браке в два раза реже жалуются на невозможность реализации личностного потенциала. Представителей первой группы больше заботит нехватка времени на детей, семью в целом. Любовь ни один из живущих в неофициальном браке не определил для себя как высшую ценность, а среди признаков любви представители этой группы называли: сексуальную гармонию (чаще всего); бескорыстность и взаимность.

В наше время, когда ослабевают экономические связи между членами семьи, а развод становится социальной нормой, все большее значение для стабильности института семьи имеют «чистые отношения» (Э. Гидденс), основанные на *взаимной эмпатии, чувстве удовлетворенности межличностными взаимоотношениями в семье*. Среди них особое место занимает **любовь между мужчиной и женщиной**. Способность любить это не только индивидуально-личностное свойство человека, а обязательный компонент совокупности социально значимых качеств, свойств индивида, способствующих более гармоничной включенности личности в систему социальных отношений, с одной стороны, осуществлению активной социальной деятельности по удовлетворению своих возрастающих (не только в утилитарном смысле) потребностей, – с другой стороны.

Отношения, **основанные на любви** – *суть универсальный тип взаимодействия, заполняющий значительную часть нашей жизни с детства до старости*. Любовь занимает особое место в ряду главнейших свойств (смыслов) бытия личности, таких как самая жизнь человека, познание, труд, творчество, общение, свобода и ответственность, выполняя роль системно-образующего компонента, своеобразного общего знаменателя. В самом общем виде **любовь** *можно определить как свойство, качество личности испытывать сильные чувства, интерес к объекту любви, осознавать свою общность с объектом любви, стремиться к отношениям близости, идентифицировать себя с ним, создавать условия для развития объекта любви*. (Эмоционально окрашенное отношение к определенному объекту – человеку, предмету, идее – выражающееся в потребности идентификации с ним и создании условий для развития, совершенствования объекта любви.)

Социальная практика свидетельствует, что любовь тесно взаимосвязана с уровнем развития личности в целом. Э. Фромм называл **любовь** *способностью зрелой, творческой личности. Утрата или неразвитость способности любить ведет к социальной деградации личности*. Личность в своем развитии проходит становление **эмоциональной сферы**, способствующей общению между людьми; развитие **когнитивной сферы**, формирующей рациональное мышление, понимание; и, наконец, **духовной сферы**, завершающей формирование развитой гармоничной личности, способной к осознанной, ответственной деятельности, преобразующей действительность. Соответственно любовь сначала возникает как чувство, осознается как ценность впоследствии, и лишь у отдельных, высоко духовно развитых представителей человечества, становится смыслом бытия в виде любви ко всему человечеству, определяя альтруистическое поведение. В этом и проявляется диалектика – **только высокоразвитая личность способна любить, и, наоборот, основной функцией любви является духовное совершенствование личности**. У личностей, остановившихся *на эмоциональной или когнитивной стадии развития, любовь принимает упрощенные заместительные формы, лишь частично выполняя свои функции: любовь как удовольствие, общение, приязнь, привязанность* ***в первом случае*** *и любовь как понимание, уважение, осознание соответствия стереотипам, шаблонным представлениям рационального существования –* ***во втором***.

Среди исследовательских задач было выявление и анализ структуры ценностей молодежи РЮО, в частности, указана и ценность «Любовь между мужчиной и женщиной». **С одной стороны**, этот конкретный вид любви оставляет за скобками все многообразие ее проявления (любовь к детям, к искусству, к Родине и пр.), **с другой стороны**, исключается многозначность трактовки понятия **Любовь**, что упрощает процедуру измерения данного признака на практике и повышает достоверность полученной информации. На **первом этапе** мнения респондентов о значимости этой ценности были скоррелированы с их полом, возрастом, семейным положением, уровнем образования и материального благополучия. На **втором этапе** мнения респондентов о значимости ценности любви между мужчиной и женщиной были скоррелированы с их мнением о значимости других ценностей. Полученные данные свидетельствуют об определенной зависимости ценностных суждений от возраста и еще более заметной от пола респондентов. «Любовь между мужчиной и женщиной» как *высшую ценность* чаще всего отмечали респонденты самой младшей (15–18 лет) и старшей возрастной группы (27–30 лет). Всего же, как *высшую ценность,* ***Любовь*** отметили 33,7% от всех опрошенных молодых людей. Еще 44,2% от всех респондентов отметили Любовь как *весьма значимую ценность*. Девушки, по сравнению с юношами, более «трепетно» относятся к этому феномену.

Определенная зависимость ценностного отношения к любви между мужчиной и женщиной была также зафиксирована от уровня материального благополучия. Так, среди респондентов, отнесших себя к самой неблагополучной категории с точки зрения материальных условий существования («*денег не хватает даже на продукты*»), меньше всего тех, кто определил значимость интересующего нас вида любви как высшую ценность. Далее,

от группы к группе («*на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает затруднение*», «*покупка вещей длительного пользования представляет проблему*», «*для нас затруднительно приобретение действительно дорогих вещей*», «*мы ни в чем себе не отказываем*») отношение изменяется в сторону увеличения числа представителей группы, рассматривающих Любовь как высшую ценность и достигает разницы (в последней по сравнению с первой) в 12 пунктов. Отношение к Любви между мужчиной и женщиной как к высшей ценности, по данным исследования, не коррелирует значимо с признаками «уровень образования» и «семейное положение». Последнее есть факт, свидетельствующий о том, что существенной разницы между «семейными», «разведенными» или «холостыми» в отношении любви как к ценности – нет. Следовательно, значительное количество молодых семей не «заложило в фундамент» своих отношений любовь. Может быть, это и есть одна из причин числа разводов? Тем не менее, ценностное отношение к любви, как показало исследование, является достаточно сильной детерминантой личностных систем деятельности и поведения.

Среди всего массива была выделена группа респондентов, отметивших любовь между мужчиной и женщиной как «высшую ценность». В эту группу, как уже указывалось, вошло 33,7% от числа всех опрошенных, что само по себе свидетельствует о достаточно высокой значимости этой ценности. В дальнейшем, сравнивались ценностные суждения выделенного подмассива с показателями всего массива. Среди респондентов (независимо от пола, возраста, района проживания, других параметров), отнесших любовь между мужчиной и женщиной *к высшим ценностям* наблюдаются в среднем более высокие показатели оценки в группе *гуманистических* и *гражданских ценностей* как «высших» и более высокие показатели в группе *антигуманистических ценностей* как «совсем не значимых». Например, ценности «Патриотизм» придают значение как «высшей» во всем массиве (среди всех опрошенных) 24% респондентов, в то время как в группе, отметивших любовь между мужчиной и женщиной как высшую ценность, патриотизм как высшую ценность отмечают 29,5%. И, напротив, антиценность «Способность перешагнуть через этические, социальные нормы ради достижения своих целей» как совсем не значимую среди всех респондентов отмечают 24,5%, а среди выделенного подмассива эта позиция «совсем не значима» для 56,3% (табл. 4).

Для того, чтобы фиксировать и измерять явления, факты и факторы, процессы, детерминированные, или в какой-то мере опосредованные любовью, важно выяснить, с какими признаками респонденты связывают любовь, с чем она (любовь) ассоциируется в их представлениях. Для этого в инструментарий исследования был включен вопрос **«***Среди важнейших факторов счастливой семьи особое место занимает любовь между мужчиной и женщиной*.

Таблица 4

Высшие ценности

Ценности	Кол-во отметивших как высш. ценность **среди всех опрошенных (*n*=400%)**	Кол-во отметивших как высш. ценность **в группе, где любовь названа высш. ценностью (*n*=135%)**
патриотизм	24	29,5
уважение к закону	16,5	28,8
любовь к ближнему, готовность ему помочь	17,2	58,7
гуманизм	1.5	3,7
общественная справедливость	37,2	58,5
Как ценность совсем не значима		
способность перешагнуть через этич. нормы ради своих целей	24,5	56.3

Какие признаки, по Вашему мнению, наиболее глубоко отражают сущность этого явления», и респондентам было предложено отметить три позиции из предложенного списка, в наибольшей мере характеризующих сущность любви (или сформулировать эти характеристики самим).

Как видно из приведенных данных (рис. 4), главными атрибутами любви, по мнению более чем половины **опрошенных в Москве** молодых осетин из РЮО, являются: *постоянство в отношениях* (70%); *ощущение счастья* (55%) и *сексуальную гармонию* (50%).

У респондентов, **опрошенных в Южной Осетии** мнения несколько иные: *понимание, уважение друг друга* (64,7%); *постоянство в отношениях* (48,7%); и *взаимность* (44%).

Для более глубокого изучения современной молодой южноосетинской семьи, в рамках исследования в дополнение к массовому опросу, было проведено углубленное интервью. Демографические и социально-статусные характеристики респондентов, а также линейные распределения ответов респондентов на вопросы формализованной части интервью представлены ниже в табличной форме (в абсолютных цифрах *n*=16). *Национальность респондентов*: 14 – осетин; 2 – представители иных этносов (1 из межнациональной семьи). *Образование респондентов*: высшее – 4 человека; незаконченное высшее (не менее 3-х курсов вуза) – 3; среднее специальное – 2; среднее общее/ среднее профессиональное – 6; неполное среднее образование (9 классов общеобразовательной школы) – 1; 5 респондентов – верующие и еще 5 – скорее верующие, чем неверующие (все православные христиане).

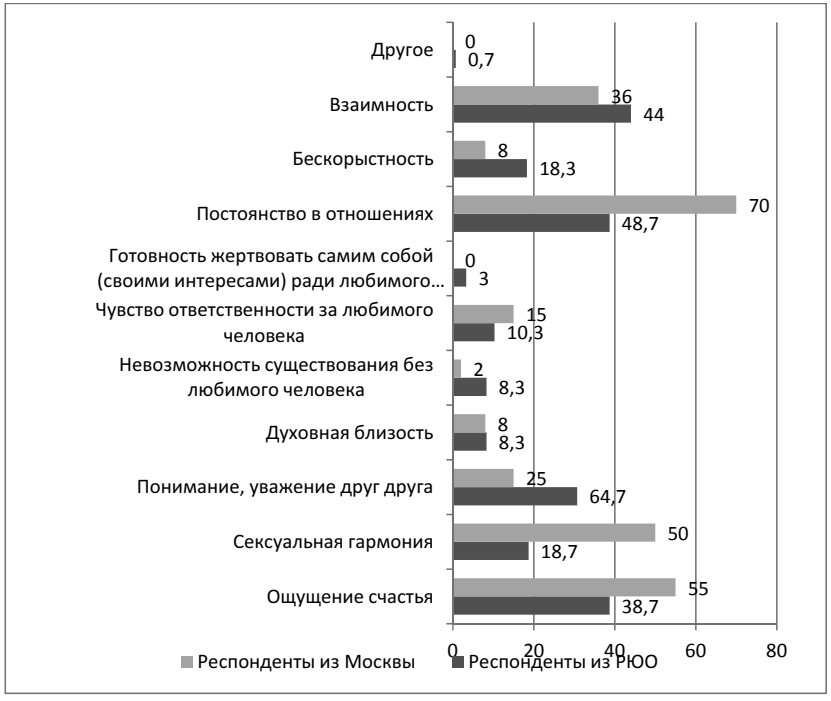

Рис. 4. **Представления респондентов о сущности любви**
(в % от опрошенных, n=100/275)

6 – неверующие, но отмечающие главные православные праздники и исполняющие некоторые обряды (по традиции, например поминовения).

Описание методики исследования

1. Интервью не жестко структурировано.

2. Применялся в качестве рабочего инструментария, специально разработанный опросник, блоки которого представляли собой «каркас» интервью, а «развитие темы» осуществлялось модератором, фиксация ответов производилась помощниками модератора (на специальных бланках); ими же, по ходу действа, заполнялся опросник , но интервьюируемым были розданы его копии (анкеты) для более быстрой ориентации. Ряд вопросов опросника дублировал соответствующие блоки основной анкеты или перекликались с ними.

3. Был разработан комплект специальных методических документов: инструкция по подбору респондентов, инструкция интервьюеру, бланки фиксации ответов респондентов.

Выборка – направленная, идентификация и отбор респондентов осуществляется методом «снежного кома»: на **1-м этапе** было целенаправленно подобрано четыре респондента, представителей четырех возрастных групп. На **2-м этапе** подобранные респонденты рекомендовали (из круга своих родных, друзей, соседей,...) для участия по несколько человек. **3-й этап** – последние, в свою очередь еще по несколько. Таким образом, было предложено (всего) к участию в действе 43 молодых людей, из которых отобрано – 16.

Основные блоки обсуждаемых вопросов: отношение к браку; влияние ближайшей социальной среды на семейное поведение и семейные стратегии молодых; этнический фактор в жизни молодой семьи; возможность реализации своих семейных стратегий в преломлении оценок современной социально-экономической ситуации в Республике, остроты насущных проблем и настроений респондентов.

Таблица 5

Семейное положение и наличие детей

Возраст	**15–18**	**19–22**	**23–26**	**27–30**
Пол	Муж. Жен.	Муж. Жен.	Муж. Жен.	Муж. Жен.
Семейное положение 1. в браке 2. холосты	2 2	1 1 2	1 1 1 1	3 1
Наличие детей 1. имеют 2. не имеют	2 2	1 3	1 1 1 1	3 1
Кол-во детей 1. ребенок 2. детей 3. детей			1 1	1 1 1 1

Среди респондентов: 2 работника по найму; 5 предпринимателей; 7 учащихся (дневная форма обучения); 1 военнослужащий; 1 домохозяйка. Двое приехали на заработки (работают по договорам); 1 – приехал в командировку; 7 – студенты московских вузов; 2 человека (предприниматели) часто и регулярно бывают в России, что связано с их предпринимательской деятельностью; 4 – практически живут в России постоянно, в РЮО бывают лишь наездами (в т.ч. женщина-домохозяйка). 15 человек опрошенных южноосетин являются и гражданами РФ.

Таблица 6

Какие формы брака для Вас приемлемы?

Какие формы брака для Вас приемлемы	*n*=16
Только официально зарегистрированный брак государственными органами	10
Только брак, освещенный церковью	0
Обязательная регистрация брака государственными органами и церковью	4
Незарегистрированный брак	0
Любая форма брака	0
Затрудняюсь ответить	2

Таблица 7

По количеству детей

Кол-во детей	Сколько детей Вы хотели бы иметь в идеале, если бы позволяли материальные и другие условия? *n*=16	Сколько детей Вы планируете иметь с учетом Ваших реальных жизненных обстоятельств (учитывая тех, которые уже есть)? *n*=16
1	1	3
2	8	10
3	4	2
4	2	1
более 4	1	0
не хотят детей вообще	0	0

Таблица 8

Основные причины, которые могут помешать Вам иметь столько детей, сколько хотелось бы

Назовите, пожалуйста, основные причины, которые могут помешать Вам иметь столько детей, сколько хотелось бы (не более 3 позиций)	*n*=16
Состояние здоровья	1
Материальные проблемы	11
Жилищные проблемы	4
Моральная и психологическая неготовность	1
Страх за будущее своих детей	4
Полноценная личная жизнь	2
Карьера	0
Возраст	0
Ничего не может помешать	5
Другое	2

Таблица 9

Кто, по Вашему мнению, должен обеспечивать достаток семьи?

Кто, по Вашему мнению, должен обеспечивать достаток семьи	*n*=16
Муж	5
Жена	0
Оба, в равной мере	3
Неважно кто, лишь бы был достаток	8

Таблица 10

Ваше отношение к следующим суждениям

Ваше отношение к следующим суждениям	*n*=16
Мой супруг(а) должен быть одной со мной национальности	1
Мой супруг(а) может быть другой национальности, лишь бы человек был хороший	15
Мой супруг должен иметь те же позиции в вопросе религиозной веры, что и я	1
Я готов(а) создать семью с человеком иных религиозных убеждений, при условии обоюдного уважения духовного выбора	15

Таблица 11

Какие признаки, по Вашему мнению, наиболее глубоко отражают сущность этого явления

Среди важнейших факторов счастливой семьи особое место занимает любовь между мужчиной и женщиной. Какие признаки, по Вашему мнению, наиболее глубоко отражают сущность этого явления (отметьте не более 3 позиций):	*n*=16
Ощущение счастья	2
Сексуальная гармония	5
Понимание, уважение друг друга	9
Духовная близость	3
Невозможность существования без любимого человека	1
Чувство ответственности за любимого человека	6
Готовность жертвовать собой (своими интересами)	1
Постоянство в отношениях	9
Бескорыстность	6
Взаимность	6
Другое	0

Участникам действа было предложено ответить на вопрос : «Не будут ли они против того, чтобы их ребенок женился (вышел замуж) за человека иной национальности и /или религии. Собственно большинство оказалось *не против межнациональных и отчасти межконфессиональных браков*. Но! Не против, если только женихом (невестой) не будет грузин (11 опрашиваемых), ингуш (4), еврей (3), чеченец (2). Против того чтобы женить (отдать замуж) свое чадо на мусульманке (мусульманине) – 10 респондентов; если за мусульманина, то только за осетина – 2; против иудеев – 7 человек; католиков – 5; «вообще не православных» – 2.

Таблица 12

Готовы ли Вы к семейной жизни?

Готовы ли Вы к семейной жизни *n*=16			
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Экономически	6	6	4
Психологически	7	5	4

Таблица 13

Блок экспертных оценок

Насколько, по Вашему мнению, молодежь Южной Осетии, готова *(в целом, в своем большинстве)* к семейной жизни?	Полностью	В большой мере	В достаточно большой мере	В незначительной мере	В никакой мере
Экономически	0	0	0	27	2
Психологически	8	3	10	8	0

Как видно, специалисты, приглашенные в качестве экспертов весьма скептически оценивают экономическую готовность молодежи к браку и созданию семьи. Модераторы попросили респондентов рассказать о семьях, в которых они родились и воспитывались. В ходе беседы выяснилось, что в большинстве своем семьи респондентов являются (были) многодетными (по современным понятиям), т.е. имели 3 или более детей (табл.14). Половина семей образовалось в результате межэтнических браков. У половины респондентов родители – верующие (все православные христиане). Как мы и предполагали эти социальные параметры оказались достаточно сильной детерминантой семейных стратегий (особенно деторождения) и поведения. Например, выросшие в многодетных семьях также склонны (по крайней мере, желают в идеале) иметь много детей, т.е. являются потенциально многодетными.

Таблица 14

Сколько детей в Вашей (было) семье

Сколько детей в Вашей (было) семье	***n*=16**
1	0
2	5
3	7
Более 3-х	4

Таблица 15

В какой мере выбор Вами супруга будет

В какой мере выбор Вами супруга будет (был, для имеющих свою семью) обусловлен: *n*=16					
	Полностью	В достаточно большой мере	Затрудняюсь ответить	В незначительной мере	В никакой мере
Родителями	1	5	4	4	2
Национальными предпочтениями	0	0	2	8	6
Религиозными убеждениями	0	0	3	7	6
Мнением друзей, родственников, соседей и т.п.	0	2	6	6	2
Обычаями и традициями	0	1	6	5	4

Таблица 16

Блок экспертных оценок

В какой мере выбор супруга молодыми людьми чаще всего бывает обусловлен: *n*=29 (абсолютные цифры – число опрошенных экспертов)					
	Полностью	В большой мере	В достаточно большой мере	В незначительной мере	В никакой мере
Родителями	0	5	17	7	0
Национальными предпочтениями	0	9	14	6	0
Религиозными убеждениями	0	3	3	23	0
Мнением друзей, родственников, соседей и т.п.	0	2	22	5	0
Обычаями и традициями	3	2	12	12	0

Вопросы для состоящих в браке (*n*=7)

Модераторы выяснили, что для 6 респондентов из 7, состоящих в браке, нынешний брак первый и единственный. Стаж брачной жизни – от 2-х до 9-ти лет.

Таблица 17

Ваш супруг(а) одних с Вами национальности и религиозных убеждений?

Ваш супруг(а) одних с Вами:	Да	Нет
Национальности	5	2
Религиозных убеждений	6	1

Таблица 18

Бывают ли в Вашей семье ссоры между супругами?

Бывают ли в Вашей семье ссоры между супругами	*n*=7
Да, часто	2
Да, редко	4
Никогда	1

Таблица 19

Насколько, по вашему мнению, конфликты, вообще климат в семье обусловлены следующими факторами

Насколько, по вашему мнению, конфликты, вообще климат в семье обусловлены следующими факторами	Полностью	В большой мере	В достаточно большой мере	В незначительной мере	В никакой мере
Отношения с Вашими родителями	1	1	0	1	4
Отношения с родителями супруга	1	2	1	0	2
Отношения с детьми	0	0	0	3	4
Неготовность к супружеской жизни	0	0	0	3	4
Материальные условия семьи	0	0	2	2	3
Отсутствие работы	0	0	0	0	0
Отсутствие своего жилья	0	0	1	1	5
Экономическая, политическая, нравственная ситуация в республике	0	0	0	0	0
Что-то иное *(укажите что)*_____	0	0	0	0	0

Таблица 20

В какой мере Вы испытываете влияние на Вашу семейную жизнь?

В какой мере Вы испытываете влияние на Вашу семейную жизнь	Влияние абсолютное	Очень большое, часто решающее	Достаточно значительное	Незначительное	Никакого влияния
Родителей	0	1	2	3	1
Других родственников	0	1	4	2	0
Своего социального окружения (друзья, соседи, коллеги и т.п.)	0	1	2	4	0
Религиозной общины	0	0	0	0	0
Местных обычаев, традиций	0	0	5	2	0

Таблица 21

Появлялись ли у Вас мысли о разводе?

Появлялись ли у Вас мысли о разводе	*n*=7
Я твердо решил разводиться	0
Появляются часто	1
Появляются изредка	2
Никогда не задумывался об этом	4

Таблица 22

Удовлетворены ли Вы тем, как в целом складывается Ваша семейная жизнь?

Удовлетворены ли Вы тем, как в целом складывается Ваша семейная жизнь?	*n*=7
Вполне удовлетворен	2
Скорее, удовлетворен	3
Скорее, не удовлетворен	1
Совершенно не удовлетворен	0
Затрудняюсь ответить	1

Анализ приведенных данных позволяет утверждать, что в РЮО сохраняет свою значимость фактор влияния *на сознание, а, следовательно, и на поведение, на формирование семейных стратегий молодежи социального окружения*. Также правомерно утверждать, что потенциал этого фактора используется слабо субъектами социальной молодежное политики.

Данные многих социологических, и нашего, в частности, исследований, в том числе и об этом, и свидетельствуют, что ***Семья*** и ***Любовь*** в традиционном восприятии россиянами, если брать шире, большинством людей почти

на всем постсоветском пространстве, – это наша ментальность, наши базовые ценности, наши социокультурные символы и резерв. Но очевидно и то, что меры, касающиеся молодежной семейно-демографической политики, явно недостаточны. Иными словами, наше исследование подтвердило актуальность усиления государственной поддержки семьи, особенно молодой.

Для решения названных проблем необходима социально ответственная государственная семейная политика. Важное значение будет иметь реализация национальных проектов в области здравоохранения, образования, повышения доступности жилья. Но на это требуются время, большие средства и разработка соответствующей нормативной базы. В последнее время некоторые специалисты – семьеведы – говорят о том, что нужен **еще один семейный закон**, *который будет регулировать отношения не внутри семьи, а между семьей и государством*. Особенно нуждается в регуляции **система государственной поддержки семей с детьми**. В этом законе должны быть отражены минимальные социальные гарантии, связанные с оплатой пособий, налоговыми и жилищными льготами, дошкольным образованием, здравоохранением. На эти гарантии могли бы опереться люди, вступающие в брак и принимающие решение о рождении детей. Семья должна рожать детей для себя, а государство, как заинтересованный партнер, должно создать нормальные, а не минимальные условия для этого. Сегодня законодательное обеспечение государственной поддержки семьи очень слабое как в России, так и в Южной Осетии. Очень важным представляется необходимость максимально использовать еще сохраняющийся социально-культурный и ценностный потенциал наших молодых сограждан; всячески способствовать повышению привлекательности семейного образа жизни, престижу материнства и отцовства, ценности любви в сознании молодых людей, не жалея для этого экономических и информационных ресурсов.

Список литературы

1. Гиоева Е.П., Хабаева Л.М., Абаева И.В. Исследование представлений о социальном успехе у молодежи Республики Южная Осетия // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 5. – URL: www.science-education.ru/119-14638 (дата обращения: 28.12.2014).

2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2008. – № 2.

3. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х) – М.: ЦСО, 2008. – 551 с.

4. Кузьмина Е.И. Социальные неравенства и жизненные выборы молодежи // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 6.

5. Маликова Н.Р., Тадеева О.Н. Социально-психологические ресурсы межэтнической толерантности в процессе формирования этносоциальной идентичности юго-осетинской молодежи в условиях конфликта // Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития. – URL: http://psyjournals.ru/ethnopsy/issue/40393_full.shtml (дата обращения: 28.12.2014).

6. Осадчая Г.И. Социокультурные характеристики повседневных практик россиян. – М.: Изд-во РГСУ, 2013.

7. Рощина Я.М. Социальная дифференциация в российском профессиональном образовании // Отечественные записки. – 2006. – № 3. – С. 113–132.

8. Рубцова Е.П. Дифференциация стартовых возможностей учащейся молодежи как основание формирования жизненных стратегий // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2010. – № 1.

9. Сорокин О.В. Регуляция политического сознания молодежи в современном российском обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. – № 6.

10. Ургалкин Ю.А., Санникова О.А. Социальное неравенство студенческой молодежи как феномен современного российского общества // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2012. – № 12.

11. Хачирова А. Рождаемость и смертность в Южной Осетии. Цифры и факты // Южная Осетия. – 2014. – 11 сент.

Spisok literatury

1. Gioeva E.P., Khabaeva L.M., Abaeva I.V. Issledovanie predstavleniyj o socialjnom uspekhe u molodezhi Respubliki Yuzhnaya Osetiya // Sovremennihe problemih nauki i obrazovaniya. – 2014. – № 5. URL: www.science-education.ru/119-14638 (data obratheniya: 28.12.2014).

2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Socialjnaya regulyaciya v usloviyakh neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnihe problemih v issledovanii molodezhi // Monitoring obthestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i socialjnihe peremenih. 2008. № 2.

3. Konstantinovskiyj D.L. Neravenstvo i obrazovanie. Opiht sociologicheskikh issledovaniyj zhiznennogo starta rossiyjskoyj molodezhi (1960-e godih – nachalo 2000-kh) – M.: CSO, 2008. – 551 s.

4. Kuzjmina E.I. Socialjnihe neravenstva i zhiznennihe vihborih molodezhi // Vestnik MGIMO Universiteta. 2013. № 6.

5. Malikova N.R., Tadeeva O.N. Socialjno-psikhologicheskie resursih mezhehtnicheskoyj tolerantnosti v processe formirovaniya ehtnosocialjnoyj identichnosti

yugo-osetinskoyj molodezhi v usloviyakh konflikta // Prakticheskaya ehtnopsikhologiya: aktualjnihe problemih i perspektivih razvitiya. URL: http://psyjournals.ru/ethnopsy/issue/40393_full.shtml (data obratheniya: 28.12.2014).

6. Osadchaya G.I. Sociokuljturnihe kharakteristiki povsednevnihkh praktik rossiyan – M.: Izdateljstvo RGSU, 2013.

7. Rothina Ya.M. Socialjnaya differenciaciya v rossiyjskom professionaljnom obrazovanii // Otechestvennihe zapiski. 2006. № 3. S. 113-132.

8. Rubcova E.P. Differenciaciya startovihkh vozmozhnosteyj uchatheyjsya molodezhi kak osnovanie formirovaniya zhiznennihkh strategiyj //Vestnik Adihgeyjskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 1.

9. Sorokin O.V. Regulyaciya politicheskogo soznaniya molodezhi v sovremennom rossiyjskom obthestve // Istoricheskaya i socialjno-obrazovateljnaya mihslj. 2012. № 6.

10. Urgalkin Yu.A., Sannikova O.A. Socialjnoe neravenstvo studencheskoyj molodezhi kak fenomen sovremennogo rossiyjskogo obthestva // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta. 2012. № 12.

11. Khachirova A. Rojdaemost i smertnost v Yujnoi Osetii. Cifri i fakti |// Yuzhnaya Osetiya. 11.09.2014.

Е.А. Сайко,
доктор философских наук, профессор, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории информационно-образовательных технологий, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sayko13@list.ru

ПОТРЕБНОСТИ СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: *в статье на основании социологических опросов выявляются особенности культурных потребностей студентов-социологов в контексте динамики культурных ориентаций современной российской молодежи.*

Ключевые слова: *культурные потребности, культура, искусство, социология, образование, студенты.*

Многообразие исследований, посвященных изучению культурных потребностей россиян в период общественных трансформаций, предполагающих значительные социокультурные изменения, не снижают в целом интерес к этой проблеме в пространстве социогуманитарного знания, активизировавшийся с 1990-х гг.[1] Отсюда востребованность междисциплинарной методологии в осмыслении динамики культурных потребностей в аспекте наличия и мотивации «воли к эстетическому» (имеются в виду предпочтения в сфере искусства и литературы, интенция к творческой деятельности как таковой).

При этом в известной степени ощущается дефицит работ, осваивающих острую проблему «культурного разрыва» (межпоколенного разрыва), сопро-

[1] Одним из поворотных и фундаментальных проектов в сфере изучения потребностей молодежи в искусстве стал проект «Художественные интересы школьников и условия их формирования» (Лаборатория конкретно-социологических исследований художественного развития школьников НИИ художественного воспитания АПН СССР: руководитель Ю.У. Фохт-Бабушкин, участники проекта – Л. Валина, Е. крупник, Т. Морозова, Л. Никольский, Р. Рабинович, К. Чулкова, В. Собкин, Е. Чухман). Особую значимость в рамках изучения культурных потребностей, на основании методологии социологии культуры и социологии искусства, представляют труды У.Ю. Фохт-Бабушкина. В культурологическом аспекте большое внимание вопросам потребностей россиян уделяют в своих работах О.Н. Астафьева, Г.А. Аванесова, С. Жидков, К.Б. Соколов и др. Важными в осмыслении проблемы динамики культурных потребностей населения России в период с 70–80-гг. XX в. по настоящее время представляются конкретно-социологические исследования, проводимые в рамках регулярных проектов ВЦИОМа и др. Значимыми являются также отдельные работы, относящиеся к социологии и психологии искусства (Н.А. Хренов, К.Б. Соколов и др.), книжной культуре, затрагивающие, в частности, проблему чтения и читателя в России (Васильев В.И., Мелентьева Ю.П. и др.).

вождающегося утратой и коренной трансформацией ценностных ориентаций в сфере культурных потребностей, произошедших в последние три десятилетия. В данном контексте активной сферой дискурсивных практик в сфере изучения культурных потребностей представляются 1990–2000-е гг. в аспекте их трансформаций под влиянием коренных социокультурных изменений, обусловленных процессами глобализации, становления информационного общества, сопровождаемыми масштабной информатизацией и компьютеризацией, что способствует появлению новых форм художественного производства и потребления. С этой точки зрения особый интерес, в частности, представляет исследование культурных, в том числе художественных, ориентаций молодежи, прежде всего студенчества, с позиции формирования художественного вкуса и воздействия на динамику культурных потребностей эстетического воспитания и художественного образования. Отметим, что высокая степень трансформационности культурных ориентаций молодежи обусловлена тем, что ее культурные потребности в целом достаточно мобильны по своей сути. Это, в свою очередь, объясняется интерактивной рефлексией молодых людей на изменчивость историко-культурного ландшафта, а также вариабельностью модели их поведения в ходе процессов производства, восприятия и репродукции культурных образцов [4, с. 174]. Так, в 1990-х гг. подобные процессы определялись следующими факторами: разложение централизованной организации общества, экономики и культуры; деградация массовой советской гуманитарно-образованной бюрократии («интеллигенции», обслуживающей репродуктивные институты советского общества – обучения и пропаганды), вторжения массовой культуры (в том числе новой для России западной, «потребительской») [4, с. 174].

Начиная с 1990-х годов актуализируется также ряд критериев, важных для исследования культурных потребностей, атрибутивных непосредственно для информационного общества. В их числе: уровень компьютерной грамотности; наличие персонального компьютера (ПК) и доступа в Интернет; целесообразность и эффективность использования ПК; реализация художественных потребностей посредством Интернет (электронные библиотеки, виртуальные музеи, ресурсы фильмографии, музыки, книг и др.).

В связи с этим достаточно актуальной представляется задача анализа культурных потребностей студентов-социологов в пространстве культурных ориентаций современной российской молодежи, особенно в контексте динамики художественных интересов, эстетических предпочтений, культурной активности в целом, проявляемых в процессе обучения в вузе.

Эффективным в этом смысле стал опыт проведения серии мониторингов на социологическом факультете МГУ (2012–2013 гг.): «Профессиональная адаптация социолога в условиях современного российского рынка» (по

итогам обучения в 1 семестре 2012 г.), результаты которого были получены в апреле 2012 г. (респонденты – студенты 1 курса дневного отделения социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова); «Мониторинг качества образования глазами студентов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова» (2013 г.) (респонденты – студенты всех курсов, за исключением выпускных, всего – 451 чел.) [8], а также анализ данных других социологических исследований, связанных с изучением культурных потребностей россиян.

Отметим, что в целом специалисты, изучающие динамику культурных (в том числе художественных) потребностей населения в России (в разных возрастных группах) с 1980-х по 2000-е гг., считают, что в этот период наблюдается снижение интереса к искусству в возрастной группе от 25 до 34 лет в крупных городах (с 91% в 1980-е гг. до 81% в 2000-е гг.); при этом уменьшилось число выпускников школ, обращающихся к искусству (1980-е – 93%; 2000-е – 88%); в группе 25–34 года снизилось число поклонников искусства (с 82% до 71%); в группе 35–54 года – с 64% до 57%; более стабильна в своих предпочтениях группа старшего возраста (55 и более лет) – 45% – в 1980-е и 50% – 2000-е [19, с. 311–312]. Ю.У. Фохт-Бабушкин полагает, что такая динамика интереса к искусству обусловлена тем, что «современная школа дает слабый заряд к нему, это объясняет и снижение художественных потребностей взрослых, кроме того, причиной данного явления является вся система распространения искусства в стране» [19, с. 312].

В то же время в социологическом и культурологическом дискурсах, связанных с проблемами динамики интереса к искусству, оценки культурной активности населения, а также трансформацией художественно-эстетического вкуса россиян в 1990-х гг., высказываются суждения, аргументирующие тенденцию снижения посещаемости учреждений культуры, которые вовсе не сводятся к констатации достаточно стереотипных причин: угасание интереса к искусству, отсутствие желания его удовлетворить и т.п. Основным поводом посетить кинотеатр, театр, музей и т.д., становится «избирательность», являющаяся показателем ценностных ориентаций личности, с одной стороны, и индикатором качества предлагаемого «культурного образца» – с другой. Поэтому отсутствие желания посмотреть тот или иной фильм, спектакль, посетить выставку, прочитать книгу вызвано прежде всего несоответствием предлагаемой учреждениями культуры художественной продукции запросам населения [5, с. 140]. Следующие причины снижения интереса к искусству и частоты посещаемости учреждений культуры апеллируют к серьезным различиям индекса качества жизни населения в городах и селах, центре и регионах и т. д., проявляющим себя с 1990-х гг. по настоящее время. В их числе «отсутствие учреждений культуры и каких-либо гастрольных выступлений

в зоне транспортной доступности для жителей самых разных населенных пунктов, так как и гастролей стало меньше, и транспорт работает все хуже и хуже», и – дорогие билеты [5, с. 140].

Таким образом, начиная с 1990-х гг., в России наблюдается снижение культурной активности населения, в том числе молодежи; можно также говорить о неразвитости художественного вкуса у большинства потребителей культурных ценностей, что во многом обусловлено современным состоянием эстетического воспитания/просвещения и художественного образования. Но прежде всего это свидетельствует об интенсивном расширении амплитуды социального неравенства в российском социуме.

Очевидно, что финансовые возможности (как один из показателей социального неравенства), которые определяют качество жизни и образ жизни каждого человека, не позволяют разным возрастным группам россиян реализовать свои культурные потребности в различных формах культурной самоорганизации. Фактор социального неравенства обусловливает также пределы удовлетворения человеком своих культурных потребностей, диверсификацию позиций и интересов по отношению к искусству и литературе, регламентирует в целом культурную активность населения. В связи с этим, к примеру, закономерным становится желание студентов удовлетворить свои культурные потребности и реализовать волю к творческой деятельности (без финансовых затрат) в период обучения в вузе посредством факультативных занятий, а также волонтерской деятельности, направленной на улучшение социально позитивного имиджа кафедры, факультета, вуза. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты мониторингов, проведенных на социологическом факультете МГУ (2012–2013 гг.). Так, желание получить дополнительное образование на социологическом факультете выразили в ходе опроса 2013 г. 47,1% среди всех опрошенных, при этом 21% респондентов предпочитают в качестве дополнительных занятий иностранные языки, 0,9% – философию; 0,4% – культурологию, 0,4% – социологию культуры и кино; интересы остальных студентов (22,7%) распределились между психологией, менеджментом, маркетингом, журналистикой, политологией, рекламой, юриспруденцией, информатикой, математическим моделированием, педагогикой и современым развитием. В свою очередь, желание заниматься волонтерской работой на благо социологического факультета МГУ высказали 18,4% студентов, из них выступать в художественной самодеятельности готовы 30,8% первокурсников, 29,6% второкурсников, 21,6% – третьекурсников и 23,0% – четверокурсников; предпочтения остальных респондентов в волонтерской деятельности распределились между «участием в конференциях как помощник организаторов», «участием в организации помощи детским домам», «работой в качестве фотографа», «выступлением на спортивных мероприятиях», «проведением опросов в качестве интервьюера», «введением анкетных данных в базу данных» и др.

Для сравнения отметим, что и в 2012 г. (согласно результатам мониторинга, проведенного на социологическом факультете МГУ) желание получать факультативное образование именно на факультете, связанное с дополнительными занятиями по иностранным языкам, совершенствованием знаний по культуре, искусству и др. высказали 75,5% первого курса. Приоритетным для первокурсников являлось изучение испанского, французского, немецкого, итальянского, китайского, исландского языков, углубленное изучение английского.

С целью реализации своих культурных потребностей они также хотели бы посещать факультативы по изобразительному искусству, искусствоведению, философии, культурологии, истории, литературы [8].

В свою очередь, стремление студентов-социологов удовлетворить культурные потребности в процессе обучения на факультете свидетельствует о том, что будущие социологи осознают важность наличия в компетентностной модели современного социолога «творческой компетентности» [17], обеспечивающей высокую конкурентоспособность молодого специалиста в жестких условиях рынка труда.

Этот факт подтверждает и общую тенденцию к обретению «творческой компетентности», ярко выраженную в среде российского студенчества в 2000-е гг. К примеру, результаты опросов, проведенных в Сибирском Федеральном университете, указывают в соответствии с данным критерием на положительную динамику: «79% (2007 г.), 85% (2009 г.), 84% (2010 г.) студентов согласны с утверждениями, что «способность к творчеству помогает добиться успеха в жизни», «творчество – это источник подлинного удовольствия» (73%, 68%, 75% соответственно), «на современном рынке труда востребованы творческие люди»(53%, 51%, 51%) [17].

В свою очередь, формированию «творческой компетентности» способствуют хобби и увлечения студентов – реальные и потенциальные. Согласно результатам мониторинга, проведенного в 2013 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, 69,4% студентов имеют различные хобби и увлечения. При этом 25,5% респондентов отдают предпочтение спорту, 15,3% – музыке; 10,2% – танцам, 8,9% – чтению; 8,4% – искусству; 5,8% рисованию; 4,9% – фото; 3,5% – иностранным языкам; 1,6% – электронике, компьютерам. Таким образом, около 57,0% респондентов удовлетворяют культурные потребности посредством хобби и увлечений, что обеспечивает устойчивую и пролонгируемую мотивацию к культурной активности.

Между тем культурная активность студентов регламентируется их финансовыми возможностями, что во многом объясняет более низкие по сравне-

нию с другими показатели в отношении к чтению, искусству, рисованию и др., поскольку данные виды хобби и увлечений являются более затратными для молодежи. Ведь чтение как хобби требует пополнения личной библиотеки за счет покупки новых изданий, искусство – посещения театральных спектаклей, кинотеатров, музеев, а значит, приобретения билетов. При этом желание заниматься спортом, танцами, музыкой можно удовлетворить в рамках факультета и вуза – за счет факультативных занятий, пребывания в соответствующих спортивных секциях и др., т. е. в контексте системы культурной самоорганизации, формирующейся в пространстве современного образовательного процесса.

В целом обозначенные выше показатели культурной активности студентов подтверждают общую тенденцию, характерную для россиян с 2008 года. Согласно исследованиям, проведенным в 2008–2009 г. Институтом социологии РАН, посвященным российской повседневности в условиях кризиса, большинство россиян предпочитало театру, кино и прочим развлекательным действам, в том числе музеям, домашние виды досуга [13].

При этом специалисты отмечают, что активный досуг (досуг вне дома), являющийся одним из самых важных показателей качества жизни и образа жизни, «начинается только при условии расширения спектра досуговых предпочтений за счет внедомашних видов культурной, развлекательной, рекреационной, общественной или иной деятельности» [13, с. 119]. Однако такая активность требует не только интеллектуальных усилий, но предполагает и соответствующие финансовые вложения. Таким образом, активный досуг сегодня далеко не всем «по карману». Поэтому 57% россиян предпочитают разнообразить традиционные формы досуга: 14% – чтение, музыка, видео, «домашнее хобби» – рукоделие, фотография и т.д.; 43% – различные формы общения (Интернет-сообщества, друзья, церковные общины, общение с природой). К простому типу досуга тяготеют 15% (просмотр ТВ, слушание радио, занятия домашним хозяйством, «просто отдых»); 28% предпочитают активный досуг – вне дома, включающий развивающие, развлекающие, культурные, рекреационные, общественные компоненты [13, с. 119].

При этом замечено, что появление VIP-персон на тех или иных кинематографических и театральных премьерах становится мощным стимулятором мотивации культурных предпочтений населения, особенно молодежи. То же самое можно сказать и о предпочтениях в литературе. Известно, к примеру, что как только медийные лица в рамках рекламной акции стали давать положительные отзывы о произведениях Пауло Коэльо, то рейтинг продаж его книг в России значительно повысился.

Впрочем, проблема чтения в аспекте исследования динамики культурных потребностей россиян, и прежде всего молодежи, заслуживает особого вни-

мания. Начиная с 1990-х гг. в отечественной научной и ненаучной публицистике актуализируется тема – *«Читатель, которого мы потеряли»*. Тема вечная, так называемая странствующая – из эпохи в эпоху. Поиск читателя-собеседника, читателя-интеллектуала и «читателя-почитателя», по которому, к примеру, еще в XX в., в постреволюционное время, тосковал в эмиграции А. Белый, был и остается в России частью национальной идеи, а сам «идеальный читатель» – неким фантомом, движимым «охотой к перемене мест». Не о том ли в 1820 году А.С. Пушкин писал П.А. Вяземскому? «Круг писателей делается час от часу теснее – скоро мы будем принуждены, по недостатку слушателей, читать свои стихи друг другу на ухо» [2].

Эта угроза сохраняется и в настоящий период, когда потенциальные читатели подвержены синдрому «бедного потребителя». Так, социологи Левада-центра на основании исследований 2011 г. [10], указывают на то, что в начале 2000-х гг. российское общество было обществом наевшихся людей, к 2008 г. – одевшихся людей, а вот после 2008 г. вновь усилился синдром «бедного потребителя», для которого еда, одежда, дом первичны, а все остальное – посещение театров, музеев, приобретение книг и чтение и т.д. – вторично [6].

При этом «бедный потребитель» – это не всегда бедный потребитель по сути. Это скорее потребитель, для которого приоритеты, сложившиеся в кризисные периоды, по-прежнему остаются значимыми (на уровне рудимента или атавизма). Что касается действительно «бедного потребителя» или потребителя с невысоким уровнем качества жизни, то он, тем не менее, составляет сегодня «читающее меньшинство» и, как отмечают исследователи современного книжного рынка, игнорирует «книжный фастфуд», «голосуя рублем» за качественную во всех отношениях книгу [6]. Это в полной мере относится ко всем видам и жанрам литературы, в том числе и к учебным и научным изданиям (целевой аудиторией которых являются в первую очередь студенты). Даже будучи качественными, они, тем не менее, нуждаются сегодня в эффективных стратегиях позиционирования и распространения, с учетом жестких условий современного книжного рынка. И здесь мода, вкус и насущные потребности в образовании часто конфронтируют, что закономерно в условиях «общества потребления». Отметим, что в свое время подобную ситуацию в сфере научной литературы прогнозировал Н.А. Рубакин в книге «Этюды о русской читающей публике» (СПб., 1895), утверждая, что научная литература никогда не будет пользоваться в России большим вниманием читательской аудитории, а издательское дело не сможет эффективно развиваться, поскольку наука не получила пока в России должной государственной поддержки [16].

Реалии информационного общества, в свою очередь, формируют модель «человека не читающего», отсюда «в современном обществе возникает

своеобразная *библиофобия* – неприятие книги как таковой, предпочтение ей других информационных носителей <...> Актуальным становится вопрос о том, наступит ли конец книги и насколько опасно перерождение «человека читающего» (homo legens) в «человека кликающего» [21, с. 212]. На это указывают и результаты социологических исследований, отражающие общую тенденцию, характерную в последние годы для студентов российских вузов в выборе ресурсов как для подготовки к учебным занятиям, так и в целом – для самообразования. К примеру, согласно данным социологического опроса (2008-2009 гг.), проведенного Google в рамках исследовательской программы «Российский студент сегодня», молодежь уделяет Интернету в 2 раза больше внимания, чем чтению книг: в среднем студенты читают по 2 книги в месяц и отправляют по 5 электронных писем в день [15].

Впрочем, приоритетность Интернета (электронных ресурсов) для студентов в процессе обучения очевидна и закономерна, а, кроме того, прогнозируема, поскольку подобный способ представляется им, как «продукту» информационной эпохи, наиболее эффективным (прежде всего, скоростным) и менее трудоемким.

Тем не менее стоит уточнить, что эта тенденция в России не столь однозначна, как кажется на первый взгляд. Согласно результатам опросов, проведенных ВЦИОМ, на тему «А зачем Вам Интернет?», в 2006 г. респондентов, которым необходим доступ в Интернет «для работы/учебы», оказалось 77%, а в последующие годы их число снижается: в 2008 г. – 62%, в 2010 – 58%, в 2012 г. – 51% [1, с. 147]. Недавний опрос ВЦИОМ – «Россияне стали читать больше» – также свидетельствует о том, что желание взять книгу в руки посещает россиян несколько чаще, чем раньше [14, с. 85].

Уточним, что молодежная читательская аудитория в большей степени подвержена изменениям, обусловленным перманентно расширяющимися возможностями Интернета «не только как инструмента социальной мобилизации, но и как многомерного пространства формирования новых коммуникативных идентичностей» [18, с. 42]. Об этом свидетельствуют и императивы SKCG (новый проект «Общественная читательская инициатива», а также «Букник») – компании, занимающейся позиционированием и продвижением книг в Интернете и социальных медиа (генеральный директор – Сергей Кузнецов): «Наш посыл в том, что книга – не источник знаний. Источник знаний у нас сегодня – Интернет. Книга – источник эмоций, так же как музыка и кино. Именно об этом и надо говорить. Важное значение для всех наших проектов имеют несколько идеологических вещей: давайте забудем идею бумажной книги, откажемся от визуального образа человека, за спиной которого книжная полка, а в руках – толстый том. Сегодня люди, которые любят читать, читают на мобильных телефонах, планшетах и ридерах» [7, с. 48–49].

Однако главный вопрос состоит не в том, каким носителем информации пользуется потребитель, а что читают и как читают, т.е. как осмысливают прочитанное? И это уже не проблема чтения как такового, а проблема востребованности книги как феномена в современном обществе, которая наиболее остро проявляется среди детской, юношеской и молодежной, в том числе студенческой, аудитории. Поэтому данную проблему стоит рассматривать не только в сугубо «книжном» контексте, но согласно традициям отечественного социогуманитарного знания гораздо шире – в рамках эстетического образования/просвещения, призванного формировать «хороший вкус» по отношению к различным видам искусства и к литературе, считая его ценностным навигатором в пространстве становления и удовлетворения культурных потребностей личности.

Заметим, что не только воспитание литературного вкуса, но и формирование самой «воли к книге» во все эпохи представляло собой актуальную проблему, в равной степени трудоемкую, – как для системы образования, так и для семьи.

Одно из «красивых решений» этой задачи (как сказали бы математики) и, несомненно, эффективное, в ценностном понимании, еще в 1899 году предложил известный педагог, литературовед и пушкинист М. Гершензон в докладе о воспитательном значении детской художественной литературы: «Разумеется, дети должны читать не все, что доставляет им удовольствие; но все, что они читают, должно доставлять им удовольствие. Мы должны воспитывать поколение, которое любило и умело бы наслаждаться… Воспитание должно позаботиться сделать наслаждение спутником и другом человека, и воспитание литературного вкуса – быть может, вернейший путь к этому, потому что дар поэтической восприимчивости есть, после музыкальности, самое распространенное эстетическое чувство» [11].

Однако читатели-современники накануне XX в. не оправдали надежд М. Гершензона и в этом во многом напоминают нынешнего читателя. «Современный читатель на бегу, мельком улавливает тени слов и безотчетно сливает их в некий воздушный смысл, столь же бесплотный, как слагающие его тени… – сетовал известный литературовед. – Ища прежде всего быстроты, мы разучились ходить; теперь только немногие еще умеют читать пешком, – почти все читают велосипедно, по 30 и 40 верст, т.е. хотел сказать – страниц в час. Спрашивается, что они видели в этих быстро промелькнувших страницах, могли ли что-нибудь заметить и разглядеть?» [11]

Очевидно, что современная школа не может должным образом развить «волю к книге», равно как и навыки обращения с книгой (виной тому во многом нынешние образовательные стандарты). Что же касается семьи, то феномен домашней библиотеки может вскоре стать «уходящей натурой». Воз-

можные последствия позволяют прогнозировать результаты международного исследования PISA (2011): по уровню качества чтения и понимания прочитанного текста российские старшеклассники заняли 41 место среди 65 стран [9, с. 229].

Образовательные стратегии современного вуза, ориентированные во многом на то, чтобы студент все больше уделял внимания самоподготовке к занятиям, тем не менее, не могут стимулировать в достаточной мере интерес к чтению, особенно если этот интерес не был вовремя «спровоцирован» в семье и школе. К примеру, сравнительный анализ результатов опросов студентов социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2012–2013 гг.) показывает, что приоритеты обучающихся в выборе образовательных ресурсов для самостоятельной работы остаются практически неизменными: лидируют по-прежнему интернет-ресурсы; на втором месте – учебно-методические пособия, однако в 2013 г. значительно снизился процент респондентов, обращающихся к ним регулярно – всего 43,3% (в 2013 г.) против 85,1% (в 2012 г.); при этом повысился интерес к использованию программ учебных дисциплин – регулярно ими пользуются 33,6% студентов (а в 2012 г. 48,9% студентов отдавали предпочтение раздаточным материалам). Что касается библиотек, то интерес к ним со стороны студентов по-прежнему невысокий, исключение составляют домашние библиотеки. Тем не менее, в 2013 г. респондентов, регулярно пользующихся домашней библиотекой, стало меньше – 33,8% против 54,1% студентов в 2012 г. При этом студенты, как правило, обращаются не к e-book (полноценной электронной книге), а к информации, преимущественно, дискретной и фрагментарной, располагающейся (а порой, «разбросанной») на различных интернет-ресурсах, что сказывается на их восприятии, как читателя, не лучшим образом.

Что же касается непосредственно феномена «e-book», то специалисты считают: чтение электронных книг в массовом порядке, несомненно, изменит и саму практику чтения, и повлияет на образование, «поскольку технологии книгоиздания более интерактивны и дают больше возможностей для использования мультимедиа-контента» [20, с. 70]. Но это не решит проблему востребованности книги в обществе и любви к чтению, поскольку ее истоки восходят к еще более древней, нежели сама книга, и вечной проблеме – «отцы и дети». Как отмечают апологеты электронной книги, «если верить результатам опроса Scholastic, на отношение ребенка к чтению книг влияет не так уж много факторов – всего лишь простое обыкновение родителей читать книги и наличие книг в домашней библиотеке. Пока еще бумажных» [20, с. 70].

Впрочем, не менее важным вопросом является и снижение качества осмысления российским читателем текста (независимо от возраста читателя, жанра и вида текста). Это, действительно, дискуссионная тема в контексте на-

уки, образования и воспитания. В России о ней говорят уже с 1990-х гг., когда общественные трансформации вошли в острую фазу, а вместо отечественной литературы, с традиционными для нее высоким ценностным измерением, социокультурной значимостью и институциональным статусом, рынок «правит бал» и, как следствие, – экспансия массовой литературы, ангажированная критика, отсутствие нравственной (да и в целом какой-либо «внятной») стратегии в формировании читательских ориентиров и хорошего литературного вкуса.

Однако на то, что в России в сфере литературы господствуют рыночные отношения, еще в начале XX в. сетовал Василий Розанов: «Образовался рынок. Рынок книг, газет, литературы. И стали писать для рынка» [12, с. 331]. А в 1937 г. известнейший писатель, литературный критик и библиофил Герман Гессе, в очередной раз, констатировал кризис литературоцентризма, и, как следствие, чтения во всей Европе. «Конечно, есть много хороших великолепных книг, и я желаю им самого широкого распространения, – писал Г. Гессе. – Но книг, которые были бы способны улучшить ситуацию и повлиять на формирование более отрадных контуров будущего, не существует» [3, с. 145].

Между тем, известно, что чтение – это один из первичных и эффективных регуляторов в процессе формирования национальной культурной идентичности, культурных потребностей личности, ценностный уровень которых определяется уровнем и качеством эстетического (вкуса, восприятия, отношения и др.).

Очевидно, что только «воля к эстетическому» способна сформировать эстетическое. И это может значительно снизить риск девальвации духовных ценностей. Особенно у поколения неофитов. В эту категорию потребителя культурных ценностей входят, прежде всего, студенты. Для большинства молодых людей первично прежде всего любопытство, которое и уводит их, к примеру, в «Ночь в музее» и т.п. И без этой страсти к новому как некоего «предпонимания», которое может со временем перерасти в осознанный интерес к литературе и искусству, невозможна положительная динамика культурных потребностей населения России.

Таким образом, именно «воля к эстетическому», либо ее отсутствие, регламентирует возможности и пределы культурных потребностей молодежи. Ведь мы теряем в молодежной и, прежде всего, студенческой среде, потенциального читателя, зрителя, слушателя и т. п. во многом именно потому, что не пытаемся объяснить: что такое «эстетическое» сегодня?!

Этим не могут в полной мере заниматься современные родители – они очень много работают; этим не может заниматься школа ввиду того, что крайне мало времени отводится в новых образовательных стандартах занятиям, связанным с литературой, культурой и искусством; этим не может заниматься

вуз, поскольку стандарты высшего образования ориентированы, преимущественно, на формирование профильных компетентностей будущего специалиста, а то, что «быть можно дельным человеком...» и думать об эстетическом, – предполагается, но не реализуется (за редким исключением). С этой проблемой ныне не справляется и современное медийное пространство, даже специализированные арт-СМИ, потому что, реализуя стратегию продвижения очередного «культурного проекта» или «культурного продукта», предпочитают говорить скорее об «обстоятельствах», нежели о самом «предмете». Что же касается самообразования в сфере культуры, искусства и литературы... Не только каждый школьник, но и каждый студент, даже при желании, не может реализовать эту потребность самостоятельно. Ему нужна соответствующая «навигация», цель которой объяснить: так что же такое «эстетическое» в аспекте культурных ценностей, культурных традиций и новаций, культурного образца и культурного продукта?! Потому что необъясненное эстетическое, как минимум, пугает, и, соответственно, не может адекватно репродуцироваться в словах, поступках, поведении и практиках – творческих и профессиональных.

В то же время именно эстетическое воспитание/просвещение может стать эффективным механизмом инновационных образовательных стратегий с точки зрения формирования «человека культуры», а именно таким в идеальной модели представляется современный специалист в поле социогуманитарного знания. Для социолога XXI столетия это является особенно значимым, хотя бы потому, что сегодня в реестре профилей подготовки специалистов по направлению «Социология» одним из ключевых понятий является «культура».

Список литературы

1. А зачем Вам Интернет? // Мониторинг общественного мнения. – 2012.– № 5 (111). Сентябрь-Октябрь. С. 147. URL: http://vciom.ru (дата обращения: 04.09.2013).

2. А. Пушкин – критик. – М.: Художественная литература, 1978.

3. Гессе Г. Мировой кризис и книги // Гессе Г. Магия книги: эссе, очерки, фельетоны, рассказы и письма о чтении, книгах, писательском труде, библиофильстве, книгоиздании и книготорговле / пер. с нем. – М.: Книга, 1990.

4. Гудков Л.Д., Дубин Б.В. Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // Куда пришла Россия?..: Итоги социетальной трансформации. – М.: МВШСЭН, 2003.

5. Динамика культурной активности населения // Художественная жизнь современного общества. Т. 3 «Искусство в контексте социальной экономии». – СПб., 1998.

6. Зорина С. Книжный рынок России 2011 – падение продолжается / Авторская колонка главного редактора журнала «Книжная индустрия», члена Редакционного совета интернет-портала «Правкнига.ру» Светланы Зориной // Воскресный день. – 2011. – 16 дек. Режим доступа: http:/vsdn.ru/authorcjlumn/231.htm (дата обращения: 01.09.2012).

7. Кузнецов С. Книга как источник эмоций // Университетская книга. – 2013. – Сентябрь. – С. 47–51.

8. Малахов Ф.В., Сайко Е.А. Основные тенденции образовательной стратегии студента-социолога // Социология образования. – 2013. – № 12. – С. 91–107.

9. Мелентьева Ю.П. Книжная культура молодых россиян: некоторые аспекты // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности: К 280-летию академического книгоиздательства в России: Материалы Международной научной конференции (Москва, 18–19 декабря 2008 г.). – М.: Наука, 2008.

10. Огонек. – 2011. – Май.

11. Преподавание литературы в школе: неудавшиеся реформы. URL: http:// nestudent.ru/show.php?id=24916&p=1 (дата обращения: 12.09.2012).

12. Розанов В. Сахарна // Розанов В. Миниатюры. – М.: Прогресс – Плеяда, 2004.

13. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. – М., 2009.

14. Россияне стали читать больше // Мониторинг общественного мнения.– 2013. – № 8(114). Март-Апрель. – С. 85. URL: http://vciom.ru (дата обращения: 04.09.2013).

15. Российские студенты все больше углубляются в Интернет. URL: http:// www.vipseo.ruwww.vipseo.ruwww.vipseo.ru (дата обращения: 23.09.2013).

16. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. – СПб., 1895.

17. Стариков П. Потребность студентов вуза в формировании творческой компетентности. URL: http://gisap.eu/ru/node/7456 (дата обращения: 04.09.2013).

18. Титов В.В. Интернет как пространство трансформации системы коммуникативных идентичностей Российского общества: по материалам международного исследования World Internet Project (WIP) // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 3 (115). – Май–Июнь. – С. 42. URL: http://vciom.ru (дата обращения: 04.09.2013).

19. Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни молодых поколений в России: Достигнутые эффекты, упущенные возможности и сохраняющиеся надежды. – СПб.: Алетейя, 2005.

20. Харитонов В. Электронные книги: Учимся читать? // Университетская книга. – 2013. Сентябрь. – С. 68–70.

21. Черняк М.А. Массовая литература XX века. – М.: Флинта: Наука, 2007.

Spisok literatury

1. A zachem Vam Internet? // Monitoring obshchestvennogo mneniya. – 2012.– № 5 (111). Sentyabr'-Oktyabr'. S. 147. URL: http://vciom.ru (data obrashcheniya: 04.09.2013).

2. A. Pushkin – kritik. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1978.

3. Gesse G. Mirovoj krizis i knigi // Gesse G. Magiya knigi: esse, ocherki, fel'etony, rasskazy i pis'ma o chtenii, knigah, pisatel'skom trude, bibliofil'stve, knigoizdanii i knigotorgovle / per. s nem. – M.: Kniga, 1990.

4. Gudkov L.D., Dubin B.V. Razlozhenie institutov pozdnesovetskoj i postsovetskoj kul'tury // Kuda prishla Rossiya?..: Itogi societal'noj transformacii. – M.: MVSHSEN, 2003.

5. Dinamika kul'turnoj aktivnosti naseleniya // Hudozhestvennaya zhizn' sovremennogo obshchestva. T. 3 «Iskusstvo v kontekste social'noj ekonomii». – SPb., 1998.

6. Zorina S. Knizhnyj rynok Rossii 2011 – padenie prodolzhaetsya / Avtorskaya kolonka glavnogo redaktora zhurnala «Knizhnaya industriya», chlena Redakcionnogo soveta internet-portala «Pravkniga.ru» Svetlany Zorinoj // Voskresnyj den'. – 2011. – 16 dek. Rezhim dostupa: http:/vsdn.ru/authorcjlumn/231.htm (data obrashcheniya: 01.09.2012).

7. Kuznecov S. Kniga kak istochnik emocij // Universitetskaya kniga. – 2013. – Sentyabr'. – S. 47–51.

8. Malahov F.V., Sajko E.A. Osnovnye tendencii obrazovatel'noj strategii studenta-sociologa // Sociologiya obrazovaniya. – 2013. – № 12. – S. 91–107.

9. Melent'eva YU.P. Knizhnaya kul'tura molodyh rossiyan: nekotorye aspekty // Knizhnaya kul'tura: Opyt proshlogo i problemy sovremennosti: K 280-letiyu akademicheskogo knigoizdatel'stva v Rossii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Moskva, 18–19 dekabrya 2008 g.). – M.: Nauka, 2008.

10. Ogonek. – 2011. – Maj.

11. Prepodavanie literatury v shkole: neudavshiesya reformy. URL: http://nestudent.ru/show.php?id=24916&p=1 (data obrashcheniya: 12.09.2012).

12. Rozanov V. Saharna // Rozanov V. Miniatyury. – M.: Progress – Pleyada, 2004.

13. Rossijskaya povsednevnost' v usloviyah krizisa / pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tihonovoj. – M., 2009.

14. Rossiyane stali chitat' bol'she // Monitoring obshchestvennogo mneniya.– 2013. – № 8(114). Mart-Aprel'. – S. 85. URL: http://vciom.ru (data obrashcheniya: 04.09.2013).

15. Rossijskie studenty vse bol'she uglublyayutsya v Internet. URL: http:// www.vipseo.ruwww.vipseo.ruwww.vipseo.ru (data obrashcheniya: 23.09.2013).

16. Rubakin N.A. Etyudy o russkoj chitayushchej publike. – SPb., 1895.

17. Starikov P. Potrebnost' studentov vuza v formirovanii tvorcheskoj kompetentnosti. URL: http://gisap.eu/ru/node/7456 (data obrashcheniya: 04.09.2013).

18. Titov V.V. Internet kak prostranstvo transformacii sistemy kommunikativnyh identichnostej Rossijskogo obshchestva: po materialam mezhdunarodnogo issledovaniya World Internet Project (WIP) // Monitoring obshchestvennogo mneniya. – 2013. – № 3 (115). – Maj–Iyun'. – S. 42. URL: http://vciom.ru (data obrashcheniya: 04.09.2013).

19. Foht-Babushkin YU.U. Iskusstvo v zhizni molodyh pokolenij v Rossii: Dostignutye effekty, upushchennye vozmozhnosti i sohranyayushchiesya nadezhdy. – SPb.: Aletejya, 2005.

20. Haritonov V. Elektronnye knigi: Uchimsya chitat'? // Universitetskaya kniga. – 2013. Sentyabr'. – S. 68–70.

21. CHernyak M.A. Massovaya literatura XIX veka. – M.: Flinta: Nauka, 2007.

Г.С. Солодова,
ведущий научный сотрудник, доктор социологических наук, Институт философии и права СО РАН, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики (СибГУТИ).
E-mail: gsolodova@gmail.com

РЕЛИГИЯ КАК ФАКТОР СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ[1]

Аннотация: *статья посвящена исследованию влияния религиозных представлений на культуру и на ее проявления в разных сферах жизни общества. На протяжении тысячелетий одним из основных социальных институтов, участвующих в формировании общественного сознания, была религия и связанная с нею сеть организаций. Религиозные верования выступали важнейшим организатором нравственной составляющей, были основным источником и транслятором ценностей, которые становились доминирующими и воспринимались как обладающие абсолютным авторитетом для всех членов общества.*

Ключевые слова: религия, верования, представления, мировоззрение, культура, общество, институт.

Общественное бытие предполагает высокий уровень внешней детерминированности индивидуального сознания доминирующими в обществе ценностями. При наличии ограниченного числа социализирующих институтов и их однонаправленного воздействия происходит органичное, непротиворечивое выстраивание общественного и индивидуального восприятия. В своих действиях и оценках человек выступает не как автономный и самостоятельный субъект, а как часть некого коллективного субъекта (сообщества). Его представления в значительной степени носят извне задаваемый коллективный характер. Более того, выделенность индивидуальных установок, их противопоставление общественным никогда не поощрялись. В определенном смысле, применительно к обществу, особенно традиционному, можно говорить о массовом уровне совпадения индивидуальных и общественных установок, сознания в целом.

[1] Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ: проекты № 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты – стратегии и практики взаимодействия» и № 14-03-18035 «Принимающее общество – отношение к иноэтничным мигрантам».

На протяжении тысячелетий одним из основных социальных институтов, участвующих в формировании общественного сознания, была религия и связанная с нею сеть организаций. Религиозные верования выступали важнейшим организатором нравственной составляющей, были основным источником и транслятором ценностей, которые становились доминирующими и воспринимались как обладающие абсолютным авторитетом для всех членов общества. Религиозная причастность и разделение религиозных принципов являлись необходимыми условиями для приобретения «благовидной» личностной идентичности и устойчивого положения, что, в конечном итоге, было одним из обстоятельств, обеспечивающих физическое выживание. Выполняя регулятивную функцию, религия охватывала нормы, касающиеся не только религиозного культа, но многих других сфер общественной жизни.

Религиозные представления, непосредственно и/или опосредованно воздействуя на культуру и на ее проявления в разных сферах жизни общества, детерминируют глубинные структуры сознания, образует базисные представления и моральные императивы. Это может происходить через воздействие религиозных идей, осуществляемое как официально – через религиозные институты, так и неофициально – через непротиворечивое и органичное проникновение и слияние религиозных ценностей с этническими и бытовыми правилами общественной жизни. Как отмечал В. Франкл, «человек нередко более религиозен, чем он подозревает».

На протяжении теперь уже нескольких десятилетий одним из основных источников мигрантов в Россию являются государства Средней Азии, в которых в большей или меньшей степени общественное сознание выстраивается на основе и с учетом религиозного фактора. В силу мировоззренческих особенностей, существенная роль ислама как религиозной формы общественного сознания является общепризнанной. Традиционно оно определяло обыденное сознание, унифицировало восприятие и интерпретации, формировало необходимые образцы поведения. Охватывая и регламентируя различные стороны жизни, ислам исходно выполнял роль религиозного, социального и политического кодекса [14].

В исламе нет явного разделения мирской и духовной сторон человеческой жизни. Основной теологический трактат магометан дает определения и предписывает законы, относящиеся не только к культу, но и к социальной и политической жизни верующих, регулирует, организует отношения разного рода: брачно-семейные, государственно-политические, экономические, культурно-просветительские. Это своего рода внятные и устойчивые нормативные рамки человеческого существования, «законодательные предписания о гражданской жизни». Еще в конце XIX в. известный исследователь Иоганн Гаури отмечал, что «из Пророка вышел законодатель и политик».

В определенных рамках можно говорить о стратификационном и географическом проникновении ислама, пропитанности им разных сторон жизни. Согласно с религией устраивает частный человек свой домашний порядок, в согласии с нею управляет и султан своими народами. Коран производит неизменное влияние на формы и порядки всего человеческого общежития [2]. Существует мнение, что в связи духовного и светского, религиозного и государственно-политического сила и слабость ислама. Можно предположить, что сохранение религиозности в массовом сознании в странах, традиционно придерживающихся мусульманства, отчасти обусловлено именно тесной связью социальной и религиозной составляющих ислама [13].

Исходя из этого, немаловажно знать и понимать социальные императивы, в том числе влияющие на успешность вхождения мигрантов-мусульман в российское общество, которые содержатся в религии как детерминирующем факторе. Отправной точкой служит предположение о связи и влиянии религиозного миропонимания на ценностные установки и повседневное поведение его последователей. При этом необходимо понимать, что их интерпретации населением и тем более реальные массовые повседневные воплощения могут существенно отличаться от самих религиозных норм и догматов, также не следует забывать о влияния образования на указанные процессы, поскольку именно образования возможность конгруэнтного восприятия религиозных верований и обеспечивает своего рода безопасность жизнедеятельности многоконфессионального государства [3-5; 7-10]. Предполагаем, что изучение и показ влияния этой религии на социальную жизнь общества будут полезны для получения адекватного представления как о самом исламе, так и его социальном и экономическом потенциале.

Закономерно, что по своим оценкам, взглядам на духовные и материальные блага, по степени включенности в регулирование социальных отношений между мировыми религиями существуют различия. Сравнивая православие, которого придерживается большая часть принимающего общества, и ислам – религию приезжающих из Средней Азии, с позиции их участия в регламентации повседневной общественной жизни, приоритет следует отдать мусульманству.

Несмотря на очевидные исторически сложившиеся противоречия внутри мусульманства, тем не менее, оправданно и обоснованно говорить о мире ислама, как едином образовании, в основе которого лежит религиозное мировоззрение. Проанализировав первоначальные предпосылки распространения ислама, выделим – сочетание оседлого и кочевого образа жизни, активную территориальную экспансию, совместимость исламских законов с доисламскими обычаями, адаптивные возможности ислама, принятие им национальных форм. До распространения ислама Аравийский полуостров был заселен

разными, враждующими между собой племенами, «был расколот враждой». «Мухаммед связал прочным религиозным единством добрую треть исторического человечества», «объединил арабов, сделал их братьями по вере» [13]. «Ислам сам по себе уже есть глобализационный концепт. Сущностно он представляет один из вариантов глобализации. Христианство, ислам, буддизм – это все глобализационные учения. Все они космополитические, все они интернационалистические, все они по-своему становлению были направлены против национальной идентичности и против традиций как таковых» [1]. Очевидно созвучие идей, высказанных с интервалом в более чем сто лет. Данное обстоятельство только подтверждает и подчеркивает основополагающие роль и влияние ислама на жизнь целого ряда народов и государств на протяжении всего периода их существования.

Ни отдельный человек, ни сообщество не могут жить и развиваться вне конкретных условий – социальных, природно-климатических. И индивидуальное, и общественное сознание в той или иной мере чувствительно и восприимчиво к внешним условиям. Попытаемся очень пунктирно обрисовать некоторую связь между географическими условиями проживания арабских племен – первых последователей ислама и их социально-психологическими особенностями, получившими свое продолжение в религиозном веровании.

Один из основоположников политической географии Ф. Ратцель различал четыре типа влияния географических условий на культуру и политическую организацию народов. Среди них – непосредственное влияние на физические и духовные особенности индивидов, на территориальное распространение народов; на «внутреннее строение народного организма», т.е. на особенности политического и экономического устройства и, наконец, влияние распространения народов в пространстве на сохранение или исчезновение их особенностей. Важнейшими факторами среды Ф. Ратцель считал географическое местоположение, климат, почву, рельеф, близость к морю. Даже в условиях развитой культуры, которая становится самостоятельным фактором истории, каждый народ тесно связан со средой своего обитания. Однако соотношение роли природного и культурного факторов на протяжении истории меняется [6]. Разработчик генетического подхода Г. Шмоллер, пытаясь установить причинные связи социальных явлений, настаивал на том, что экономическая теория должна учитывать географические различия и особенности проживания народов.

Первоначальное распространение ислама проходило среди племен, населяющих Арабский полуостров. К концу VI – началу VII веков кочевой образ жизни бедуинов вела примерно пятая часть населения Аравии, т.е. мусульманская цивилизация была, все-таки, по преимуществу цивилизацией городской [11]. Основными видами занятий среди арабских племен к этому

времени стали оазисное земледелие, скотоводство, торговля. Занятие двумя последними видами деятельности можно трактовать как проявление «большой любви к перемене местопребывания» и явный фактор, способствовавший распространению вероучения.

Отталкиваясь от положений природно-географического детерминизма, можно предположить, что климатические, территориально-ландшафтные условия проживания, наложили определенный отпечаток на социально-психологические черты будущих последователей ислама. Ключевым, видимо, здесь является проживание в условиях экстремального температурного режима пустыни и низкой плотности населения. Принуждая, с одной стороны, к рано развивающейся самостоятельности и ответственности за себя, с другой стороны, пустынные условия способствовали развитию такого качества, как независимость от других людей. Следствием этого стало наблюдаемое в бедуинах выраженное «чувство собственного достоинства», проявляемое в отношениях к своим ближним. В дальнейшем это могло развиться и закрепиться в стремлении к соблюдению внешних, правил и приличий, присущем исламу. Большое значение, придаваемое наблюдаемым, фиксируемым проявлениям поведения человека, соблюдению этикета объединяет ислам с другими восточными религиями. Если для европейца, как отмечает В.П. Наливкин, «знание приличий необходимо, и учтивость составляет достоинство и украшение всякого порядочного человека», то на востоке, знание приличий «составляет долг каждого, независимо от общественного положения и происхождения». Это обусловило то, что «некто Мухаммед Садык, родом кашгарец, посвятил немало труда на то, чтобы выбрать из разных книг шариата все, относящееся к умению солидно держать себя». Им были собраны и изложены в единой системе приемы и правила вежливости мусульманина, наиболее отвечающие примеру самого Мухаммеда и его последователей. В сборнике предусмотрены все случаи жизни, когда человек, не зная приличий, может уронить себя в глазах своих соотечественников, при этом на каждый случай дан подробный, часто даже слишком подробный совет, как следует себя вести [12]. Вместе с тем развитое чувство «гордого самоуважения» и придание большого значения внешним правилам поведения не способствовали, как пишет И. Гаури, развитию «добродетелей гражданских».

Полная зависимость от естественно-географических условий, неспособность противостоять климатическим факторам, определяли одновременное и вполне закономерное развитие безропотности, покорности тому, с чем человек не мог вступать в противоборство – мощным силам природы. Возможно, это обусловило присутствие сначала в восприятии, а затем и в религиозном веровании элементов фатализма. Отметим, что понимание своей определенной беспомощности и безвыигрышности в споре с жизненными превратностями типично и для других, не только восточных, народов того времени. Проживание в условиях экстремального температурного режима не способствовало постоянной энергичной индивидуальной деятельности. Следствием этого стало большее распространение деспотических форм правления, принуждающих к активности. Природно-географический фактор мог способствовать и выработке особого восточного темперамента. Человек Востока более страстен, нежели человек Запада, «способен к более высокому одушевлению». Неслучайным, видимо, является возникновение к середине VIII века исламского мистицизма – суфизма, в дальнейшем получившего широкое распространение. Однако, в любом случае, говорить в духе жесткого природно-географического детерминизма неправомочно.

В 2013 г. нами был проведен опрос мигрантов из Средней Азии и Казахстана. Объем выборки 363 респондента. В следующем году – опрос взрослого населения г. Новосибирска (601 человек). В обеих анкетах был блок одних и тех же вопросов. Сравнивая некоторые результаты, отметим существенное превышение уровня религиозности среди приезжих. Так, если доля верующих среди мигрантов составляет 97%, то среди местного населения – 66%. При этом число неверующих среди приезжих – менее 3%. В принимающем обществе атеистов в 5 раз больше – более 15%.

На вопрос о знании религиозных предписаний своей веры и своих национальных обычаев и традиций 75% мигрантов ответили, что знают их хорошо. Тех, кто их практически не знает, менее 3%. Среди местного населения ситуация существенно отличается – хорошо знающих предписания своей веры и свои традиции 23%, практически незнающих в 4 раза больше чем среди приезжих (12%).

Любопытным представляется разное отношение к разговорам о превосходстве одной религии над другой. Почти 40% мигрантов к подобного рода разговорам относится негативно. Среди местного населения эта позиция выражена еще более четко – 67%. В то же время каждый пятый мигрант разговоры о превосходстве одной религии над другой считает допустимыми. Среди новосибирцев – представителей принимающего общества – таких менее 2%.

Подводя некоторый итог, отметим, что в своих повседневных проявлениях, социальная жизнь, хотя и в разной степени, структурирована с учетом религиозных оснований. По сути, религия создает некую мировоззренческо-методологическую матрицу, или сито, через которое происходит оценка и разделение зерен от плевел, существенного от незначительного. Религиозные положения формируют и поддерживают нормы поведения, которым должен следовать человек, выступают в качестве духовного стража и канвы, которые определяют повседневные практики.

Применительно к миграционным процессам, опираясь на результаты, полученные нами как в 2009–2010 гг., так и в 2013–2014 гг., можно говорить

о пополнении принимающего общества людьми с большей степенью религиозности и более выраженной приверженностью своим религиозным идеям, чем местное население.

Список литературы

1. Багдасарян В.Э. Исламский путь как путь глобализации // Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация: Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 5. – М.: Научный эксперимент, 2007. – С. 69.

2. Гаури И. Исламъ въ его вліяніи на жизнь его последователей. Сочиненіе, удостоенное преміи Гаагского общества распространенія христианства. Переводъ съ немецкого П.И. Хомутова. – Ташкентъ: Типо-литографія братьевъ Каменскихъ, 1893. – С. 3–4.

3. Исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Исследование 1 «Правовое просвещение». Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (Федеральное казенное учреждение НПО «Специальная техника и связь» МВД РФ) / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Каурова О.В., Крюкова Е.М. и др. – М., 2014.

4. Исследование общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российский Федерации. Исследование 2 «Терроризм». Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (Российский государственный социальный университет) / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Каурова О.В., Крюкова Е.М. и др. – М., 2014.

5. Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации. Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (Ф-КУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России) / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Каурова О.В. и др. – М., 2014.

6. Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.2. – СПб.: Университетская книга, 1998.

7. Малолетко А.Н. Национальные интересы Российской Федерации в сфере образования. – М.: Изд-во РГУТиС, 2008.

8. Малолетко А.Н. Система высшего профессионального образования: Управление экономической безопасностью // Проблемы теории и практики управления. – 2009. – № 9. – С. 80-83.

9. Мнение граждан об уровне защищенности личных и имущественных интересов от преступных посягательств на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ НПО «СТиС» МВД России) / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Каурова О.В. и др. – М., 2014.

10. Мнение граждан о качестве оказания государственных услуг, в том числе о количестве дней и часов приема, необходимых для оказания государственных услуг

Министерства внутренних дел Российской Федерации. Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД России) / Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Каурова О.В. и др. – М., 2014.

11. Очерки истории арабской культуры (V–XV вв.). – М.: Наука, 1982. – С. 156.

12. Сборник материалов по мусульманству / под ред. В.П. Наливкина. – Ташкент: Типо-Литография бр. Порцевых, 1900. – С. 16–19.

13. Юдина Т.Н. Будет ли у России государственная миграционная политика? // Социальная политика и социология. – 2011. – № 3. – С. 183-198.

14. Юдина Т. Н. Миграция: словарь основных терминов. – М., 2007. – С. 113-114.

Spisok literatury

1. Bagdasaryan V.E. Islamskij put' kak put' globalizacii // Musul'manskij opyt mirostroitel'stva: bazovye celi i cennosti, formy poznaniya i sociokul'turnoj organizacii. Istoricheskij opyt i rossijskaya situaciya: Materialy postoyanno dejstvuyushchego nauchnogo seminara. Vyp. 5. – M.: Nauchnyj eksperiment, 2007. – S. 69.

2. Gauri I. Islam" v" ego vliyanii na zhizn' ego posledovatelej. Sochinenie, udostoennoe premii Gaagskogo obshchestva rasprostraneniya hristianstva. Perevod" s" nemeckogo P.I. Homutova. – Tashkent": Tipo-litografiya brat'ev" Kamenskih", 1893. – S. 3–4.

3. Issledovanie obshchestvennogo mneniya ob urovne bezopasnosti lichnosti i deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Issledovanie 1 «Pravovoe prosveshchenie». Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (Federal'noe kazennoe uchrezhdenie NPO «Special'naya tekhnika i svyaz'» MVD RF) / Maloletko A.N., YUdina T.N., Kaurova O.V., Kryukova E.M. i dr. – M., 2014.

4. Issledovanie obshchestvennogo mneniya ob urovne bezopasnosti lichnosti i deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskij Federacii. Issledovanie 2 «Terrorizm». Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj universitet) / Maloletko A.N., YUdina T.N., Kaurova O.V., Kryukova E.M. i dr. – M., 2014.

5. Issledovanie obshchestvennogo mneniya o deyatel'nosti organov vnutrennih del (policii) v 85 sub"ektah Rossijskoj Federacii. Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (F-KU NPO «Special'naya tekhnika i svyaz'» MVD Rossii) / Maloletko A.N., YUdina T.N., Dolgorukova I.V., Kaurova O.V. i dr. – M., 2014.

6. Kul'turologiya. HKH vek. Enciklopediya. T.2. – SPb.: Universitetskaya kniga, 1998.

7. Maloletko A.N. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v sfere obrazovaniya. – M.: Izd-vo RGUTiS, 2008.

8. Maloletko A.N. Sistema vysshego professional'nogo obrazovaniya: Upravlenie ekonomicheskoj bezopasnost'yu // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2009. – № 9. – S. 80-83.

9. Mnenie grazhdan ob urovne zashchishchennosti lichnyh i imushchestvennyh interesov ot prestupnyh posyagatel'stv na ob"ektah zheleznodorozhnogo, vodnogo i vozdushnogo transporta. Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (FKU NPO «STiS» MVD Rossii) / Maloletko A.N., YUdina T.N., Dolgorukova I.V., Kaurova O.V. i dr. – M., 2014.

10. Mnenie grazhdan o kachestve okazaniya gosudarstvennyh uslug, v tom chisle o kolichestve dnej i chasov priema, neobhodimyh dlya okazaniya gosudarstvennyh uslug Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (FKU NPO «Special'naya tekhnika i svyaz'» MVD Rossii) / Maloletko A.N., YUdina T.N., Dolgorukova I.V., Kaurova O.V. i dr. – M., 2014.

11. Ocherki istorii arabskoj kul'tury (V–HV vv.). – M.: Nauka, 1982. – S. 156.

12. Sbornik materialov po musul'manstvu / pod red. V.P. Nalivkina. – Tashkent: Tipo-Litografiya br. Porcevyh, 1900. – S. 16–19.

13. YUdina T.N. Budet li u Rossii gosudarstvennaya migracionnaya politika? // Social'naya politika i sociologiya. – 2011. – № 3. – S. 183-198.

14. YUdina T. N. Migraciya: slovar' osnovnyh terminov. – M., 2007. – S. 113-114.

Д.К. Танатова,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии социальной сферы факультета социального управления и социологии, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: dktanatova@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация: *в статье демонстрируется наличие социальных неравенств, которые не только продолжают сохраняться, но и усугубляются по разным параметрам. При этом многие социальные последствия не определены, критически не осмыслены. В частности, конфликты политического, социального и мировоззренческого характера, охватившие большую часть цивилизованного мира, включая противоречия на этнической и религиозной почве (Франция, Германия, Россия). Показано, что неравенство по этническому и религиозному признаку набирает обороты, обостряется противостояние (кавказофобия, русофобия, избыточный поток этнической миграции, диаспоральные территории) на фоне этнического возрождения (объяснительные концепции) и негативных практик (французский «Charlie Hebdo», московское Западное Бирюлево). Этнический потенциал также существенно изменяет социальную сферу, культуру (этнизация культурного пространства), формы взаимодействия, перспективы развития. Показаны негативные установки современной молодежи по вопросам этнической и конфессиональной идентификации (скинхеды). Сформулированы негативные симптомы социальных неравенств по этническому и религиозному фактору ситуации в российском обществе.*

Ключевые слова: *социальные неравенства, этнические и религиозные конфликты, социальные последствия, динамика изменений.*

Мир принципиально изменился. Динамика трансформация настолько высока, что многие сферы жизнедеятельности остаются без сколько-нибудь значительного анализа. Изменения затронули социальную, политическую, культурную структуру. Естественно, что они существенно затронули человека и его окружение. Люди последних десятилетий – это кардинально иной тип поколения с точки зрения восприятия мира, отношений, мышления, вза-

имодействия, личностной и профессиональной реализации. При этом очень многие реперные точки характерны для человечества в целом, независимо от гражданской принадлежности. Процесс глобализации мыслится уже в иных категориях, основные сходные тенденции прослеживаются во всех государствах мира. Россия, российское общество не исключение, и развивается по тем же законам, какие присущи другим обществам.

Наиболее значимым фактором, способствующем ускорению развития обществ, социальному прогрессу, являются высокие технологии. Они изменили нашу повседневность, временные дистанции, качество и объем информации. Вместе с тем, несмотря на перезагрузку многих явлений и процессов, многие социальные последствия не определены, критически не осмыслены [1].

Социальные неравенства во всех обществах не только продолжают сохраняться, но и усугубляются по разным параметрам. Это по-прежнему – уровень доходов, жилищное обеспечение, получение образования и медицинских услуг, качество досуга и отдыха. Конфликты политического, социального и мировоззренческого характера охватили большую часть цивилизованного мира.

Адам Смит, как известно, в своей книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776), выражал чувство благодарности бедным за добровольное перемещение в процветающие регионы, поскольку именно они естественным образом выравнивали заработные платы между районами. Однако он же признавал, что «из всех видов багажа, человек есть наиболее сложный для транспортировки» [2]. Рост международной миграции спровоцировал новые конфликты. Среди них особенно значимыми, способными разрушить взаимодействие и безопасность на глобальном уровне являются конфликты на этнической и религиозной почве. События последнего времени во Франции, Германии и др. – подтверждение этого тезиса. Неравенство по этническому и религиозному признаку набирает обороты, обостряется противостояние. Этнорелигиозная карта часто используется в политике и управлении.

Этносоциальная ситуация в мире, в России одна из актуальнейших проблем современного мира. Именно этносоциальная! Поскольку этносоциальное и этническое различаются существенными методологическими акцентами. Этническая картина задается различием развитости преимущественно собственно этнических показателей определенной этнической общности (язык, традиции и т.д.) и характеризует больше внутренние для нее различия. Этносоциальная ситуация формируется главным образом уровнем социальной развитости того или иного этноса (организационная структура, преимущественные сферы занятости, уровень образования и т.д.) и основывается на неравенстве между различными этническими группами, проживающими на одной территории. Этнический потенциал существенно изменяет социальную сферу, культуру, формы взаимодействия, перспективы развития.

Этническое возрождение, характерное для многих регионов мира, способствует еще большей дифференциации. Экспертами в сфере этнического ведутся конкретные исследования, существуют различные классификации показателей для измерения этносоциальной обстановки. Вместе с тем, несмотря на все различие определений смысла этничности примордиалистских, инструменталистских и конструктивистских концепций, главное – это то, что «творится в головах людей».

В мировой науке существует несколько объяснительных концепций этнического возрождения, начиная со второй половины 20 века. Разные социологические школы объясняют рост этнической идентичности:

1) реакцией отставших в развитии этносов на экономическую и технологическую экспансию государств более развитых, что неумолимо порождает этнокультурное разделение труда;

2) мировой социальной конкуренцией, в результате которой, несмотря на унификацию материальной и духовной культуры, интенсифицируется внутриэтническое взаимодействие;

3) повышением влияния глобальных социальных групп в экономике, и на этой основе их прагматично выстроенной сплоченности [5].

У каждой из позиций есть свои плюсы и минусы, но практически все они сходятся в том, что этнос рассматривается как группа, призванная обеспечивать экономические и политические преимущества. Этническая обусловленность социальных общностей находит выражение в определенном этническом самосознании и в таких существенных признаках культуры, как повседневный быт, фольклор, этикет, мода, культура питания, обычаи, традиции и др. При этом чем малочисленнее и однороднее этнокультурная группа, тем настойчивее она защищает свои традиционные культурные элементы.

Этнический акцент отчетливо просматривается практически во всех сферах жизнедеятельности мирового и российского общества. События последних лет продемонстрировали, что этнические конфликты в различных частях мира выходят за рамки внутригосударственных и даже региональных. Это имеет особое значение в связи с тем, что регионы этнической нестабильности ассоциируются все чаще с потенциальными субъектами международного терроризма.

Характерным явлением является этнизация культурного пространства. На государственном уровне стремление к сохранению своей культуры обычно проявляется в острой реакции на угрозу своей суверенности. Так, например, либеральные реформы в России 90-х годов 20 века характеризовались активными попытками смены традиционного мировоззрения, внедрением новых социальных ориентиров и нравственных ценностей. В их основе лежала идеология индивидуализма, жесткого прагматизма, внушение исторической вины,

цивилизационной отсталости и национальной ущербности. Все эти элементы оказались в большей степени чуждыми для культуры, в частности, российского общества, по крайней мере, на тот момент. Неприятие новых взглядов определялось исторической памятью народа, его этническим архетипом и духовно-нравственными ориентирами.

Однако надо заметить, что ситуация на настоящий момент существенно изменилась в связи с появлением молодых людей нового поколения в деидеологизированном российском обществе с навязываемыми образцами культуры западноевропейского типа.

Этнизация культурного пространства объясняется нами, во-первых, с усилением процессов глобализации и формированием в связи с этим защитных механизмов, направленных на сохранение «своей» культуры с соответствующими ей атрибутами; во-вторых, с усилением этнического акцента в политике, бизнесе, средствах массовой информации, что находит отражение в культуре общества.

Несомненно, усилению этнической сплоченности должны способствовать диаспоральные объединения. Для них характерна максимальная устойчивость к внешним воздействиям. Чем выше межгрупповая и внутригрупповая сплоченность общинных конфессиональных, социально-статусных, кровнородственных групп, тем крепче связь представителя этноса с общиной, и соответственно, труднее их социокультурная инкорпорация в принимающее общество. В целом диаспора характеризуется сформированной способностью к жизни в уже считающихся стандартных условиях. В ней закрепились все механизмы, необходимые для комфортного проживания в инокультурной среде [3].

Однако диаспоры в Германии, Франции, Великобритании и др. рассматриваются не только как этнокультурные образования, но и как источник напряженности, противостояния и беспорядка. Крупные диаспоры в Москве – азербайджанская, татарская, вьетнамская, китайская, украинская, узбекская, таджикская и др. Большая их часть сохраняет этнокультурную специфику в полной форме.

Январские события во Франции, связанные с убийством журналистов сатирического журнала «Charlie Hebdo», опубликовавших карикатуры на пророка Мухаммеда, яркий показатель существующих разногласий в этническом, религиозном восприятии мира, мировоззренческих установках. Заметим, что во Франции около 4 млн представителей мусульманской культуры, ислам – вторая по охвату религия в стране. Эксперты отмечают их отторгнутое положение в социуме, слабое гражданское самоощущение (при этом больше половины мусульман являются гражданами Франции), что сформировало заметное стремление к мусульманской идентичности [4].

Члены диаспоры, проживающие в Москве десятки лет, также формируют другое качество этносоциальных отношений. Постепенно самосознание и отношение к окружающему в основном начинает совпадать с менталитетом принимающего общества. Ослабевают этнокультурные традиции, появляются новые политические и социальные ориентиры. В Москве в силу объективных обстоятельств, связанных с дисперсным расселением членов общины, небольшим, но все-таки уменьшением притока новых иммигрантов, ростом социальной мобильности, темпов урбанизации, аккультурация ускоряется. Городская жизнь, современное производство и предпринимательство, школа, СМИ, расширение социальных контактов сочетаются с ростом потребностей и потребления, и довольно быстро перестраивают сознание этнического мигранта, формируют личность информированную, социально динамичную и хорошо подготовленную к восприятию влияния российской принимающей среды.

Однако конфликты, столкновения на этнорелигиозной почве, также не редки. События в московском районе Западное Бирюлево характеризовались как «беспредел нелегалов». Беспорядки на этнической почве были спровоцированы убийством молодого москвича Егора Щербакова уроженцем Кавказа. Не дожидаясь решения правоохранительных органов, больше 3 тыс. человек разгромили овощебазу, торговый центр «Бирюза». Националисты вели «охоту» на лиц неславянской внешности – отлавливали и избивали мигрантов.

Таким образом, этносоциальный фон по-прежнему характеризуется проявлением этнической и религиозной неприязни, национализма. Они закрепились как на обыденном уровне повседневного поведения россиян, так и институциональном, в частности в СМИ.

Прежде всего эти негативные процессы, проявляются по отношению к новым (прибывающим в столицу сейчас) этническим иммигрантам. Например, в Москве коренные москвичи с нерусской этнической идентификацией, или некоренные, но достаточно длительное время проживающие в столице, не вызывают агрессии, раздражения и каких-то дискриминационных проявлений у жителей мегаполиса. Они успешно социализированы в московский социум, образованы, облают высоким уровнем культуры, имеют высокий социальный статус, т.е. соответствуют представлениям и ожиданиям москвичей, социально признаны.

Безусловно, представитель доминирующего этноса (русский), отличает «себя» от «иных». Но скорее речь здесь идет о расовых (биологических) различиях. Они носят поверхностный, незначимый характер (как, например цветовые предпочтения, музыкальные вкусы и т.п.) и практически не влияют на содержание и качество этносоциальных отношений. Различия полностью стираются в процессе социального взаимодействия. Подтверждение этой гипотезы можно почерпнуть из отечественной истории. Вспомним великих или

не очень великих исторических персонажей – Джугашвили (Сталин), Микоян, Берия, Хрущев и др. Наши современники – Церетели, Кобзон, Сванидзе, Канделаки, Абдулатипов и др. В мире успешно руководят государствами Б. Обама – президент США африканского происхождения, венгерский еврей Н. Саркази – бывший лидер французской нации, Горден Браун – лидер британской нации, стопроцентный шотландец.

Россия, как и другие крупные мировые государства, подвержена масштабному «вливанию» иммигрантов из разных стран, культур, этносов. Возможно, именно миграционный поток породил феномен этнофобии, способствующему росту этнической неприязни. Этнофобия имеет негативное проявление, люди испытывают психологический дискомфорт, скрытое ощущение опасности и тревоги, это чувство характерно и для самих носителей определенной этнической идентичности, которые не могут быстро и последовательно адаптироваться к культурной среде, стать полноценными социально значимыми российскими гражданами.

Наиболее выражена кавказофобия, которую можно объяснить следующими мотивами:

- растущая доля представителей народов Кавказа в составе населения крупных российских городов, которая в большей части воспринимается как посягательство «их» на «наши» рабочие места;
- большая социальная мобильность представителей Кавказа по сравнению с русскими, которая способствует преимущественной занятости в сфере мелкого и среднего бизнеса, что вызывает неприязнь особенно со стороны неимущих слоев населения;
- сплоченность, корпоративность кавказского меньшинства по сравнению с русским большинством, что формирует у населения настойчивую убежденность в криминализации этих сообществ;
- аффективное самовыражение «южан», вызывающее у «северян» немотивированное раздражение и трактуемое как нахальство, нескромность и т.п. [3].

В свою очередь со стороны этнических представителей активно развивается русофобия. В частности, москвичи отличаются снобизмом и высокомерием; зациклены на вопросе «коренной москвич»; в основе его поведения – «свихнувшийся рационализм» (Р. Хиггинс); агрессивны по отношению к людям нерусской этнической идентичности; враждебны ко всем иным конфессиям кроме православия; плохо заботятся о своих детях и семье; и т.п.

В целом если объединить все притязания к «другим», то главным аргументом неприятия по этническому признаку – их несоответствие социальным нормам общества.

Значительная часть притязаний, действительно имеет место быть. В частности, низкий уровень образования у определенной доли иммигрантов

и представителей этнических меньшинств; плохое владение языком; иждивенческие взгляды среди некоторой части иммигрантов, которые, попадая, из стран с гораздо менее низким уровнем жизни, считают возможным получить блага в странах нового проживания незаконным путем. «Они» культурно чужды нам, угрожают нашей культуре (не знают и не хотят знать нашего языка, не соблюдают наших порядков, традиций); «они» угрожают нашему социальному положению (ведут себя свободно, нагло, раскованно, как хозяева; имеют все, что хотят; живут лучше, чем мы) и т.п.

Особенно остро реагируют на сложившуюся ситуацию представители молодежи. Ее протест, недовольство растущим числом горожан нерусской этнической идентификации, имеют серьезные социальные последствия.

Известна деятельность молодежного движения скинхедов (другое название – бритоголовые). Знаковым можно считать новое поколение бритоголовых неонацистов. В настоящее время субкультура скинхедов численно незначительна, что не означает уменьшения числа молодежи, подверженной ультраправым идеям, о чем свидетельствуют преступления московских, питерских, воронежских подростков по отношению к таджикам, киргизам, «кавказцам».

Перечислим негативные симптомы социальных неравенств по этническому и религиозному фактору ситуации в российском обществе.

1. Ментальность россиян в этническом измерении характеризуется попрежнему в образном выражении «понаехали тут». Развивается этнофобия и как контра-ответ – русофобия.

2. Отсутствует на практике конструктивный (не декларируемый!) диалог между диаспорами и принимающим государством, общие договоренности по оптимизация этносоциальной ситуации.

3. Формируются этнокриминальные структуры, прикрывающиеся общинными декларациями. Роль диаспорального руководства не всегда рассматривается в положительном континууме.

4. Внутренние противоречия власти, характеризующиеся коррупцией, непоследовательностью в этнической политике (ликвидация Министерства регионального развития РФ), расширению властных полномочий укрепляют этносоциальную напряженность. Есть примеры противостояния руководителей этнических общин.

5. Дискуссии по поводу нужны России мигранты или нет, не снижают свой накал, хотя мировой опыт подтверждает необходимость миграционного вливания, особенно актуальной для России в силу глубоких демографических проблем.

6. Явно прослеживаются издержки в воспитании молодежи. Такие качества как взаимоуважение, толерантность, искренность, патриотизм, нрав-

ственность – практически ушли из педагогического лексикона. Последствия очевидны: преступления, среди молодежи, по этническому, религиозному признаку в мегаполисе становится событием почти обыденным.

7. Проявление эффекта этнической занятости и этнического предпринимательства рассматриваются в широком диапазоне: от вынужденного характера этнического предпринимательства до определения его как «тотального освоения территории под собственные экономические уклады».

8. Этноконфессиональный фактор политизируется, используются «слабые» стороны межэтнических отношений для реализации политических амбиций и раскола общества.

9. Неравенства социального, религиозного и этнического статуса перестали считаться дискриминационными.

Список литературы

1. Кириллов А.В., Матяш С.А. Современные проблемы информационной безопасности личности // Известия РАРАН. – 2013. – № 1. – С. 104–110.

2. О Рурк П.Дж. Адам Смит о богатстве народов. – М.: АСТ, 2009.

3. Танатова Д.К. Этносоциальные исследования в России и за рубежом: сравнительный анализ // Социальная политика и социология. – 2010. – № 1. – С. 13–34.

4. Теракт в Charlie Hebdo – дискуссия. Редакция портала «Православие и мир». 12 января 2015 г. Режим доступа: http://www.pravmir.ru/terakt-v-charlie-hebdo-diskussiya/#ixzz3Op6SGy3ohttp://www.pravmir.ru/terakt-v-charlie-hebdo-diskussiya/.

5. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. – М.: Наука, 2012.

Spisok literatury

1. Kirillov A.V., Matyash S. A. Sovremennie problemy informationoi bezopasnosti lichnosti // Izvestia RARAN. 2013. №1. S. 104–110.

2. O Rurk P. Dzh. Adam Smit o bogatstve narodov. – Izd-vo AST, 2009.

3. Tanatova D.K. EHtnosocial'nye issledovaniya v Rossii i za rubezhom: sravnitel'nyj analiz. – Social'naya politika i sociologiya. – 2010. – № 1. S. 13–34.

4. Terakt v Charlie Hebdo – diskussiya. Redakciya portala "Pravoslavie i mir". 12 yanvarya 2015 g. Istochnik: http://www.pravmir.ru/terakt-v-charlie-hebdo-diskussiya/#ixzz3Op6SGy3ohttp://www.pravmir.ru/terakt-v-charlie-hebdo-diskussiya/.

5. EHtnichnost' i religiya v sovremennyh konfliktah / otv. red. V.A. Tishkov, V.A. SHnirel'man; In-t ehtnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya RAN. – M.: Nauka, 2012.

Д.К. Танатова,
доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии социальной сферы, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: dktanatova@mail.ru

Л.Р. Таирова,
аспирант кафедры социологии социальной сферы, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: tairovalr@mail.ru

МОБИЛЬНЫЕ ГАДЖЕТЫ КАК ФАКТОР ТЕМПОРАЛЬНОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье показан временной диапазон темпоральности повседневной жизни российского населения в городе в зависимости от использования мобильных гаджетов, в том числе Интернета, мобильного телефона и др. Проанализированы изменения социальной коммуникации, сферы функционального использования мобильных гаджетов, влияющих на динамику повседневного уклада жизни.*

Ключевые слова: *гаджет, Интернет, мобильная связь, мобильный интернет, it-технологии, новые коммуникации.*

Повседневная жизнь горожанина динамична по определению, поскольку представляет собой движение высокой темпоральности. Темпоральность повседневной жизни горожан образована феноменами разного масштаба – действиями, событиями и качественными состояниями, а также смысловыми (структурно-функциональными) связями между ними. Диапазон темпоральности мегаполисов связан, во-первых, с необходимостью длительного временного передвижения из дома на работу (учебу), с работы (учебы) домой; в места досуга, отдыха, лечения и т.п. Молодые семьи с детьми удваивают свое передвижение по понятным причинам. В среднем житель мегаполиса тратит на дорогу от 1,5 до 3 и более часов в одну сторону.

Во-вторых, в связи с развитием электронных форм предоставления услуг населению, повседневное включение в эту деятельность требует также определенных временных затрат. Не случайно адаптация провинциальных мигран-

тов в мегаполисе проходит достаточно длительный период и с определенными сложностями. Часть из них не справляется с высоким темпом повседневной жизни города. Известна оценочная метафора приезжих – «москвичи все куда-то бегут».

В-третьих, с необходимостью коммуникации населения как одной из основных форм социальных взаимодействий, благодаря которым функционирует и развивается общество.

Механизм коммуникативных взаимодействий строится на уровне как непосредственных, так и опосредованных контактов между людьми. Долгое время взаимодействие осуществлялось исключительно благодаря межличностным контактам, позже – телеграфу, стационарному телефону, телевидению. Однако в современном обществе опосредованный контакт стал явно превалировать в коммуникации людей за счет стремительного развития разного рода гаджетов, в первую очередь мобильного телефона. При этом качество взаимодействия стало гораздо выше из-за его разнообразных технологических характеристик. В результате, активное использование технологии мобильной связи, использование мобильного телефона в повседневной жизни значительно усилило влияние на социальную практику коммуникационного взаимодействия, привело к его масштабной трансформации.

Традиционные виды взаимодействия передавали информацию на максимально возможное расстояние. Как известно, телеграфирование – это запись на расстоянии, телефонирование – звучание на расстоянии, телевидение – изображение на расстоянии. С развитием информатизации и компьютеризации, спутниковой связи и Интернета, сформировалась возможность осуществлять это все одновременно.

Растущее многообразие средств коммуникации спровоцировало необходимость постоянного совершенствования it-технологий. С их внедрением современное общество ускорилось практически во всех сферах жизнедеятельности, улучшая тем самым качество повседневной жизни человека.

В частности, тотальная распространенность мобильных устройств, Интернета и медиа привела к фундаментальным изменениям во всех областях экономики и сферах общества. Партнеры теперь могут в считанные минуты обмениваться информацией. В результате люди и организации постоянно взаимодействуют, объединяются в сети. Развитие ИКТ оказывается важнейшим фактором конкурентоспособности страны и увеличения благосостояния ее населения. По мнению аналитиков, правительства рассматривают стратегию внедрения технологий как часть общего плана экономического роста государств.

Как известно, в России мобильная связь появилась в начале 1990-х годов. 9 сентября 1991 года компанией «Дельта Телеком» была запущена первая в СССР сотовая связь. Первая марка мобильных телефонов в России была Nokia. Первые сотовые телефоны были больших размеров, действие аккумуляторов максимально достигала 2–2,5 часа, снабжены черно-белым экраном, полифонией. Основным минусом считалась некачественная зона покрытия.

Другой особенностью при начальном развитии мобильной связи была ее высокая цена. Например, до 1999 года средняя цена в месяц на связь составляла 250–300 долл., и в связи с этим основным потребителем являлась исключительно «состоятельная» часть населения страны. Первоначальный функционал у мобильных телефонов был незначителен, основной функцией являлся звонок на дальние расстояния, передача небольших по объему сообщений. В связи с появлением новых марок и улучшением качества связи, мобильная связь набирала все большую популярность. Уже в 2005–2006 годах мобильный телефон стал атрибутом повседневной жизни большей части населения. Увеличился спрос на новинки технического прогресса, что отразилось на качестве и темпоральности повседневных событий в жизни общества в целом.

В этот период бурно развивается и пользуется нарастающим спросом также сеть Интернет. Под ее влиянием резко изменились формы, интервалы, качество взаимодействий в обществе.

Рис. 1. [6]

С помощью подключения к Сети, стало возможно передавать информацию любого размера на дальнее расстояние в короткие временные интервалы, практически без особых усилий. Сеть Интернет позволяет мгновенно получить доступ к любой информации. Появляются новые формы общения. Элек-

тронная почта, которая практически заменила традиционную почту, позволяет отправить письмо одним нажатием клавиши, мгновенно получить ответ от собеседника, Общение с помощью электронной почты стало обыденным формой коммуникации и ежедневным атрибутом личной и профессиональной повседневности населения.

В Интернете создаются сообщества, где люди общаются с друзьями, заводят новых знакомых, создают персональные страницы. В социальных сетях человек отражает все свои изменения в жизни, выставляет новые фотографии, общается в группах по интересам, рекламирует, оповещает, информирует, поздравляет – одним словом, создает новую коммуникативную реальность.

Из всего этого следует, что Интернет, как и мобильная связь стали необходимой и естественной средой для взаимодействия большого числа людей. Все разнообразные услуги стали не только доступны, но и значительно расширили свой функционал, и в первую очередь, в связи с появлением нового поколения мобильных гаджетов.

Гаджет – это многофункциональное устройство, отличающееся малыми размерами. Можно выходить в Интернет с помощью мобильного телефона, подключиться к электронной почте, оперативно переслать или найти необходимую информацию практически в любой точке местонахождения.

Согласно результатам исследования, проведенного аналитической компанией Nielsen, в I квартале прошлого года более 11% абонентов российских сотовых сетей (а это порядка 6,75 млн человек) пользовались услугами доступа в Интернет с мобильного телефона. Но, как подчеркивают аналитики Nielsen, в России услуги доступа в Интернет с мобильных телефонов чаще всего применяются для развлечения. В этом смысле ситуация значительно отличается от США и европейских стран, где люди рассматривают подобные услуги в первую очередь как средство доступа к различной информации.

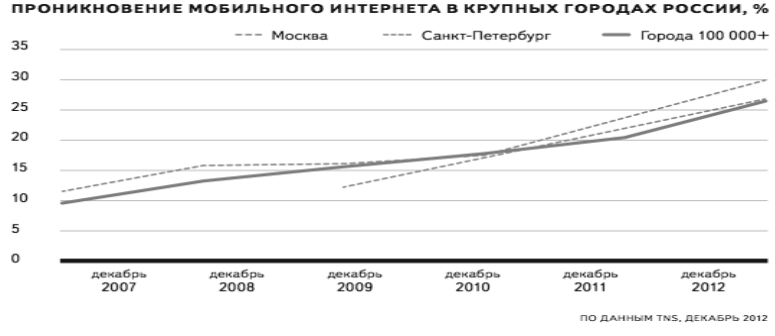
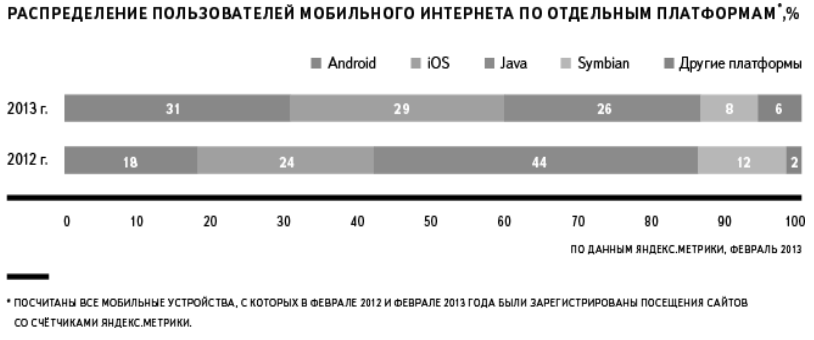

Рис. 2 [6]

Производители мобильных гаджетов, увеличивая число своих потребителей, оперативно наделяют их новыми функциональными возможностями. Обновление приложений происходит практически один раз в месяц, и каждое из них анонсируется как настоящий прорыв. Появилась высокая конкуренция между производителями, что, несомненно, повлияло на ценовую политику. При появлении на рынке новой марки телефона стоимость ее составляет примерно 28–35 тыс. рублей в среднем сегменте. Но в достаточно короткий срок после выхода новый модели стоимость снижается в связи с появлением на рынке следующей модели с расширившимся функционалом.

По данным TNS на январь 2013 года, большинство пользователей мобильного интернета (49%) выходят в сеть с помощью смартфонов. Год назад лидировали обычные сотовые телефоны. В этом году их доля сократилась в полтора раза и составила 34%. Доля планшетов, наоборот, выросла – с 6% до 16%. Распределение мобильных устройств по платформам тоже изменилось. По данным Яндекс.Метрики [6] на февраль 2013 года, на долю Android и iOS приходится около 60% мобильных устройств для выхода в сеть (год назад было 42%). Резко сократилось количество телефонов на Java и Symbian.

* ПОСЧИТАНЫ ВСЕ МОБИЛЬНЫЕ УСТРОЙСТВА, С КОТОРЫХ В ФЕВРАЛЕ 2012 И ФЕВРАЛЕ 2013 ГОДА БЫЛИ ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ ПОСЕЩЕНИЯ САЙТОВ СО СЧЁТЧИКАМИ ЯНДЕКС.МЕТРИКИ.

Рис. 3[6]

Самой перспективной технологией исследователи сочли мобильный интернет. По их оценкам, в ближайшее десятилетие еще более 3,5 млрд человек получат доступ к Глобальной Сети, причем 2 млрд из них – благодаря мобильным устройствам. То, насколько прибыльным может быть этот рынок, показывает история мексиканца Карлоса Слима Элу, который выбился на первую строчку рейтинга Forbes, продавая мобильную связь в Латинской Америке. Как выяснилось, получив основную долю рынка, можно заработать десятки миллиардов долларов даже в беднейших странах, где покупательная способность населения невелика. Огромные прибыли сулит и дальнейшее распространение

мобильного интернета. В социальном же плане оно обеспечит свободный доступ к информации даже тем, кто никогда не имел компьютера.

Кроме того, как полагают эксперты, развитие интернет-технологий изменит многие жизненно важные отрасли. Безусловно, изменится и повседневная жизнь людей. Например, с помощью мобильных приложений проводится удаленный мониторинг здоровья пациента, что в перспективе не только сократит затраты на лечение заболеваний, но и не даст проявиться потенциальным недугам вследствие ранней диагностики. Распространилась электронная регистратура, она была признана в 2013 году самой популярной интернет-услугой. Основной задачей здесь является повышение качества и доступности медицинской помощи для населения, которая была достигнута в рекордно короткие сроки – очереди у регистратур поликлиник ушли в прошлое уже на первом этапе функционирования проекта. В результате уже в первый год эксплуатации системы в медицинских организациях примерно на треть возросло число пациентов трудоспособного возраста: население стало активно пользоваться возможностью спланировать и рассчитать свой поход к врачу и попасть на прием в удобное время, не простаивая длительных очередей. Учитывая фактор низкой культуры охраны собственного здоровья, услуга имеет высокую социальную значимость.

Производительность труда в розничной торговле может повыситься на 6–15%, издержки на административную работу – сократятся на 60–75%.

В России регулярно увеличивается количество людей, которые используют Интернет не только как среду для коммуникации и получения информации, но и с целью приобретения товаров и услуг.

С помощью мобильных гаджетов возможно получить доступ к виртуальным витринам интернет-магазина из любого места нахождения, интересующий товар оплачивается с помощью современных платежных интернет-систем, можно выбрать период доставки товара в более удобное время для покупателя.

Еще одной востребованной услугой является электронная запись в детские сады и школы. Изначально проект «Электронный детский сад» был введен для решения нескольких основных задач. Он позволял родителям записываться в очередь сразу после рождения ребенка без лишних усилий, без траты времени на долгие очереди и бумажную волокиту. Проект систематизировал очередность, сделал ее «прозрачной» не только для родителей, но и для самих работников сферы дошкольного образования. Родители могут отслеживать очередность в режиме онлайн.

Процесс развития мобильных устройств также отразился на сфере образования. Одной из самых популярных и динамично развивающихся услуг является дистанционное образование. Возможность получить образование,

разного уровня, не выходя из дома, получило активное развитие. Главной и основной задачей данной онлайн-услуги является получение образования за короткий период времени. Дистанционное обучение пока единственный способ получить образование для тех, кто по ряду причин (отсутствие времени, необходимость сочетать учебу с работой, территориальная удаленность и пр.) не может получить образование традиционным путем.

Быстрый прогресс в области мобильных технологий способствовал формированию новой среды для взаимодействия потребителей с туристическими фирмами и гостиничными компаниями. Расширенный функционал мобильных гаджетов, дает возможность совершить резервирование билета или отеля за считанные секунды. Потребителю достаточно нажать всего одну кнопку, и форма бронирования автоматически заполнится доступными данными (имя, номер телефона, e-mail) из аккаунта пользователя. Для пользователя данной услуги это, в первую очередь, возможность сэкономить время на заполнении форм вручную и избежание траты времени на оформления билета в кассе или в офисе туристического агента.

Безусловно, мобильные услуги будут развиваться и распространяться, поскольку этому способствует также ценовая политика. По данным исследовательской компании Informa Telecoms & Media [7], в России одна из самых дешевых сотовых связей в мире. Средняя стоимость одной минуты разговора равна 0,05 долларов. Эти данные подтверждает последнее исследование, проведенное World Development Indicators database: базовый пакет сотовых услуг обходится российскому потребителю в 5,96 долларов в месяц. Неудивительно, что уровень проникновения сотовой связи в России достиг 110%. По данным сотовых операторов, количество мобильных адептов в начале 2012 года превысило 160 млн, при этом численность населения страны, напомним, составляет 142,2 млн человек.

Новые технологии влияют на то, как люди ведут себя по отношению друг к другу. Традиционные привычки и модели поведения заменяются новыми. Например, приветствия сократились до одного слова. Появились разного рода символы и знаки, не требующие словесного воспроизведения, затратного по времени (смайлики, лайки и пр.). С одной стороны, обеспечивается сокращение расстояния между собеседниками, что приводит к более неформальному общению, сокращает его до размеров эффективного минимума, значительно экономя затраты времени. С другой – возможно такой стиль общения вытеснит живой «человеческий» элемент, который отличает коммуникацию двух людей от коммуникации двух роботов. Коммуникация теряет свой обычный образ, что приводит к обезличиванию самого человека.

Новая коммуникационная среда в Интернете популяризуется также благодаря популярным социальным сетям. Число пользователей на сегодняшний

день составляет 2,4 млрд, при этом в социальной сети Facebook зарегистрировано более 800 млн аккаунтов, а в Twitter около 255 млн, при этом 100 млн из них всегда в состоянии онлайн, т.е. всегда на связи. Ежемесячно в формате онлайн просматривается 201,4 млрд роликов, а на YouTube каждую минуту загружается 48 часов видео.

Основной целью использования онлайн сайтов является, общение с группами, сильно превосходящими по количеству и времени те, которые можно собрать вживую. Вероятно, в этом новом интернет-пространстве, люди находят возможности для компенсирования нехватки слабых социальных связей в реальном пространстве.

Следствием распространения мобильных устройств, стала непрерывная трансформация повседневной жизни человека, значительное ускорение, типизации того, что еще недавно не относилось к сфере повседневного. Наиболее существенным изменениям в настоящее время подвергаются такие элементы повседневности, как жизненное пространство и темпоральность. Изменения повседневности самоочевидны. Интернет, мобильные телефоны, другие гаджеты, it-технологии модифицируют социальные структуры, культуру коммуникаций, создают новый уклад жизни, ускоряют и мобилизуют многие ранее малодостижимые жизненные планы и стратегии.

Список литературы

1. Алексеева И.Ю., Сидорова А.Ю. Информационная эпоха: вызовы человеку. – М: РОССПЭН, 2010. – 335 с.

2. Апокин И.А., Майстров Л.Е. История вычислительной техники. – М.: Издательский дом, 2008. – 264 с.

3. Башмаков А.И., Башмаков И.А. Интеллектуальные информационные технологии. – М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. – 304 с.

4. Гайворонская Г.С. Проводные информационные технологии. – М.: Изд-во МГУ, 2006. – 110 с.

5. Развитие Интернета в регионах России [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://company.yandex.ru/researches/reports/internet_regions_2012.xml (дата обращения: 12.02.2014).

6. РБК Рейтинг: Самая дорогая сотовая связь в мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rating.rbc.ru/article.shtml?2007/11/22/31723341 (дата обращения: 12.02.2014).

7. Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации. – М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2009. – 832 с.

Spisok literatury

1. Alekseeva I.U. Informacionnaja jepoha: vyzovy cheloveku / I.U. Alekseeva, A.U. Sidorova. – M: ROSSPJEN, 2010. – 335 s.

2. Apokin I.A. Istorija vychislitel'noj tehniki / I.A. Apokin, L.E. Majstrov. – M.: Izdatel'skij dom, 2008. – 264s.

3. Bashmakov A.I. Intellektual'nye informacionnye tehnologii/Bashmakov A.I., Bashmakov I.A. – M.: Izdatel'stvo MGTU im. N.JE. Baumana, 2005. – 304 s.

4. Gajvoronskaja G.S. Provodnye informacionnye tehnologii. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2006. – 110 s.

5. Razvitie interneta v regionah Rossii [Elektronnii resurs]. – Rejim dostupa: http://company.yandex.ru/researches/reports/internet_regions_2012.xml (data obrascheniya: Fevral 2014).

6. RBK Reiting_ Samaya dorogaya sotovaya svyaz v mire [Elektronnii resurs]. – Rejim dostupa:http://rating.rbc.ru/article.shtml?2007/11/22/31723341 (data obrascheniya: Fevral 2014).

7. Fedotova L.N. Sociologija massovoj kommunikacii / L.N. Fedotova. – M.: Izdatel'skij dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve, 2009. – 832 s.

Ф.С. Файзуллин,
доктор философских наук, профессор, академик АН РБ и РАЕН, заведующий кафедрой философии, Уфимский государственный авиационный технический университет.
E-mail: philosugatu@mail.ru

Т.Ф. Файзуллин,
кандидат социологических наук, заместитель директора по научно-внедренческой деятельности, Российский государственный социальный университет, филиала в г. Уфе.
E-mail: fayzullintf@rgsu.net

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И ЛИЧНОСТИ

Аннотация: *в статье раскрывается роль национальных ценностей в развитии общества и личности. В ней этнические ценности рассматриваются как часть общечеловеческих ценностей, несущих в себе одновременно отражение специфики национальной культуры, зависящей от конкретных историко-географических и политических условий. Доказывается, что этнические ценности являются внутренним стержнем нации, ее культуры, самобытности и обеспечивают национальное единство. Теоретические выводы подтверждаются материалами эмпирических социологических исследований.*

Ключевые слова: *национальные ценности, стабилизация общества, национальные интересы, национальное сознание и самосознание.*

Актуальность исследования проблем ценностей обусловлена тем, что их роль в современном обществе особенно в условиях качественных преобразований социально-экономических, политических и духовно-идеологических отношений резко возросла. Однако эти вопросы остаются в отечественной науке недостаточно исследованными. В этом плане особо следует отметить не изученность национальных ценностей как фактора развития общества и личности.

Использование в науке понятия «национальные ценности» фиксирует факт социальной и психологической самобытности определенного этноса и его отличия от других аналогичных общностей и предполагает единство всех ее членов, объединенных общими идеями, установками. Изучение многочисленных этносов, находящихся на разных ступенях формирования и развития,

убеждает, что единство членов этноса, кроме всего прочего, обеспечивается наличием определенных черт психики, единым восприятием и оценкой одних и тех же поступков и событий, единым отношением к тем или иным ценностям.

Национальные ценности, естественно, представляют собой не только явления психолого-эмоционального характера. В основе признанной важности этих ценностей в первую очередь находятся сущностные интересы человека, представителя конкретного этноса: выживание, развитие, достижение целей и идеалов. В понятии «национальные ценности» также заключены склонности, представления, способы связи с другими людьми, которые делают индивида максимально восприимчивым к определенной культуре и позволяют ему достигать адекватной удовлетворенности и устойчивости в рамках существующего порядка. Национальные ценности – часть общечеловеческих ценностей, несущих в себе отражение специфики национальной культуры, зависящей, в свою очередь, от конкретных историко-географических и политических условий, складывающихся в определенном социальном пространстве [7]. Между общечеловеческими и национальными ценностями существует взаимосвязь, характеризующаяся общечеловеческим содержанием в национальном и национальным составляющим в общечеловеческом.

В процессе своего формирования национально-этническая общность вынуждена определенным образом отражать окружающую действительность, одновременно ее осваивая через определенную призму норм и установок. Если на ранних этапах это отражение носит стихийно-эмпирический, обыденно-эмоциональный характер, то с развитием межнациональных, экономических, социальных, культурных отношений эти отражения окружающей действительности тем или иным народом приобретает более сложный характер и при этом одна культура наслаивается на другую, взаимопроникая друг в друга. Сложная, взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность материальных и духовных ценностей, эмоциональных и рациональных элементов культуры как раз и представляют собой менталитет, мировоззрение той или иной нации, т.е. тот самый идейно-мировоззренческий стереотип, который отличает одну нацию от другой. Идейно-мировоззренческий стереотип передается каждому члену этого сообщества по наследству от предыдущих поколений, существует в его сознании не непосредственно и невербально, чаще всего на подсознательном уровне, он «вплетен» в человеческое сознание очень глубоко, и импульс, им возбуждаемый, бывает очень сильным. Это явление объясняется тем, что в основе национальных ценностей лежит некоторый набор предметов, символов или идей, которые в сознании каждого носителя этой культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций этого народа. Появление в сознании любого из этих предметов, символов или идей приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что, в свою

очередь, является импульсом к дальнейшему стандартному действию. Таким образом, ценностная система личности всегда «погружена» в ее социальную память, в ее мировоззрение.

Значение социальной памяти для этноса и отдельного его представителя огромно, потому что национальные ценности и формирование на их основе ценностного сознания и мировоззрения нации – явления сквозные, проходящие через столетия и во многом определяющие отношение этих народов к реалиям действительности прошлого и настоящего, к возникающим как внешним, так и внутренним проблемам, а также к методам их решения и проекции на будущее. Из множества методов разрешения различных ситуаций, возникающих в процессе жизнедеятельности нации, социальная память, заключенная в национальных ценностях, диктует самые радикальные и в тоже время оптимальные решения. Выбор этот во многом зависит от типа психического склада наций, его ценностей и идеалов. Поэтому, чем быстрее включаются в ткань ценностного сознания представителя этноса основные идеи и установки соответствующей национальной культуры в сочетании с необходимым вычленением положительного содержания из духовного наследия истории нации, тем плодотворнее становится процесс стабилизации, усиливается в общественной жизни позитивное действие национальных ценностей. И наоборот, если новая система ценностей насильственно внедряется в национальную культуру и производит в ней какой-нибудь сдвиг, то такой сдвиг может разрушить всю систему традиционных связей и задеть самые сокровенные, самые незыблемые ее основы. Тогда сдвинутыми, разрушенными оказываются вся система национальных ценностей: вера, мораль, самые святые устои, на которых веками держалась жизнь этноса. Разрушаются все культурные узы, все ее скрепы, и изменения приобретают страшный и не контролируемый характер.

Чрезвычайную важность представляют собой национальные ценности, вырабатываемые каждым народом в соответствии с географическими, климатическими, историческими и иными условиями, складывающимися в конкретном социальном пространстве, в процессе своего становления и развития. Ценности адаптируются для данной общности людей столетиями, а может и тысячелетиями, сохраняя при всех обстоятельствах жизни общества некие специфически национальные черты. И только человек, сохранивший свои национальные ценности и одновременно ощущающий свое единство с человечеством во времени и в пространстве, способен на оптимальные решения. И только такой человек может понять как проблемы нации, так и всего человечества, и может помочь своему государству и своей нации, сохранить идентификационный код нации. Это явление связано с тем, что ценности, в нашем случае национальные, представляют собой не только результат духовного производства, но и саму суть человеческого осознания мира, основу соперживания, мировоззрения, содействия, сформированные через определенные ориентиры и установки. При этом национально ориентированное ценностное сознание становится личностным свойством человека, его мировоззрения, в котором отражены социальные требования к поведению личности. Национальные ценности и универсальные общечеловеческие ценности являются внутренним стержнем нации, ее культуры и представитель того или иного этноса непосредственно формируется в их лоне, и одновременно остается носителем этих ценностей.

Национальные ценности, как и общечеловеческие, являясь сложным интегральным образованием, где взаимодействуют сознание, чувства, способы духовно-практического освоения мира, представляет собой систему отношений и различных видов деятельности. В свою очередь, система отношений и различные виды деятельности, с одной стороны, если и обусловлены в какой-то мере заданными извне ценностными установками, но, с другой стороны, эти установки в процессе усвоения индивидом системы социальных значений, превращаются уже в собственные, т.е. в осмысленные и осознанные.

Разумеется, между системой социальных и индивидуальных значений и установок в национальных ценностях есть как относительное соответствие, так и довольно существенные различия. Социальная система, общество, этнос, нация социализируют человека в том смысле, что ориентирует его естественные влечения на определенные ценности и запреты. В частности, национальная культура определенного народа прививает человеку набор таких ценностных ориентаций, такого мировоззрения, которые и делают его личностью определенного типа, помогает человеку вписаться в общество и взаимодействовать с другими личностями других национальностей, веры и тем самым сохранить идентификационный код нации.

Как часть общечеловеческих ценностей национальные ценности выступают мерой развития самой нации, хранительницей положительного опыта в форме ценностей и рекомендаций человеческого поведения, являются самостоятельным фактором жизни индивида и этноса. От ее уровня зависит реальное функционирование общественных отношений. Специфика национальных ценностей определяется в первую очередь в их способности выполнять роль нормативно-оценочной работы общественного сознания и соответствующих идеологических общественных отношений. Каждое проявление национальных ценностей несет в себе нормативность, характеризующую культуру как нации в целом, так и отдельной личности.

Национальные ценности и универсальные общечеловеческие ценности выступают в форме показателя творческого отношения отдельного субъекта нации к объективной действительности. Поэтому о национальных ценностях можно судить не по степени осуществления господствующих ценностей, а по

степени уникальности, превращения самого себя в субъекта деятельности, проявляющегося в том, насколько человек способен превратить природные и социальные условия в условия своего деятельного существования, в объективные предпосылки своего бытия как субъекта определенной нации. Именно национальные ценности, становятся основой свободного самопроявления личности в качестве господства над социальными, экономическими и политическими обстоятельствами, как творца собственной жизни, как развития в себе собственно человеческой сущности.

Таким образом, национальные ценности и универсальные общечеловеческие ценности в их единстве – это стимулирующее начало развития общественной и личной духовности в конкретно-исторических условиях представителя того или иного этноса. Свое активное социальное значение они приобретают в той мере, в какой становятся достоянием большинства представителей этноса и входят в практические отношения людей этой нации, проникают в их сознание и чувства. Только сохранение исторически сложившихся национальных ценностей, ибо формирование не только ценностных ориентаций и установок вообще, но и обеспечение преемственности национального ценностно ориентированного мировоззрения поколений, обусловливает уровень сознания и нравственные устои этноса, обеспечивая его дальнейшее развитие.

Возрастание роли национальных ценностей в развитии общества и стабилизации его функционирования требует регулярного ее исследования и использования полученных результатов для совершенствования социальной, политики и особенно современной молодежной политики. Поэтому не случайно в последние годы проводится большое количество эмпирических социологических исследований по этой проблематике[1].

При проведении социологического исследования ценностей современного поколения в Республике Башкортостан нами были выделены два блока: 1) общие социальные ценности 2) социальные ценности, цементирующие сегодняшних этнических сообществ и определяющих их будущее. Исследование раскрыло достаточно интересную картину. Удельный вес основных групп общих ценностей распределились во всей системе следующим образом: 1) взаимоуважение и нравственные принципы (25,3%), 2) социальная справедливость 21,9%, 3) материальная обеспеченность (17,8%), 4) социальное равенство (16,2%), 5) экономическая независимость (11,4%), 6) интернационализм (4,2%), 7) политическая свобода (2,4%), 8) патриотизм (0,7%). При этом социологический опрос показал. Что абсолютное большинство представителей основных национальностей, проживающих в Башкортостане, на первое место

[1] В 2013 году опрошена работающая и учащаяся молодежь от 18 до 30 лет в количестве 2024 человека, адекватно отражающая социальную и демографическую структуру объекта исследования.

ставят нравственные ценности (71,5% опрошенных). Именно на эти ценности, прежде всего, указали 66,2% башкир, 71, 3% русских, 68,4% татар, 73,1% чувашей, 64,6% марийцев. 51% мордва, 70,3% украинцев.

58% респондентов отмечают справедливость как важнейшую социальную ценность и 34,5% – социальное равенство. В национальном разрезе справедливость как на ценность указывают 57,9% русских, 56,5 – башкир, 58,5 – татар, 71,9% – чувашей, 82,4% – марийцев, 50% – мордва, 53,3% – украинцев. Социальное равенство как важнейшую ценность общества указали 40,1% русских, 37,6% – башкир, 34,5% – татар, 43,9% – чувашей, 52,9% –марийцев, 36,7 – украинцев.

В структуре ценностей – материальная обеспеченность и экономическая независимость как ценности все больше возрастает. И здесь национальные различия особо не просматриваются. Однако следует отметить особенность ответов респондентов титульной нации. Среди них почти два раза больше, чем другие, отмечают экономическую независимость как важнейшую социальную ценность общества.

Что касается социальных ценностей этнических сообществ, цементирующих сегодняшнее поколение и определяющих их будущее, то различия здесь носят более существенный характер. На вопрос «Какие ценности, прежде всего, связываются у вас с мыслью о вашей нации?» ответы респондентов в целом распределились в следующем порядке: 1) язык; 2) обычаи, традиции, культура; 3) мои родители; 4) территория на которой я живу; 5) наше прошлое, история моей нации; 6) наша религия; 7) особенности хозяйственного уклада, бытовой жизни; 8) известные люди моего народа. Различия в приоритетах в этой системе ценностей выглядят следующим образов – 48,1% опрошенных башкир Башкортостана территорию своего проживания поставили на первое место. Для представителей республикообразующей нации эта вполне объяснимо, поскольку общность территории для любого народа, чувство родной земли – это святое чувство. Борьба за свою родину, за сохранение своей территории, воспетая в устно-народном творчестве, в эпических произведениях, это отражение жизни народа, его стремлений к освобождению от национального гнета. Исследования так же показали, что подавляющая часть (85%) молодых башкир не собираются покидать Республику. Связано это с тем, что у основной части башкирской молодежи сформировано чувство родины как высшая ценность, осознание этнической территории как родины, дающая уверенность в завтрашнем дне. Что же касается респондентов из среды молодежи татарской и русской национальностей, то для них данная ценность оказалась не столь важным и по степени значимости она стоит лишь на пятом месте.

В системе ценностей 26,2% молодых башкир выделили отдельно так называемую малую родину, она у них занимает, как и у татарской молодежи, тре-

тье место среди определенных в исследовании видов ценностей. Для русских этот феномен вообще не значителен и занимает 7 место в системе ценностей.

В процессе национальной идентификации важную роль играет национальная принадлежность родителей. 43,7% башкир поставили этот показатель на второе место. Для татар осознание ценности своей национальной идентичности в большей степени связан с родителями, чем с другими ориентирами, и поэтому этот показатель у них стоит на первом месте: 43,7% татар ассоциируют себя со своей нацией именно по своим родителям. В системе ранжиров национальных ценностей данный ориентир у русских стоит на третьем месте: 32,5% респондентов ориентируются на него.

Важнейшей национальной ценностью является язык, который является результатом исторического развития этноса, выражает в особенности, своеобразие и специфику его формулирования и становления. В языке проявляется все духовное содержание общности, и он не только средство общения между людьми, но и своеобразный выразитель всего богатства жизни этноса. Сохранение и распространение национального языка, использование его при передаче информации от одного поколения к другому, его неповторимый колорит, своеобразие у молодежи вызывает чувство гордости за свои народ. Язык способствует и сохранению самобытной национальной культуры. Из всех компонентов этнической культуры именно язык обладает наиболее отчетливо выраженными этническими функциями, и в силу этого он является наиболее самоочевидным признаком этнической общности. Поэтому не случайно наши респонденты его оценили очень высоко: татары и русские в ранжировке ценностей дали ему второе место (31,9 и 34,8% соответственно) и башкиры – третье место (39,3%). Это свидетельствует о том, что все и русская и башкирская и татарская молодежь продолжает придавать большое значение своему родному языку.

Четвертое место при ранжировке национальных ценностей самоидентификации башкиры отдали истории своего народа – 32,2%, татары данный показатель поставили лишь на шестое место(16,4%), в то время как для русских – это основной фактор и занимает первое место (37,4).

Следующим, пятым в системе этнических ценностей башкиры отметили обычаи и традиции (27,9%). Несмотря на то, что только 26,1% опрошенных татар оценивают свои знание традиций и обычаев своего народа как хорошие, этот фактор они поставили на четвертое место. 19,2% респондентов татарской молодежи идентифицируют себя со своим народом именно по этому признаку. Роль обычаев и традиций в идентификации со своей общностью у башкирской и татарской молодежи гораздо выше, психологическое, эмоциональное влияние духовной культуры на формирование их этнического самосознания значительно превышает показатели сверстников русской национальности. Респонденты русской национальности поставили этот ориентир только на шестое место (22,3%), хотя число хорошо знающих традиций и обычаи своего народа у них выше, чем у татар. Очевидно, это объясняется тем, что удельный вес респондентов башкирской и татарской национальности – выходцы из сельской местности по сравнению с русскими, или же горожане в первом поколении. А, как известно, в сельской местности обычаи и традиции сохраняются гораздо лучше, чем в городах. В независимости от того, что башкиры данную группу ценностей поставили только на пятое место, среди них знающих традиции и обычаи своего народа больше, чем у представителей остальных этнических групп – 41,3%.

Традиции и обычаи этноса, поддерживаемые силой общественного мнения и закрепленные в стереотипах поведения, присутствуют в жизни каждого поколения, и они играют огромную роль в возникновении, становлении и закреплении этнического самосознания индивидов. Каждое новое поколение застает уже определенные сложившиеся традиции и обычаи. Являясь концентрированным выражением опыта предыдущих поколений, они легко усваиваются, воспроизводятся и закрепляются в сознании людей.

Таким образом, исследования показывают, что в системе ценностей у представителей разных национальностей имеются различия. Каждый народ в силу объективных причин, своеобразия исторического пути развития, специфически сложившихся условий своей материальной и духовной жизни приобретает специфику, свои особенности. Эти специфические особенности, закрепляясь обычаями и традициями, передаваясь из поколения в поколение, фиксируются в нормах культуры, накладывают отпечаток на развитие и формирование духовного мира его представителей, определяют экономическую и социально-политическую деятельность нации.

Список литературы

1. Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – Л., 1994. – 150 с.

2. Вахтерев В.П. Национальное воспитание // Антология по истории педагогики в России (первая половина XX века): учеб. пособие. – М., 2000. – Гл. 3. – С. 101-122.

3. Дрожева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Современная этнография. – 1985. – № 5. – С. 3–16.

4. Крысько В. Г. Этническая психология. – М.: Академия, 2004. – 320 с.

5. Сагатовский В. Н. Системный подход к классификации ценностей // Научные исследования и человеческие потребности: материалы к симпозиуму ЮНЕСКО. – М., 1979. – 119 с.

6. Татуйко И.Н. Базовые национальные ценности как средство формирования положительной этнической самоидентификации у младших школьников // Психология, социология и педагогика. – 2013. – № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://psychology.snauka.ru/2013/09/2488 (дата обращения: 17.06.2015).

7. Файзуллин Ф.С., Вильданов У.С. Гносеологический анализ ценностей и ценностных ориентаций. – М.: Наука, 2008.

Spisok literatury

1. Boronoev A.O., Pavlenko V.N. Etnicheskaya psihologiya. – L., 1994. – 150 s.

2. Vahterev V.P. Nacional'noe vospitanie // Antologiya po istorii pedagogiki v Rossii (pervaya polovina XX veka): ucheb. posobie. – M., 2000. – Gl. 3. – S. 101-122.

3. Drozheva L. M. Nacional'noe samosoznanie: baza formirovaniya i social'no-kul'turnye stimuly razvitiya // Sovremennaya etnografiya. – 1985. – № 5. – S. 3–16.

4. Krys'ko V. G. Etnicheskaya psihologiya. – M.: Akademiya, 2004. – 320 s.

5. Sagatovskij V. N. Sistemnyj podhod k klassifikacii cennostej // Nauchnye issledovaniya i chelovecheskie potrebnosti: materialy k simpoziumu YUNESKO. – M., 1979. – 119 s.

6. Tatujko I.N. Bazovye nacional'nye cennosti kak sredstvo formirovaniya polozhitel'noj etnicheskoj samoidentifikacii u mladshih shkol'nikov // Psihologiya, sociologiya i pedagogika. – 2013. – № 9 [Elektronnyj resurs]. URL: http://psychology.snauka.ru/2013/09/2488 (data obrashcheniya: 17.06.2015).

7. Fajzullin F.S., Vil'danov U.S. Gnoseologicheskij analiz cennostej i cennostnyh orientacij. – M.: Nauka, 2008.

Т.Н. Юдина,
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии социальной сферы факультета социального управления и социологии, Российский государственный социальный университет,
Москва.
E-mail: ioudinatn@mail.ru

СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Аннотация: *в конце 90-х годов XX столетия в российском обществе возникла потребность во всё более глубоком и полном познании миграции как сложного социального процесса. Социологическая наука, базируясь на отдельных теоретических подходах, существующих на тот момент в зарубежной и российской научной традиции, приняла этот вызов времени и стала рассматривать миграцию как проблему в рамках своего предметного поля. С этого момента прошло практически 20 лет. Настало время подвести некоторые итоги развития социологического знания в области изучения миграции и с позиций современного уровня знаний обратиться к анализу тех теоретических основ, которые легли в основу разработки отраслевой социологической теории, а также проанализировать новые подходы, которые могли бы дать новый импульс развитию этой отраслевой социологической теории.*

Ключевые слова: *миграция, социальная миграция, нация, конфликты, социальная значимость.*

Социология миграции как самостоятельная специальная социологическая теория является относительно молодым научным направлением в российской социологии. Первое самостоятельное употребление понятия «социология миграции» в отечественной социологии появилось только в начале 2000-х годов [11]. С того времени в рамках данного научного направления вышли работы ведущих ученых страны, были защищены докторские и кандидатские диссертации. Классическими для становления развития отечественной социологии миграции в этот период явились публикации Л.Л. Рыбаковского, Ж.А. Зайончковской, В.И. Мукомеля, О.Д. Воробьевой, В.А. Ионцева, И.В. Ивахнюк, В.Н. Петров, С.В. Рязанцева, А.В. Дмитриева, Е.А. Назаровой, С.Е. Метеле-

ва, А.И. Куропятника, Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.С. Блиновой, Г.И. Осадчей, А.В. Топилина и др. Можно сказать, что социология миграции как новая в отечественной социологии отраслевая теория прошла за этот период определенный этап своей институализации. Социология миграции рассматривается сегодня как социологическая теория, объектом которой является миграционный процесс как социальное взаимодействие населения, вовлеченного в социально-географическое перемещение, а предметом – объективные и субъективные аспекты социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума. При этом миграционный процесс с позиции социологии миграции рассматривается как процесс развития, обусловленный переходом перемещенного населения к новому состоянию и включающим в себя три фазы: формирование факторов мобильности, собственно процесс перемещения мигрантов и их адаптация и интеграция на новом месте жительства. Выявлены такие отличительные особенности миграционного процесса, как: массовый характер, устойчивость, социальное содержание источников и результатов миграционных процессов.

Предложена стратегия социологического анализа миграционного процесса, базирующаяся на его бисубъектности, так как не только миграционный процесс влияет на социальную ситуацию во всех сферах общества как принимающего, так и отдающего население, но и сама ситуация воздействует на этот процесс и включает в себя описание воздействующих на него факторов как институционального, так и ситуационного характера, а также объективных и субъективных аспектов. Предложено социологическое понимание субъектов миграционного процесса. Мигранты в социологическом понимании рассматриваются как социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности [12].

Но подводя сегодня определенные итоги становления и развития социологического знания в области изучения миграционных процессов, объяснения причин и механизмов современной миграции, считаем необходимым уже с позиций современного уровня социологического знания обратиться к анализу основных теорий миграции. Данный анализ на наш взгляд поможет дальнейшему развитию социологической теории миграции, выявлению тех граней, которые пока не были учтены для объяснения мотивов, причин и последствий современных миграционных процессов, как для мира в целом, так для стран эмиграции и иммиграции.

Миграция привлекла ученых из различных дисциплин с самого начала, что в каждом случае абсолютно оправдано и справедливо. Это были представители таких научных направлений как география, экономика, демография, антропология, политологии, история, и др.

Как известно, первые подходы к изучению миграции населения заложил Т. Мальтус в работе «Опыт о законе народонаселения» (1798). Т. Мальтус считал, что голод и безработица существуют из-за диспропорции между быстрым темпом роста численности людей и сравнительно медленным ростом средств существования. В качестве решения вопроса он предлагал выселение «чрезмерно густого населения» в менее населенные местности, которые представляют собой громадные пространства. Здесь прослеживается связь экономического благосостояния народа с социально-демографическими проблемами и предлагается использовать миграцию как регулятор [27].

Социологическая традиция изучения миграции берет начало в трудах Е. Равенштейна и классиков Чикагской школы У. Томаса и Ф. Знанецкого, Э. Стоунквиста, Р. Парка, Л. Вирта, Э. Берджесса. В 1876 г. в Лондоне в географическом журнале году выходит работа географа Э. Равенштейна (Ravenstein) «The laws of migration» (Законы миграции), в которой, используя данные переписи Англии, он сформулировал законы миграции. Несколько позже, в 1885 и 1889 годах, эти статьи появились в Статистическом журнале [36].

Естественно, географы были обеспокоены миграцией, потому что миграция неизбежно влечет за собой пересечение географических границ и меняет пространственное распределение населения (внутри и за пределами страны). Из наиболее известных и влиятельных географов, которые работали также по вопросам миграции, это Уилбур Зелинский и Андре Роджерс.

Так, например, в попытке разработать параллельно теории миграции аналогичную теорию демографического переход, У. Зелинский (1971) предложил теорию мобильного перехода, в котором изложил пять этапов мобильности, которые связаны с различными стадиями развития общества. Одним из значимых идей теории Зелинского является то, что он установил отношения между технологическими изменениями и формами виды миграции/мобильности. Например, как с развитием видов транспорта (т.е. появлением высокоскоростных поездов и широким использованием автомобилей) люди стали более склонны к круговой или маятниковой миграции в города из пригородных районов.

Научное изучение миграции продолжилось в контексте анализа экономических и демографических проблем в работах К. Маркса, Ф. Энгельса А. Смита, Д. Риккардо, а затем и в социальных науках. А. Акерман [14] предлагает следующую пространственно-временную модель развития исследования миграции в социальных науках:

1) 1920–1940 гг. – деятельность представителей Чикагской социологической школы по изучению последствий миграции в города США из европейских стран и адаптации мигрантов из сельской среды к «типично городским» условиям жизни;

2) 1930–1960 гг. – изучение последователями американской школы культурной антропологии в странах Латинской Америки противоречий образа жизни сельского и городского населения, обнаруживающихся в процессе урбанизации;

3) 1940–1960 гг. – исследования последователями Манчестерской школы социальной антропологии последствий трудовой миграции для социальной структуры и систем родства в Центральной Африке;

4) 1960–1970-е гг. – произошло сосредоточение исследовательского интереса на экономических и политических аспектах изучения миграции, при этом проблемы культуры как бы уходят на второй план;

5) с 1980-х гг. – усиление интереса к культурным факторам, обращение к изучению вопросов этнической и национальной идентичности в контексте национального государства как катализатора процессов миграции и самоидентификации.

Если говорить уже непосредственно про социологию, то, как указывает Хайслер [39], для социологов главными вопросами для изучения всегда были: «Почему происходит миграция?», «Что делает миграцию устойчивой во времени?», «Каковы причины, определяющие движения населения, и последствия этих движений?», «Почему одни люди начинают мигрировать, а другие остаются на месте?», «Как мигранты переживают отъезд, миграцию и расселение на новом месте?» Социологи в поиске ответов на эти вопросы опираются на классические труды социальной теории классиков социологической мысли Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Ф. Тенниса, П. Сорокина, Т. Парсонса, Р. Мертона [10] и др., посвященные анализу социального поведения, социальной стратификации и мобильности, а также интеграционных процессов, сопровождающих развитие общества. Они придают особое значение социальным отношениям для понимания процесса миграции и инкорпорирования иммигрантов в общество. Работы Г. Зиммеля, А. Щюца, Э. Гидденса [3] служат основой изучения проблемы маргинальности мигрантов; в трудах Дж. Мида, П. Блумера [30] заложены основы исследования социальной адаптации личности в новом социуме.

Ярким примером такого подхода является пятитомный труд У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», где в качестве предмета исследования берется поведение индивидов, которые испытывают на себе влияние среды, и под этим влиянием происходит формирование новых образцов поведения. Социальную жизнь индивида авторы понимали, как процесс адаптации: «Поведение есть адаптация к среде, и нервная система... есть развивающаяся адаптация» [43]. Особый интерес к изучению феномена миграции появился с развитием эмпирической социологии в США. Большое внимание вопросам исследования миграции уделяли теоретики предста-

вители Чикагской школы по изучению последствий миграции в города США из европейских стран и адаптации мигрантов из сельской среды к «типично городским» условиям жизни. Разрабатывая концепцию четырех уровней организации сообщества, Р. Парк особо выделял способность человеческого сообщества к передвижению [9, с. 158–162]. При этом социолог отмечал, что мобильность связана со сменой места жительства, переменой места работы, изменением местоположения учреждения, службы или вида деятельности [5, с. 504–505]. По мнению Р. Парка, современный тип общества, для которого характерна максимальная интенсификация мобильности и миграции, в массовом масштабе отрывает людей от их родных локальных традиций и помещает в промежуточное (маргинальное) положение между двумя культурными мирами, ни к одному из которых они не принадлежат целиком [4, с. 515]. Над проблемами миграции работал и другой представитель Чикагской школы – Э. Берджес. В совместной работе Р. Парка, Э. Берджеса и Р. Маккензи «Город» [31] была обоснована идея о том, что миграция (пространственная мобильность семей, индивидов, институтов) зачастую выступает как показатель и ускоритель мобильности социальной. Миграция наряду с подвижностью как пространственных, так и социальных границ в структуре города, а также динамика городских процессов в целом составляют содержание концепции концентрических зон [6, с. 135].

Хотелось бы обратить внимание, что социологи в основном изучают принимающие общества. Можно сказать, что вопросы, которые ставит социология, являются вопросами о результатах миграции. Однако на сегодняшний день, акцент социологической теории сместился с постулирования единственного результата (ассимиляции) к признанию множественности результатов, зависящих от таких факторов, как социальный капитал, рынки рабочей силы и спектр институциональных структур.

Для социологов крайне важным является изучение социальных отношений в иммигрантской среде, в частности и в особенности то, что социологи разделяют предположение о важности социальных сетей как фактора, который служит причиной миграционного процесса и способствует его воспроизводству.

Кроме этого, как отмечает та же Б. Хайслер, важность социологических исследований заключается в изучении этнической анклавной экономики и этнического предпринимательства, подчеркивая при этом институциональные проявления этнических отличий [39].

Исходя из разнообразия научных подходов к изучению миграции на сегодняшний день, их можно разделять на сегодняшний день на две большие группы.

К первой группе исследователи относят теории изучающие причины и факторы миграции, ко второй – наряду с вопросами о причинах миграции

важнейшей теоретической проблемой становится исследование механизмов саморазвития и самоподдержания миграционных передвижений.

Теории, фокусирующие свое внимание на анализе причин и факторов миграции, можно, в свою очередь, разделить на три основные подгруппы: экономический подход, историко-структурный, исследование миграции с учетом процессов глобализации.

В рамках экономического подхода причины миграции анализируются на макро- и микроуровнях. К теориям макроуровня, можно отнести ***теорию факторов миграции***, неоклассическую экономическую теорию, теорию сегментированного рынка труда, ***теории обратной связи экономических циклов*** и ***человеческого капитала.***

Теория факторов миграции предложил Э. Ли. Эверетт Ли (1966) переформулировать теорию Равенстайна, предложив уделять больше внимания внутренним факторам. В качестве исходной схемы анализа объемов миграции, ее потоков, контрпотоков и характеристик мигрантов в теории факторов миграции принято следующее положение: каждый акт миграции включает район выбытия, прибытия и вмешивающиеся обстоятельства. Факторы, влияющие на принятие решения о миграции и процессе миграции, Э. Ли предложил обобщить в следующем виде: факторы, связанные с территорией прибытия, действующие в одном или нескольких районах потенциального прибытия мигрантов; факторы, связанные с составом мигрантов и вмешивающиеся факторы. Теоретическая схема «притяжения – выталкивания» (pull – push) позволила более четко выявить дальнейшие направления исследований. При этом решение о миграции может определяться не столько наличием самих этих факторов, сколько субъективным индивидуальным восприятием этих факторов потенциальным мигрантом. Ли предложил также рассматривать влияние, которое промежуточные препятствия могут оказывать на процесс миграции. Он утверждал, что переменные, такие как расстояние, физические и политические барьеры, наличие в семье иждивенцев, могут затруднить или даже предотвратить миграцию. Ли отметил также, что процесс миграции избирателен [23].

Согласно ***неоклассической экономической макроуровневой теории*** (У. Льюис [25], Дж. Харрис [20], М. Тодаро [45]) миграция в своей сущности вызвана географическим различиями в предложении и спросе на рабочую силу. Объем международной миграции сильно зависит от величины разрыва между реальным заработком мигранта по месту выезда и ожидаемым – по месту въезда. При этом теория неоклассической экономики исходит из того, что трудовые ресурсы в странах выезда и странах въезда абсолютно взаимозаменяемы и что в обеих странах поддерживается полная занятость во время процесса миграции, что не соответствует действительности. Дальнейшие исследования в рамках неоклассической экономической теории связаны с разработкой модели роста и занятости Льюиса Фея – Раниса в двухсекторальной экономике с избытком рабочей силы; экономической теории сельско – городской миграции М. Тодаро; двухсекторальной модели внутренней миграции и безработицы Дж. Харриса и М. Тодаро.

Своеобразный синтез кейсианского и неоклассического подходов был осуществлен в рамках ***теории обратной связи экономических циклов*** Б. Томаса [42]***,*** согласно которой, направление миграции рабочей силы из страны в страну определяется обратным чередованием циклических фаз экономического развития тех или иных стран. В отличие от перечисленных выше теорий ***теория сегментированного (двойного) рынка труда*** М. Пиора [34], доказывает, что миграция диктуется постоянным спросом на рабочую силу, свойственным странам, находящихся на постиндустриальных этапах своего развития. Миграция вызвана постоянным спросом на рабочую силу иммигрантов, которая является неотъемлемым элементом их экономической. Согласно этой теории, миграция вызывается не выталкивающими факторами в донорских странах, а притягивающими факторами в принимающих странах.

Основные положения ***неоклассических экономических микроуровневых теорий*** (М. Тодаро [44] и др.***)*** заключается в том, что выбор мигрантов основан на анализе издержек прибыли от миграции, одним из ключевых компонентов которого является оценка ожидаемой выгоды, связанной с различиями в заработках. Кроме того, поиск въезда ограничен существующими в ней законами иммиграции, а в стране выезда – законами эмиграции. Значительные успехи в обосновании причин миграции в рамках неоклассической теории на микроуровне связаны с ***теорией человеческого капитала***, согласно которой, миграция рассматривается индивидом как решение об инвестициях с учетом ожидаемых затрат и выгод в течение некоторого времени. Инвестиции включают в себя материальные затраты на переезд, затраты на поиски работы, на освоение нового языка, на преодоление трудностей при адаптации к новому рынку труда, психологические затраты в связи с утратой старых и установлением новых коммуникативных связей. Эта теория рассматривает роль государства как силу, которая прерывает «нормальное» функционирование рынка труда. ***Новая экономическая теория*** (О. Старк [40], Д. Массей [29], Э. Тейлор [41] и др.), основана на анализе экономического и социокультурного аспектов миграции. Согласно этой теории решение о миграции принимается не изолированными индивидами, а группами взаимосвязанных людей (семействами или домашними хозяйствами), в которых люди действуют совместно не только с целью максимизации ожидаемых выгод от миграции, но и с целью минимизации рисков в случае неудач. Теоретики новой экономической теории миграции считают, что домашние хозяйства часто посылают

своих представителей в другие регионы не только для того, чтобы улучшить материальное благосостояние собственного домашнего хозяйства, но и повысить свой социальный статус. Поднимаясь на макроуровень, представители данной теории подчеркивают взаимосвязь миграции с развитием. К этой группе теорий можно отнести и ***теорию экономики семейной миграции*** Г. Борьяза и Дж. Минсера. Данная теория объясняет причины и направления миграции с точки зрения семьи. Предполагается, что взрослые члены семьи могут по-разному оценивать будущие дивиденды от миграции. Оптимальная стратегия семейной пары зависит от степени корреляции преимуществ, которые видят от миграции муж и жена. Эта теория сочетает в себе экономический, социальный и психологический подходы.

Альтернативой неоклассического подхода в 1970-е годы становится историко-структурный подход. Один из наиболее ярких представителей ***теории исторического структурализма***, С. Кастлес, который высказал предположение, что специфические траектории движения мигрантов располагаются в пределах контекста глобальных и национальных экономических систем [17]. То есть миграция, таким образом, стала рассматриваться как динамический процесс, объемы и направления которой определялись государственным регулированием и уровнем индустриального развития отдельных стран, а действия самих мигрантов детерминируются структурами «государственного капитализма». Акцент на роли государства в историко-структурном подходе давал возможность предполагать, что миграция может быть сокращена, если будут изменены государственные стратегии ее регулирования. Миграция рассматривалась прежде всего как путь мобилизации дешевой рабочей силы.

Особое место в миграционных теориях о причинах и факторах миграции населения занимают теории, сфокусированные на изучении миграции с учетом процессов глобализации, где основными факторами миграции выступают интеграция государств в единую экономическую систему, углубление международного разделения труда, усиление взаимозависимости экономик и увеличение значимости мирового рынка труда.

В рамках ***теории мировых систем, или мирового хозяйства*** (С. Сассен [38], И. Валлерстайн [47]) доказывается, что международная миграция – производная расширяющегося глобального рынка, а международный поток рабочей силы следует за международным потоком товаров и капитала. Международная миграция особенно характерна между прошлыми колониальными лидерами и их прежними колониями, чему способствуют установившиеся давно культурные, лингвистические, административные, инвестиционные, транспортные связи. Сторонники теории мировых систем полагают, что международная миграция в конечном счете имеет мало общего с различиями в размерах заработной платы и уровнем занятости между странами. Основным путем

регулирования ее со стороны правительств становится принятие законов об иммиграции с целью регулирования управления международными потоками капитала и товаров.

Теоретическая ***концепция «экономики мирохозяйственных связей» П. Линдерта*** подчеркивает особую роль развития мирохозяйственных связей и международных экономических отношений, а также международной экономической интеграции и разделения труда в современном мировом развитии. Результатом международного разделения труда и международных экономических отношений в целом является усиление взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик, когда нормальное развитие невозможно без внешних факторов, в том числе – миграции населения [32].

В отечественной науке также разработаны концепции причин и факторов миграции. Их условно можно разделить на две подгруппы: экономико-расселенческий и экономико-социологический подходы. К первой группе относится ***концепция переселений А.А. Кауфмана*** и ***концепция миграционной подвижности***, ко второй – ***концепция функций и причин миграции сельского населения Т.И. Заславской.***

А.А. Кауфман в рамках своей концепции объединил макро- и микроуровень причин миграции, и обосновал, что основной причиной переселений является абсолютное и относительное малоземелье крестьян. Основные положения концепции сводятся к следующему: роста уровня урбанизации, причиной миграции любого вида лежит противоречие между потребностями личности и возможностями их удовлетворения в месте постоянного проживания индивидов, при этом миграции свойственно противоречие между экономической и социальной функциями [7].

Согласно концепции разработанной Т.И. Заславской, причины миграции лежат не только в закономерностях развития производства, но и в меняющихся потребностях, интересах и стремлениях людей, а формирование миграционных установок происходит, с одной стороны, под воздействием внешних обстоятельств и стимулов, с другой – в силу особенностей самого индивида [2].

Второй группой теорий является ***группа теорий саморазвития и самоподдержания*** миграционных передвижений. В зарубежной социологической литературе к ним относятся теория миграционных сетей, теория социального капитала, теория совокупной причинной обусловленности, институциональная теория миграции. В основе ***теории социальных (миграционных) сетей*** (Д. Массей [28], Л.И. Гуарнизо [19] С. Вертовек [46], Р. Леви [24]) лежит понятие «сообщество мигрантов», которое включает в себя межличностные отношения, соединяющие мигрантов, бывших мигрантов, потенциальных мигрантов и не мигрантов в стране происхождения и принимающих странах через

родственные связи, дружеские отношения и т.д. Сети составляют своеобразную форму социального капитала, с помощью которого люди понижают затраты и риски при миграции, а ожидаемые прибыли от миграции увеличиваются. Сети образуют для мигрантов важный ресурс – с их помощью мигранты находят работу на новом месте, получают жилье и т.д. Как только число мигрантов достигает критического порога, расширение сетей уменьшает затраты и риски движения, вероятность миграции повышается, начинается дополнительное движение, которое в свою очередь расширяет новые сети и так далее, то есть когда механизм миграции уже запущен, социальные сети сами становятся одной из причин миграции, потому что обещают снизить риски и издержки, связанные с миграционным перемещением, и повысить от него отдачу. ***Теория социального капитала*** в качестве «социального капитала» мигрантов рассматривает наличие в странах въезда относительно большого числа ранее приехавших мигрантов, которые уже создали определенные схемы внедрения в общество принимающих стран, в местный рынок труда. Сетевая гипотеза теории социального капитала заключается в следующем утверждении: люди, которые социально связаны с текущими или прошлыми мигрантами, имеют доступ к социальному капиталу, который увеличивает вероятность того, что сами они станут мигрантами. Сетевые связи увеличивают вероятность миграции, так как снижают стоимость и риск передвижения и повышают ожидаемую отдачу от миграции. ***Теория совокупной причинной обусловленности***, сущность которой заключается в том, что каждый акт миграции изменяет социальный контекст, в пределах которого последующие перемещения людей становятся более вероятными. Международная миграция с течением времени может поддерживать себя, таким образом, который усиливает вероятность постепенного возрастания миграции. В теории рассматриваются шесть социально-экономических факторов, на которые потенциально воздействует миграция этим совокупным способом: распределение доходов, распределение земли, организация сельского хозяйства, культуры, региональное распределение человеческого капитала и социальное значение работы. В соответствии ***с институциональной теорией миграции*** большие потоки международных мигрантов способствуют созданию коммерческих и некоммерческих организаций, которые легально и нелегально обеспечивают мигрантов транспортом, помогают в трудоустройстве, получении документов и жилья, предоставляют правовые консультации. Как правило, эти организации встроены в мигрантские сети. При этом создатели институциональной теории миграции отмечают, что в широком смысле понятие «социальный институт» используется для отражения структуры всей социальной среды, в которой индивид делает свой выбор.

В настоящее время стали появляться новые интегративные теории миграции, позволяющие всесторонне анализировать причины, факторы, механизмы

и последствия миграции. Системный подход к интерпретации сущности и многообразия миграционных потоков применяют ***теории миграционных*** систем (Е. Петрас [33], А. Портес [35]) миграционных цепей (М. Критц [22], Л. Лим [26], Х. Злотник [48], Р.Е. Билсборроу [37]). Центральной идеей теорий является идея обмена не только капиталами, но и людьми, который происходит в определенном экономическом, социальном, политическом и демографическом контексте. В результате строится сложная система взаимосвязей, идет формирование устойчивых миграционных потоков, создается некое единое пространство – миграционная система, включающая страны выезда и въезда. При этом географическая близость может играть значительную роль, но не является обязательным условием.

Синтетическая теория международной миграции Д. Массея является новейшей теорией миграции и представляет собой попытку исследователей, объединив неоклассическую экономическую теорию, новую экономическую теорию трудовой миграции, теорию двойного рынка труда, теорию мировых систем, теорию социального капитала и теорию совокупной причинной обусловленности создать общую теорию миграции, способную всесторонне анализировать миграционные процессы в контексте глобализации. Синтетическая теория миграции объясняет миграцию с учетом процессов социальной трансформации, происходящих под воздействием глобализации и исходит из того, что миграция населения представляет собой естественное следствие широких процессов социальной, политической и экономической интеграции, и, несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению, имеет естественный и ограниченный срок жизни [8]. Развитием синтетической теории миграции стала предложенная Д. Массеем ***всеобъемлющая модель международной миграции***, целью которой стало представление четкой теоретической оценки тех социальных и экономических факторов, в результате которых сложилась современная международная ситуации в области миграции.

Однако теоретико-методологический потенциал данной теории также оказался недостаточным для объяснения социальной активности мигрантов на рубеже тысячелетий. Идет создание новой парадигмы миграционных исследований, сторонники которой анализируют миграцию с позиции транснационального взаимодействия. Создатели данной теории определяют транснациональную миграцию как модель миграции, где мигранты, пересекая международные границы и оседая в новой стране, сохраняют социальную связь со страной своего происхождения и в результате, трансмигранты, одновременно «проживающие» и в отправляющем, и в принимающих сообществах, создают траснациональные социальные пространства. В современной отечественной и зарубежной науке сложилось несколько направлений исследования транснациональной миграции. Первое направление связано из-

учением данного процесса через призму создания и поддержания транснациональных социальных связей мигрантов и общества [18]. Другим вектором исследований является анализ структуры и организации транснационального социального пространства – концепция транслокальности, раскрывающая аспекты взаимосвязи миграции и национального государства в условиях глобализации. В этом направлении работают как зарубежные (А. Аппадураи, П. Левитт, Л. Прис, Т. Файст) [15], так и отечественные социологи (В.И. Дятлов, О.В. Красина) [1]. Как справедливо отмечает В.В. Костенко в своей статье «Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму» [21], опираясь на идеи Райнера Баубука, изложенные им в 2006 году в статье «К политической теории транснационализма мигрантов» [16], что концепция транснационализма ставит своей задачей создать новую теоретическую рамку для анализа миграции, где мигрант больше не воспринимается как человек, оторванный от своей страны и вынужденный ассимилироваться или интегрироваться, поскольку к отправляющему обществу он больше не принадлежит. Напротив, мигрант воспринимается в рамках этой концепции как обладатель двух и более идентичностей, включенный в социальную, экономическую, а часто и политическую жизнь нескольких обществ.

Всё множество концепций в западной и российской традиции не противоречат друг другу, а взаимодополняют, достаточно всестороннее и полно охватывают миграционные процессы и при этом почти все из них находят эмпирическое подтверждение.

Социологи осознают необходимость дальнейшего развития специальной отраслевой теории – социологии миграции для анализа динамичного процесса миграции населения, для объяснения причин, мотивов и последствий миграции в мире в целом, для стран-доноров и стран-реципиентов.

Это требует подготовки специалистов в этой в области социологического знания. В учебные планы многих вузов страны по подготовке социологов введены специализированные курсы по изучению миграционных процессов, такие как «Социология миграции» (Российский государственный социальный университет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), Саратовский государственный социально-экономический университет, Высшая школа современных социальных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Алтайский государственный технический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный исследовательский университет–Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал)); «Миграционные процессы» (Волгоградский государственный университет, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Курганский государственный университет. Казанский (Приволжский) федеральный университет, Кубанский государственный университет, Пермский национальный исследовательский политехнический университет и др.); курсы, посвященные миграционной политике (Сибирская академия госслужбы, Волгоградский государственный университет и др.), «Теории миграции населения» (Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики), «Социологические исследования миграционных процессов в современном мире» (для магистров) (Санкт-Петербургский государственный университет) и другие. Кроме подготовки студентов проводятся специализированные научно-практические школы для преподавателей ведущих курсы по миграции. Одна из таких школ состоялась в Российском государственном социальном университете – «Перспективы миграционной политики России и Евросоюза» [13].

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на признание социологии миграции как самостоятельно отраслевой социологической теории российским социологическим сообществом, требуется дальнейшее уточнение ее объекта и предмета исследования, специфики ее методологической организации, отработка методов и специальных аналитических процедур социологического исследования миграции как социального процесса, выявление связи и отличия предметов социологии миграции с предметами смежных дисциплин; разработки новых понятий и категорий социологической теории миграции.

Список литературы

1. Дятлов В.И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов // Международные исследования. Общество. Политика. Экономика. Астана. – 2009. – № 1 (1); Красина О.В., Крутий И.А., Зангиева И.К. Развитие транснационального пространства в контексте взаимодействия современных обществ: Россия-Япония. – М., 2009.

2. Заславская Т.И. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. – Новосибирск, Наука, 1969; Заславская Т.И. Миграция сельского населения. – М.: Мысль, 1970.

3. Зиммель Г. Избранные работы. –Киев, 2006; Schiitz A. The Structures of the Life-World. – Evanston, 1973; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. – М., 2003.

4. История социологии: в 3 кн. / под ред. В.И. Добренькова. Кн. 1: История социологии (XIX – первая половина XX в.). – М., 2004. – С. 515.

5. История социологии: в 3 кн. / под ред. В.И. Добренькова. Кн. 1: История социологии (XIX – первая половина XX в.). –М., 2004. – С. 504–505.

6. История теоретической социологии / отв. ред. И.Ф. Девятко. – М., 1998. – С. 135.

7. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Библиотека «Общественной пользы». – СПб., 1905.

8. Массей Д. Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции»: сб. Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. — М., 2002. – Вып. 10. – С. 135.

9. Парк Р.Э. Разум бродяги: размышления о связи ментального с пространственным передвижением // Социальные и гуманитарные науки. – Сер. 11. Социология. – 1997. – № 4. – С. 158–162.

10. Спенсер Г. Синтетическая философия. – Киев, 1997; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии. – М., 1991; Tonnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirische Kulturformen. – Leipzig, 1887; Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990; Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 2000; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.

11. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: дис. … д-ра социол. наук. – М., 2004.

12. Юдина Т.Н. Миграционные процессы: теория, методология и практика социологического исследования: автореф. дис. … д-ра социол. наук. – М., 2004.

13. Юдина Т.Н. Перспективы миграционной политики России и Евросоюза: итоги работы международной межвузовской научной школы // Социальная политика и социология. – 2009. – № 6-1 (48). – С. 86-91.

14. Ackermann A. Ethnologische Migrationsforschung: ein Ыberblick. // Zeitschrift fьr Kulturwissenschaften. Ethnologie der Migration. Ausg. 10. Winter 1997, S. 1–28.

15. Appadurai A. Modernity at Large: Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996; Levitt P. The Transnational Villagers. Berkeley, 2001; Pries L. Transnationale Migration. Soziale Welt, Sonderband 12. Baden Baden, 1997; Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23.

16. Baubцck R. Towards A Political Theory of Migrant Transnationalism/ International Migration Review/Volume 37, Issue 3, pages 700–723, September 2003.

17. Castles, S., Miller, M. (2008). The Age of Migration, Third Edition: International Population Movements in the Modern World [Chinese Complex translation]. Taiwan: Wu-Nan Book Co Ltd.

18. Glick Schiller N., Basch L.G, Blanc-Szanton C. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y., 1992; Portes A, Guamizo L.E, Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent

research field // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 22; Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, 2000; Transnationalism from Below / ed. by L.E. Guarnizo, M.P. Smith. New Brunswick, 1998.

19. Guarnizo, Luis E. and Luz M. Diaz. 1999. Transnational Migration: A View from Colombia. Ethnic and Racial Studies 22 (March): 397-421: Luis Eduardo Guarnizo, Alejandro Portes and William Haller/ Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants. American Journal of Sociology Vol. 108, No. 6 (May 2003), pp. 1211-1248.

20. Harris, John R. & Todaro, Michael P. (1970), Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis, American Economic Review 60 (1): 126–142.

21. http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf

22. Kritz, Mary M. Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements, 1981; International Migration to Multiple Destinations. World in the Mirror of International Migration, Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World». 99-113. 2002.

23. Lee E.S. Theory of Migration// Demography. 1996. Vol. 3(1).

24. Levi, J.F.S. Migration from the land and urban unemployment in Sierra Leone. Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 35(4) November 1973, 309-26; levi, J.F.S.. Migration from the land and urban unemployment in sierra leone/ Article first published online: 1 may 2009; LEVI, J.F.S. Labour migration and unemployment. Bank of Sierra Leone Economic review, 4 (2-4)/5 (1), 1969-70, 1-10.

25. Lewis, William Arthur /The Theory of Economic Growth – London and Homewood, Ill., 1955. Development Planning: The Essentials of Economic Polity – London, 1965. Some Aspects of Economic Development (The Aggey Memorial Lectures). London, 1969. The Development Process – United Nations, New York, 1970.

26. Lim. International Migration Systems: A Global Approach 1992.

27. Malthus, Thomas Robert. An Essay on the Principle of Population/ As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. London: J. Johnson, in St. Paul's Church-yard,1798.

28. Massey D. S., Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration, Population Index, 56(1), 1990, pp. 3-26; Massey et al. Theories of international migration: A review and appraisal, Population and Development Review, 19 (3, 1993), 431–466.

29. Massey, D.S (1990a). The Social and Economic Origins of Immigration. In: Annals of the America Acadrmy of Political and Social Sciences, vol.510, pp.60-72; Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford, 1998.

30. Mead G. Mind, Self, and Society. Chicago, 1967; Блумер Г. Теория коллективного поведения // Американская социологическая мысль. – М., 1994.

31. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. – Chicago, 1925.

32. Peter H. Lindert and Jeffrey G. Williamson/ Does Globalization Make the World More Unequal?/ Volume Publisher: University of Chicago Press/ Publication Date: January 2003.

33. Petras E McLean. The Global Labor Market in the Modern World-economy. State University of New York at Binghamton, 1979.

34. Piore, M. Migration labour and industrial societies. – New York: Cambridge University Press, 1979.

35. Portes A. (2003) Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism. International migration review 37 (Fall): 814-892; A. Portes, Luis E. Guarnizo, William Haller. Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants. American journal of sociology 2003,108 (May): 1211-1248.

36. Ravenstein E. G., Census of the British Isles, 1871; Birthplaces and migration Geographical Magazine 3 (1876) 173-7, 201-6, 229-33; The laws of migration Journal of the Statistical Society 48.

37. Richard, E. Bilsborrow Migration Within the Frontier: The Second Generation Colonization in the Ecuadorian Amazon. Popul Res Policy Rev. 2009 Jan 1;28(3):291-320; Gray C, Bilsborrow R. Environmental influences on human migration in rural Ecuador. Demography. 2013 Aug; 50(4):1217-41.

38. Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo (Princeton: Princeton University Press, 1991); Cities in a world economy (Thousand Oaks, Calif. Pine Forge Press, 2011) updated 4th ed., original 1994; Series: Sociology for a new century.

39. Schmitter H.B. The Sociology of Immigration. Pp.77-97. In: Migration Theory: Talking across Disciplines/ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield., (2000). – New York. Routledge 39-6.

40. Stark O. and D. Bloom (1985). The new economics of labor migration. America Economics Review 75:173-178; Stark O. (1991). Migration of Labour. – Basil Blackwell, Cambriadge, MA and Oxford, UK.

41. Taylor J.E., Massey D. S., , Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., 1993/9/1 Population and development review, pp. 431-466. The Population Counci; Oded Stark, J. Edward Taylo. Migration incentives, migration types: The role of relative deprivation. 1991/9/1. The economic journal pp. 1163-1178. Blackwell Journals.

42. Thomas B. Migration and the Rhythm of Economic Growth 1830-1913. Manchester School, vol. XIX, no. 3, September 1951, pp. 215-71; B. Thomas (1972), Migration and Urban Development. A Reappraisal of British and American Long Cycles (Methuen, London).

43. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – New York, 1958. P. 741.

44. Todaro, Michael P. Migration and Economic Development: A Review of Theory, Evidence, Methodology, and Research Priorities, Institute for Development Studies, University of Nairobi, 1976; Economics for a Developing World: An Introduction to Principles, Longman, 1977; Problems and Policies for Development Michael P. Todaro, Stephen C. Smith. Economic Development, Published July 17th 2002 by Addison Wesley Publishing Company (first published July 17th 1993).

45. Todaro M.P. International Migration in Developing Countries. ILO. Geneva. 1976.; Internal Migration in Developing Countries: A Review of Theory, Evidence, Methodology and Research Priorities Hardcover – 1937; Economics for a Developing World: An Introduction to Principles, Problems and Policies for Development Paperback – April 13, 1992.

46. Vertovec, S. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation/International migration review 38 (3), 970-1001; S. Vertovec, R Cohen. Conceiving cosmopolitanism: theory, context and practice/ Oxford University Press. 2002; Вертовек С. Направление действий среди многообразия культур и виды гражданства в европейских городах: Статья из Великобритании // Междунар. журн. социал. наук .ЮНЕСКО., 1998. т. Т.-С. – С. 33–47.

47. Wallerstein I.M. The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750. New York: Academic Press, 1980; The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. – San Diego: Academic Press, 1989; Валлерста йн И.М. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Университетская книга, 2001.

48. Zlotnik H. Population Growth and International Migration at the End of the 20th Century // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 882. 2006. 6 Feb. P. 217-228.

Spisok literatury

1. Dyatlov V.I. Transgranichnye migranty v sovremennoj Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov // Mezhdunarodnye issledovaniya. Obshchestvo. Politika. Ekonomika. Astana. – 2009. – № 1 (1); Krasina O.V., Krutij I.A., Zangieva I.K. Razvitie transnacional'nogo prostranstva v kontekste vzaimodejstviya sovremennyh obshchestv: Rossiya-YAponiya. – M., 2009.

2. Zaslavskaya T.I. Metodika vyborochnogo obsledovaniya migracii sel'skogo naseleniya. – Novosibirsk, Nauka, 1969; Zaslavskaya T.I. Migraciya sel'skogo naseleniya. – M.: Mysl', 1970.

3. Zimmel' G. Izbrannye raboty. –Kiev, 2006; Schiitz A. The Structures of the Life-World. – Evanston, 1973; Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturacii. – M., 2003.

4. Istoriya sociologii: v 3 kn. / pod red. V.I. Dobren'kova. Kn. 1: Istoriya sociologii (XIX – pervaya polovina XX v.). – M., 2004. – S. 515.

5. Istoriya sociologii: v 3 kn. / pod red. V.I. Dobren'kova. Kn. 1: Istoriya sociologii (XIX – pervaya polovina XX v.). –M., 2004. – S. 504–505.

6. Istoriya teoreticheskoj sociologii / otv. red. I.F. Devyatko. – M., 1998. – S. 135.

7. Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizaciya. Biblioteka «Obshchestvennoj pol'zy». – SPb., 1905.

8. Massej D. Sinteticheskaya teoriya mezhdunarodnoj migracii // Mir v zerkale mezhdunarodnoj migracii»: sb. Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i sovremennyj mir / gl. red. V.A. Ioncev. – M., 2002. – Vyp. 10. – S. 135.

9. Park R.E. Razum brodyagi: razmyshleniya o svyazi mental'nogo s prostranstvennym peredvizheniem // Social'nye i gumanitarnye nauki. – Ser. 11. Sociologiya. – 1997. – № 4. – S. 158–162.

10. Spenser G. Sinteticheskaya filosofiya. – Kiev, 1997; Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sociologii. – M., 1991; Tonnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirische Kulturformen. – Leipzig, 1887; Veber M. Izbrannye proizvedeniya. – M., 1990; Parsons T. Sistema sovremennyh obshchestv. – M., 2000; Sorokin P. CHelovek. Civilizaciya. Obshchestvo. – M., 1992; Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura. – M., 2006.

11. YUdina T.N. Migracionnye processy: teoriya, metodologiya i praktika sociologicheskogo issledovaniya: dis. … d-ra sociol. nauk. – M., 2004.

12. YUdina T.N. Migracionnye processy: teoriya, metodologiya i praktika sociologicheskogo issledovaniya: avtoref. dis. … d-ra sociol. nauk. – M., 2004.

13. YUdina T.N. Perspektivy migracionnoj politiki Rossii i Evrosoyuza: itogi raboty mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj nauchnoj shkoly // Social'naya politika i sociologiya. – 2009. – № 6-1 (48). – S. 86-91.

14. Ackermann A. Ethnologische Migrationsforschung: ein Ьlberblick. // Zeitschrift fьr Kulturwissenschaften. Ethnologie der Migration. Ausg. 10. Winter 1997, S. 1–28.

15. Appadurai A. Modernity at Large: Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996; Levitt P. The Transnational Villagers. Berkeley, 2001; Pries L. Transnationale Migration. Soziale Welt, Sonderband 12. Baden Baden, 1997; Faist T. Transnationalization in international migration: implications for the study of citizenship and culture // Ethnic and Racial Studies. 2000. Vol. 23.

16. Baubцck R. Towards A Political Theory of Migrant Transnationalism/ International Migration Review/Volume 37, Issue 3, pages 700–723, September 2003.

17. Castles, S., Miller, M. (2008). The Age of Migration, Third Edition: International Population Movements in the Modern World [Chinese Complex translation]. Taiwan: Wu-Nan Book Co Ltd.

18. Glick Schiller N., Basch L.G, Blanc-Szanton S. Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. N.Y., 1992; Portes A, Guamizo L.E, Landolt P. The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research field // Ethnic and Racial Studies. 1992. Vol. 22; Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, 2000; Transnationalism from Below / ed. by L.E. Guarnizo, M.P. Smith. New Brunswick, 1998.

19. Guarnizo, Luis E. and Luz M. Diaz. 1999. Transnational Migration: A View from Colombia. Ethnic and Racial Studies 22 (March): 397-421: Luis Eduardo Guarnizo, Alejandro Portes and William Haller/ Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants. American Journal of Sociology Vol. 108, No. 6 (May 2003), pp. 1211-1248.

20. Harris, John R. & Todaro, Michael P. (1970), Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis, American Economic Review 60 (1): 126–142.

21. http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2014_3/Kostenko_2014_3.pdf

22. Kritz, Mary M. Global Trends in Migration: Theory and Research on International Population Movements, 1981; International Migration to Multiple Destinations. World in the Mirror of International Migration, Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World». 99-113. 2002.

23. Lee E.S. Theory of Migration// Demography. 1996. Vol. 3(1).

24. Levi, J.F.S. Migration from the land and urban unemployment in Sierra Leone. Oxford Bulletin of Economics and Statistics, 35(4) November 1973, 309-26; levi, J.F.S.. Migration from the land and urban unemployment in sierra leone/ Article first published online: 1 may 2009; LEVI, J.F.S. Labour migration and unemployment. Bank of Sierra Leone Economic review, 4 (2-4)/5 (1), 1969-70, 1-10.

25. Lewis, William Arthur /The Theory of Economic Growth – London and Homewood, Ill., 1955. Development Planning: The Essentials of Economic Polity – London, 1965. Some Aspects of Economic Development (The Aggey Memorial Lectures). London, 1969. The Development Process – United Nations, New York, 1970.

26. Lim. International Migration Systems: A Global Approach 1992.

27. Malthus, Thomas Robert. An Essay on the Principle of Population/ As It Affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet, and Other Writers. London: J. Johnson, in St. Paul's Church-yard,1798.

28. Massey D. S., Social structure, household strategies, and the cumulative causation of migration, Population Index, 56(1), 1990, pp. 3-26; Massey et al. Theories of

international migration: A review and appraisal, Population and Development Review, 19 (3, 1993), 431–466.

29. Massey, D.S (1990a). The Social and Economic Origins of Immigration. In: Annals of the America Acadrmy of Political and Social Sciences, vol.510, pp.60-72; Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A. Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium. Oxford, 1998.

30. Mead G. Mind, Self, and Society. Chicago, 1967; Blumer G. Teoriya kollektivnogo povedeniya // Amerikanskaya sociologicheskaya mysl'. – M., 1994.

31. Park R., Burgess E., McKenzie R. The City. – Chicago, 1925.

32. Peter H. Lindert and Jeffrey G. Williamson/ Does Globalization Make the World More Unequal?/ Volume Publisher: University of Chicago Press/ Publication Date: January 2003.

33. Petras E McLean. The Global Labor Market in the Modern World-economy. State University of New York at Binghamton, 1979.

34. Piore, M. Migration labour and industrial societies. – New York: Cambridge University Press, 1979.

35. Portes A. (2003) Theoretical Convergencies and Empirical Evidence in the Study of Immigrant Transnationalism. International migration review 37 (Fall): 814-892; A. Portes, Luis E. Guarnizo, William Haller. Assimilation and Transnationalism: Determinants of Transnational Political Action among Contemporary Migrants. American journal of sociology 2003,108 (May): 1211-1248.

36. Ravenstein E. G., Census of the British Isles, 1871; Birthplaces and migration Geographical Magazine 3 (1876) 173-7, 201-6, 229-33; The laws of migration Journal of the Statistical Society 48.

37. Richard, E. Bilsborrow Migration Within the Frontier: The Second Generation Colonization in the Ecuadorian Amazon. Popul Res Policy Rev. 2009 Jan 1;28(3):291-320; Gray C, Bilsborrow R. Environmental influences on human migration in rural Ecuador. Demography. 2013 Aug; 50(4):1217-41.

38. Sassen, S. The Global City: New York, London, Tokyo (Princeton: Princeton University Press, 1991); Cities in a world economy (Thousand Oaks, Calif. Pine Forge Press, 2011) updated 4th ed., original 1994; Series: Sociology for a new century.

39. Schmitter H.B. The Sociology of Immigration. Pp.77-97. In: Migration Theory: Talking across Disciplines/ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield., (2000). – New York. Routledge 39-6.

40. Stark O. and D. Bloom (1985). The new economics of labor migration. America Economics Review 75:173-178; Stark O. (1991). Migration of Labour. – Basil Blackwell, Cambriadge, MA and Oxford, UK.

41. Taylor J.E., Massey D. S., , Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., 1993/9/1 Population and development review, pp. 431-466. The Population Counci; Oded Stark, J. Edward Taylo. Migration incentives, migration types: The role of relative deprivation. 1991/9/1. The economic journal pp. 1163-1178. Blackwell Journals.

42. Thomas B. Migration and the Rhythm of Economic Growth 1830-1913. Manchester School, vol. XIX, no. 3, September 1951, pp. 215-71; B. Thomas (1972), Migration and Urban Development. A Reappraisal of British and American Long Cycles (Methuen, London).

43. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. – New York, 1958. P. 741.

44. Todaro, Michael P. Migration and Economic Development: A Review of Theory, Evidence, Methodology, and Research Priorities, Institute for Development Studies, University of Nairobi, 1976; Economics for a Developing World: An Introduction to Principles, Longman, 1977; Problems and Policies for Development Michael P. Todaro, Stephen C. Smith. Economic Development, Published July 17th 2002 by Addison Wesley Publishing Company (first published July 17th 1993).

45. Todaro M.P. International Migration in Developing Countries. ILO. Geneva. 1976.; Internal Migration in Developing Countries: A Review of Theory, Evidence, Methodology and Research Priorities Hardcover – 1937; Economics for a Developing World: An Introduction to Principles, Problems and Policies for Development Paperback – April 13, 1992.

46. Vertovec, S. Migrant Transnationalism and Modes of Transformation/International migration review 38 (3), 970-1001; S. Vertovec, R Cohen. Conceiving cosmopolitanism: theory, context and practice/ Oxford University Press. 2002; Vertovek S. Napravlenie dejstvij sredi mnogoobraziya kul'tur i vidy grazhdanstva v evropejskih gorodah: Ctat'ya iz Velikobritanii // Mezhdunar. zhurn. social. nauk .YUNESKO., 1998. t. T.-S. – S. 33–47.

47. Wallerstein I.M. The Modern World-System, vol. II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600-1750. New York: Academic Press, 1980; The Modern World-System, vol. III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730–1840's. – San Diego: Academic Press, 1989; Vallersta jn I.M. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire / per. s angl. P. M. Kudyukina; pod obshch. red. B.YU. Kagarlickogo. – SPb.: Universitetskaya kniga, 2001.

48. Zlotnik H. Population Growth and International Migration at the End of the 20th Century // Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 882. 2006. 6 Feb. P. 217-228.

Н.В. Дулина,
доктор социологических наук, заведующая кафедрой «История, культура и социология»,
Волгоградский государственный технический университет.
E-mail: dulina@vstu.ru

Е.Г. Ефимов,
кандидат исторических наук, доцент факультета экономики и управления Волгоградский государственный технический университет.
E-mail: ez07@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ФАКТОР ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В РАМКАХ ФГОС

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности внедрения социальных сетей в учебный процесс. Дается краткая характеристика исследований данной проблемы в западной социологии. Приводятся данные фокус-групповых интервью, проведенных среди студентов 1–5 курсов Волгоградского государственного технического университета. Показывается большая роль неформального развития социальных сетей в учебном процессе. Отмечено желание респондентов видеть социальные сети как официальный ресурс образовательной системы. Делается вывод о большой роли преподавателя в этом процессе. Рассматривается роль общественного мнения как фактора успешного внедрения сетей в образовательную среду. В России сегодня присутствует негативная оценка социальных сетей, что снижает их педагогический потенциал. Другой причиной слабого использования социальных сетей является их недостаточная научная изученность.*

Ключевые слова: *социальные сети, образование, ФГОС, общественное мнение, фокус-группа.*

Одним из отличий ФГОС стало появление требований к освоению компетенций, требующих умения и навыков использования студентами социальных сетей и интернета. Введение данных требований обусловлено и положениями Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», где присутствуют пункты, прямо указывающие на необходи-

мость более активного внедрения интернет-ресурсов в образовательный процесс (ст. 13 «Общие требования к реализации образовательных программ»; ст. 16 «Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий»; ст. 18 «Печатные и электронные образовательные и информационные ресурсы»; ст. 98 «Информационные системы в системе образования»). Наличие компетенций по использованию интернет-сетей является отражением внимания к интернету, как динамично развивающейся среде, использование которого уже стало неотъемлемой и обыденной социальной практикой миллионов людей по всему миру.

Согласно одному из распространенных мнений, с точки зрения теоретической базы, неоспоримо влияние социальных сетей на учебный процесс. В частности, речь идет о так называемой теории вовлеченности, которая базируется на утверждении, согласно которому успеваемость студентов будет расти в зависимости от степени их включенности как в академические, так и социальные аспекты жизни учебного заведения [9]..

В нашей стране исследование социальных сетей (и как феномена, и как процесса) находится только на этапе становления. Что же касается изучения эффективности использования социальных сетей именно в учебном процессе то, несмотря на исследования таких авторов, как Е.И. Горошко [2, 3], В.А. Редько [1, 6], Е.Н. Бабин [1], А.В. Фещенко [7], в целом эта тема остается также малоизученной. Мы полагаем целесообразным для изучения особенностей использования социальных сетей в образовательном процессе обращаться к зарубежному опыту и опираться на уже существующую традицию, представленную прежде всего работами американских исследователей.

Анализируя труды американских исследователей, мы можем указать, что социологические методы позволили говорить об эффективности использования социальных сетей в учебном процессе при выполнении нескольких базовых условий. Первым из них является создание системы контроля использования студентами социальных сетей. Руководящим лицом здесь выступает преподаватель или другой сотрудник университета, который должен определять цель и задачи использования социальных медиа в учебном процессе. Вторым условием является четкое понимание приоритетного направления использования социальных сетей – либо как способа вовлечения в жизнь учебного заведения, либо как средства повышения качества образования. Это определяет методы использования ресурса (более подробно см.[4]).

Социологи использовали для выяснения эффективности использования социальных сетей различные методы, среди которых можно выделить эксперимент, позволяющий наиболее наглядно показать действенность той или иной методики. Результаты всех значимых исследований на сегодняшний

день можно разделить на позитивные, негативные и нейтральные. Что же касается самих форм использования социальных сетей, то мы можем выделить формализованный и неформализованный типы, а также два уровня взаимодействия (табл. 1).

Таблица 1

Формы использования социальных сетей в учебном процессе

Типы связей	Уровни взаимодействия	
	Преподаватель-студент	Студент-студент
Формализованные	Наблюдение за работой преподавателя в ходе курса и изучение его методических рекомендаций	Работа в группе над проектом в рамках аудиторной работы
Неформализованные	Создание внеучебных форм коммуникации с преподавателем	Создание групп интересов и обмен информацией

С целью исследования выдвинутых гипотез, нами были проведены фокус-групповые интервью среди студентов Волгоградского государственного технического университета. Технические параметры проведенных фокус-групповых дискуссий приведены в таблице (табл. 2).

Таблица 2

Фокус-группы по проекту «Социальные сети»

Дата	Курс	Кол-во участников	М / Ж
3.10.2013	2	10	4/6
7.10.2013	4	10	3/7
10.10.2013	2	9	3/6
17.10.2013	1	10	5/5
17.10.2013	5	9	2/7
23.10.2013	5	8	3/5

Если оценивать формы использования социальных сетей, то можно отметить преобладание неформальных связей. Студенты сами создают группы и используют их как для поиска и обмена необходимой информацией, так и для контактов с преподавателями.

Если говорить о создании групп интересов, то социальные сети привлекают студентов своими техническими параметрами: возможностью создавать конференции, прикреплять к сообщениям файлы для обмена, удобным интерфейсом, который вписывается в привычную для них электронную среду:

«У нас есть группа нашей группы, и там аккумулируется всё: фотографии, темы семестровок и очень удобно» (Артем, 2 курс).

«Чем контакт удобен для учебы, то это тем, что там есть группа. И есть функция диалога, где можно написать сообщение и все его видят. Есть к примеру, дежурство. И там староста пишет, кто дежурит. Например, она за одно сообщение всех проинформировала» (Ирина, 5 курс).

«Я хотела сказать, что есть группа, в которую мы можем все выкладывать, все говорить, что происходит в учебном процессе. Нет, просто я залезла в какую-то группу и там увидела, как комментируют преподавателя и это ужасно, им лучше этого не видеть. А еще там мы шпорами обмениваемся. Семестровыми и т. д.» (Таня, 5 курс).

«Группа используется для сброса информации, по поводу домашних заданий, какие лабораторные будут или какие-то мероприятия. Сами домашние задания…» (Сергей, 1 курс).

«У нас староста создала группу, в которой мы общаемся – разбираем темы рефератов, ссылки полезные, на файловом хранилище университета. Часть – хранилище прошлых лет – рефераты, семестровые, которые потом можно использовать. Также информация, которую нам дают преподаватели – мы ее туда загружаем. То есть это аналог файлового хранилища. Там же комментарии» (Вячеслав, 5 курс).

Также студенты упоминали о социальных сетях как неформальном способе общения с преподавателями, хотя подчеркивали, что их коммуникация ведется по учебным вопросам:

«Допустим, есть конференция, и ты скидываешь информацию преподавателю, а он там отмечает, что правильно, что нет. У меня, допустим, есть контакт с преподавателем, и он может написать, что, к примеру, на следующий день надо быть там-то или там-то» (Ксюша, 1 курс).

Следует отметить, что преподаватель в этом случае не является инициатором группы, он участвует в ней как «гость». Между тем, как показали эксперименты в США и в России, в частности, в Томском университете [7], участие преподавателя в качестве координатора проектов на основе сетей увеличивало эффективность обучения студентов.

Многие студенты используют социальные сети для поиска информации, в связи с чем также высказывались предложения об их внедрении в учебный процесс:

«Я состою в нескольких группах, где выкладываются книги, по разным тематикам. Там есть специальные меню и легче искать. Что касается дальнейшего использования, хотелось бы видеть больше групп с книгами, в том числе с аудиокнигами. Больше видеозаписей, в том числе с научной тематикой» (Александр, 4 курс).

«А что касается учебного процесса, можно использовать видео из сетей на лекциях, где те же химические реакции» (Оля, 4 курс).

Говоря о необходимости развития новых форм использования социальных сетей, респонденты высказывали пожелание о необходимости создать официальную страницу университета «ВКонтакте»:

«Если бы новости политеха мелькали бы в ленте, то внимания к ним было бы больше…» (Юля, 5 курс).

«Есть группа самого политеха, и там информация, но не всегда. У нас была конференция в 12 часов и только в 10 нам про нее сказали. И вот там какие-то группы поддержки, и там заранее. И все сидят «ВКонтакте», а на сайт мало кто заходит» (Катерина, 1 курс).

«Можно было бы создать страничку официальную и выкладывать информацию. Какие-то события все равно происходят. Это было бы интересно почитать. Конечно, есть сайт, то там нет такой возможности для обсуждения» (Лилия, 5 курс).

«Я бы хотела, чтобы «ВКонтакте» создали группу по олимпиадам нашего университета. На сайте я не замечаю этого. Я не видела отдельно… А вот если бы была группа, и там было бы написано – состоялась олимпиада такого-то числа по такому-то предмету или требования… И тогда больше народа придет на олимпиаду, больше захочет поучаствовать» (Настя, 2 курс).

При этом отдельно затрагивалась тема отличия социальных сетей от сайта университета:

«Не выкладываются мелкие новости о проведении маленьких конкурсов. Такая-то олимпиада, такой-то конкурс… А на сайте крупные новости – заседание ректората» (Станислав, 5 курс).

«ВКонтакте» можно создать группу официальную от лица университета. … Мы все новости узнаем из «ВКонтакте»… Учимся на втором высшем и нам все время вешают расписание на пятом этаже, что мы не всегда замечаем, потому что редко ходим… А если бы в сеть, то сразу бы поняли» (Оля, 4 курс).

Отдельно мы бы хотели отметить, что хотя в целом преобладает позитивное отношение к внедрению социальных сетей в учебный процесс, что совпадает с тенденциями в западной системе образования, некоторые респонденты высказывали опасения, что социальные сети будут мешать процессу обучения.

Подводя итоги фокус-групповых интервью, мы можем отметить, что социальные сети, еще до введения государственных стандартов, стали повседневной практикой многих студентов, что оказало существенное влияние на образовательный процесс. Социальные сети также стали для молодежи новыми пространствами социализации, заменив привычные социальные практики в виде прогулок в парке или походов в кино. Однако само по себе наличие массовой аудитории пользователей сетей еще не является достаточным условием их полноценного внедрения в учебный процесс. Главным выводом мы можем считать подтверждение факта, что в основном преобладает ис-

пользование социальных сетей на неформальном уровне. Несмотря на то что студенты не всегда используют сети как образовательный ресурс, те коммуникации, которые в них протекают, создают информационную среду, влияющую на образовательный процесс.

Более глубокое изучение процесса внедрения социальных сетей в образовательный процесс показывает, что для их полноценного использования необходим ряд дополнительных условий.

Во-первых, это интерес к социальным сетям в гуманитарной науке. Так, к примеру, хотя социальная сеть Facebook была создана в 2004 г., в 2005 г. была опубликована всего одна статья о ней в научных журналах гуманитарной направленности, в 2006 г. – 9, в 2007 г. – 22, и только в 2008 г. – 70, после чего количество публикаций стало расти в геометрической прогрессии [10]. Для сравнения укажем, что социальная сеть «ВКонтакте» была создана в 2006 г., а к августу 2013 в базе РИНЦ можно найти только 47 статей на эту тему, что для ресурса с более чем 50 млн пользователей является явно недостаточным.

Во-вторых, решающим фактором исследования сетей является создание позитивного имиджа. В США примером может быть преодоление последствий «моральной паники» в отношении безопасности детей. До 2007 г. социальные сети в основном воспринимались как опасное для детей место, а, как указывал исследователь развития техники Э. Бейкер, потенциально опасные или неудачные изобретения редко пользуются вниманием научного сообщества до тех пор, пока не будет доказано обратное [8, p. 12]. Когда государственные органы в 2007 г. предъявили ряд требований Facebook, касающихся обеспечения безопасности, то сеть пошла на значительные уступки, объявив о введении нескольких десятков уровней безопасности, что не только обеспечило ей позитивный имидж, но и сделало регистрацию в ней статусным символом. Это, на наш взгляд, позволило нивелировать негативное отношение к ним, созданное в том числе после обсуждения проблемы успеваемости, о которой мы говорили выше. Кроме того, американскую прецедентную правовую систему отличает динамичное развитие и появление новых правовых норм в отношении социальных сетей на уровне штатов. Так, в 2013 г. в штате Миссури были приняты поправки в «Акт Защиты Студентов Эми Хестир», согласно которым теперь учебное заведение может обязать учащихся и преподавателей общаться только через контролируемые школой ресурсы. Соответственно, свободное общение между преподавателями и студентами в социальных сетях при некоторых условиях может оцениваться как противоправное действие.

В случае российских сетей позитивный имидж социальных сетей только формируется. Как показал проведенный нами анализ материалов российско-

го телевизионного канала «Вести», в основном социальные сети освещаются нейтрально или негативно, а социальная сеть «ВКонтакте» прочно ассоциируется с множеством негативных практик. В 2012 г. рост негативных упоминаний об этой сети был связан с чередой самоубийств подростков (февраль), начало сдачи ЕГЭ (май), арестом педофилов (август), манифестом «Московского Брейвика» Дмитрия Виноградова и расстрелом им своих коллег в столичном офисе (ноябрь). При этом упоминание «ВКонтакте» в связи со скандалами в ЕГЭ уже становится традицией [5].

Учитывая, что в силу ряда субъективных и объективных обстоятельств внедрение социальных сетей в учебный процесс проходит стихийно, необходимо более пристальное внимание к этой теме, прежде всего с целью выработки эффективных механизмов интеграции социальных сетей в учебный процесс.

В качестве перспектив развития социальных сетей как сегмента образовательного процесса можно выделить ее информационную составляющую. Студенты в качестве пожелания указывают на необходимость внедрения социальной сети как альтернативного официальному сайту источника информации.

Список литературы

1. Бабин Е.Н., Редько Н.В. Социальные сети как веб-сервис в организации образовательного процесса в вузе // Информационная среда вуза XXI века. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2011. – С. 24–27.

2. Горошко Е.И. Твиттер как разговор через контекст: от Образования 2.0 к Образованию 3.0? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=224.

3. Горошко Е.И. Виртуальное групповое обучение (с использованием Skype-технологий) как средство реформирования магистерских программ университетов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=216.

4. Дулина Н.В., Ефимов Е.Г. Использование социальных сетей в организации учебного процесса в рамках реализации ФГОС (обзор зарубежных исследований) // Известия ВолгГТУ. Серия «Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе». Вып. 10: межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2013. – № 13 (116). – С. 58–61.

5. Ефимов Е.Г. Культура как фактор конструирования образа социальных сетей в общественном мнении (опыт контент-анализа российских телеканалов 2011–2012 гг.) // Известия ВолгГТУ. Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания». Вып. 13: межвуз. сб. науч. ст. / ВолгГТУ. – Волгоград, 2013. – № 9 (112). – С. 69–74.

6. Редько В.А. Особенности формирования готовности учащихся к самостоятельному использованию образовательных возможностей сети интернет // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. – 2007. – № 26 (98). – С. 129–133.

7. Фещенко А.В. Социальные сети в образовании: анализ опыта и перспективы развития // Открытое и дистанционное образование. Томск, 2011. – № 3 (43). – С. 44–50.

8. Bijker W. The Social Construction of Technology / Wiebe Eco Bijker. – Eijsden: The Netherlands, 1990. – 218 p.

9. Heiberger G., Harper R. Have you facebookedAstin lately? Using technology to increase student involvement / Greg Heiberger, Ruth Harper // New Directions for Student Services. Special Issue: Using Emerging Technologies to Enhance Student Engagement. – V. 2008 (124). – 2008. – P. 19–35.

10. Wilson R.E., Gosling S.D., Graham L.T. A Review of Facebook Research in the Social Sciences / Robert E. Wilson, Samuel D. Gosling and Lindsay T. Graham // Perspectives on Psychological Science. – 2012. – No. 7(3). – P. 203 –220.

Spisok literatury

1. Babin E.N., Redjko N.V. Cocialjnihe seti kak veb-servis v organizacii obrazovateljnogo processa v VUZe // Informacionnaya sreda vuza XXI veka. – Petrozavodsk: Petrozavodskiyj gosudarstvennihyj universitet, 2011. – S. 24–27.

2. Goroshko E.I. Tvitter kak razgovor cherez kontekst: ot Obrazovaniya 2.0 k Obrazovaniyu 3.0? [Ehlektronnihyj resurs] Rezhim dostupa: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=224

3. Goroshko E.I. Virtualjnoe gruppovoe obuchenie (s ispoljzovaniem Skype-tekhnologiyj) kak sredstvo reformirovaniya magisterskikh programm universitetov. [Ehlektronnihyj resurs] Rezhim dostupa: http://www.textology.ru/article.aspx?aId=216

4. Dulina N.V., Efimov E.G. Ispoljzovanie socialjnihkh seteyj v organizacii uchebnogo processa v ramkakh realizacii FGOS (obzor zarubezhnihkh issledovaniyj) / N.V. Dulina., E.G. Efimov // Izvestiya VolgGTU. Seriya «Novihe obrazovateljnihe sistemih i tekhnologii obucheniya v vuze». Vihp. 10: mezhvuz. sb. nauch. st. / VolgGTU. – Volgograd, 2013. – № 13 (116). – S. 58–61.

5. Efimov E.G. Kuljtura kak faktor konstruirovaniya obraza socialjnihkh seteyj v obthestvennom mnenii (opiht kontent-analiza rossiyjskikh telekanalov 2011–2012 gg.) / E.G. Efimov // Izvestiya VolgGTU. Seriya «Problemih socialjno-gumanitarnogo znaniya». Vihp. 13: mezhvuz. sb. nauch. st. / VolgGTU. – Volgograd, 2013. – № 9 (112). – S. 69–74.

6. Redjko V.A. Osobennosti formirovaniya gotovnosti uchathikhsya k samostoyateljnomu ispoljzovaniyu obrazovateljnihkh vozmozhnosteyj seti internet / V.A. Redjko // Vestnik Yuzhno-Uraljskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaya kuljtura. – 2007. – № 26 (98). – S. 129–133.

7. Fethenko A.V. Socialjnihe seti v obrazovanii: analiz opihta i perspektivih razvitiya // Otkrihtoe i distancionnoe obrazovanie. Tomsk, 2011. – № 3 (43). –. S. 44–50.

8. Bijker W. The Social Construction of Technology / Wiebe Eco Bijker. – Eijsden: The Netherlands, 1990 – 218 p.

9. Heiberger G., Harper R. Have you facebookedAstin lately? Using technology to increase student involvement / Greg Heiberger, Ruth Harper // New Directions for Student Services. Special Issue: Using Emerging Technologies to Enhance Student Engagement. – V. 2008 (124). – 2008. – P. 19–35.

10. Wilson R.E., Gosling S.D., Graham L.T. A Review of Facebook Research in the Social Sciences / Robert E. Wilson, Samuel D. Gosling and Lindsay T. Graham // Perspectives on Psychological Science. – 2012. – № 7(3). – P. 203 –220.

И.П. Гладилина,
доктор педагогических наук, профессор,
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский городской университет управления
Правительства Москвы».
E-mail: shtazi87@mail.ru

С.Л. Разумовский,
кандидат педагогических наук,
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Российский государственный университет туризма и сервиса».
E-mail: serg-razumovskij@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСТВА ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: *умение нестандартно, быстро и, самое главное, правильно решать личные и профессиональные проблемы присуще только людям, обладающим высоким уровнем развития творческих способностей. Развитие творчества такой своеобразной категории, как обучающаяся в высших учебных заведениях молодежь, является актуальной научной задачей, имеющей как теоретическое, так и прикладное значение. Сделанный акцент на данной специфической социальной категории обусловлен тем, что студенчество – это, несомненно, важный кадровый ресурс в решении сложнейших задач, встающих перед обществом. Потребность в развитии творчества формируется и развивается у молодежи в процессе обучения при условии создания соответствующей образовательной среды. Данное обстоятельство требует особой организации творческого взаимодействия с обучающимися, а также значительного развития профессиональных компетенций профессорско-преподавательского состава в части персонального творческого развития.*

Ключевые слова: *творчество, зарубежные и отечественные концепции творчества, социальная ответственность, лучшие образовательные практики России и стран мира.*

Введение

Роль творчества во всестороннем развитии личности столь значительна, что дает основание рассматривать творчество как уникальную способность, которая обеспечивает успешное выполнение не только самых разнообразных видов учебной и внеучебной деятельности, но и легкую адаптацию индивида в новых социальных условиях.

Существование обычного человека часто приводит его к тому, что от него требуется в первую очередь отнюдь не творчество. Если обратиться к фактам, то без труда заметим, что, например, в школе от ученика требуют всего лишь «правильного» ответа и никого не интересует, как этот правильный ответ он нашел. На производстве от работника чаще всего ожидают выполнения рутинных, заранее предписанных производственной инструкцией шаблонных обязанностей и действий. А в повседневной жизни такой человек сам часто боится оригинальных и неожиданных решений. Ведь такие решения обычно связаны с риском ошибиться, а следовательно, возникает и риск попасть в трудную ситуацию или оказаться предметом грубости и насмешек.

Действительно, на пути к творчеству существует множество внешних и внутренних психологических барьеров и поэтому многие убеждены, что как только человек избавится от этих психологических барьеров, связанных со страхами, с неуверенностью в себе, так заключенный в нем творец освободится.

Ученые и специалисты, занимающиеся изучением особенностей развития способностей человека отмечают, что способности и интересы обнаруживаются у человека только в деятельности и во взаимодействии с другими окружающими. Ни одно качество личности нельзя развить рассказом о них, и их нельзя показать. А творческие способности развиваются только в процессе творческой деятельности при решении разнообразных проблем и задач.

То есть для развития творческих способностей у обучающихся наличие учебных проблем и задач является основной и неотъемлемой частью содержания образовательного процесса.

Проблемной или творческой является задача, самостоятельное решение которой обращено, исходя из известного, на получение новых знаний о природе и обществе, на создание новых средств поисков знания или достижения цели. Содержанием такой задачи является проблема, в основе которой лежит противоречие между известным и искомым. Проблемные задачи являются формой и средством воплощения творческого процесса, а их решение – реализацией творческой деятельности.

Тем самым, организуя такую деятельность по решению проблем, педагог поощряет обучающегося к всестороннему и нелинейному рассмотрению смо-

делированной проблемной ситуации и к тому, чтобы избегать проторенных путей решения этой задачи или проблемы.

Также очень часто можно найти в различной научной литературе, посвященной проблема развития творческих способностей, дискуссий о необходимости использования в учебном процессе не просто проблемных задач, а так называемых задач «открытого типа».

Задачи открытого типа не имеют единственного правильного решения, кроме того, они имеют множество различных выводов и ответов, каждое из которых может быть потенциально правильным. Конструирование и использование подобных задач представляет собой сложный процесс, но при этом существенно влияет на развитие творческого мышления и воображения обучающихся.

Важнейшее значение имеют также и те действия, которые входят в осуществляемую обучающимися деятельность. Они могут и должны быть очень разнообразными: исполнительными и творческими, простыми и сложными, практическими и умственными.

Творческие возможности останутся нереализованными, и если не будут созданы необходимые организационные условия, в которых протекает эта деятельность обучающихся. К таким условиям чаще всего относятся:

– материальная оснащенность образовательного процесса;

– правильная последовательность и организация учебно-воспитательного процесса во времени;

– соразмерность требований педагога, правильности поставленных им задач и всей организуемой им деятельности реальными возможностями обучающихся и их объединений;

– обязательное достижение видимых обучающимися результатов их коллективной или индивидуальной деятельности.

Для того чтобы деятельность обучающегося имела творческий и развивающий характер, она должна регулярно усложняться, предъявляя обучающимся постоянно возрастающие требования. При этом педагог должен чрезвычайно дифференцированно, тонко и разумно подходить к оценке деятельности обучающихся и соизмерять уровень достижений обучающихся с собственным уровнем требований и уровнем требований предлагаемых заданий.

Развитию творчества могут и способствовать и препятствовать многие факторы. Так, например, неблагоприятная социальная среда тормозит развитие творчества, если имеется как жесткий контроль педагогов и родителей, так и бесконтрольность, неподготовленность педагогов и других участников образовательного процесса.

Очень важным фактором выступает и социальная среда в самом образовательном учреждении.

В качестве основных причин, отрицательно влияющих на развитие творческого мышления, чаще всего выдвигают следующие:

– в процессе обучения преимущественно используются задания имеющие единственно правильное решение, которые формируют конвергентное мышление («закрытые задачи» или задачи с «закрытым ответом»);

– в сложившихся образовательных системах развивается в основном вербальная сторона интеллектуального развития, а невербальная – значительно в меньшей степени;

– в образовательном процессе преобладают репродуктивные действия, недостаточное количество продуктивных заданий на уроках сдерживает развитие творческого мышления обучающихся;

– в образовательной деятельности обучающимся делегируется только исполнительская функция, а регулирующая и контролирующая функции – узурпированы педагогом.

Для формирования творческой личности необходимы свобода для поиска и любознательности и свобода быть собой, которые могут создаваться в семейном и общественном воспитании и проявляются в уважении и непредвзятости к обучающемуся, в отсутствии излишней критики, поощрении самостоятельности, пусть даже незначительной.

Отечественные ученые рекомендуют расширять круг дисциплин, непосредственно связанных с творчеством (рисование, живопись, лепка и т.д.), так как они формируют навыки у обучающихся; усиливать связи между дисциплинами и указывать на них в процессе преподавания учебных дисциплин, что способствует широкой категоризации, способности к установлению связей между отдаленными явлениями; вводить в программы творческие задания, задания по моделированию.

Обучение, ориентированное на обогащение образного содержания интеллектуальной деятельности, способствует становлению зрительного восприятия, образной памяти и воображения, которые, в свою очередь, обеспечивают более высокий уровень развития творческого мышления.

Однако важным субъектом и, одновременно условием развития творчества в среде обучающихся является личность педагога.

Готовность педагога к работе по развитию творчества учащейся молодежи – одна из актуальных задач высшего профессионального образования. «Для успешного развития творческой одаренности молодежи в высшей школе и определения созидательной направленности их творчества недостаточно инновационных подходов к организации учебно-воспитательного процесса» – отмечает И.П. Гладилина [1].

Поэтому в 2008 году была разработана программа «Педагогика творческого развития личности» для обучающихся гуманитарных направлений подготовки в структуре высшего образования. Эта программа позволяет педагогу вуза активно осуществлять целенаправленную деятельность по организации творческого взаимодействия как в логической увязке «преподаватель – обучающийся», так и «обучающийся – обучающийся». Программа основывается на ведущих концепциях, теориях, идеях развития творчества. Рассмотрим некоторые из них.

Методика

Активизация усилий по развитию творчества, на наш взгляд, особое значение приобретает в сфере высшего образования, так как именно в этой сфере наиболее полно совпадают следующие обстоятельства, создающие в свою очередь, дополнительные условия для развития творческой активности:

1) возрастные и психологические закономерности развития личности обучающихся;

2) мотивацию обучающихся на успех и дальнейшее профессиональное и личностное развитие, обусловленную необходимостью скорейшего перехода к самостоятельной жизни и поиску высокооплачиваемой работы;

3) наличие в образовательном учреждении представителей профессорско-преподавательского состава, соответствующих высоким стандартам высшей школы;

4) вариативные возможности Государственных образовательных (ГОС) и Федеральных государственных образовательных (ФГОС) стандартов при построении образовательной траектории на уровне вуза;

5) и другие.

Реализованная в ряде вузов России авторская педагогическая технология И.П. Гладилиной о развитии творческой одаренности молодежи в высшей школе позволяет утверждать о необходимости использования идей и концепций зарубежных и отечественных ученых в области творчества как методологической основы для разработки дидактического и методического инструментария решения этой актуальной научной задачи. К примеру, авторская программа «Педагогика творческого развития личности» включает следующие учебные разделы, поделенные на модули.

Раздел I. Творческое развитие и личность.

Модуль I. «Научные представления о феномене творческого развития».

Феномен «творчество». Формирования научных представлений о творчестве и творческой направленности личности. Психология творческих способностей (С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, Я.А. Пономарев, В.Д. Шадриков, Б.Ф.

Ломов, П.К. Анохин, Б.Г. Ананьев, Д.Б. Богоявленская и др.). Зарубежные теории и концепции творческого развития личности.

Модуль II. «Предмет и задачи педагогики творчества».

Предмет педагогики творчества. Творческая самореализация личности. Образовательные аспекты развития творчества. Общие подходы к развитию творческих способностей. Усовершенствование содержания образования как условие творческого развития.

Модуль III. «Гуманистические принципы творческого развития личности».

Сущность и смысл гуманизации образования. Истоки гуманистических начал и творчество. Принцип природосообразности и культуросообразности. Единство воспитания и жизни. Принцип открытости. Педагогизация творческой среды. Принцип конкретности. Принцип педагогического оптимизма. Гуманизация педагогики творческого развития личности в гуманистической парадигме образования.

Модуль IV.«Творчество в процессе социализации обучающихся».

Творчество и взаимосвязи развития личности и общества. Единство воспитания и жизни. Воспитание в коллективе. Диалогизм, открытость, сотворчество. Культурологический, аксиологический и инновационный подходы к разработке проблемы. Социальное проектирование как один из подходов творческой социализации личности.

Раздел II. Основные подходы к организации творческого развития личности.

Модуль I. «Методы активизации творческого мышления».

Мышление как процесс. Концепция Дж. Гилфорла. Дивергентное мышление. Р. Стенберг, Т. Любарт и др. о проблеме творчества. Приёмы развития фантазии и воображения. Развитие ассоциативного мышления. Синтез творческих процессов. Единица анализа творчества. Качественные признаки творческой деятельности.

Модуль II. «Методы формирования творческого развития личности».

Синтез творческих процессов. Вопрос как стимуляция творческого мышления. Восприятие и доминантность мышления. Методы формирования творческого развития визуалов, аудиалов, кинестетиков. Индивидуальные методы для людей с хаотичной или последовательной работой мозга. Методы увлечения, упражнения, убеждения. Развитие творческого образного мышления. Продуктивное моделирование.

Модуль III. «Условия творческого развития личности».

Среда, способствующая развитию творчества. Психолого-педагогические основы организации пространственно-предметного компонента творческой среды. Взаимопонимание и атмосфера сотворчества. Психодидактические

условия организации творческой образовательной среды. Диагностический комплекс С.В. Евтушенко «Творческая направленность».

Программа «Педагогика творческого развития личности» – интегрированная дисциплина, изучение которой предусматривает интерактивный подход к обучению. Поскольку обучающиеся рассматриваются как коллективный субъект и одновременно как индивидуальные субъекты обучения, среда обучения организуется с целью создания возможности интенсивной коммуникации обучающихся с преподавателем, между собой, что предполагает возможность удобного размещения в аудитории, доступность аудиовизуальных средств, наличие условий для работы в микрогруппах. Весьма важным фактором успеха учебно-воспитательного процесса является создание интеллектуального напряжения и при этом эмоционально комфортной атмосферы, постоянная и явно выражаемая готовность преподавателя к поддержке обучающихся и их познавательных усилий, побуждение участников к взаимоподдержке, поощрение командного духа, юмора, специальное внимание к созданию и использованию в ходе обучения творческих ситуаций.

Обучение строится как единство аудиторной работы и самообразования. Большое внимание уделяется изучению основной литературы по курсу, в том числе в форме составления кластеров, обсуждений и рецензирования книг и статей, посвященных проблемам творчества.

В аудиторной работе использование монологических методов мотивируется реальной необходимостью и наличием у обучающихся актуальных, творческих задач. Широко используются электронные презентации и другие современны средства наглядности.

Лекции носят проблемный характер, изложение материала сопровождается постоянным диалогом со слушателями, вопросами на уточнение и на понимание, а также выполнением различных творческих задач с последующим обсуждением результатов.

В процессе обучения с использованием интерактивных методов преподаватель выполняет следующие функции:

– ***гносеологическую***: решает задачи получения новых знаний по дисциплине. Это требует высокого уровня гностических способностей преподавателя, быстроты и творческого овладения научными методами познания, способности к овладению специальными знаниями – знаниями по истории творчества, по педагогике, психологии, методике преподавания и т.д.; проектирование целей, программ, планов, методических систем и технологий, подбор и композиционное построение содержания дисциплины, форм и методов проведения учебных занятий. Каждое занятие требует нового конструирования с учетом особенностей подготовки аудитории;

– ***организаторскую***: умение организовывать себя, свое время, индивидуальную, групповую, коллективную деятельность обучающихся, объединив их около проблемы, которую анализируют;

– ***коммуникативную***: установление педагогически целесообразных взаимоотношений между субъектами педагогического процесса.

В ходе реализации авторской педагогической технологии И.П. Гладилиной, а также программы «Педагогика творческого развития личности» нами были выявлены проблемы в знаниях и умениях педагогов и очерчен круг научно-методических проблем, на которые необходимо обратить внимание в ходе подготовки педагога к работе по развитию творчества обучающихся:

– Что такое творчество в педагогике;
– Алгоритмы педагогического творчества;
– Условия развития творчества педагога;
– Творчество педагога: определение, теоретическая модель, функции подготовки;
– Творчество и педагогический опыт;
– Формирование готовности педагогов к инновационной деятельности.

Наш опыт позволяет выделить следующие индивидуальные и коллективные формы методической работы по формированию психолого-педагогической компетентности педагога по развитию творчества учащейся молодежи в высшей школе:

– Научно-методический совет;
– Тематические консультации – педагогический консалтинг;
– Педагогические чтения;
– Тренинги;
– Научно-педагогические семинары;
– Методические практикумы;
– Собеседования;
– Методические гостиные;
– Мастер – классы; и др.

Педагоги высшей школы активно участвовали в индивидуальных и групповых консультациях. Они щедро делились своим опытом, рассказывали о проблемах, все вместе искали ответы на непростые вопросы развития творчества учащейся молодежи. Особо востребована была педагогами программа консалтинговой службы «Содержательные ориентиры развития творческого учебно-воспитательного процесса». Эта программа состоит из трех направлений:

I. Педагогическая школа

Проблема: творческое обучение – ведущая характеристика современного образовательного процесса

№ п/п	Тематика заседаний	Дата проведения	Ответственный
1	Ведущие педагогические идеи педагогика творческого развития личности		
2	Общие принципы педагогики творческого развития личности		
3	Направления и виды творческой образовательной деятельности		
4	Технологии творческого учебно-воспитательного процесса		

II. Образовательный консалтинг (тематика индивидуальных консультаций)

№ п/п	Содержание работы	Дата проведения	Ответственный
1	Дидактика профессионального творческого образования		
2	Технологии творческого обучения		
3	Проблемы образования учащейся молодежи с высоким творческим потенциалом		
4	Творческое взаимодействие преподавателей и обучающихся		

III. Образовательный консалтинг (тематика групповых консультаций)

№ п/п	Содержание работы	Дата проведения	Ответственный
1	Деловая игра «Я и творческий обучающихся»		
2	Дебаты «Творчество? Творчество! Творчество…»		
3	Тренинг «Коммуникативный метод как метод активизации творческих возможностей личности».		
4	Кейс – семинар «Загадки развития творчества»		

На наш взгляд, следует особо остановиться на особом построении творческого учебно-воспитательного процесса. И здесь важным аспектом является построение этого процесса в контексте взаимодействия педагога и обучающихся в образовательных учреждениях, в которых развитие творчества у обучающихся не ставиться во главе угла, а имеет место формальная сторона учебно-воспитательного процесса. Но даже и в этом случае можно активно заниматься воспитанием творческих личностей, пользуясь тем, что является

в таком случае важным, а именно выполнение обучающимися каких-либо формальных заданий для получения таких же формальных оценок.

При таком подходе к построению учебно-воспитательного процесса педагогу необходимо разработать целую батарею заданий для соблюдения формальных требований вуза и одновременного поощрения творчества у обучающихся.

Однако при разработке таких заданий необходимо соблюдать следующее.

Задания должны быть одновременно простыми и понятны основной массе обучающихся. Педагог должен довести до сведения обучающихся четкие критерии, по которым он предполагает выполнить, а после и оценить работы.

К таковым критериям относятся:

– форма или вид представления задания (письменный или устный доклад (индивидуальный или групповой); презентация в формате Microsoft Power Point; выполнение курсовой работы или проекта; изобразить схему на заданную тему, подготовить конспект, составить тест и т.д.);

– сроки выполнения и сроки сдачи;

– объем работы (количество печатных листов; время, отводимое для выступления);

– критерии оценки (количество докладов или эссе; количество правильных ответов в тесте или опроснике; реальность применения предлагаемых рекомендаций; уровень оригинальности текста (например, по данным интернет-ресурса http://www.antiplagiat.ru)).

Следует помнить, что эти задания должны быть реально выполнимыми для конкретного обучающегося или учебной группы, так как даже минимальные успехи вызывают у обучающихся любого возраста положительные эмоции, повышение работоспособности и самооценки, способствуют более полной интеграции обучающихся в учебно-воспитательную деятельность. И наоборот, акцентированная педагогом ошибка или слишком сложное задание может привести к появлению отторжения обучающегося от продуктивной творческой деятельности и даже в конечном счете к жалобам и другим, неприятным для преподавателя, последствиям.

В каких-то моментах педагогу следует проявлять гибкость, поступиться своими принципами и установившимися критериями оценки знаний обучающихся и даже искусственно «снизить» планку требований. Действительно, не всем дано стать великим ученым, исследователем или спортсменом: кто-то в обществе должен занимать и так называемые рядовые должности или заниматься в принципе не пользующейся особой популярностью профессиональной деятельностью. А для этого не так важно быть успешным во время процесса обучения в вузе. Кроме того, не следует забывать и об индивидуальных траекториях развития личности обучающихся.

Ведь сложность и разнообразие заданий и другого стимульного материала, критериев оценивания знаний обучающихся, и, наконец, их количественный объем, используемый в выстраиваемом творческом учебно-воспитательном процессе, имеют под собой смысл не наказать обучающегося за незнания или прогулы, а стимулировать его активность в обозримом будущем.

И всё же немаловажным критерием эффективного творческого учебно-воспитательного взаимодействия, являются виды или формы предлагаемых заданий.

Даже такой часто и порой не заслужено критикуемый вид заданий, как тест, тоже можно и нужно использовать в учебно-воспитательной деятельности творческой направленности. Единственное, что только нужно сделать, так это не злоупотреблять использованием тестов с закрытыми вариантами ответов. В этом случае можно поступить следующим образом:

– предложить тест, когда правильных ответов может быть более одного;

– из предлагаемых вариантов ответов исключить ненужное или предложить свой вариант ответа;

– разработать на основе имеющегося теста по какой-либо теме новый тест, выполнить его и обсудить сам тест в группе и т.п.

То есть важно не только активно использовать в учебно-воспитательной деятельности достаточно широко известные виды заданий, а по возможности их варьировать. При этом виды заданий могут повторяться, только из очередности не следует делать какую-то единую систему. Это привет к тому, что у обучающихся будет возможности слепо скопировать работы предыдущих лет или сделать творческий процесс рутинным.

Таким образом, преподаватель может развивать творческие способности обучающихся и при этом иметь в печатном или электронном виде формальные подтверждения свой работы.

Заключение

Развитие творчества является необходимым составляющим успешной жизни любого человека.

К сожалению, в современной высшей школе пока не в полной мере обеспечивается развитие творческих способностей у обучающихся. До сих пор, несмотря на все достижения педагогики и других наук, связанных с ней, всё еще распространенным приемом в практике преподавания является организация преподавателем действий обучающихся по образцу. Причем это характерно не только для общеобразовательной школы, но и для системы высшего образования. Преподаватели предлагают обучающимся в основном только упражнения тренировочного типа, основанные на подражании и не требующие проявления выдумки и инициативы. В этих условиях у обучающихся недостаточно развиваются такие важные качества, как оригинальность, беглость,

гибкость, точность и другие способности, от которых зависит готовность личности к творческой деятельности.

Одним из важных направлений в решении проблемы развития творческих способностей выступает и создание условий, обеспечивающих эффективное развитие данных способностей: воображения, дивергентного мышления, самостоятельности, мотивации.

Развитие творческих способностей требует такой организации деятельности преподавателя, которая бы учитывала особенности мыслительной деятельности каждого обучающегося, способствовала бы расширению кругозора, обучению различных видов творческой деятельности.

Выстраивание учебного процесса в вузе с использованием технологий и методик, способствующих не только качественной подготовке обучающихся, но и развитию творчества обучающихся, является актуальной научно-практической задачей, решение которой позволит системе образования подготовить высокопрофессиональные кадры, готовые к успешной профессиональной деятельности.

Переориентировать педагога на обучение обучающихся творчеству трудно, но необходимо. Развивая свой собственный творческий потенциал при подготовке и проведении занятий в соответствии с запросами и современными вызовами, преподаватель одновременно добивается удивительных результатов в развитии творчества обучающихся.

А человек, способный к творчеству, достаточно легко адаптируется в новой для себя социальной среде, жизненных и профессиональных ситуациях, что востребовано в сегодняшнем быстроменяющемся обществе.

Список литературы

1. Гладилина И.П., Сергеева С.А. Психолого-педагогические особенности развития творческого мышления специалистов в сфере государственных закупок // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 4. URL: http://www.science-education.ru/110-9955.

2. Долгова В.И. Готовность к инновационной деятельности в образовании: монография. – М.: КДУ, 2009. – 228 с.

3. Пунченко О., Дорощенко П. О естественных предпосылках творческой одаренности личности // Новое в науке и технике. – 2004. – № 4 (23). – С. 26.

4. Разумовский С.Л. Формирование правовой культуры в процессе подготовки специалиста образовательного сервиса в вузе: автореф. дис. … канд. пед. наук. – М.: МГГУ, 2010.

5. Стенина Т.Л. Становление проектной культуры студентов в социально-педагогическом пространстве вуза: автореф. дис. … д-ра пед. наук. – Ульяновск, 2012. – 44 с.

6. Юртаева Т.Б. Развитие нравственно-правовой культуры студента в учреждении среднего профессионального образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. – Оренбург, 2012. – 15 с.

7. Amabile T.M. The Social Psychology of Creativity. – N.Y., 1983.

8. Colangelo N. Counseling Gifted Students // N. Colangelo & G.A. Davis (Eds.). Handbook of Gifted Education. – Boston, 1991. – P. 271-284.

9. Heller K.A. Aims and Methodological Problems of an Intervention Study in Gifted and Talented Girls // F.J. Monks & W.A.M. Peters (Eds.). Talent for the Future. – Assen/Maastricht, 1992. – P. 149-154.

10. Terman L.M. Mental and Physical Traits of a Thousand Gifted Children. – Stanford, 1925.

Spisok literatury

1. Gladilina I.P., Sergeeva S.A. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti razvitiya tvorcheskogo myshleniya specialistov v sfere gosudarstvennyh zakupok // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2013. – № 4; URL: www.science-education.ru/110-9955.

2. Dolgova V.I. Gotovnost' k innovacionnoj deyatel'nosti v obrazovanii: monografiya. – M., KDU, 2009. – 228 s.

3. Punchenko O., Doroshchenko P. O estestvennyh predposylkah tvorcheskoj odaryonnosti lichnosti / Novoe v nauke i tekhnike, 2004. – № 4 (23). – s. 26.

4. Razumovskij S.L. Formirovanie pravovoj kul'tury v processe podgotovki specialista obrazovatel'nogo servisa v vuze. Avtoreferat k.ped.n. M.: MGGU, spec. 13-00-08, 2010.

5. Stenina T.L. Stanovlenie proektnoj kul'tury studentov v social'no-pedagogicheskom prostranstve VUZa. Avtoref. diss. dok. ped. nauk. – Ul'yanovsk, 2012. – 44 s.

6. YUrtaeva T.B. Razvitie nravstvenno-pravovoj kul'tury studenta v uchrezhdenii srednego professional'nogo obrazovaniya. Avtoref. diss. kand. ped. nauk. – Orenburg, 2012. – 15 s.

7. Amabile T.M. The Social Psychology of Creativity. N.Y., 1983.

8. Colangelo N. Counseling Gifted Students // N. Colangelo & G.A. Davis (Eds.). Handbook of Gifted Education. Boston, 1991. P. 271-284.

9. Heller K.A. Aims and Methodological Problems of an Intervention Study in Gifted and Talented Girls // F.J. Monks & W.A.M. Peters (Eds.). Talent for the Future. Assen/Maastricht, 1992. P. 149-154.

10. Terman L.M. Mental and Physical Traits of a Thousand Gifted Children. Stanford, 1925.

А.В. Кириллов,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой управления персоналом, документоведения и архивоведения,
Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: a.v.kirillov@mail.ru

А.В. Мельничук,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры управления
персоналом, документоведения и архивоведения,
Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: a.v.kirillov@mail.ru

Ю.А. Мельничук,
преподаватель кафедры управления персоналом, документоведения и архивоведения,
Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail:melnichuk2608@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРОЙ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЯХ

Аннотация: *в статье проанализированы проблемы управления организационной культурой современных российских компаний, сопоставлены ее основные аспекты в российских организациях, выявлены пути ее совершенствования. Дан авторский взгляд на соотношение понятий «организационная культура» и «корпоративная культура». Подвергнут анализу тезис А.Ф. Лосева о символе как о «субстанциальном тождестве идеи и вещи». Раскрыта роль ценностей, традиций, норм поведения, символики, миссии как отражения общего вектора идеи организации. Показаны недостатки в этих вопросах в современных российских организациях, определены пути их устранения. Вскрыты пути вовлечения коллектива в развитие организационной культуры, регламентирования ее основных требований в нормативных документах организации. Исследовано содержание основных принципов управления организационной культурой для обеспечения организационного и личностного развития. Большое внимание в статье уделяется вопросам повышения роли руководящего состава, системы обучения, мотивации в развитии культуры организации. В заключении суммируются основные недостатки руководителей, избавление от которых обеспечит успех управления организационной культурой.*

Ключевые слова: *организационная культура, корпоративная культура, управление, миссия, ценности, традиции, символика, дресс-код, нормы поведения, корпоративный кодекс, принципы управления организационной культурой.*

Культура организации включает в себя моральные нормы и ценности, стереотипы поведения, традиции и ритуалы, определенное отношение к деятельности и ее результатам. Организационная культура формируется людьми и формирует людей. Организационная культура формируется вне зависимости от субъективной воли руководителя и коллектива. Но каждый участник организации в силах оказать влияние на широту и глубину организационной культуры. Плод деятельности руководителя над созданием определенного, нужного ему вида организационной культуры можно трактовать как корпоративную (от лат. *corporatio* – объединение) культуру. По мнению авторов, любая «корпоративная культура» является организационной, вот только не любая «организационная культура» является корпоративной. Хотя есть различные точки зрения на соотношение этих понятий. На наш взгляд, не следует противопоставлять понятия «организационная культура» и «корпоративная культура». Корпоративная культура рассматривается как важнейший социальный компонент в достижении организационных целей, развитии организации и обеспечении ее эффективного функционирования» [23, с. 16].

Синергетический анализ устойчивости организационной культуры диктует необходимость выделять ее признаки (индикаторы) и определять перспективы их развития [18, с. 56].

Повышенные административные права и полномочия позволяют руководителю оказывать наиболее значительное влияние на характер формирующейся в его коллективе культуры. Целенаправленные действия по формированию благоприятной культуры позволяют руководителю в дальнейшем освободить себя от части функциональной нагрузки, сохраняя при этом на прежнем уровне степень воздействия на объект управления за счет морально-психологического управленческого аспекта [1, с. 145]. Высокая культура производства дает возможность ослабить административный контроль за качеством продукции, поскольку каждый работник будет выступать лучшим контролером по отношению к результатам собственной деятельности. Культура общения сократит число конфликтов в организации. Культура управления предостережет руководителя от поспешных, грубых и поверхностных решений.

Через вовлеченность персонала культура организации обеспечивает функционирование социальной системы и возможность эффективно управлять организацией [2, с. 10]. Исследования, проведенные компаниями The Gallup Organization, Hay Group, Aon Hewitt, Towers Perrin и др., убедительно доказывают, что забота о вовлеченности персонала существенно повышает эффективность деятельности любой организации [13, с. 75–78].

Во главе угла каждой организационной культуры лежат ценности и нормы поведения всех сотрудников, которые поддерживают воспроизводство основных ценностей организации [8, с. 53–54]. Ценности имеют особое значение, с точки зрения субъекта, они выступают ориентирами его функционирования, соответствуют основным нуждам субъекта, служат средством их удовлетворения [9, с. 125].

Основой формирования корпоративной культуры являются вечные ценности – *свобода и справедливость*. Любому человеку присущи мечты о торжестве свободы и истины. Причем чем выше уровень образованности, тем больше сотрудник будет тянуться к этим ценностям. Но при увеличении уровня свободы, степень ее роли в жизни человека снижается. Данная зависимость стала основой одного из первых принципов создания корпоративной культуры, который гласит, что ощущая большую степень свободы в компании, человек будет в большей степени верен принципам коллектива. Корпоративная культура выполняет функцию сплочения людей, при этом ограничивая их личную свободу коллективными ценностями и целями организации. Это ограничение не должно превратиться в существенное препятствие в ощущении человека свободным и не должно перерасти в чувство несправедливостью. Помимо справедливости и свободы в основе корпоративной культуры должны находиться и другие общественные ценности, без которых невозможно существование человека в коллективе.

Ценности сохраняют единство социальной системы (компании), потому, что в них сформулирована особая важность определенных материальных и духовных благ для жизнедеятельности и совершенствования системы. Со стороны управления персоналом организации актуальны как ценности-цели, отображающие стратегические цели жизни организации, так и ценности-средства, то есть такие ценные для конкретной организации качества членов коллектива и особенности внутренней среды, которые дают возможность достигнуть ценности-цели [10, с. 55].

Всякий коллектив, в том числе и коллектив организации, стремится удовлетворить свои потребности. Кроме целей каждого индивида, которые показывают потребности личностей, входящих в коллектив, также существуют цели, направленные на сохранение организации в целом. Таким образом, новые формы управления организационной культурой должны быть, во-первых,

интериоризованы и ожидаемы сотрудниками компании, а, во-вторых, должны сочетаться с ее общей корпоративной стратегией [10, с. 13].

Рассматривая организационные культуры современных российских компаний, можно сделать вывод, что до последнего времени они не имели общего вектора идеи, отражающей миссии. Идеи могут обсуждаться и не быть сформулированы в локальных нормативных актах, но постепенно, в процессе развития предприятия появляется ощущение объединяющего чувства, что собирает в единое управляющий аппарат и простых работников. Эти идеи обычно начинают высказывать и топ-менеджеры, и простые работники параллельно друг от друга, и они сплачивают весь коллектив. Именно эта ценность становится фундаментом организационной культуры компании, если ее развивают и культивируют в сознание персонала в совокупности с другими элементами.

Миссия наиболее популярной в настоящее время компании Apple Computer, сформулирована таким образом: «Мы предлагаем компьютеры самого высокого качества для людей во всем мире». Сотрудники компании ассоциируют высокое качество компьютеров с качеством своей работы, и это становится одним из ведущих мотиваторов в деятельности персонала. Миссия организации (компании) это ее позиционирование себя в обществе, это ее самопрезентация своим сотрудникам. В качестве примера можно привести миссию Красного Креста: «Защищать беззащитных». Очень важно синхронизировать понимание миссии, стратегии, целей и ценностей собственников организации (компании), руководящего состава всех уровней и обыкновенных сотрудников. Здесь ни в коем случае нельзя выдавать желаемое за действительное, допускать расхождение между положением дел в организации (компании) и декларацией несуществующих ценностей. Этот диссонанс неминуемо породит конфликт в сознании работников организации (компании). В этом случае за управление организационной культурой можно и не браться, поскольку успеха все равно не предвидится [6, с. 28–33].

При описании миссии следует оставлять простор развития компании, но нельзя допускать возможность разночтения, следует избегать малопонятных терминов. Один из законов коммуникации можно интерпретировать так: если есть опасность, что Вас неправильно поймут, можете не сомневаться в том, что Вас поймут именно неправильно [11, с. 168]. Нарушения этого закона подчас происходят не специально (стремление наукообразить свою миссию, желание «украсить» ее модными иностранными словами или пышными фразами, демонстрируя как бы образованность). Иногда подмена понятий, двусмысленность, непонятные слова используются умышленно в личных или корпоративных корыстных интересах. В любом случае, это чревато серьезными последствиями для профессиональной деятельности и губительно для культуры организации.

Миссию компании необходимо сформулировать кратко и понятной для всех. Кроме того, она должна непрерывно развиваться. Системно занимаясь вопросами корпоративной культуры, наша выпускница Е.П. Козлова в условиях высококонкурентной и динамичной деловой среды предложила руководству ООО «Дымовское колбасное производство» систематизировать работу по формированию философии компании, уточнения миссии, – стать лучшей национальной компанией, производящей высококачественную продукцию для успешных и активных людей, – и развитию корпоративной культуры. В рамках этой концепции Проект мероприятий по созданию системы эффективной адаптации новых сотрудников успешно прошел экспертизу и был принят на вооружение сотрудниками службы управления персоналом [3, с. 31].

В утверждении ценностей компании большую роль играют такие коммуникативные единицы как традиций, ритуалы, церемонии, символика [24, с. 33]. Нельзя забывать, что традиции бывают разные: пассивные, активные, негативные. Один из авторов этих строк в 2000 году был назначен на очередную руководящую должность. У него в подчинении оказались профессионалы высокого уровня, большинство из которых были старше его по возрасту, к тому же они не могли похвастать высоким уровнем зарплаты. Стояла задача повысить сплоченность коллектива за счет нематериальных факторов. Традицией возглавленного структурного подразделения было поздравление по утрам именинников с вручением подарка в виде книги, подписанной членами коллектива. Один из именинников обратился с просьбой, разрешить организовать после работы небольшой фуршет. В интересах улучшения социально психологического климата было решено пойти ему навстречу.

Постепенно эти фуршеты превратились в новую традицию коллектива, а с учетом отечественного менталитета с каждым разом они становились все продолжительнее, превратившись по существу в торжественные ужины, с большим количеством спиртного и закусок. И вот однажды после изрядной дозы горячительных напитков, один уважаемый ветеран, сделал неудачный комплимент молодой сотруднице, которая сочла его за оскорбление, разразился скандал, после которого пришлось прервать эту традицию.

Этот пример показывает насколько важно в вопросах формирования корпоративной культуры придерживаться всеобщих принципов диалектики: меры (везде и во всем нужно знать меру), всеобщей связи и развития (в любом процессе, в любом явлении, в любом человеке все взаимосвязано, всегда присутствуют плюсы и минусы которые надо учитывать). Необходима социальная селекция новых традиций, которая должна предполагать разумный консерватизм.

Существенной частью культуры организации является фирменный стиль. Он формирует у социального окружения впечатление об организации: узнаваемую внешность, облик, дает информацию о способе существования организации (компании), который отличается совокупностью уникальных приемов, характеристик общения, манер поведения.

Важно, развивая культуру организации, вовлекать весь коллектив в обсуждение изменений. Здесь недопустим волюнтаризм (я так хочу) руководителя. Дресс-код (англ. dress code – кодекс одежды) не должен полностью лишать сотрудников (особенно женщин) индивидуальности. В творческой организации (компании) вряд ли применим строгий дресс-код. Офисный дресс-код, как правило, подразумевает соблюдения определенных требований к стилю одежде и не допускает использования джинс, одежды с глубокими вырезами, коротких платьев, экстравагантной и спортивной обуви. Есть определенные требования к внешнему виду – не рекомендуется носить массивные украшения, иметь яркий и кричащий макияж. Неряшливость тоже не приветствуется, даже в угоду современным модным тенденциям.

Старинная русская пословица говорит, что встречают человека по одежке… и «одежка» эта должна подчеркивать всю серьезность и надежность работника, а через него и компании в целом. Здесь поможет классический стиль одежды. Цвета должны соответствовать корпоративным цветам, принятым в организации, а если такого требования нет, то используются темно-синий, темно-серый, коричневый, черный, сине-зеленый, бежевый. Но необходимо помнить о том, что каждому человеку необходимо и здесь давать свободу. Существует несколько способов решения данной проблемы. Один из них разрешение использования индивидуальных аксессуаров (платков, браслетов и т.д.). Другой способ заключается в том, что соблюдение правил дресс-кода распространяется на четыре дня в неделю, а пятый день – Casual Fridays, когда персоналу можно прийти в одежде по своему усмотрению.

В общем, необходимо сказать, что введение дресс-кода для организации положительно повлияет на решения различных задач: во-первых, это будет способствовать формированию солидного имиджа современной фирмы; во-вторых, будет создана благоприятная атмосфера для трудовой деятельности; и наконец, однообразный стиль устраняет барьеры меду сотрудниками с разным социальным статусом, следствием чего является сплочение коллектива.

Символика должна быть эстетичной, выразительной, обладать ценностью. Она играет также важную роль не только в дресс-коде, но и в организационной культуре в целом. Символ – это знак, изображение какой-нибудь вещи или животного для обозначения качества предмета; условный знак каких-либо понятий, идей, явлений [19].

Русский филолог и философ Лосев Алексей Федорович говорил о символе как о «субстанциальном тождестве идеи и вещи» [14, с. 635]. Любой символ не ограничивается вещью или образом, а включает в себя определен-

ный смысл, который глубоко связан с вещью, но ему не тождественен. Исходя из этого, можно сделать вывод, что символ имеет две составляющие: образ и смысл. Но нужно учитывать, что символы существуют только внутри интерпретаций.

Примером вышесказанного может быть фирменный знак Apple Computer – яблоко. Название компании Apple переводится как яблоко, но смысл мы можем понять только, увидев первоначальное изображение логотипа данной компании (Рисунок 1). Это не просто яблоко – это яблоко Ньютона, это то, что помогает решать сложнейшие, порой кажущиеся невыполнимыми задачи. И по задумке создателей именно «компьютеры самого высокого качества» компании Apple помогают сегодня людям решать по-настоящему масштабные задачи, сопоставимые с ньютоновскими.

Рис. 1. **Первоначальное изображение логотипа компании Apple**

Стандарты поведения сотрудников, основы деловой этики, будучи тесно связанными с традициями и обычаями, значительно отличаются от них, в основном тем, что воспроизводятся повседневно, они находят выражение в процессе взаимного общения трудовом коллективе, в рабочей группе, а также в побуждениях и убеждениях личности, интеллекте, воле и чувствах человека. Эти стандарты поведения нашли отражение в деонтологии. В каждой организации складываются свои этические нормы поведения сотрудников,

обусловленные опытом функционирования и традиционно складывающими основами поведения [17, с. 218–221].

В вопросах деловой этики подчас возникают проблемы, связанные с ротацией руководящего состава. Новые руководители подчас с первых дней вступления в должность начинают навязывать коллективу новые правила, к которым они привыкли на предыдущем месте работы. Здесь можно вспомнить старую истину: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Нормы и правила поведения должны быть закреплены в нормативных документах организации. Наиболее часто локальный акт организации, определяющий основные морально-этические и деловые правила и принципы взаимоотношений, которым всем работникам организации следует руководствоваться в своей профессиональной деятельности, называется Корпоративным кодексом. Надо не только грамотно разработать этот нормативный документ, но и обязать всех знать его досконально.

Начиная с 80-х годов XX века корпоративные кодексы этики стали широко использоваться в ведущих компаниях в развитых уголках мира. Они предназначены для формирования норм и правил, культивируемые в среде сотрудников организации. Данные нормы и правила отражают характер культуры организации – комплекса корпоративных и личных ценностей, обедняющих всех членов организации. Согласно исследованиям, около 80% компаний, входящих в топ-500 по версии журнала «Форчун», приминают корпоративный кодекс как инструмент формирования и поддержания корпоративной культуры.

Корпоративный кодекс предназначен для решения целого ряда задач. Повышение доверия потенциальных инвесторов и как следствие повышение инвестиционной привлекательности компании. Средство регулирования поведения персонала в коллективе и, прежде всего, при организации коммуникативных связей. Как инструмент единой политики в области корпоративной культуры во всех филиалах компании.

Внедрение корпоративного кодекса также решить еще некоторые проблемы организаций, имеющих хронический характер – совершенствование системы управления, в интересах повышения эффективности. Если в организации существую этические проблемы (к примеру, отсутствие равноправия, «взятки», случаи хищения), которые отрицательно влияют не только на имидж организации, но и на ее прибыль, корпоративный кодекс, если не устранит проблемы, но точно создаст условия для борьбы с данными проявлениями. Оперативное выявление этих проблем с помощью административных мер затруднено исходя из объективных предпосылок. Более эффективный способ повышения дисциплины с помощью этических норм и требований, когда у работника формируются определенные взгляды на современные «пороки» организации и ценностной системы.

Корпоративный кодекс является одним из инструментов системы управления персонала, выполняя функцию формирования и развития корпоративной культуры, способствуя налаживанию коммуникативных связей внутри организации, как межу сотрудниками, так и с управляющим звеном, формируя единые целей и единой политики в компании. Кодекс также поможет новому сотруднику быстрее адаптироваться в коллективе, через усвоение им ценностей организации. Данный документ, как система ценностей, окажет помощь в ходе подбора персонала в недопущении проникновения в коллектив потенциальных претендентов, не разделяющих корпоративные ценности. Именно данная политика позволит сократить издержки на подбор персонала.

Безусловно, полностью регламентировать всю культуру организации невозможно. Взаимодействие формальной и неформальной составляющих культуры может принимать разные формы, между этими субкультурами коэффициент корреляции может варьироваться от -1 до +1. Вполне можно разделить все требования руководства на обязательные и желательные. Но все сотрудники должны понимать, что Корпоративный кодекс – это стандарт, требующий неукоснительного соблюдения. В основе его лежат определенные принципы поведения, которые приняты коллективом.

К таким принципам поведения Л.В. Мардахаев относит: принцип соблюдения интересов тех, с кем работает; принцип личной ответственности за нежелательные последствия своих действий; принцип уважения прав и личного достоинства тех, с кем работаешь; принцип принятия каждого таким. Каков он есть и др. [17, с. 219] Следует подчеркнуть, что мало провозгласить принципы поведения, определяющие культуру организации, надо их выполнять и прежде всего руководству. К сожалению, подчас у практиков складывается мнение, что принципы это голая теория, уделять которой много внимания не следует. А ведь принципы определяют правила поведения человека в той или иной ситуации. Их нельзя заменять лозунгами, общими положениями, показателями и невразумительными рекомендациями.

Принципы надо не просто запомнить, надо понять их суть, они должны стать жизненными установками каждого управленца [12, с. 61]. Их нарушение чревато тем, что все работы по определению и нормативному закреплению основ корпоративной культуры останутся на бумаге, и не будут выполняться. Подчиненные очень чутко реагируют на нарушение объективных принципов своими начальниками, они интуитивно понимают, что руководитель боится ответственности, что он некомпетентен, что у него слова расходятся с делами. И социальные связи так необходимые для успешного перевода социальной системы в русло корпоративной культуры так и не будут созданы. Более того, могут прерваться уже имеющиеся социальные связи, сформированные в устоявшейся организационной культуре.

Основные принципы организационной культуры, должны отражать специфичность компании, а также области деятельности, но также основные свойства и характеристики и желаемые параметры формируемой организационной культуры. Действительно, есть компании, которые используют в своей деятельности низкоквалифицированный персонал (например, строительный бизнес) и основу формирования организационной культуры составляют принципы кнута и пряника, которые вытекают из положений теории X Мак-Грегора (все люди по определению изначально являются вороватыми, ленивыми и неисполнительными). Другое дело высоко технологичные компании, где ценятся инициатива, творчество (теория Y Мак-Грегора) – здесь не нужно заставлять, здесь необходимо создать условия для творческой деятельности.

В ходе управления организационной культурой руководству организации необходимо следовать определенным принципам.

Прежде всего культура должна отражать основные идеи существования организации. То есть желаемый результат в области организационной культуры должен соответствовать миссии компании и соответствовать ее цели в области социальной политики. Нести положительный эмоциональный заряд, то есть сопрягаться с общепринятыми ценностями всего общества – нести добро, мир, просвещение, здоровье. В частности, необходимо рассматривать соответствие организационной культуры и миссии организации ценностям конкретного общества, в котором организация функционирует. Так, для российского общества в качестве основополагающей ценности, уходящей корнями в православное мировоззрение, признается самодостаточность личности, причем не только экономическая, но и творческая. В современных условиях такая самодостаточность может сопрягаться с миссией импортозамещения [15, с. 56]. Каждый работник должен быть доволен не только своей зарплатой, но и причастностью к общему благому делу, которое декларируется в миссии организации.

Все мероприятия, проводимые в рамках формирования корпоративной культуры должны соответствовать не только целям и задачам культуры, но и ценностям, культивируемым в организации.

Корпоративная культура должна соответствовать особенностям компании – ее типу, размеру и условиям ее существования. Необходимо учитывать род деятельности компании. Так в сфере услуг огромное значение играет такой важный принцип как отношения к клиентам. Известное выражение «Клиент всегда прав» хорошо характеризует данный тезис. Именно искреннее доброжелательное отношение к клиенту может сподвигнуть его к повторному обращению в компанию. Для поддержания данного состояния дел необходимы сформулированные аксиомы, в которых будут фиксироваться ценности компании. А вот стабильность очень важна для сотрудников производственных

организаций, там работники в основном ориентированы на процесс, а постоянство выходит на первый план в иерархии факторов успеха.

Компании в условиях сильной конкуренции будут выстраивать корпоративную культуру, взяв за основу объединение на фоне внешней угрозы. Ни что так не объединяет сотрудников как внешний конкурент и это может стать ключевым моментом создания сплоченного коллектива.

Культура организации должна строиться не с чистого листа, а используя все-то положительное, что было накоплено предшествующими поколениями компании. Здесь уместно вспомнить конфуцианский принцип не отвергать то, что было до нас, а гармонично встроить в современную систему [21].

Для поддержания корпоративной культуры необходимо большое внимание уделять вопросам привлечения новых работников к пониманию ее существа. Ее развитие полностью зависит от топ-менеджмента компании.

Руководство должно большое внимание уделять методам, нацеленным на объекты и предметы внимания, оценки, контролю со стороны сотрудников. Как правило, внимание фиксируется на миссиях и легендах, примерах тех людей, которые повели себя достойно в сложной ситуации. Своими повторяющимися действиями управленец показывает сотрудникам, что является главным и что ждут от них. Данный метод имеет большую силу влияния.

Очень важно поведение руководства в сложных ситуациях и кризисных моментах. В данных обстоятельствах сущность корпоративной культуры будет видна как топ-менеджменту, так и сотрудникам. Здесь приходит на ум перефразированная русская пословица «Директор познается в кризисе». Примером может служить актуальная, на сегодняшний день, следующая ситуация: резко падают продажи в компании. Существует два выхода: первый – сократить персонал и этим снизить издержки, либо сократить нагрузки и тем сократить доходы сотрудников. Там же где персонал стоит во главе угла всех ценностей, первый способ не подходит, а приемлемым будет второй способ, сущность которого будет заключаться в сохранении коллектива с поиском новых источников доходов или сокращения затрат. Данные действия руководства могут со временем принять форму фольклора и легенды и, тем самым, усилит влияние корпоративной культуры на персонал. Мало того, данные поступки иногда формируют методы преодоления кризисов, и ложатся в основу создания различных научных трудов и учебных пособий [16].

Огромную роль в поддержании корпоративной культуры в организации играет система обучения [7, с. 36–37]. Именно в процессе обучения персоналу передаются сигнал, как правильно поступать в тех или иных ситуациях. Например, учебный фильм может обратить внимание на способы решения конфликтных ситуаций. Да и личный пример руководства будет очень уместным в данном процессе. Старый армейский принцип «делай как я» имеет

большой психологический эффект. Руководитель может непроизвольно показывать подчиненным корректное отношение к клиентам или умение слушать собеседников. Необходимо регулярно концентрировать внимание на данных моментах также за счет использования различных выражений, поговорок, каких-то символов, подчеркивающие определенные аспекты организационной культуры.

Немаловажную роль в подержании корпоративной культуры играет система вознаграждений, которая связанная напрямую с определенными образцами поведения. Именно с помощью системы вознаграждения расставляются приоритеты для сотрудников [20], и этим подчеркивается приверженность к корпоративным ценностям, которые играют важную роль как в стратегии предприятия в целом, так и в деятельности отдельных сотрудников. В этом же векторе осуществляет влияние система статусных позиций в компании, развитие карьеры сотрудников. Например, в ОАО АКБ «Связь-Банк», выявив, что одной из основных потребностей большинства сотрудников (помимо материального вознаграждения) является возможность карьерного и профессионального роста, был разработан и внедрен Корпоративный план обучения. Это позволило более эффективно распространять стандарты корпоративной культуры на мотивированных сотрудников [4, с. 101]. Однако нужно признать, что данный метод не часто используется в современных российских компаниях.

Одним из основных методов поддержания высокого уровня корпоративной культуры является четкие критерии рекрутмента и карьерного роста. Именно руководство задает правила, согласно которых сотрудников продвигают по карьерной лестнице, принимаются на работу, увольняются. Главное, чтобы данные правила не расходились с основными положениями корпоративной культуры организации и тогда они быстро будут усвоены сотрудниками.

Основные ценности и взгляды, составляющие основу корпоративной культуры, могут выражаться не только по средствам легенд и историй, составляющие один из элементов фольклора организации, но также через различные традиции, обряды, ритуалы и церемонии, указываемые образцы поведения [5, с. 188]. Примером могут служить ритуалы посвящения на определенные должности компании или организация капустников в честь юбилеев.

Нельзя забывать, что человек – центральная и определяющая фигура любого производственного процесса [22, с. 47]. Принцип «человек – главный объект внимания», обеспечивает принятие корпоративной культуры и приобщение всех сотрудников к делам организации (компании), повышает значимость малой группы и групповых ценностей для становления (социализации) личности.

Таким образом, успех управления организационной культурой в современных российских условиях в первую очередь зависит от руководителей

организации. От того смогут ли они избежать двойных стандартов, подмены понятий, двусмысленности, не будут ли у них дела расходиться со словами, будут ли они всегда руководствоваться объективными принципами, не допустят ли волюнтаризма, не возведут ли они на Олимп принципы угодничества и личной преданности, зависит успех в этом сложном, но очень важном процессе.

Список литературы

1. Агеев Н.В. К вопросу о понятийном аппарате теории социального управления // Социальная политика и социология. – 2014. – № 1 (102). – С. 145–152.
2. Ахмедова М.Г. Методологический и гносеологический плюрализм в современной социологической теории // Социальная политика и социология. 2012. – №11 (89). – С. 6–12.
3. Виниченко М.В. Проблемные вопросы развития российских трудовых ресурсов в современных условиях // Социальная политика и социология. – 2010. – № 5. – С. 25–34.
4. Виниченко М.В. Совершенствование мотивации персонала в банковской сфере России в условиях экономического кризиса // Социальная политика и социология. – 2009. – № 6(2). – С. 97–106.
5. Дьяконов М.Ю. Культурно-ценностные ориентации современного российского общества: контент-анализ // Социальная политика и социология. – 2011. – №4. – С. 182–190.
6. Закаблуцкая Е.А. Управление персоналом: руководитель и HR-специалист. – СПб.: Речь, 2009. – 157 с.
7. Закаблуцкая Е.А. Целенаправленное развитие корпоративной культуры компании посредством обучения и развития персонала: некоторые проблемные зоны // Поиск. – 2014. – № 2. – С 35–45.
8. Кибанов А.Я., Захаров Д.К., Коновалова В.Г. Этика деловых отношений: учебник. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 432 с.
9. Кирилина Т.Ю. Проблема исследования ценностных ориентаций в социологии морали // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. – 2006. – № 7. – С. 123–127.
10. Кирилина Т.Ю. Трансформация духовно-нравственных ценностей россиян в контексте глобализации // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 7. – С. 54–57.
11. Кириллов А. Понятийные противоречия и плеоназмы: как избежать // Кадровик. – 2013. – № 9. – С. 167–174.

12. Кириллов А.В. Проблемы обучения управленческих кадров и пути их решения // Экономика и управление. – 2014. – № 7 (105). – С. 59–63.
13. Коновалова В. Управление вовлеченностью персонала: факторы успехов и неудач // Кадровик. – 2014. – № 9. – С. 74–84.
14. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
15. Макарова Л.В. Феномен личности в социально-гуманитарном православном дискурсе // Ученые записки РГСУ. – 2010. – № 1. – С. 51–59.
16. Макушкин С.А. Особенности формирования кадрового потенциала организации (коллектива) в современных условиях // Материалы Афанасьевских чтений. – 2014. – № 1. – С. 46–51.
17. Мардахаев Л.В. Деонтология социальной педагогики, ее сущность и содержание // Социальная политика и социология. – 2011. – № 11. – С. 208–222.
18. Мардахаев Л.В. Синергетический анализ устойчивого развития воспитательной системы А.С. Макаренко // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2014. – № 10. – С. 53–59.
19. Мельничук А.В. Внедрение знаково-символических средств корпоративной культуры в современных организациях в ходе обучения // Материалы Афанасьевских чтений. – 2014. – № 1. – С. 185–188.
20. Мельничук Ю.А. Стимулирование, как один из эффективных методов управления // Материалы Афанасьевских чтений. – 2014. – № 1. – С. 51–53.
21. Соколова И.В. Проблемы развития социальных коммуникаций в условиях современного этапа информатизации общества // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – № 3. – С. 73–77.
22. Тощенко Ж.Т. Предмет и структура социологии труда // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 48–58.
23. Турчинов А.И. Взаимовлияние коммуникации и корпоративной культуры в организациях государственной гражданской службы // Коммуникология. – 2013. – Т.1. № 1. – С. 15–21.
24. Чанкова Е.В. Исследование коммуникативной компетентности личности в формате типов общественного развития // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 18. – С. 32–35.
25. Dolgorukova I.V. The main components of the corporative social policy used by modern organizations // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology. Editor-in-Chief V.Mansurov. 2014. – P. 10–15.

Spisok literatury

1. Ageev N.V. K voproau o poniatiynom apparate sothzialnogo upravleniya // Sotzialnaya politika i sotziololgiya. 2014. № 1 (102). – S. 145–152

2. Akhmedova M. G. Metodologicheskiy i gnoseologicheskiy plyuralizm v sovremennoy sotsiologicheskoy teorii // Sotzialnaya politika i sotziololgiya. 2012. №11 (89). – S. 6–12.

3. Vinichenko M.V. Problemnie voprosi razvitiya rossiiskih trudovih resursov v sovremennih usloviyah // Socialnaya politika i sociologiya. 2010. №5. – S. 25–34.

4. Vinichenko M.V. Sovershenstvovanie motivacii personala v bankovskoi sfere Rossii v usloviyah ekonomicheskogo krizisa // Socialnaya politika i sociologiya. 2009. №6(2). – S. 97–106.

5. Dyakonov M.Y. Kulturno-tsennostnye orientatsii sovremennogo rossijskogo obshchestva: content-analiz // Sotsialnaya politika i sotsiologiya. 2011. №4. – S. 182–190.

6. Zakablutskaya E.A. Upravlenie personalom: rukovoditel' i HR-specialist. – SPb.: Rech. 2009. – 157 s.

7. Zakablutskaya E.A. Celenapravlennoe razvitie korporativnoj kul'tury kompanii posredstvom obuchenija i razvitija personala: nekotorye problemnye zony // Poisk. 2014. № 2. – S. 35–45.

8. Kibanov A.Ya., Zakharov D. K., Konovalova V. G. Etika delovykh otnosheniy: Uchebnik. 2-e izd., isprav. i dop. – M.: INFRA-M, 2012. – 432 s.

9. Kirilina T.Yu. Problema issledovaniya tsennostnykh orientatsyy v sotsiologii morali // Vestnik Moskovkogo gosudarstvennogo universnteta – Lesnoy vestnik. 2006. № 7. S. 123–127.

10. Kirilina T.Yu. Transformatsyya gukhovno-hravstvennykh tsennostney rossiyan v usloviiyakh globalizatsii // Uchyenye zapisky Rossiyskogo gosudarstvennogo cotsialnogo universnteta. – 2012. № 7. S. 54–57.

11. Kirillov A. Ponyatiynye protivorechiya i pleonazmy: kak izbezhat // Kadrovik. 2013. №9. – S. 167–174.

12. Kirillov A.V. Problemy obucheniya upravlencheskikh kadrov i puti ikh resheniya // Ekonomika i upravlenie. 2014. № 7 (105). – S. 59–63.

13. Konovalova V. Upravleniye vovlechennostyyu personala: faktory uspekhov i neudach // Kadrovik. 2014. №9. – S. 74–84.

14. Losev A.F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M.: Mysl', 1993. – 959 s.

15. Makarova L.V. Fenomen lichnosti v sotcialno-gumanitarnom pravoslavnom discurse // Uchenye zapiski RGSU. 2010. № 1. – S. 51–59.

16. Makushkin S.A. Ocobennocti formirovania cadrovogo potensiala organizasii (kollektiva) v sovremennix usloviax. Material Afanasevskix chteniax. 2014. № 1. S. 46–51.

17. Mardakhaev L.V. Deontologia social noi pedagogiki, eio sushnost i soderganie // Social naia politika i sociologia. – 2011. – № 11. – S. 208–222.

18. Mardakhaev L.V. Sinergetichtckii analiz ustoichivogo rasvitia vospitatel noi sistemu A.S. Makarenko // Alma mater (Vestnik vuschei shkolu) – 2014. – № 10. – S. 53–59.

19. Mel'nichuk A.V. Vnedreniye znakovo-simvolicheskikh sredstv korporativnoy kul'tury v sovremennykh organizatsiyakh v khode obucheniya. Materialy Afanas'yevskikh chteniy. 2014. № 1. S. 185–188.

20. Mel'nichuk U.A. Stimulirovaniye , kak odin iz effektivnykh metodov upravleniya . Materialy Afanas'yevskikh chteniy. 2014 № 1. S. 51–53.

21. Sokolova I.V. Problemi razvitiya sotsialnih kommunicatsij v usloviyah sovremennogo etapa informatizatsii obshestva // Uchenije zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo sotsialnogo universiteta. – 2011. – №3. – S. 73–77.

22. Toshchenko Zh. T. Predmet i struktura sotsiologii truda // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2003. № 3. – S. 48–58.

23. Turchinov A.I. Wzaimowlijanie kommunikazii I korporativnoi kulturi v organisazijah gosudarstvennoi grazhdanskoi slughbi // Kommunikologia. Meghdunarodnii nauchnii ghurnal. 2013. T.1. №1. – S. 15–21.

24. Chankova E.V. Issledovanie kommunikativnoj kompetentnosti lichnosti v formate tipov obshestvennogo razvitija // Teoriya i praktika obshestvennogo razvitija. 2014. № 18. S. 32–35.

25. Dolgorukova I.V. The main components of the corporative social policy used by modern organizations // Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology Papers of Russian Sociologists for the XVIII ISA World Congress of Sociology. Editor-in-Chief V.Mansurov. 2014. – P. 10–15.

М.С. Козырев,
кандидат философских наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социальной инженерии, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: max-han@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация: *в статье последовательно рассматриваются подходы к определению «управление». Посредством анализа отличительных и существенных признаков данного понятия на конкретных примерах демонстрируются пробелы в определениях. Констатируется неразрешенная современной наукой понятийная проблема. Анализу подвергается основное понятие теории и практики государственного и муниципального управления – «государственный орган». Предлагается четко разграничить его от смежных явлений, таких как государственный механизм, государственный аппарат, система государственного и муниципального управления.*

Ключевые слова: *управление, государственный орган, государственный механизм, система государственного и муниципального управления.*

Важным моментом в практике государственного и муниципального управления является понимание особенностей профессиональной сферы и его соотношения с различными фактами социетальной действительности. Нечеткое представление (или его отсутствие) об основных понятиях приводит к утрате интереса к профессии, невозможности применять имеющиеся знания в процессе практической деятельности. Говорить тогда о профессиональном росте или эффективной профессиональной деятельности тогда не имеет никакого смысла. Ведь нет ничего практичней хорошей теории. Поэтому разрешение основных теоретических проблем управленческих наук имеет первостепенное значение.

Первая из них это отсутствие четкого понятия управление, установившего бы все необходимые основные отличительные признаки.

В обобщенном виде одно из самых распространенных определений управления звучит как объектно-субъектное целевое воздействие [1, 2, 15]. Казалось бы емкое и краткое понятие. Ничего не добавить и не убавить. Однако в качестве опровержения допустимости этого определения можно привести

следующий пример. Волк бежит за зайцем, догоняет, убивает и съедает его. Все перечисленные выше признаки в данном примере имеются: объект – заяц, субъект – волк, цель – погоня, убийство и утоление в итоге голода, бесспорно, является воздействием. Но если назвать данный пример управлением, то тогда таковым можно будет обозначить чуть ли не все возможные взаимодействия между живыми существами. Интуитивно мы догадываемся, что использование в этом случае понятия, фактически обозначающее чрезвычайно широкий круг явлений без каких-либо определенных границ, явно бессмысленно. Следовательно, надо найти тот признак, при помощи которого можно было бы выделить управление из иных видов взаимодействия.

Таким признаком может служить власть. Скорректированное понятие управления будет выглядеть как объектно-субъектное властное целевое воздействие. Но и здесь возникает трудность. Что такое власть? Если предположить, что это возможность оказывать воздействие, то тогда следует признать волка, в указанном выше примере, также субъектом наделенного властью. И снова рассуждения пришли к тому, от чего стремились уйти.

Можно попытаться пойти путем ограничений и уточнений, определив власть как возможность социального субъекта (человека или группы людей) оказывать одностороннее воздействие. Действительно, начальник, без сомнения обладающей властью, может привлечь к дисциплинарной ответственности своего подчиненного. А последний по отношению к первому этого сделать не может. В этом суть одностороннего воздействия.

Но и этот путь имеет свои препятствия. Можно ли считать, например, дровосека, рубящего дерево топором, субъектом наделенного властью? Ведь дерево порубить дровосека не в состоянии. Определенно нет, иначе придется сделать вывод о том, что власть в той или иной мере принадлежит каждому чуть ли не от рождения. Понятие управления в этом случае опять размывается.

Если же снова взяться за ограничения и предположить, что управление процесс воздействия, существующий только между людьми (группами людей), то управление автомобилем таковым признать будет нельзя. А это противоречит общепринятому пониманию этого процесса, которое закреплено не только в общественном сознании, но и различных правовых актах [3].

Не решает проблему определение управления через его функции, т.е. управление это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации [7]. Здесь возникает вопрос: можно ли считать управлением какое-либо воздействие, если при этом одна или более из перечисленных функций выпадают? Например, контроль?

Такие ситуации могут возникнуть, если объектом управления является коллектив, состоящий из весьма сознательных индивидов. Контроль в данном

случае совсем не желателен, потому как он может быть воспринят в качестве попытки оскорбить недоверием.

Если же использовать понятие, согласно которому управление это обеспечение скоординированной деятельности людей для достижения общих целей [14], то неопределенность вносит термин «координация». К примеру, деятельность человека, выкрикнувшего в баре «Дураки – вы все!» и получившего после этого доходчивые аргументы ошибочности своего мнения от всех посетителей, следует ли отнести к координации? Ведь результатом его деяния стала синхронизация целей и действий нескольких человек?!

Своеобразной попыткой решения данной проблемы является выделение понятия социальное управление, в котором в качестве объекта выступают какие-либо социальные общности и институты. Тогда упомянутое в числе первых определение (объектно-субъектное целевое властное воздействие) не будет иметь каких-либо видимых пробелов и противоречий. Но, к сожалению, такой подход не разрешает всех трудностей, вызывая подозрения в использовании не совсем корректных с точки зрения логики приемов. Управление техническими системами в объем этого понятия не попадает и остается не определенным.

Схожие трудности появляются в ходе определения отличительных признаков государственных органов. Чаще всего к таковым относят публично-властные полномочия и правовое оформление публично-властного воздействия.

Однако данный перечень признаков вряд ли можно считать исчерпывающим. В противном случае следует признать государственным органом частного нотариуса, который согласно российскому законодательству обладает рядом (пусть и в весьма узких пределах) публично-властных полномочий, т.е. чье воздействие выходит за рамки нотариальной конторы. В частности, исполнительная надпись нотариуса в некоторых случаях имеет силу исполнительного листа судебного органа. Помимо указанного многие из своих действий нотариус совершает от имени Российской Федерации [4]. Правовое оформление его внешнего воздействия также имеет место быть, так как в большинстве своем оно влечет за собой какие-либо юридически значимые последствия.

Схожая ситуация это пример Банка России. В частности, в соответствии с Федеральным законом «О Центральном Банке Российской Федерации» акты данной организации обязательны для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, всех юридических и физических лиц. Причем, несмотря на то что акты этого учреждения названы нормативными, а не правовыми, они должны быть зарегистрированы в порядке, установленном для государственной регистрации нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти [16], т.е. законодатель де-факто признает их правовыми. А это говорит о наличии как публично-властных полномочий, так и их правового оформления. Причем в указанном законе Банк России не именуется государственным органом[1].

Крайне любопытна в этом отношении судебная практика. Согласно Постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ Центральный банк Российской Федерации, а также Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации не входят в структуру и систему органов государственной власти или местного самоуправления, но выполняют публично-правовые функции. Указанные организации им были обозначены как иные органы [12]. Ряд судов как арбитражных, так общей юрисдикции называют Банк России государственным органом, не отождествляя при этом последнее с органами государственной власти [9, 13].

По всей видимости, подобное разделение стало следствием буквального толкования пункта 1 статьи 11 Конституции Российской Федерации [5], согласно которому государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Следовательно, все остальные органы федерального уровня органами государственной власти не являются. Однако подобная позиция не может считаться логически безгрешной по следующим основаниям.

Во-первых, в статье 11 Конституции Российской Федерации нет указаний, что приведенный там перечень является исчерпывающим и иные субъекты не могут осуществлять государственную власть.

Во-вторых, если признать, что государственную власть осуществляют исключительно указанные в описываемой статье органы, то стало быть другие организации (к примеру, федеральные министерства, службы, агентства) государственными органами не являются. Ведь публично-властные полномочия отличительный и сущностный признак последних. А это противоречит как теории, так практике государственного управления. Не существует государственного органа, не обладающего государственной властью.

В-третьих, при таком толковании не совсем понятным становится смысл пункта 2 статьи 120 Конституции Российской Федерации, указывающий, что суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом. В данном случае органы государственной власти напрямую вообще не ука-

[1] К слову, отказ законодателя от наименования актов ЦБ РФ как правовых дополнительно и косвенно свидетельствует о том, что данная организация в качестве государственного органа не признается. Другое косвенное подтверждение предположения – сотрудники Центробанка не является государственными служащими.

заны. Либо они подразумевались под иными органами, что странно и маловероятно. Ведь Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации имеют фундаментальное значение для современного Российского государства и отказ от их отдельного упоминания видится нецелесообразным и непоследовательным при том, что государственные органы как раз обозначены. Либо акты органов государственной власти освобождаются из-под юрисдикции судов, что противоречит статье 1, где Российская Федерация позиционируется как правовое государство. Трудно себе представить, что в правовом государстве могут существовать какие-либо субъекты, конституционно выпадающие из-под действия правосудия.

Из сказанного можно сделать вывод, что разделение на органы государственной власти и государственные органы видится нецелесообразным. Более корректно обозначить, упомянутые в пункте 1 статьи 11 органы конституционными (или базовыми), подразумевая, что данный перечень субъектов осуществляющих государственную власть не является исчерпывающим.

Возвращаясь к проблеме определения государственного органа, как кажется, ее можно решить, если добавить к признакам государственного органа то, что все его расходы по осуществлению своей деятельности возмещаются государством (из государственного бюджета). Тогда становится понятным, что частный нотариат и Центральный Банк Российской Федерации органами быть не могут, так как большинство их расходов оплачиваются из своих собственных средств.

Но к какой категории следует отнести указанные организации? Ведь обладание публичной властью и правовая форма управления придает им особый статус. Целесообразно включить их в государственный механизм, рассматриваемый в широком смысле. Это означает, что в его структуру входят не только государственные органы, но и те организации, которым со стороны государства были переданы полномочия по публично-правовому регулированию тех или иных сфер общественной жизни. Помимо упомянутых бюрократический объединений к данному механизму в Российской Федерации необходимо причислить также органы местного самоуправления, государственную корпорацию «Росатом», фонды медицинского и социального страхования и пенсионный фонд и т.п.

В обязательном порядке необходимо отметить еще несколько проблем. Можно ли назвать государственными органами ряд войсковых частей, не обладающих публично-властными полномочиями, но затраты которых полностью возмещаются из государственного бюджета? К сведению, военная служба является видом государственной службы, а военнослужащие традиционно считаются составной частью государственного аппарата и, следовательно, государственного механизма [8].

Также не совсем ясно, к какой категории нужно отнести различного рода государственные предприятия, учреждения (например, ГУП «Московский метрополитен», ФГУП «Охрана» МВД РФ, ГУЗ «Поликлиника № 4») и коммерческие организации с долей государственного участия (ОАО «Сбербанк», ОАО «Газпром», ОАО «РЖД»). В противоположность воинским частям их сотрудники государственными служащими не являются, а сами организации могут претендовать на финансовую поддержку государства только в строго определенных законом случаях.

Помимо указанного есть еще ряд любопытных организаций, чей статус в описываемом смысле не совсем понятен. К таковым можно отнести аппараты палат Федерального Собрания Российской Федерации, аппараты законодательных собраний субъектов Российской Федерации. Должностные лица указанных учреждений не обладают публично-властными полномочиями, но при этом в соответствующих нормативно-правовых актах они обозначены как государственные органы [10, 11]. Любопытным нюансом является то, что аппарат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации изначально не был наделен статусом государственного органа, но 22 марта 2013 года были внесены в соответствующие изменения в ее Регламент. Что заставило законодателя осуществить эти метаморфозы остается только гадать. Ситуация с аппаратами законодательных собраний субъектов Российской Федерации аналогична. Примером может служить Аппарат Московской городской Думы.

Возможно, для преодоления противоречий и пробелов в описываемых здесь случаях следует четко разграничить термины государственные органы и государственный аппарат. В последний будут включены все государственные организации, расходы которых полностью возмещаются из государственного бюджета. По этому основанию, помимо войсковых частей, к этой категории необходимо отнести казенные учреждения и предприятия, а также другие организации, не обладающие самостоятельными публично-властными полномочиями. К последним можно отнести аппараты законодательных органов, Государственный Совет Российской Федерации, Совет Безопасности Российской Федерации, всевозможные комиссии при Президенте Российской Федерации и Правительстве Российской Федерации и т.д.

Иные государственные и муниципальные учреждения (бюджетные, автономные) и предприятия (на праве хозяйственного ведения), а также коммерческие организации с долей государственного (муниципального) участия входить в государственные аппарат и механизм не будут. Более корректно их причислить к элементам системы государственного и муниципального управления. В состав последней помимо государственных органов и органов местного самоуправления следует включить те организации, которые тем или

иным образом государство привлекло к выполнению некоторых своих функций, предоставив при этом в их распоряжении какое-либо имущество. Данные организации выступают в качестве инструмента реализации государственной (муниципальной) политики в различных сферах общественных отношений.

В качестве кратких итогов статьи можно привести следующие выводы.

Во-первых, в современной науке существует неразрешенная проблема определения отличительных признаков управления. Попытка ее решения наталкивается на пока непреодолимые препятствия. Отнесение конкретных видов воздействия к управлению, как правило, основывается на устоявшейся социальной практике, обобщение которой будет одной из главных исследовательских задач на ближайшее время.

Во-вторых, крайне желательно закрепление как в практике (правовых актах), так и теории государственного и муниципального управления признаков трех основных его понятий: государственный орган, государственный аппарат и государственный механизм.

Отличительные признаки государственного органа это публично-властные полномочия, правовое оформление публично-властного воздействия и возмещение его расходов за счет государственного бюджета. Обладание первыми двумя дает основания включить организацию в государственный механизм; присутствие только последнего – в государственный аппарат.

Также стоит уточнить элементный состав системы государственного и муниципального управления. Помимо органов в ее состав стоит включить те организации, которые были привлечены государством либо муниципалитетом к участию в реализации наиболее важных функций регулирования общественных отношений. Какие функции необходимо относить к наиболее важным решается самими органами публичной власти. Результат данного решения можно определить по имущественному участию государственных органов и органов местного самоуправления.

Помимо указанного следует отметить, что в современной российской практике государственного и муниципального управления пока еще не сложилось общепринятой концепции, в соответствии с которой можно было четко структурировать субъекты управления. По всей видимости, наделение организации каким-либо публично-правовым статусом зависит от возникающих практических задач государственного и муниципального управления. Обобщение и систематизация эмпирического материала, как кажется, дело будущего.

Список литературы

1. Бурганова Л.А Теория управления: учеб. пособие. – М.: Инфра-М, 2009. –153 с.
2. Виханский О.С., Наумов А. И. Менеджмент: учебник. – М.: Экономистъ, 2006. – 669 с.

3. Гражданский кодекс Российский Федерации. Часть 2. – URL: http://www.consultant.ru/popular/gkrf2/ (дата обращения: 19.05.2014). Постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения». – URL: http://base.garant.ru/1305770/ (дата обращения: 19.05.2014).
4. Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1). – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156212 (дата обращения: 15.05.2014).
5. Конституция РФ. URL: http://www.constitution.ru/ (дата обращения: 07.11.2014).
6. Лукин М.М. Соотношение понятий «орган государственной власти» и «государственный орган» в правовой системе России на примере Центрального банка Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 1 (68). URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?catid=154%3A2012-10-04-03-50-06&id=3263%3A-l-r-l-r &Itemid=1&option=com_content&view=article&limitstart=1 (дата обращения: 07.11.2014).
7. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы Менеджмента / пер. Л.И. Евенко. — М.: Вильямс, 2007. – 665 с.
8. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.
9. Определение Верховного Суда РФ от 15.09.2004 по делу № 37-Г04-9. – URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=100964 (дата обращения: 07.11.2014).
10. Постановление ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/ (дата обращения: 07.11.2014).
11. Постановление Московской городской Думы от 27 ноября 2002 года № 325 «О положении об Аппарате Московской городской Думы». – URL: http://duma.mos.ru/ru/414/page/postanovlenie-moskovskoy-gorodskoy-dumyi-o-polojenii-ob-apparate-moskovskoy-gorodskoy-dumyi (дата обращения: 07.11.2014).
12. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2014 № 46 «О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157800/ (дата обращения: 07.11.2014).
13. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа по делу № А57-2574/2013. – URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f62a96cb-b32e-43ac-9a95-98120673d15e/A57-2574-2013_20131128_Postanovlenie%20kassacii.pdf (дата обращения: 07.11.2014).
14. Социология управления: учебник / под ред. В.И. Башмакова, В.Н. Князева, Р.В. Ленькова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 360 с.

15. Теория управления: учебник / под общ. ред. А.Л. Гапоненко, А.П. Панкрухина. – М.: РАГС, 2010. – 557 с.

16. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». – URL: http://base.garant.ru/12127405/ (дата обращения: 15.05.2014).

Spisok literatury

1. Burganova L.A. Teoriya upravleniya: uchebnoe posobie. – M.: Infra-M, 2009. –153 s.

2. Vihanskiy O.S., Naumov A. I. Menedjment: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayuschihsya po ekonomicheskim special'nostyam i po napravleniyu 521600 Ekonomika. – M.: Ekonomist". 2006. – 669 s.

3. Grajdanskiy kodeks Rossiyskiy Federacii. Chast' 2. – URL: http://www.consultant.ru/popular/gkrf2/ (data obrascheniya: 19.05.2014). Postanovlenie Soveta Ministrov – Pravitel'stva RF ot 23 oktyabrya 1993 g. N 1090 "O pravilah dorojnogo dvijeniya". – URL: http://base.garant.ru/1305770/ (data obrascheniya: 19.05.2014).

4. Zakon RF «Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federacii o notariate» (utv. VS RF 11.02.1993 N 4462-1). – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=156212 (data obrascheniya: 15.05.2014).

5. Konstituciya RF. – URL: http://www.constitution.ru/ (data obrascheniya: 07.11.2014).

6. Lukin M.M. Sootnoshenie ponyatiy «organ gosudarstvennoy vlasti» i «gosudarstvennyy organ» v pravovoy sisteme Rossii na primere Central'nogo banka Rossiyskoy Federacii // Evraziyskiy yuridicheskiy jurnal. – № 1 (68). – 2014. – URL: http://www.eurasialegal.info/index.php?catid=154%3A2012-10-04-03-50-06&id=3263%3A-l-r-l-r-&Itemid=1&option=com_content&view=article&limitstart=1 (data obrascheniya: 07.11.2014).

7. Meskon M., Al'bert M., Hedouri F. Osnovy Menedjmenta / per. L.I.Evenko. – M.: Vil'yams, 2007 – 665 s.

8. Obschaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik / Pod red. V.V. Lazareva. – 3-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurist, 2001. – 520 s.

9. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 15.09.2004 po delu № 37-G04-9. – URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=100964 (data obrascheniya: 07.11.2014).

10. Postanovlenie GD FS RF ot 22.01.1998 N 2134-II GD "O Reglamente Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federacii". – URL: http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/ (data obrascheniya: 07.11.2014).

11. Postanovlenie Moskovskoy gorodskoy Dumy ot 27 noyabrya 2002 goda № 325 «O polojenii ob Apparate Moskovskoy gorodskoy Dumy». – URL: http://duma.mos.ru/ru/414/page/postanovlenie-moskovskoy-gorodskoy-dumyi-o-polojenii-ob-apparate-moskovskoy-gorodskoy-dumyi (data obrascheniya: 07.11.2014).

12. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 11.07.2014 N 46 "O primenenii zakonodatel'stva o gosudarstvennoy poshline pri rassmotrenii del v arbitrajnyh sudah". – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157800/ (data obrascheniya: 07.11.2014).

13. Postanovlenie Federal'nogo arbitrajnogo suda Povoljskogo okruga po delu № A57-2574/2013. – URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/f62a96cb-b32e-43ac-9a95-98120673d15e/A57-2574-2013_20131128_Postanovlenie%20kassacii.pdf (data obrascheniya: 07.11.2014).

14. Sociologiya upravleniya: uchebnik dlya bakalavrov. Pod red. V. I. Bashmakova, V. N. Knyazeva, R. V. Len'kova. ? 2-e izd., pererab. i dop. ? M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2013. – 360 s.

15. Teoriya upravleniya: uchebnik. Pod obsch. red. A.L.Gaponenko, A.P.Pankruhina; Rossiyskaya akad. gos. slujby pri Prezidente Rossiyskoy Federacii, Volgogradskaya akad. gos. slujby, Orlovskaya akad. gos. slujby. – M.: Izd-vo RAGS, 2010. – 557 s.

16. Federal'nyy zakon ot 10.07.2002 N 86-FZ «O Central'nom banke Rossiyskoy Federacii (Banke Rossii)». – URL: http://base.garant.ru/12127405/ (data obrascheniya: 15.05.2014).

Е.М. Крюкова,
кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-технической информации,
Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: lena-krukova@yandex.ru

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОНОКОРПОРАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ Г. БАЙКОНУР)

Аннотация: *взаимоотношения между Россией и Казахстаном испытывают значительные трудности в свете долгосрочного, перспективного развития космодрома «Байконур». Во-первых, сказывается отсутствие четкой программы привлечения частных ресурсов в финансирование и развитие данного объекта. Во-вторых, значительной преградой на пути развития взаимодействия являются таможенные и налоговые препятствия. В-третьих, требуют решения вопросы компенсаций за неотделимые улучшения, производимые Россией на космодроме, компенсации экологического ущерба, наносимого запусками, а также вопросы правового статуса граждан Казахстана, проживающих на территории города Байконур. Для разработки эффективных мер по решению указанных проблем прежде всего следует уточнить, проанализировать и учесть исторические моменты развития взаимоотношений Российской Федерации и Республики Казахстан в отношении космодрома «Байконур».*

Ключевые слова: *Байконур, инфраструктура, город федерального значения, бюджет города Байконур, юридический статус, российско-казахские отношения, правовой аспект, правоотношения, история развития, исторический этап.*

Город Байконур является административным центром одноименного космодрома, история которого начинается с создания советского испытательного полигона. 12 февраля 1955 года было принято Постановление Совета Министров СССР № 292-181 о создании полигона по испытаниям межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. С мая 1955 г. начались работы по строительству жилого городка для инженеров-испытателей. С момента его основания название менялось трижды: поселок Ленинский, город Ленинск, город Байконур.

Генеральный план застройки во многом повторял планы полигона Капустин Яр (Астраханская обл.) и других крупных военных городков того времени. Места расположения жилых домов, культурно-просветительных учреждений, спортивная и медицинская зоны обозначались как площадка № 10. 28 января 1958 года Указом Президиума Верховного Совета Казахской ССР поселку на площадке № 10, не имевшему названия и неофициально называвшемуся «Заря», присвоено название Ленинский.

Поскольку поселок находился на казахской территории, решение вопросов о его названии было возложено на первого секретаря ЦК Компартии Казахской ССР (КССР). 21 июня 1966 года Указом Президиума Верховного Совета КССР городской поселок Ленинский был отнесен к категории городов областного подчинения с присвоением ему наименования Ленинск. В 1987 году г. Ленинск отнесен к городам республиканского подчинения.

Ежегодно до 1992 года на развитие г. Ленинска и космодрома Байконур из союзного бюджета поступало в среднем 231 млн руб. в виде капитальных вложений. После распада СССР космодром Байконур, находившийся на территории Казахской ССР, перешел в собственность Республики Казахстан.

Несмотря на предпринимаемые правительствами небольшие шаги для выхода из сложившегося кризиса, обусловленного политической неопределенностью, ситуация в 1990-е годы обострялась ограничением финансирования и несогласованностью в решении вопросов военного строительства. В результате возведение объектов космодрома, в том числе и жилых зданий, было заморожено, многие космические программы оказались на грани закрытия, были прекращены испытания боевых ракетных комплексов. Заметно усложнились условия выполнения задач запусков космических аппаратов, возникли серьезные проблемы в материально-техническом обеспечении. Резко ухудшились социально-бытовые условия, и, прежде всего, снабжение города и воинских частей продовольствием и промышленными товарами. Всё это усугублялось тяжелыми климатическими условиями, постоянными перебоями в водо- и энергоснабжении, вызванными изношенностью коммуникаций. В итоге к середине 1990-х годов население города сократилось почти вдвое, были расформированы десятки воинских частей космодрома. По данным УВД в феврале 1995 года на комплексе Байконур проживало 72 тыс. человек, в том числе в городе – 55,9 тыс. человек. В городском жилищном фонде насчитывалась 21 тыс. квартир, из которых 2 тыс. – пустые и в основном разграбленные и 3 тыс. – незаконно занятые местными жителями.[1,2,3]

1994 год явился поворотным моментом в деле российско-казахстанского международного сотрудничества в космической сфере. 28 марта 1994 года было подписано Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об основных принципах и условиях использования космодрома

«Байконур», статья 1 которого признавала единство космодрома и города – административного и жилого центра. Так, «единый научно-технический и социальный комплекс «Байконур» составляют испытательные, технологические объекты и обеспечивающая инфраструктура космодрома и города Ленинска с их движимым и недвижимым имуществом». При этом положения статьи 4 обязывали Российскую Федерацию возместить Республике Казахстан имущественные потери и расходы на содержание и эксплуатацию комплекса «Байконур» в 1992–1993 годах, а также выплачивать республике арендную плату за пользование объектами комплекса «Байконур» в размере 115 млн долларов США [4, 5].

На основе указанного Соглашения был составлен Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительствами Российской Федерации и Республики Казахстан сроком на 20 лет, подписанный сторонами 10 декабря 1994 года. Пункт 1.3 договора закреплял, что город Ленинск является административно-территориальной единицей Республики Казахстан, функционирующей в условиях аренды с размещенными на его территории объектами космодрома «Байконур», а также другими объектами, создающими необходимые коммунально-бытовые и социально-культурные условия для персонала космодрома «Байконур», членов их семей и других жителей города. Кроме того, определялось понятие обеспечивающих объектов комплекса «Байконур», в качестве которых выступают объекты систем связи, теле- и радиовещания, тепло-, водо-, энерго-, газоснабжения и канализации, шоссейные и железные дороги, инженерные сети, автотранспорт, подвижной железнодорожный состав, аэродром, авиационная и аэродромная техника, а также другие объекты, создающие необходимые условия для функционирования космодрома «Байконур» и города Ленинска с соответствующим имуществом, земельными участками и необходимыми санитарно-защитными зонами. Также устанавливалось, что всеми властными полномочиями наделяется администрация города, которую составляют органы исполнительной власти, подчиненные главе администрации г. Ленинска. Данную должность занимает лицо, назначаемое совместно Президентом РФ и Президентом РК по представлению российской стороны. Первым главой городской администрации был определен полковник Г.Д. Дмитриенко, вступивший в должность 5 января 1995 года [6].

В условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур» необходимо было законодательно закрепить режим функционирования одноименного города, в том числе его экономическую основу, особенности соответствующих органов власти и другие моменты, не отраженные в договоре аренды. В этой связи 23 декабря 1995 года в Москве было подписано Соглашение между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной

власти. Оставляя неизменным положение города с позиции Республики Казахстан, Соглашение на период аренды наделило г. Байконур в отношениях с Российской Федерацией статусом, соответствующим городу федерального значения, с особым режимом безопасного функционирования объектов, предприятий и организаций, а также проживания граждан, включающим:

– установление контролируемых и (или) запретных зон по границе и (или) в пределах указанного комплекса;

– ограничение на въезд и выезд через специально оборудованные контрольно-проверочные пункты по специальным пропускам;

– ограничение на постоянное проживание граждан на его территории;

– ограничение заниматься определенными видами деятельности;

– ограничение на право передачи в собственность недвижимого имущества, вытекающее из ограничений на въезд и проживание.

Охрану границ г. Байконур, его территории и гражданских объектов, включая объекты федеральных органов, организует и контролирует городская администрация. Поддержание правопорядка и обеспечение режима проживания на территории г. Байконур возлагаются на Управление внутренних дел РФ.

Жителем города Байконур признается гражданин РФ или гражданин РК, проживающий на территории города и зарегистрированный в администрации города. Военнослужащие кадрового состава космодрома «Байконур» и члены их семей также относятся к жителям города.

На территории города платежными средствами являются национальные валюты РФ и РК. Банковское обслуживание физических и юридических лиц Российской Федерации производится банковскими учреждениями Центрального банка РФ и другими российскими банками, открывшими свои филиалы на комплексе «Байконур».

Органы городской представительной власти в г. Байконур не формируются. Высшим органом общественного самоуправления населения города является общественный совет, формируемый из представителей органов территориального общественного самоуправления, организаций и предприятий, зарегистрированных в качестве юридических лиц в городе.

Общественный совет создается в целях оказания содействия органам городской администрации, службам городского хозяйства в решении вопросов эксплуатации жилищного фонда, строительства, благоустройства территории, обеспечения общественного порядка, улучшения работы предприятий торговли, общественного питания, транспорта, бытового обслуживания, связи, оказания социальной поддержки инвалидам, пенсионерам, многодетным семьям, малоимущим слоям населения, определения наиболее перспективных направлений развития города, а также содействия в контроле расходования бюджетных средств органами исполнительной власти г. Байконур.

В городе централизованное материально-техническое обеспечение программ социально-экономического развития осуществляется по категории специальных расходов, а централизованное снабжение населения продовольственными и промышленными товарами – в порядке, определенном Правительством РФ.

По вопросам жизнеобеспечения города и космодрома «Байконур», требующим оперативного решения, глава городской администрации и командир космодрома осуществляют согласованные действия и организуют оперативное взаимодействие служб жизнеобеспечения города с дежурными сменами космодрома. Объекты и системы инфраструктуры комплекса «Байконур», расположенные в городе и находящиеся в ведении Министерства обороны РФ (аэродром «Крайний», железнодорожный транспорт, системы связи, другие объекты в соответствии с актами приема-передачи), используются городской администрацией в порядке, определенном отдельным соглашением с командованием космодрома «Байконур».

Объекты, переданные по актам приема-передачи объектов комплекса «Байконур», находятся у городской администрации на правах владения и пользования; земельные участки с объектами – на правах пользования.

В феврале 1996 года был определен порядок использования земельных участков на территории г. Байконур. Размещение вновь строящихся в городе зданий, сооружений и объектов производится в соответствии с генеральным планом его застройки, а организация садоводческих товариществ, крестьянских хозяйств, коллективных огородов – в соответствии с планом земельно-хозяйственного устройства территории г. Байконура. Ведение земельного кадастра и мониторинга земель комплекса «Байконур» (кроме районов падения), а также контроль за целевым использованием земель осуществляет землеустроительная служба администрации г. Байконура с участием уполномоченных представителей Федерального космического агентства РФ в соответствии с земельным законодательством Республики Казахстан, международными договорами по комплексу «Байконур», генеральным планом г. Байконур, а также нормативными правовыми актами администрации города [7].

27 апреля 1996 года Правительством РФ и Правительством РК подписано Соглашение о гарантиях пенсионных прав жителей города Байконур Республики Казахстан, предусматривающее передачу функций Министерства социальной защиты населения РК по организации пенсионного обеспечения жителей города Байконур, сбора и аккумуляции страховых взносов Министерству социальной защиты населения РФ и Пенсионному фонду РФ. Таким образом, пенсионное обеспечение жителей г. Байконур осуществляется по нормам законодательства РФ, выплата пенсий производится в российских рублях.

По состоянию на октябрь 1998 года у российской стороны в отношении комплекса «Байконур» имелись следующие финансовые обязательства перед Республикой Казахстан:

1) задолженность по арендной плате за пользование комплексом «Байконур» в 1994–1998 годах в соответствии с Договором аренды от 10 декабря 1994 года в размере 575 млн долларов;

2) компенсация имущественных потерь и расходов Республики Казахстан на содержание и эксплуатацию комплекса «Байконур» в 1992–1993 годах в соответствии с Соглашением об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур» от 28 марта 1994 года в размере 1318 млн долларов. При этом сумма компенсации уменьшалась на 393,8 млн долларов, израсходованных Российской Федерацией на восстановление основных фондов комплекса «Байконур» в указанный двухлетний период.

В свою очередь, Россия отказывалась от компенсации произведенных ею затрат на содержание проживающих в г. Байконур граждан Республики Казахстан с 1995 года до момента ратификации Казахстаном Соглашения о статусе города Байконур, порядке формирования и статусе его органов исполнительной власти (до 22 декабря 1998 года).

В 1999 году согласно договоренности между Россией и Казахстаном оплата части арендной платы за использование комплекса «Байконур» в размере 65 млн долларов осуществлялось товарами, а оставшейся части в размере 50 млн долларов – в денежной форме[8].

В Меморандуме между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 19 июня 2000 г. «О дальнейшем развитии сотрудничества по вопросам обеспечения функционирования комплекса «Байконур» отмечен позитивный опыт эксплуатации комплекса в условиях его аренды Российской Федерацией, комплекс расценивается как достойный пример равноправного и взаимовыгодного сотрудничества двух государств. В этой связи президентами России и Казахстана было поручено соответствующим правительствам рассмотреть вопросы о:

– продлении срока аренды комплекса «Байконур»;

– дальнейшем упрощении процедур таможенного оформления товаров, ввозимых (вывозимых) на комплекс «Байконур» для обеспечения его функционирования;

– урегулировании вопросов социального обеспечения персонала космодрома и жителей г. Байконур с учетом особенностей национальных законодательств, включая вопросы финансового обеспечения и механизма реализации социальных гарантий граждан России и Казахстана, проживающих и/или работающих на комплексе «Байконур».

В соответствии с Соглашением между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о развитии сотрудничества по эффективному использованию

комплекса «Байконур», подписанным 9 января 2004 года президентами В. Путиным и Н. Назарбаевым и ратифицированным Федеральным законом от 18 июня 2005 года № 67-ФЗ, срок аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур» продлен до 2050 года.

Основы взаимодействия правоохранительных органов России и Казахстана при применении их законодательства определяются в Договоре аренды комплекса «Байконур». В 2008 году сторонами были приняты меры, направленные на уточнение разграничения юрисдикции в отношении граждан Казахстана в сфере уголовных и административных правонарушений, а также на совершенствование взаимодействия российских и казахстанских правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса.

В отношении граждан РФ из числа персонала космодрома, сотрудников правоохранительных органов и органов государственной власти РФ, работающих на комплексе «Байконур», а также других граждан РФ, являющихся членами семей указанных лиц, в случае совершения ими противоправных действий против Российской Федерации и ее граждан, воинских преступлений и правонарушений, совершенных в связи с исполнением обязанностей военной службы, вне пределов комплекса «Байконур» на территории Республики Казахстан осуществляется юрисдикция Российской Федерации. В иных случаях осуществляется юрисдикция Республики Казахстан [9].

В случае совершения преступлений на территории комплекса «Байконур» гражданами Республики Казахстан, а также гражданами третьих государств и лицами без гражданства, зарегистрированными на территории РК (за исключением территории самого комплекса), правоохранительные органы Российской Федерации после проведения необходимых процессуальных действий в рамках предварительного следствия либо дознания передают дела и материалы, а также соответствующих лиц правоохранительным органам Республики Казахстан через органы прокуратуры, находящиеся на территории комплекса «Байконур» [10].

В 2012 году было ратифицировано Соглашение о порядке медицинского обслуживания персонала космодрома «Байконур», жителей города Байконур в условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур». Согласно его положениям медицинское обслуживание населения и финансирование организаций здравоохранения, расположенных на территории комплекса «Байконур», осуществляется Российской Федерацией. Уполномоченный орган – Федеральное медико-биологическое агентство – обеспечивает предоставление медицинской помощи персоналу космодрома и жителям города, проведение санитарно-противоэпидемических (профилактические) мероприятий и надзор за санитарно-эпидемиологическим благополучием населениях [11].

Таким образом, в ходе развития отношений менялись условия и предмет споров: вместо противоречивого вопроса об аренде «Байконура» заявлен новый совместный казахстанско-российский проект по созданию на космодроме ракетно-космического комплекса «Байтерек». Соглашение о создании на космодроме «Байконур космического ракетного комплекса «Байтерек», подписанное в Москве 22 декабря 2004 г., не вступило в силу и временно применяется со дня его подписания. 18 июня 2006 г. был произведен запуск первого казахстанского спутника связи и вещания «KazSat», произведенный российскими специалистами на заводе им. Хруничева. На запуске присутствовали президенты двух стран. В настоящее время разрабатывается еще один совместный проект установления Глобальной системы спутниковой навигации (ГЛОНАСС). Казахстан поставил перед собой задачу через два года иметь на орбите собственную группировку из семи спутников, которые будут интегрированы в российскую систему «ГЛОНАСС».

Таким образом, результатом политико-правового оформления двустороннего сотрудничества сферы безопасности и ее неотъемлемых военных и военно-технических компонентов является достижение такого уровня взаимопонимания, когда категория безопасности теряет свою преимущественно военную направленность и становится комбинацией военно-технических, экономических, экологических, технологических, информационных, социальных и других элементов. На современном этапе произошло смещение акцентов от военно-политического сотрудничества, от интересов военно-оборонительного характера к большей экономизации данного направления, обусловленного потребностями технологического прогресса и интеграции в области внедрения и развития высоких технологий [12].

Список литературы

1. Историческая справка. История города Байконур. URL: http://www.fkrus.ru/index.php/moovkb/118-istorchieskaya-spravka.

2. Правительства РФ от 28 февраля 1996 г. № 224 «О заключении Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке использования земельных участков комплекса «Байконур», переданного в аренду Российской Федерации».

3. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об урегулировании взаимных финансовых вопросов от 8 октября 1998 года.

4. Статья 1 Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о внесении изменения в Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан от 10 декабря 1994 г. (Алматы, 20 февраля 2008 года).

5. Федеральный закон от 8 октября 2008 года «О ратификации Протокола между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о внесении изменений и дополнений в Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о взаимодействии правоохранительных органов в обеспечении правопорядка на территории комплекса «Байконур» от 4 октября 1997 года». Статья 5.2 Протокола.

6. Федеральный закон от 5 июня 2012 года № 57-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о порядке медицинского обслуживания персонала космодрома «Байконур», жителей города Байконур, поселков Торетам и Акай в условиях аренды Российской Федерацией комплекса «Байконур». Статья 2 Соглашения.

7. Brado Dr.W. The European Space Agency: Example of a Successful Regional Cooperation // Journal of Space Law, Vol. 13, No. 2. P. 169–174.

8. Eiserman K.S. The «fair return» Principle in Programmes of the European Space Agency. – 'Project 2001' – Legal Framework for the Commercial Use of Outer Space, Vol. 16, 2001. P. 657–669.

9. Kryukova E.M., Makeeva D.R. Analysis of World and Russian Best Practices of Strategic Development of Mono-Towns // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication), 2013. P. 167-171.

10. Kryukova E.M., Razumovskiy S.L., Vetrova E.A. Mono-Town in the System of Economic Notions of the Russian Federation // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication), 2013. P. 162-166.

11. Vago J., Gardini B., Kminek G., Baglioni P. ExoMars // ESA bulletin 126, May 2006. P. 17-23.

12. Zhao Y. An international space authority: A governance model for a space commercialization regime // Journal of Space Law, Vol. 30, Fall 2005, No. 2. P. 267-279.

Spisok literatury

1. Istoricheskaya spravka. Istoriya goroda Bajkonur. URL: http://www.fkrus.ru/index.php/moovkb/118-istorchieskaya-spravka.

2. Pravitel'stva RF ot 28 fevralya 1996 g. № 224 «O zaklyuchenii Soglasheniya mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o poryadke ispol'zovaniya zemel'nyh uchastkov kompleksa «Bajkonur», peredannogo v arendu Rossijskoj Federacii».

3. Soglashenie mezhdu Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Kazahstan ob uregulirovanii vzaimnyh finansovyh voprosov ot 8 oktyabrya 1998 goda.

4. Stat'ya 1 Protokola mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o vnesenii izmeneniya v Dogovor arendy kompleksa «Bajkonur» mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan ot 10 dekabrya 1994 g. (Almaty, 20 fevralya 2008 goda).

5. Federal'nyj zakon ot 8 oktyabrya 2008 goda «O ratifikacii Protokola mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o vnesenii izmenenij i dopolnenij v Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o vzaimodejstvii pravoohranitel'nyh organov v obespechenii pravoporyadka na territorii kompleksa «Bajkonur» ot 4 oktyabrya 1997 goda». Stat'ya 5.2 Protokola.

6. Federal'nyj zakon ot 5 iyunya 2012 goda № 57-FZ «O ratifikacii Soglasheniya mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Kazahstan o poryadke medicinskogo obsluzhivaniya personala kosmodroma «Bajkonur», zhitelej goroda Bajkonur, poselkov Toretam i Akaj v usloviyah arendy Rossijskoj Federaciej kompleksa «Bajkonur». Stat'ya 2 Soglasheniya.

7. Brado Dr.W. The European Space Agency: Example of a Successful Regional Cooperation // Journal of Space Law, Vol. 13, No. 2. P. 169–174.

8. Eiserman K.S. The «fair return» Principle in Programmes of the European Space Agency. – 'Project 2001' – Legal Framework for the Commercial Use of Outer Space, Vol. 16, 2001. P. 657–669.

9. Kryukova E.M., Makeeva D.R. Analysis of World and Russian Best Practices of Strategic Development of Mono-Towns // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication), 2013. R. 167-171.

10. Kryukova E.M., Razumovskiy S.L., Vetrova E.A. Mono-Town in the System of Economic Notions of the Russian Federation // World Applied Sciences Journal 27 (Education, Law, Economics, Language and Communication), 2013. R. 162-166.

11. Vago J., Gardini B., Kminek G., Baglioni P. ExoMars // ESA bulletin 126, May 2006. P. 17-23.

12. Zhao Y. An international space authority: A governance model for a space commercialization regime // Journal of Space Law, Vol. 30, Fall 2005, No. 2. P. 267-279.

А.А. Ходырев,
начальник планово-экономического отдела, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: khodurev@gmail.com

ОЦЕНКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДНЫМИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМИ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация: в условиях складывающего дефицита консолидированного бюджета Российской Федерации особую актуальность приобретает вопрос наиболее эффективной реализации расходных обязательств. Программно-целевое бюджетирование, используемое в настоящий момент в качестве основного инструмента управления бюджетными расходами, имеет один системный недостаток – отсутствие логичной, прозрачной и экономически обоснованной системы оценки государственных программ. В статье представлена попытка описания существующих подходов к оценке государственных программ, классификация инструментов оценки, их отличительных особенностей. В связи с тем, что более 44% расходов консолидированного бюджета России на сегодняшний момент имеют социальную направленность, такое исследование представляется особенно актуальным в целях оценки эффективности расходных обязательств в области здравоохранения, образования и социальной политики.

Ключевые слова: *бюджет, целевые программы, оценка результативности, эффективность, расходные обязательства*.

Неблагоприятная политическая и экономическая конъюнктура, сложившаяся в отношении Российской Федерации в последнее время и серьезным образом влияющая на уровень доходов бюджетов публично-правовых образования, смещает вектор управления бюджетными расходами. Возникает вопрос не только об их эффективности и результативности, но и о соответствии приоритетным целям социально-экономического развития. Именно оценка государственных программ должна выступить инструментом, позволяющим решить указанные проблемы [5–12].

Актуальность научной разработки проблематики оценки государственных программ определена несколькими факторами. Во-первых, именно совокупность государственных программ в настоящий момент выступает в качестве основного инструмента управления финансами публично-правовых образований в рамках программно-целевого бюджетирования.

Во-вторых, законодательство Российской Федерации (статья 34 Бюджетного кодекса) предусматривает необходимость эффективного, экономного и результативного использования бюджетных средств [18].

И в-третьих, публично-правовое образование выступает в качестве субъекта управления по отношению к собственному социально-экономическому развитию (объекту управления). В ответ на целенаправленное воздействие субъекту необходимо получение «обратной связи» об эффективности, результативности и других характеристиках такого воздействия в целях его дальнейшей корректировки.

Несмотря на очевидную необходимость проведения оценки эффективности государственных программ разработка индикаторов, по которым должна оцениваться такая эффективность, остается проблемным вопросом. Об этом свидетельствует то, что применяемые в настоящее время методы оценки программ являются формальными и не дают ясного представления о реальном вкладе программ в социально-экономическое развитие территорий [14].

В зарубежной практике сформовалась система методов и процедур, с помощью которых осуществляется оценка государственных программ в «широком» смысле этого понятия [13].

1. **Инспекция**. Основная цель данной процедуры – выявление и предотвращение нарушений при реализации программы.

2. **Программный аудит**. При проведении аудита проверяется соответствие формальным требованиям и процедурам; процесс аудита строго регламентирован стандартами.

3. **Мониторинг**. Процедуру можно охарактеризовать как систематическую деятельность, направленную на отслеживание хода реализации программы на основе регулярного сравнения её результатов с целевыми значениями заранее определенного перечня индикаторов. Отличительной особенностью данной процедуры является то, что мониторинг – неотъемлемая часть программы, поэтому он реализуется самой программой.

4. **Оценка программы** (в узком смысле данного понятия). Определяется как глубокий анализ хода реализации и результатов программы, причин отклонения от плана, способов повышения эффективности программы.

5. **Исследование**. Данная процедура подразумевает ситуационное моделирование и исследовательскую деятельность, основная цель которых – получение нового знания о программе и ее объекте.

Необходимо отметить, что в российской практике сложилась ситуация, когда наибольшее применение находят две процедуры, включающие в себя остальные: мониторинг и оценка программы. При этом характеристики данных понятий позволяют однозначно отделить одно от другого, выявив при этом взаимное обогащение процедур.

Мониторинг в отечественной практике представляет собой непрерывный процесс сравнения достигаемых в ходе реализации программы результатов с обозначенными целевыми значениями индикаторов, определенных в самой программе. Таким образом, цель мониторинга – в любой момент времени представлять информацию о степени реализации программы и достижения установленных целей.

В отличие от мониторинга, цель оценки в узком смысле слова заключается в определении значимости, результативности программы, ее обоснованности, а также эффективности и выработке рекомендаций по дальнейшему совершенствованию программы [3].

Переходя к практике осуществления оценки государственных программ (в узком понимании), стоит осветить существующие подходы к типологии оценки и ее основные методы.

По мере накопления опыта проведения оценки государственных программ сложилась типология оценки по двум основаниям – по стадии реализации оцениваемой программы и по целевому назначению оценки [2].

По стадии реализации оцениваемой программы выделяют следующие.

1. **Предварительная** – оценка программы на стадии ее разработки. Среди основных задач – анализ качества проекта программы, оценка необходимости программы для социально-экономического развития ППО, предварительная оценка эффективности программы.

2. **Промежуточная** – оценка на стадии реализации программы, основная задача состоит в произведении корректировок программы для повышения ее эффективности и результативности.

3. **Конечная –** оценка, осуществляемая после завершения программы. Ее основная цель – экспертиза результативности и эффективности программы, анализ причин ошибок и неудач, принятие адекватных управленческих решений.

Группировка оценки по ее целевому назначению выглядит следующим образом.

1. **Оценка потребности в реализации программы**, при которой основным параметром выступает соответствие программы приоритетным целям социально-экономического развития ППО.

2. **Оценка процесса реализации программы**, анализирующая выполнение программных мер (соблюдение плана работ, качество выполнения и т.д.).

3. **Оценка результатов воздействия программы**, главной целью которой является экспертиза положительного и отрицательного воздействия программных мероприятий на социально-экономическое развитие ППО.

4. **Оценка результативности программы**, позволяющая судить о степени достижения поставленных программе задач.

5. **Оценка эффективности программы**, анализирующая соотношение результатов программы с ресурсами, затраченными в ходе ее реализации.

Внимательный анализ описанных видов оценки государственных программ позволяет судить об их устойчивой взаимосвязи, несмотря на многообразие параметров и целей оценки [16]:

– оценка процесса реализации программы и результатов воздействия программы являются частными случаями и подготовительными этапами к оценке общей результативности программы;

– в свою очередь, оценка результативности программы вкупе с оценкой потребности в реализации программы являются промежуточными шагами в оценке эффективности программы.

Таким образом, особе место среди описанных типов оценки занимает оценка эффективности реализации государственных программ, позволяющая судить не только о результативности программы, но и о стоимости полученных результатов. При этом именно оценка эффективности позволяет получить наиболее полную и достоверную информацию как о целесообразности реализации программы на стадии ее разработки, так и о результатах реализации на промежуточной и конечной стадиях.

Приступая к методам оценки эффективности программ необходимо обозначить следующую особенность: применительно к государственным программам под эффективностью необходимо понимать бюджетную эффективность (степень превышения полученного результата над произведенными бюджетными расходами). При этом в качестве результата государственных программ выступает социальный эффект, представляющий собой, по мнению исследователей, результат воздействия программы на общество или определенную целевую группу [15].

Большинство инструментов оценки эффективности государственных программ сходны по своей экономической природе: в их основе лежит соотнесение полученных социальных эффектов и затраченных ресурсов [1]. Отличие заключается в разном подходе к оценке социальных эффектов: в денежном выражении, либо в натуральной форме.

Сравнение социальных эффектов, оцененных в денежном выражении, получаемых от реализации бюджетных расходов по конкретному направлению, и произведенных расходов используется в **методе анализа издержек и выгод (CBA – cost-benefit analysis).** Данный метод может применяться исклю-

чительно в том случае, когда выгоды, отражающие социальный эффект, могут быть оценены в денежном выражении. В большинстве случаев в связи с природой социальных эффектов данное представление результатов затруднено.

В связи с этим противоречием в практику оценки стал внедрять другой метод – **анализ издержек и результативности (CEA – cost-effectiveness analysis).** Метод анализа издержек и результативности по своей сути схож с методом анализа издержек и выгод, однако есть существенное отличие, которое заключается в том, что выгоды оцениваются не в денежном выражении, а в натуральных или условных единицах. Среди недостатков данного метода можно отметить невозможность сравнения эффективности вложения средств в различные направлениями деятельности государства и местного самоуправления. Метод CEA не может дать сопоставимые между собой оценки отдачи, которую общество получает от расходов в разных сферах [1].

Однако на сегодняшний день существуют различные модификации данного метода, в основе которых лежит использование общих показателей социального эффекта реализации целевых программ, их унификация или выражение в случае соответствующей необходимости в условных единицах.

Одну из модификаций метода издержки-эффективность предлагает методика, разработанная Мировым банком, получившая название **издержки – взвешенная эффективность (wCEA)**, где в качестве социального эффекта выступает его условное выражение через агрегированный индикатор, включающий в себя разнообразные характеристики объекта оценки.

Среди альтернативных вариантов метода CEA авторы выделяют метод **анализа издержек и полезности CUA (cost-utility analysis)** – подход, основанный на выражении социального эффекта через полезность, получаемую целевой группой населения. В настоящее время он чаще всего используется при рассмотрении бюджетных расходов, касающихся здравоохранения.

Представленный выше анализ свидетельствует о существовании достаточных теоретических и методологических оснований для разработки действенной комплексной системы оценки государственных программ как метода управления расходами публично-правовых образований.

Список литературы

1. Анциферова И.В., Братанова А.В. Анализ практики использования методов финансово-экономического анализа государственных программ в зарубежных странах в области энергетики // Вестник МГУУ. – 2013. – № 1.

2. Визгалов Д.В. Методы оценки муниципальных программ. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2014.

3. Гараджа М.Ю. Мониторинг результативности бюджетных расходов: основные этапы внедрения на местном уровне. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2012.

4. Договор как средство правового регулирования отношений в сфере оказания услуг: проблемы теории и практики: монография. – М.: ВАКО : Изд-во РГСУ, 2015. – 220 с.

5. Каурова О.В., Малолетко А.Н. Поведение теневых затрат коллективных средств размещения // Экономические науки. – 2010. – № 65. – С. 118–122.

6. Каурова О.В., Малолетко А.Н. Теневые затраты гостиниц и аналогичных средств размещения // Российское предпринимательство. – 2010. – № 3-2. – С. 154–161.

7. Каурова О.В., Малолетко А.Н., Подсевалова Е.Н. Финансово-экономический анализ предприятия туристской индустрии: учеб. пособие. – Москва, 2011.

8. Малолетко А.Н. Контроль и ревизия: учеб. пособие. – М.: КНОРУС, 2006. –С. 93–97.

9. Малолетко А.Н. Национальные интересы Российской Федерации в сфере образования. – М., 2008.

10. Малолетко А.Н. Система высшего профессионального образования: управление экономической безопасностью // Проблемы теории и практики управления. – 2009. – № 9. – С. 80–83.

11. Малолетко А.Н. Теоретические основы оценки состояния обеспечения и обслуживания государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования. – М., 2008.

12. Малолетко А.Н., Малолетко Н.Е. Проблемы обеспечения экономической безопасности предприятий гостиничного бизнеса в условиях внедрения инноваций // Инновационное развитие экономики. – 2013. – № 4-5 (16). – С. 155–158.

13. Оценка программ: методология и практика / под ред. А.И. Кузьмина, Р. О'Салливан, Н.А. Кошелевой. – М.: Престо-РК, 2009. – 396 с.

14. Сабетова Т.А. Программно-целевое бюджетирование в публично-правовом образовании (на примере города Москвы) // Вестник Екатерининского института. – 2010 (1).

15. Хатри Г.П. Мониторинг результативности в общественном секторе. – М.: ИЭК, 2005.

16. Шакина Е.А. Подходы к мониторингу и оценке бюджетных целевых программ // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 11 (5).

17. Якобсон Л.И. Государственный сектор экономики: экономическая теория и политика. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.

18. Kryukova E.M., Vetrova E.A., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Dusenko S.V. Social-economic problems of Russian mono-towns // Asian Social Science. – 2014. – T. 11. – No. 1. – P. 258–267.

Spisok literatury

1. Anciferova I.V., Bratanova A.V. Analiz praktiki ispol'zovaniya metodov finansovo-ekonomicheskogo analiza gosudarstvennyh programm v zarubezhnyh stranah v oblasti energetiki // Vestnik MGUU. – 2013. – № 1.

2. Vizgalov D.V. Metody ocenki municipal'nyh programm. – M.: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2014.

3. Garadzha M.YU. Monitoring rezul'tativnosti byudzhetnyh raskhodov: osnovnye etapy vnedreniya na mestnom urovne. – M.: Fond «Institut ekonomiki goroda», 2012.

4. Dogovor kak sredstvo pravovogo regulirovaniya otnoshenij v sfere okazaniya uslug: problemy teorii i praktiki: monografiya. – M.: VAKO : Izd-vo RGSU, 2015. – 220 s.

5. Kaurova O.V., Maloletko A.N. Povedenie tenevyh zatrat kollektivnyh sredstv razmeshcheniya // Ekonomicheskie nauki. – 2010. – № 65. – S. 118–122.

6. Kaurova O.V., Maloletko A.N. Tenevye zatraty gostinic i analogichnyh sredstv razmeshcheniya // Rossijskoe predprinimatel'stvo. – 2010. – № 3-2. – S. 154–161.

7. Kaurova O.V., Maloletko A.N., Podsevalova E.N. Finansovo-ekonomicheskij analiz predpriyatiya turistskoj industrii: ucheb. posobie. – Moskva, 2011.

8. Maloletko A.N. Kontrol' i reviziya: ucheb. posobie. – M.: KNORUS, 2006. –S. 93–97.

9. Maloletko A.N. Nacional'nye interesy Rossijskoj Federacii v sfere obrazovaniya. – M., 2008.

10. Maloletko A.N. Sistema vysshego professional'nogo obrazovaniya: upravlenie ekonomicheskoj bezopasnost'yu // Problemy teorii i praktiki upravleniya. – 2009. – № 9. – S. 80–83.

11. Maloletko A.N. Teoreticheskie osnovy ocenki sostoyaniya obespecheniya i obsluzhivaniya gosudarstvennyh obrazovatel'nyh uchrezhdenij vysshego professional'nogo obrazovaniya. – M., 2008.

12. Maloletko A.N., Maloletko N.E. Problemy obespecheniya ekonomicheskoj bezopasnosti predpriyatij gostinichnogo biznesa v usloviyah vnedreniya innovacij // Innovacionnoe razvitie ekonomiki. – 2013. – № 4-5 (16). – S. 155–158.

13. Ocenka programm: metodologiya i praktika / pod red. A.I. Kuz'mina, R. O'Sallivan, N.A. Koshelevoj. – M.: Presto-RK, 2009. – 396 s.

14. Sabetova T.A. Programmno-celevoe byudzhetirovanie v publichno-pravovom obrazovanii (na primere goroda Moskvy) // Vestnik Ekaterininskogo instituta. – 2010 (1).

15. Hatri G.P. Monitoring rezul'tativnosti v obshchestvennom sektore. – M.: IEK, 2005.

16. SHakina E.A. Podhody k monitoringu i ocenke byudzhetnyh celevyh programm // Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika. – 2008. – № 11 (5).

17. YAkobson L.I. Gosudarstvennyj sektor ekonomiki: ekonomicheskaya teoriya i politika. M.: GU–VSHE, 2000.

18. Kryukova E.M., Vetrova E.A., Maloletko A.N., Kaurova O.V., Dusenko S.V. Social-economic problems of Russian mono-towns // Asian Social Science. – 2014. – T. 11. – No. 1. – P. 258–267.

И.Н. Маркарян,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и административного права,
Российский государственный
социальный университет, Сочи.
E-mail: 2703_irina@mail.ru

А.С. Варюхин,
кандидат технических наук,
доцент кафедры менеджмента и административного права,
Российский государственный
социальный университет, Сочи.
E-mail: varyukhins@mail.ru

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА ЭТАПЕ ВНЕДРЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация: *в статье рассматриваются современные подходы в системе разработки стратегии управленческих решений на этапе внедрения инновационных проектов. В современных условиях существующих тенденций по обоснованию стратегии управленческих решений на этапе внедрения инновационных проектов предприятий и их систем управления соответственно это становится особенно важно. Для этих целей требуются специальные, обладающие высокой универсальностью и повышенным быстродействием модели, комплексные методики, в общем случае отличающиеся от моделей и методик базового обеспечения. В статье предлагается в ходе реализации различных бизнес-проектов, с высокой степенью размерности используемых факторов (материальных потоков), использовать поиск оптимального управленческого решения еще на предварительных этапах их реализации.*

Ключевые слова: *современные подходы, стратегии, инновационные проекты, социально значимые объекты, проектирование, автоматизированное проектирование, управленческие решения, модели, методы, методики, исследовательские задачи, аппарат логистики.*

Переход к ориентации на модернизацию деятельности предприятий курортного дела и туризма невозможен без разработки соответствующих методологических и научно-методических основ, обеспечивающих проведение необходимых проектно-исследовательских работ. Это особенно важно в современных условиях существующих тенденций по обоснованию стратегии управленческих решений на этапе внедрения инновационных проектов предприятий и их систем управления соответственно.

В свою очередь, основой методического обеспечения применяемых автоматизированных систем проектирования систем управления является ориентированный на решение стоящих перед ней задач комплекс определенным образом состыкованных по входам и выходам и исходным данным многоуровневых описаний объектов проектирования (предприятий туристических услуг) их составных частей и алгоритмов решения проектно-исследовательских задач соответственно [1, 6].

Однако проблема обеспечения эффективного функционирования систем управления предприятий сферы туризма и определения стратегий управленческих решений соответствующих инновационных проектов не может быть решена только за счет разработки базового методического обеспечения.

Для этих целей требуются специальные, обладающие высокой универсальностью и повышенным быстродействием модели, комплексные методики, в общем случае отличающиеся от моделей и методик базового обеспечения.

В ходе реализации различных бизнес-проектов, с высокой степенью размерности используемых факторов (материальных потоков), возможно, использовать поиск оптимального управленческого решения еще на предварительных этапах их реализации.

Использование аппарата логистики как науки о планировании и управлении материальными и нематериальными операциями позволит решить множество многокритериальных задач, которые возникнут при реализации инновационных проектов [2, 4].

В большинстве случаев необходимо решать задачу размещения складских центров как поиск оптимального решения с минимальными издержками.

Выбор участка под предполагаемый центр осуществляется по критериям:

1) размер и конфигурация участка в зависимости от необходимого для обслуживания парка подвижного состава;

2) транспортная доступность местности;

3) оценка уже имеющихся на участке строений и необходимость дополнительных вложений.

В качестве примера рассмотрим вариант процесса реализации одного из инновационных (олимпийских) проектов с использованием логистического подхода.

Первоначально при реализации проекта по обеспечению олимпийских мероприятий, необходимо провести процедуру определения оптимального места расположения складских центров (логистических центров), регулирующих распределение материальных потоков на рассматриваемой территории.

Задача определения места расположения склада (логистического центра) на рассматриваемой территории может формулироваться как поиск оптимального решения или как поиск субоптимального (близкого к оптимальному) решения [3, 5]. Наукой и практикой выработаны различные методы решения задач обоих видов.

1. Метод полного перебора.

Выбор оптимального месторасположения решается полным перебором и оценкой всех возможных вариантов с применением средств ЭВТ методами математического моделирования.

2. Эвристические методы.

Метод основан на предварительном отказе от очевидно неприемлемых вариантов и проведением дополнительных расчетов экспертами. Анализируется транспортная сеть исследуемого района.

3. Метод определения центра тяжести.

Определяется месторасположения одного распределительного склада. Гораздо менее трудоемки субоптимальные методы определения места размещения центров.

Эти методы эффективны для решения больших практических задач. Они не обеспечивают отыскания оптимального решения, однако дают хорошие, близкие к оптимальным результаты при невысокой сложности вычислений.

Так, например, на территории г. Сочи Краснодарского края наиболее эффективным, по нашему мнению, будет использование метода определения центра тяжести материальных потоков (грузопотоков) для определения места расположения центра (склада), обеспечивающего материальными потоками объекты социальной инфраструктуры на территории г. Сочи (рис. 1).

В качестве примера предположим, что на территории города (рис. 2) необходимо расположить N социальных объектов, в нашем случае рассмотрим расположение 8 объектов.

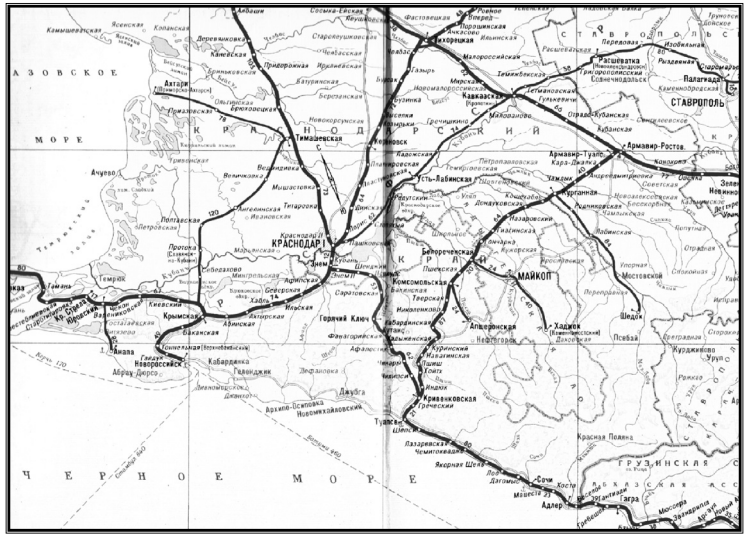

Рис. 1. **Карта обслуживания района г. Сочи**

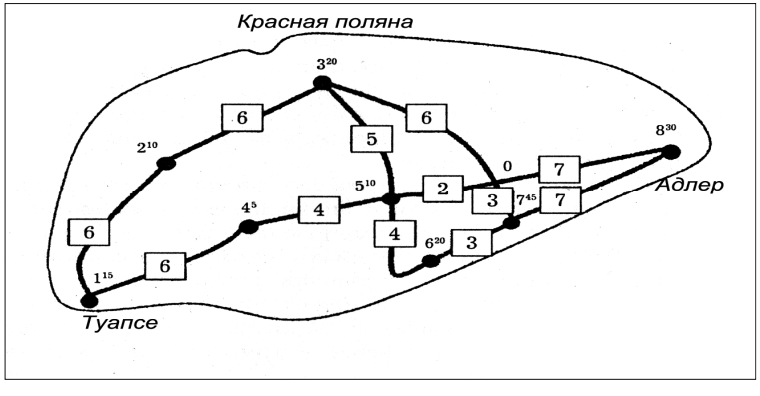

Рис. 2. **Карта района обслуживания социально значимых объектов в г. Сочи и г. Туапсе:**

4 – расстояние между объектами км;
6^{20} – № объекта и его материальный поток
(например, объект № 6, материальный поток – 20 т/мес.);
– автомобильные дороги.

Допустим, что по подобию выше приведенного примера сформирована адаптированная к местным условиям определенная таблица (таблица 1), в которой приведены координаты рассматриваемых объектов (в прямоугольной системе координат), а также их месячный материальный поток.

Таблица 1

Грузооборот и координаты обслуживаемых объектов

№ объекта	Координата X, км	Координата Y, км	Материальный поток, т/мес.
1	26	52	20
2	46	29	10
3	77	38	20
4	88	48	15
5	96	19	10
6	67	20	20
7	81	29	45
8	106	45	30

Пользуясь приведенными в теоретических пояснениях соответствующей методики [3, 5] формулами, находим координаты точки ($X_{склад}$, $Y_{склад}$), в окрестностях которой рекомендуется организовать работу центра, а также указываем эту точку на чертеже.

Прежде чем приступить к расчетам, необходимо выполнить чертеж к заданию. Для этого на миллиметровой бумаге следует нанести координатные оси, а затем точки, в которых размещены объекты. Рекомендуемый масштаб: одно миллиметровое деление – 1 км.

Задачу выбора места расположения центра решим для распределительной системы, включающей один склад.

Обсуждение:

В то же время необходимо учитывать некоторые особенности г. Сочи и принимаемых программ по его развитию. Известно, что Сочи – это крупнейший горноклиматический курорт России, который по богатству, разнообразию и ценности бальнеологических ресурсов входит в тройку лучших курортов Российской Федерации.

Санаторно-курортный и туристский комплекс города Сочи является крупнейшим в Краснодарском крае – представляет собой совокупность санаторно-курортных организаций, гостиниц, туристских и экскурсионных фирм, а также индивидуальных средств размещения, в том числе мини-гостиниц.

Анализ основных экономических показателей выявил, что за последние годы санаторно-курортный и туристский комплекс города Сочи стремитель-

но развивается и в первую очередь благодаря подготовке к проведению XXII зимних Олимпийских и XI Паралимпийских игр 2014 года.

Число предприятий, осуществляющих реконструкцию и модернизацию инфраструктуры, растет с каждым годом. С 2010 по 2012 год более 30 предприятиями санаторно-курортного комплекса проведены капитальный ремонт и модернизация инфраструктуры.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 991 «О программе строительства олимпийских объектов и развития города Сочи как горноклиматического курорта» в Сочи ведется строительство 35-ти новых объектов на территории горного, прибрежного и городского кластеров.

Вместе с тем к концу 2013 года более 170 отраслевых объектов выполнят требования единой архитектурной концепции.

На базе санаторно-курортного комплекса реализуется программа создания безбарьерной среды. На сегодня доступными признаны 45 объектов, 51 проводит соответствующие мероприятия.

На территории города Сочи расположено более 80 природных и рекреационных объектов, а также пешеходных маршрутов, большинство которых располагается на особо охраняемых природных территориях Сочинского национального парка и Кавказского государственного природного биосферного заповедника.

В реестре туристско-экскурсионных перевозок города Сочи зарегистрированы 21 туристско-экскурсионный маршрут и 76 перевозчиков, которым выдано 265 паспортов туристско-экскурсионных маршрутов.

В то же время остается нерешенным ряд вопросов, сдерживающих темпы развития лечебно-оздоровительных местностей, санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи:

– явный признак сезонности туризма, при котором 80% турпотока приходится на летний период и лишь 20% – на зимний. При этом, согласно прогнозам аналитиков и профессионалов туррынка, появляется тенденция спада интереса к внутреннему туризму со стороны российских граждан. А учитывая, что к 2014 году номерной фонд объектов размещения увеличится в 2,5 раза, может возникнуть проблема заполнения номерного фонда после 2014 года;

– высокая динамика роста стоимости услуг размещения, которая определяется интенсивным ростом издержек, связанных с эксплуатационными расходами и налоговыми платежами, вследствие чего падает посещаемость, доходность и окупаемость предприятий санаторно-курортного комплекса;

– отсутствие сформированного туристического предложения, отвечающего спросу целевых сегментов туристов;

– низкий уровень подготовки менеджеров и других специалистов, работающих в санаторно-курортном и туристском комплексе;

– неэффективность использования уникальных природных лечебных и туристских ресурсов города Сочи;

– сокращение удобных зон отдыха и мест для пешеходных прогулок жителей и гостей города Сочи (парков, аллей, скверов, терренкуров и т.д.), что также сказывается на туристской привлекательности города Сочи;

– сезонное функционирование ряда организаций санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи;

– дефицит муниципальных пляжных территорий;

– неразвитость событийного туризма как одного из ведущих направлений туристской деятельности;

– недостаточное благоустройство объектов показа, расположенных на территории Сочинского национального парка.

Создание новых многопрофильных центров курортно-оздоровительного обслуживания позволит решить проблему сезонности функционирования курортной базы города.

Для решения задач полномасштабного развития города-курорта необходимо:

- активное использование гидроминеральной базы и повышение эффективности использования природных ресурсов;
- создание многопрофильных санаторно-курортных учреждений и spa-комплексов с расширением медицинской и реабилитационной специализаций курорта;
- широкая реклама новых типов туристического продукта для заполнения учреждений отдыха в течение всего года (тур выходного дня и пр.);
- развитие делового туризма;
- развитие приключенческого и горного туризма.

Для стимулирования фирм к качеству обслуживания экскурсантов в 2013 году используется балльная оценочная система. Применение критериев для оценки заявок экскурсионных фирм отразилось на финансовом результате предприятий. В результате за период действия программы поступления в бюджет города Сочи от экскурсионной деятельности увеличились на 44%, а также повысилось качество оказываемых экскурсионных услуг.

В то же время остается нерешенным ряд вопросов, сдерживающих темпы развития лечебно-оздоровительных местностей, санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи:

– явный признак сезонности туризма, при котором 80% турпотока приходится на летний период и лишь 20% – на зимний. При этом, согласно прогнозам аналитиков и профессионалов туррынка, появляется тенденция спа-

да интереса к внутреннему туризму со стороны российских граждан. А учитывая, что к 2014 году номерной фонд объектов размещения увеличится в 2,5 раза, может возникнуть проблема заполнения номерного фонда после 2014 года;

– высокая динамика роста стоимости услуг размещения, которая определяется интенсивным ростом издержек, связанных с эксплуатационными расходами и налоговыми платежами, вследствие чего падает посещаемость, доходность и окупаемость предприятий санаторно-курортного комплекса;

– отсутствие сформированного туристического предложения, отвечающего спросу целевых сегментов туристов;

– низкий уровень подготовки менеджеров и других специалистов, работающих в санаторно-курортном и туристском комплексе;

– неэффективность использования уникальных природных лечебных и туристских ресурсов города Сочи;

– сокращение удобных зон отдыха и мест для пешеходных прогулок жителей и гостей города Сочи (парков, аллей, скверов, терренкуров и т.д.), что также сказывается на туристской привлекательности города Сочи;

– сезонное функционирование ряда организаций санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи;

– дефицит муниципальных пляжных территорий;

– неразвитость событийного туризма как одного из ведущих направлений туристской деятельности;

– недостаточное благоустройство объектов показа, расположенных на территории Сочинского национального парка.

Решение вышеперечисленных проблем, обеспечивающих развитие санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи, является одним из направлений, отвечающих приоритетным задачам социально-экономического развития города Сочи.

В целях развития города Сочи с развитой санаторно-курортной и туристской инфраструктурой, соответствующей международным стандартам, увеличения разнообразия туристских услуг, извлечения максимальной выгоды из туристских ресурсов необходимо разработать и реализовать комплексный программный метод.

Использование программного метода для решения вопросов развития санаторно-курортного комплекса города Сочи направлено на создание условий для эффективного управления ресурсами бюджета города Сочи.

При неиспользовании программного метода решение существующих проблем в необходимые сроки не представляется возможным в связи с тем, что реализация мероприятий Программы предполагает комплексный подход и участие в их реализации администрации города Сочи и инвесторов.

Отсутствие согласованных действий участников может привести к срыву сроков реализации Программы и снижению эффективности использования бюджета города Сочи и привлеченных средств инвесторов.

Выработанное направление развития санаторно-курортной отрасли станет основой для формирования комплексных программ развития, включающих в себя мероприятия и действия по их реализации, обеспечивающих устранение препятствующих факторов, достижение целей развития.

В качестве возможных вариантов решения проблем рассматриваются два:

- без принятия Программы,
- с принятием Программы.

В случае если проблемы, стоящие перед санаторно-курортным комплексом города Сочи, не будут решаться комплексно в рамках программного метода, становится возможным наступление эффекта стагнации в развитии отрасли. Недостаточная поддержка лечебно-оздоровительных местностей, санаторно-курортной отрасли и сферы туризма может привести к:

– снижению конкурентоспособности туристского продукта города Сочи на мировом и внутреннем туристских рынках (в том числе по причине продолжающегося снижения качества предоставляемых туристских услуг);

– снижению внутренних и въездных туристских потоков, что повлечет за собой сокращение налоговых и иных поступлений в бюджетную систему города Сочи;

– снижению уровня занятости населения в санаторно-курортной отрасли, сфере туризма и смежных отраслях, уменьшению доходов населения и повышению социальной напряженности;

– увеличению выездного турпотока.

Вероятными последствиями отказа от использования программного метода могут стать:

- разрозненные действия органов местного самоуправления, снижение их ответственности и появление бессистемности в решении стоящих задач;
- неэффективность использования бюджетных средств, незначительное привлечение средств внебюджетных источников для решения проблем в санаторно-курортной отрасли и сфере туризма.

С учетом изложенного можно сделать вывод об актуальности и обоснованной необходимости принятия программы «Развитие санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи на 2014–2018 годы».

Это позволит привлечь для реализации мероприятий Программы различные государственные и муниципальные структуры, а также внебюджетные фонды и при приемлемых затратах обеспечить решение вопросов развития санаторно-курортного и туристского комплекса города Сочи при допустимой степени риска. Механизм реализации Программы предполагает закупку

товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Координатор Программы – управление по курортному делу и туризму администрации города Сочи.

Исполнители мероприятий:

– управление по курортному делу и туризму администрации города Сочи;

– муниципальное бюджетное учреждение города Сочи «Дирекция по реализации программ».

Текущее управление осуществляется координатором Программы – управлением по курортному делу и туризму администрации города Сочи.

Координатор Программы:

• обеспечивает разработку Программы, ее согласование с иными исполнителями отдельных мероприятий Программы;

• формирует структуру Программы и перечень иных исполнителей отдельных мероприятий Программы;

• организует реализацию Программы, координацию деятельности иных исполнителей отдельных мероприятий Программы;

• принимает решение о внесении в установленном порядке изменений в Программу и несет ответственность за достижение целевых показателей Программы;

• осуществляет подготовку предложений по объемам и источникам средств реализации Программы на основании предложений муниципальных заказчиков, ответственных за выполнение мероприятий Программы;

• осуществляет мониторинг и анализ отчетов иных исполнителей отдельных мероприятий Программы;

• представляет в департамент экономики и прогнозирования администрации города Сочи сведения, необходимые для проведения мониторинга реализации Программы;

• проводит оценку эффективности Программы;

• готовит годовой отчет о ходе реализации Программы;

• организует информационную и разъяснительную работу, направленную на освещение целей и задач Программы;

• размещает информацию о ходе реализации и достигнутых результатах Программы на официальном сайте администрации города Сочи в сети Интернет;

• несет ответственность за целевое и эффективное использование средств бюджета города Сочи, поступивших в его распоряжение;

• осуществляет иные полномочия, установленные Программой.

Координатор Программы ежеквартально, ежемесячно до 5 числа (за исключением отчетного периода за год), представляет в департамент экономики и прогнозирования администрации города Сочи отчетность об объемах и источниках финансирования Программы в разрезе мероприятий.

В целях обеспечения текущего контроля координатор Программы представляет в департамент экономики и прогнозирования администрации города Сочи в месячный срок со дня доведения до главного распорядителя (распорядителя) средств бюджета города Сочи лимитов бюджетных обязательств и объемов финансирования Программы утвержденный сводный сетевой план-график реализации программных мероприятий и в сроки, установленные для ежеквартальной отчетности об объемах и источниках финансирования, – сведения о выполнении сводного сетевого плана-графика.

Муниципальный заказчик:

• заключает договоры в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

• ежемесячно и (или) ежеквартально представляет отчетность координатору Программы о результатах выполнения мероприятий Программы;

• определяет балансодержателя в установленном законодательством порядке по мероприятиям инвестиционного характера (строительство, реконструкция);

• несет ответственность за целевое и эффективное использование выделенных в его распоряжение бюджетных средств;

• осуществляет согласование с основными участниками Программы возможных сроков выполнения мероприятий, предложений по объемам и источникам финансирования;

• разрабатывает и утверждает сетевые планы-графики реализации мероприятий Программы в сроки, установленные координатором Программы, представляет координатору Программы утвержденные сетевые планы-графики (изменения в сетевые планы-графики) реализации мероприятий Программы, а также сведения о выполнении сетевых планов-графиков.

Ответственный за выполнение мероприятий:

• заключает соглашения с получателями субсидий в установленном законодательством порядке;

• ежемесячно и (или) ежеквартально представляет отчетность координатору Программы о результатах выполнения мероприятий Программы (подпрограммы);

• разрабатывает и утверждает сетевые планы-графики реализации мероприятий Программы в сроки, установленные координатором Программы, представляет координатору Программы утвержденные сетевые планы-графи-

ки (изменения в сетевые планы-графики) реализации мероприятий Программы, а также сведения о выполнении сетевых планов-графиков;

- осуществляет иные полномочия, установленные Программой.

Методика оценки эффективности реализации Программы основывается на принципе сопоставления фактически достигнутых значений целевых показателей с их плановыми значениями по результатам отчетного года.

Следует учитывать, что транспорт и связь города Сочи являются важнейшими элементами производственно-хозяйственной сферы, обеспечивающей жизнедеятельность курортных и туристических комплексов города Сочи.

Особенно важное значение транспортной инфраструктуры и инфраструктуры связи приобретался в ходе подготовки города Сочи к зимним Олимпийским играм 2014 года.

На территории муниципального образования город Сочи находятся стратегически важные транспортные объекты: ОАО «Международный аэропорт Сочи»; ОП ООО «Базовый авиационный оператор в г. Сочи»; ОАО «Сочинский морской торговый порт»; ФГУП «Росморпорт» Сочинский филиал; автовокзалы, железнодорожные станции.

Выполнением услуг по перевозке пассажиров занимаются 12 предприятий, в том числе 2 муниципальных унитарных автотранспортных предприятия, маршруты которых охватывают весь город Сочи.

Следует учитывать также, что сельскохозяйственная отрасль города Сочи является неотъемлемой частью комплексного развития города Сочи и традиционно ориентирована на удовлетворение потребностей его в свежих овощах, фруктах, рыбе, мясе птицы, продукции пчеловодства и так далее.

Общественный сектор отрасли представлен 16 предприятиями различной организационно-правовой формы собственности.

Свою деятельность организации осуществляют на землях общей площадью 4,4 тысячи гектаров сельхозугодий, в том числе пашни – 0,4 тысячи гектаров, многолетние насаждения – 3,4 тысячи гектаров, с численностью работающих 1,4 тысячи человек.

В современных условиях реформирования агропромышленного комплекса в последние годы в значительной степени возросла роль малых форм хозяйствования на селе (личные подсобные хозяйства и крестьянские (фермерские) хозяйства).

На начало 2013 года в городе Сочи личное подсобное хозяйство ведут 23 тысячи семей, число действующих крестьянских (фермерских) хозяйств – 224 единицы.

Объемы производства сельскохозяйственной продукции и ее переработка в основном сбалансированы с потребностями города Сочи.

Город Сочи на 10% обеспечивает себя по фруктам, на 25% – по овощам, на 15% – по рыбе и рыбопродуктам, на 40% – по мясу и мясопродуктам.

Недостающая часть основных продуктов питания завозится в город Сочи из других регионов России, в основном из Краснодарского края.

Пищевая промышленность города Сочи включает различные отрасли, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья и выработкой продуктов питания: мясную, хлебопекарную, рыбоперерабатывающую, кондитерскую и ряд других отраслей города Сочи.

В пищевой промышленности города Сочи функционирует порядка 200 организаций (из них 20 крупных и средних организаций, остальные – малые организации).

Производственные мощности крупных и средних организаций пищевой индустрии города Сочи позволяют произвести в год свыше 35 тыс. тонн колбасных изделий, около 58 тысяч тонн хлеба и хлебобулочных изделий, около 2 тысяч тонн кондитерских изделий, 17,5 миллиона условных банок консервов и пресервов рыбных, около 1,5 тысячи тонн товарной пищевой рыбной продукции, около 1,5 тысячи тонн чая фасованного.

Учтем также, что туризм и санаторно-курортное дело представляют собой сферы деятельности, позволяющие при сравнительно небольших капиталовложениях обеспечить экономически рентабельное использование «местных ресурсов» – природы, климата, историко-культурного наследия, традиций. Поэтому для города Сочи абсолютно правомерным является выбор туристско-курортного направления развития города Сочи в качестве приоритетного по отношению к промышленному развитию.

Учитывая невысокую конкурентоспособность отраслей экономики города Сочи, эксплуатация природно-климатического потенциала является, по крайней мере в обозримом будущем, более простой и эффективной формой участия в экономическом разделении труда, нежели участие в промышленной сфере.

Санаторно-курортный и туристский комплекс и в настоящее время является ведущей отраслью экономики города Сочи. Курортная отрасль города Сочи является бюджетообразующей отраслью для него, поскольку остальные отрасли города Сочи в основном ориентированы на обслуживание курортной сферы. Пищевая промышленность, транспорт и другие составляющие индустриальной структуры города Сочи пополняют бюджет города Сочи за счет использования курортной инфраструктуры.

Объем доходов по санаторно-курортному и туристскому комплексу города Сочи в 2012 году составил 19 988,1 миллиона рублей.

Нельзя не учитывать, что основу промышленности города Сочи составляют порядка 40 крупных и средних организаций различных форм собственности,

часть из которых входит в число крупных организаций Краснодарского края, и около 700 организаций малого бизнеса.

Доля крупных и средних организаций города Сочи в общем объеме производства полного круга промышленных организаций составляет 75%.

Главная намеченная задача – поддержание в промышленности устойчивого роста, реализация мер по техническому и технологическому перевооружению организаций, снижению издержек производства и особенно энергоемкости.

Общий объем отгруженных товаров собственного производства по полному кругу организаций в добывающих и обрабатывающих производствах в 2012 году составил свыше 20 миллиардов рублей, что на 8 процентов, или на 2 миллиарда рублей, выше отчета 2011 года.

Основным (но не единственным) фактором, влияющим на выбор места расположения центра, как уже указывалось выше является размер затрат на доставку товаров из центра. Минимизировать эти затраты можно, разместив центр в окрестностях центра тяжести материальных потоков (грузовых потоков).

В качестве примера решения задачи рассмотрим распределительную систему, обслуживающую пять потребителей (объектов) из представленных ранее 8 объектов.

Нанесем на нашу карту координатные оси таким образом, чтобы обслуживаемый район разместился в первой четверти системы координат. На (рис. 3) показано определение места расположения центра методом поиска центра тяжести материальных потоков (в скобках рядом с номером объекта указан его месячный материальный поток). Найдем координаты точек, в которых размещены объекты – потребители материального потока (грузового потока).

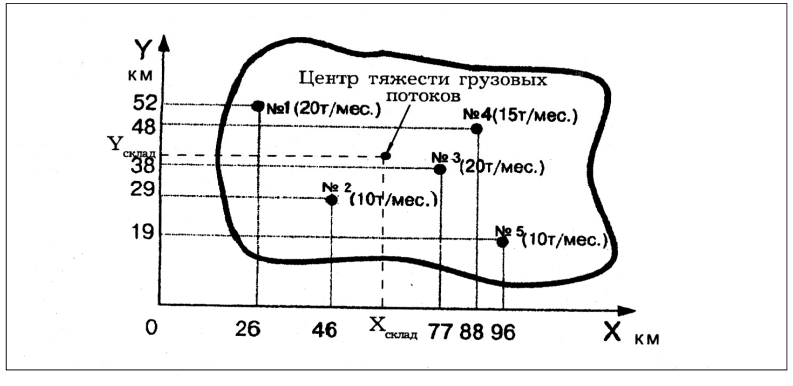

Рис. 3. **Определение места расположения логистического центра**

Координаты центра тяжести материальных потоков ($X_{склад}$ $У_{склад}$), т.е. точки, в окрестностях которой может быть размещен центр (склад), определятся по соответствующим формулам. Следует учитывать, что точка территории, обеспечивающая минимум транспортной работы по доставке, в общем случае не совпадает с найденным центром тяжести, но, как правило, находится недалеко.

В заключении сделаем следующие выводы:

– проблема обеспечения эффективного функционирования систем управления предприятий сферы туризма и определения стратегии управленческих решений развития соответствующих инновационных проектов может быть решена за счет разработки специальных, обладающих высокой универсальностью и повышенным быстродействием моделей и алгоритмов в общем случае отличающиеся от моделей и методик базового обеспечения;

– использование аппарата логистики позволит решить множество многокритериальных задач, которые возникнут при реализации инновационных проектов по размещению логистических (складских) центров как поиск оптимального решения с минимальными издержками;

– подобрать приемлемое место для логистического центра (склада), обеспечивающего объекты социальной инфраструктуры, позволит последующий анализ возможных мест размещения в окрестностях найденного центра тяжести (в рамках данной работы не проводится). При этом необходимо оценить транспортную и энергетическую доступность местности, вопросы экологической безопасности, наличие прав собственности у физических и юридических лиц на рассматриваемой территории, а также учесть планы местных территориальных органов самоуправления и общественных организаций в отношении использования намеченной территории.

Список литературы

1. Алексеев В.И. Информационные технологии в туризме и гостиничном менеджменте: учеб. пособие. – СПб.: Д.А.Р.К., 2008. – 224 с.

2. Арзуманова Н.И. Тенденции развития и формирования социальной ответственности бизнеса в рамках инвестиции в человеческий капитал // Новые задачи экономики и пути их решения: сб. ст. – Уфа, 2014. – С. 24–27.

3. Брусакова И.А. Информационные системы и технологии в экономике. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 352 с.

4. Варюхин А.С., Маркарян И.Н. Логистические подходы в системе разработки управленческих решений на предварительном этапе определения направлений модернизационного развития инновационных проектов предприятий в сфере курортного

дела и туризма // Вестник Университета (Государственный университет управления). – 2011. – № 9. – С. 38.

5. Видищева Е.В. Проблемы и перспективы устойчивого развития г. Сочи как туристского центра мирового уровня // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2013. Т. 1. – С. 110–115.

6. Shakhlamchyan V.V., Markaryan I.N. Logistic management modern tools problems in travel and recreation sector management control // European researcher. – 2011. – No. 5-2 (8). – P. 887–888.

Spisok literatury

1. Alekseev V.I. Informacionnie tehnologii v tyrisme i gostinichnom managemente. Uchebnoe posobie. – SPb.: D.A.R.K., 2008. – 224 s.

2. Arzoumanova N.I. Tendencii razvitiya i formirovaniya socialnoi otvetstvennosti bisnesa v ramkah investicii v chelovecheskiy capital. Sbornik statey «Novie zadachi economiki i pyti ih resheniya». – Ufa, 2014. – S. 24–27.

3. Brusakova I.A. Informacionnie sistemi I tehnologii v economike. –M.: Finansi i statistika, 2007. – 352 s.

4. Varyukhin A.S., Markaryan I.N. Logisticheskiye podhody v sisteme razrabotki upravlencheskih resheniy na predvaritelnom etape opredeleniya napravleniy modernizacionnogo razvitiya innovacionnih proektov predpriyatiy v sfere kurortnogo dela i tyrisma. Vestnik Universiteta (Gosudarstvenniy universitet upravleniya). 2011. №9. – S. 38.

5. Vidisheva E.V. Problemy i perspektivy ustoichivogo razvitiya g. Sochi kak turisticheskogo centra mirovogo urovnya. «Kurortno-rekreacionniy complex v sisteme regionalnogo razvitiya: inovacoinnye podhody».– 2013. T. 1. – S. 110–115.

6. Shakhlamchyan V.V., Markaryan I.N. Logistic management modern tools problems in travel and recreation sector management control. «European researcher». 2011. № 5-2 (8). – S. 887-888.

И.А. Шпехт,
кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры техносферной безопасности, математики и информатики, Российский государственный социальный университет, филиал в Анапе.
E-mail: shpekht@mail.ru

Р.Р. Саакян,
доктор технических наук, профессор, профессор кафедры техносферной безопасности, математики и информатики, Российский государственный социальный университет, филиал в Анапе.
E-mail: rsahakyan@yahoo.com

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация: *рассматривается практическая реализация Единой информационной платформы «Автоматизация этапов системного анализа» с комплексом согласованных инструментальных средств на примере организации информационной поддержки принятия решений в задаче оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления Краснодарского края. Решается задача выявления тенденций изменения показателей здравоохранения, в рамках информационной поддержки принятия решений в задаче оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления.*

Ключевые слова: *эффективность деятельности, органы местного самоуправления, системный анализ, автоматизация, сложная система поддержки принятия решений, динамическая визуализации многомерных данных.*

Введение

Эффективность деятельности органов местного самоуправления (ОМСУ) в соответствии с Федеральным законом № 131-ФЗ оценивается по 145 основным и 4 дополнительным показателям, сгруппированным по следующим сферам: экономическое развитие, здравоохранение и здоровье населения, дошкольное образование, общее и дополнительное образование, физическая культура и спорт, жилищное строительство и обеспечение граждан жильем,

жилищно-коммунальное хозяйство, организация муниципального управления, энергосбережение и повышение энергетической эффективности.

Оценка эффективности деятельности ОМСУ является одним из механизмов подведения итогов ежегодной работы глав муниципальных образований. По результатам оценки (ранжирования) эффективности деятельности муниципалитетов проводится выделение грантов из бюджетов субъектов РФ, несущих не только «призовую» функцию (гранты как поощрение лучших), но и «поддерживающую» функцию (гранты как помощь отстающим, гранты в целях содействия достижению высоких значений).

Таким образом, институт оценки эффективности деятельности ОМСУ призван решать следующие задачи:

– описание деятельности ОМСУ в сравнимых показателях;

– анализ и оценка деятельности ОМСУ в разрезе интересующих характеристик;

– побуждение ОМСУ корректировать свою деятельность в соответствии с целевыми значениями показателей.

В условиях глобальной информатизации актуальным является предоставление руководителю (региона, муниципалитета) в рамках ситуационного центра (СЦ) возможности оперативного оценивания положения (социально-экономического состояния) территориальных образований в рамках субъекта РФ, поселков внутри района, округов внутри муниципалитета по различным наборам показателей. Внедрение Единой информационной платформы ASSA [2, 3] в СЦ руководителей разных уровней, включающей в себя комплекс согласованных инструментальных средств, служит повышению оперативности и эффективности принимаемых управленческих решений.

Этапы реализации

Для демонстрации работоспособности Единой информационной платформы ASSA рассмотрим ее применение для информационной поддержки принятия решений [3] в задаче оценки эффективности деятельности ОМСУ Краснодарского края (фрагмент реализации СЦ руководителя).

Оценка эффективности проводится на основе статистических данных, представленных в [1] в виде Показателей оценки эффективности деятельности местных органов самоуправления городских округов и муниципальных районов Краснодарского края. В качестве ОМСУ в Краснодарском крае зарегистрировано 44 субъекта.

Для организации информационной поддержки принятия решений в задаче оценки эффективности деятельности ОМСУ Краснодарского края рассмотрим задачу многомерного анализа и определения местоположения муниципальных образований (МО) в системе показателей здравоохранения на основе многомерной классификации. Под определением местоположения будем понимать выделение в пространстве выбранных показателей здравоохранения классов МО, похожих между собой с точки зрения близости уровней показателей.

Оценка эффективности деятельности ОМСУ в сфере здравоохранения в общем производится по 24 показателям [1]. При проведении анализа и многомерной классификации МО по показателям здравоохранения, для наглядности представления результатов были выбраны из общего списка 6 показателей за 2009 и 2010 годы: ***35:*** общее число амбулаторных учреждений городского округа (муниципального района); ***42:*** число работающих (врачей) в муниципальных учреждениях здравоохранения в расчете на 10 тыс. человек населения; ***45:*** число коек в муниципальных учреждениях здравоохранения на 10 тыс. человек населения; ***51:*** общий объем расходов бюджета муниципального образования на здравоохранение; ***52:*** общий объем расходов бюджета муниципального образования на здравоохранение в части бюджетных инвестиций на увеличение стоимости основных средств; ***54:*** общий объем расходов бюджета муниципального образования на здравоохранение в части текущих расходов на оплату труда и начислений на оплату труда.

Первый этап. Применение Единой информационной платформы ASSA на первом этапе исследования предполагает проведение первичной разведки многомерных данных с целью выявления структурной особенности их расположения в многомерном признаковом пространстве. Указанный этап реализуется на основе программного комплекса динамической визуализации многомерных данных «ДИВИЗ» (ПК «ДИВИЗ») и программного комплекса разведочного анализа и сегментации многомерных данных «ЛИЛИЯ» (ПК «ЛИЛИЯ») с использованием сформированной на основе исходных показателей здравоохранения [1] базы данных в виде электронной таблицы формата xls (рисунок 1). Все дальнейшие расчеты будут приведены для показателей за 2010 год.

Визуальное представление муниципальных образований (объекты исследования, многомерные точки) во всевозможных трехмерных срезах – подпространствах признаков на ПК «ДИВИЗ» показало наличие большого класса близких по показателям МО, а также рассредоточенное облако, состоящие из остальных МО.

	A	B	C	D	E	F	G
1		35.поликлиники	42.врачи	45.число коек	51.бюджет	52.ОС	54.зарплата
2	Краснодар	1,004	105,3	140,5	13242	2003	6814
3	Анапа	1,171	34,5	73,4	21194	791	11228
4	Армавир	0,864	30,2	79,2	12305	870	6454
5	Геленджик	0,999	41,7	73,3	20704	2074	10310
6	Горячий Ключ	0,529	26,0	50,2	11057	66	5170
7	Новороссийск	0,945	33,4	64,7	17293	1758	7944
8	Сочи	0,696	41,0	96,0	58126	35980	8866
9	Абинский	0,436	23,9	140,6	10531	420	5671

Рис. 1. **Фрагмент базы данных для работы с ПК «ДИВИЗ» и ПК «ЗОНТ»**

Дальнейшее уточнение структуры данных с целью выявления более точных очертаний классов было произведено на основе ПК «ЛИЛИЯ», результаты применения которого показали наличие отдельного класса отдаленных от общего сгустка объектов – точек приведения.

Для подтверждения полученной информации о структуре и возможном количестве классов объектов была применена уникальная возможность визуализации многомерных данных методом динамического проецирования на псевдотрехмерные когнитивные образы программного комплекса «ЗОНТ» (ПК «ЗОНТ»), который в отличие от ПК «ЛИЛИЯ» является более информативным и переводит реальные объекты исследования на трехмерные образы (рисунок 2).

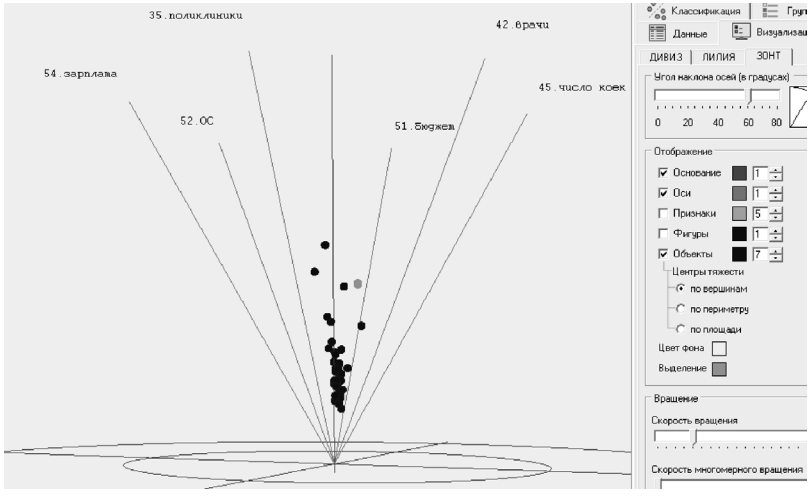

Рис. 2. **Псевдотрехмерное представление объектов на ПК «ЗОНТ»**

Первичный анализ показал, что объекты исследования (муниципальные образования) представлены в виде большого сгустка (ядра) и отдельных удаленных от него малых сегментов точек.

Следует отметить, что уже на этом этапе исследования можно оценить местоположение конкретных МО относительно друг друга (сравнительный анализ). Например, нетрудно заметить, что отдельно расположенный от основной группы (ядра) объект соответствует муниципальному образованию «город Краснодар», отдельные параметры эффективности деятельности которого, как видно из рисунка 1, превосходят аналогичные параметры большинства других муниципальных образований.

Второй этап. За этапом первичной разведки следует этап многомерной классификации объектов представления с целью определения их местоположения в многомерном признаковом пространстве. Данный этап в рамках Единой информационной платформы ASSA реализуется на основе программного комплекса автоматической классификации линейно неразделимых данных в непрерывном признаковом пространстве «ЛОТОС» (ПК «ЛОТОС»), который имеет в своем составе реализацию известных алгоритмов автоматической классификации семейства FOREL в виде отдельных приложений.

Для естественной классификации МО был применен ПК «ЛОТОС», в результате которой было выделено шесть неоднородных классов (рисунок 3). Как можно заметить, в качестве классов выделилось ядро (как основной класс) и 5 отдельных классов, содержащих не более 2–3 точек.

Третий этап. Далее было принято решение для обеспечения наглядности результатов классификации представить их аналогично ранжированию субъектов РФ на федеральном уровне, с точки зрения разделения всех объектов исследования на четыре класса со своим цветовым решением. Для этого был применен алгоритм автоматической классификации «FOREL-2».

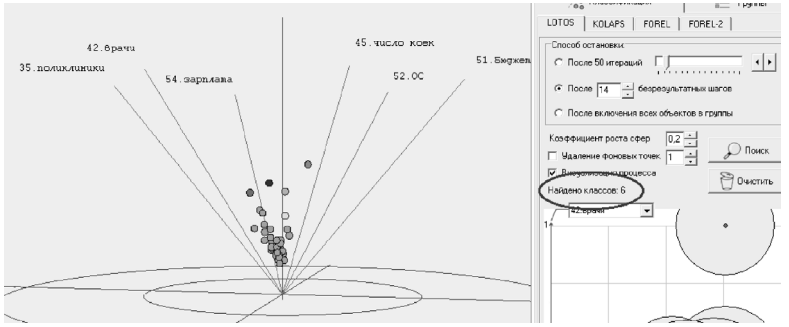

Рис. 3. **Естественная классификация данных ПК «ЛОТОС» (6 классов)**

Итоги автоматической классификации не вполне удовлетворительны по своей структуре и составу, так как основной класс объектов (ядро муниципальных образований) не является однородным, что доказывается наличием отдельных сгустков объектов при его ближайшем рассмотрении.

Четвертый этап. Проведенный многомерный анализ и определение местоположения МО Краснодарского края в системе показателей здравоохранения показал, что для окончательного определения состава классов объектов МО с целью оценки эффективности их деятельности, требуется выполнение дополнительной ручной классификации.

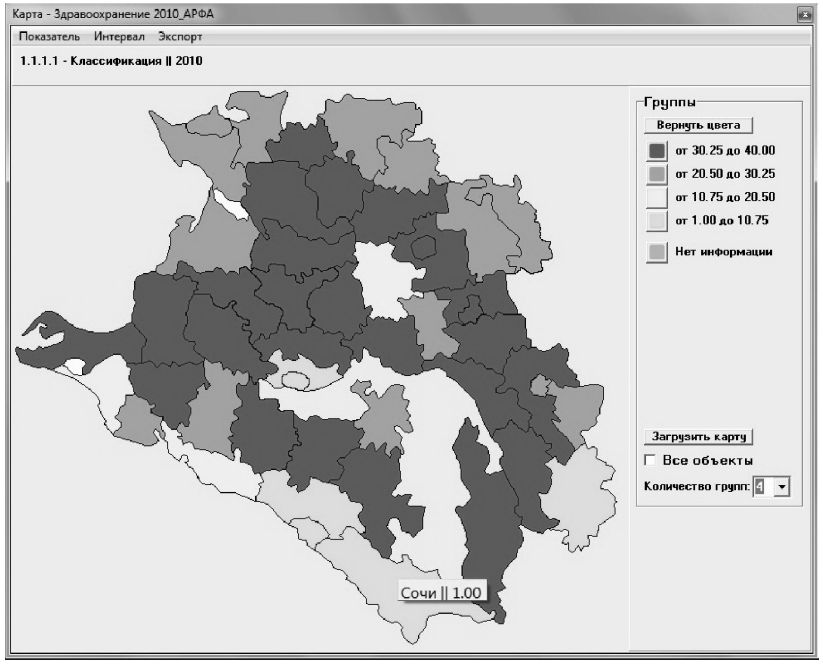

Рис. 4. **Представление классов муниципальных образований Краснодарского края в виде картограммы**

При ручной классификации преследовалась цель корректировки, а именно дополнение четырех классов естественной классификации объектами, близкорасположенными к их центрам.

По результатам проведенной классификации в отдельный класс выделились муниципальные образования, имеющие значительно отличающиеся показатели здравоохранения (Краснодар, Сочи, Отрадненский и Туапсинский районы).

Следующий класс объектов является самым малочисленным, но достаточно близким по совокупности показателей здравоохранения. В него вошли Анапа, Геленджик и Выселковский район.

Третий класс объединяет МО, достаточно близкие по многим показателям (13 муниципальных образований), а ядро представленного множества МО образует плотное облако (класс), состоящее из 24 муниципальных образований, что говорит о существовании общей картины обеспечения данных МО в сфере здравоохранения.

Представленные выше классы по своему качественному и количественному составу говорят о дифференциации муниципальных образований Краснодарского края в сфере здравоохранения. При этом можно предположить, что у муниципальных образований, объединенных в общие классы, прослеживаются как высокие достижения по отдельным показателям эффективности деятельности, так и проблемы, характерные для большинства МО, составляющих данный класс.

Пятый этап. Для визуализации полученных данных с привязкой к географическому положению МО в рамках Единой информационной платформы ASSA была применена информационно-аналитическая система «АРФА» (ИАС «АРФА»), которая позволяет представить результаты классификации в виде картограммы (рисунок 4).

Заключение

С целью выявления тенденций изменения показателей здравоохранения в рамках информационной поддержки принятия решений в задаче оценки эффективности деятельности ОМСУ в работе были проведены аналогичные вышеприведенным исследования по данным за 2009 год. По результатам проведенных исследований за 2009–2010 годы по показателям здравоохранения была составлена таблица динамики перехода МО из класса в класс в зависимости от изменения показателей здравоохранения в целом. Динамику оценки эффективности деятельности МО можно проследить также по сравнительной картограмме.

Практическая реализация Единой информационной платформы ASSA с комплексом согласованных инструментальных средств, на примере организации информационной поддержки принятия решений в задаче оценки эффективности деятельности ОМСУ Краснодарского края показала актуальность и эффективность ее использования в рамках ситуационного центра руководителя (МО, региона).

Список литературы

1. Показатели для оценки эффективности деятельности местных органов самоуправления городских округов и муниципальных районов // Сайт Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю. URL: http://www.krsdstat.ru/munstat/ (дата обращения: 14.01.2013).

2. Шпехт И.А., Симанков В.С., Саакян Р.Р. Технология экспертно-квалификационного анализа и моделирования целей сложных систем с опорой на процедуры методологии ASSA // Информатика и системы управления. – 2011. – № 2. – С. 140–150.

3. Шпехт И.А., Симанков В.С., Саакян Р.Р. Процедурно-ролевой алгоритм построения и анализа дерева целей сложной системы в задаче определения критериев их достижения // Информатика и системы управления. – 2013. – № 2. – С. 64–73.

Spisok literatury

1. Pokazateli dlya otsenki effektivnosti deyatel'nosti mestnykh organov samoupravleniya gorodskikh okrugov i munitsipal'nykh rayonov // Sayt Territorial'nogo organa federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Krasnodarskomu krayu. URL: http://www.krsdstat.ru/munstat/ (data obrashcheniya: 14.01.2013).

2. Shpekht I.A., Simankov V.S., Saakyan R.R. Tekhnologiya ekspertno-kvalifikatsionnogo analiza i modelirovaniya tseley slozhnykh sistem s oporoy na protsedury metodologii ASSA // Informatika i sistemy upravleniya. 2011 №2. S. 140–150.

3. Shpekht I.A., Simankov V.S., Saakyan R.R. Protsedurno-rolevoy algoritm postroyeniya i analiza dereva tseley slozhnoy sistemy v zadache opredeleniya kriteriyev ikh dostizheniya // Informatika i sistemy upravleniya. 2013 №2. S. 64–73.

О.В. Стукова,
кандидат биологических наук, докторант социологического факультета,
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург.
E-mail: olga-stukova@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ КОРРУПЦИИ: ОТБОР КАДРОВ С УЧЕТОМ ЦЕННОСТНОГО УРОВНЯ

Аннотация: *в статье представлена авторская социальная технология, при использовании которой открывается возможность предотвращения коррупции уже на стадии отбора кадров и далее – в ходе их регулярного профилактического тестирования. Суть заключается в следующем: предлагаются 3-х и 7-уровневые системы (шкалы) оценки духовно-личностного уровня субъектов. Они выделяют соответственно 3 (7) групп ценностей – от элементарных материальных до высших духовных. Использованы традиционные восточные уровневые шкалы с переносом на современную ситуацию. После разработки специальных психолого-социологических тестов на основании данной системы шкал можно проводить тестирование кадров и выявлять такие качества (соответствующие определенному уровню развития личности), как склонность к обогащению, стремление к власти или, наоборот, бескорыстие и преобладание духовных ценностей в личном пантеоне.*

Ключевые слова: *технология, технологии, социальная технология, коррупция, противодействие, исследование, методика, кадры, кадровая политика, трудовые отношения.*

На современном этапе в ряде стран большую проблему представляет коррупция среди всех уровней чиновников. Определение личностных особенностей претендентов при отборе кадров могло бы отмести нежелательных кандидатов. Однако трудность отбора усугубляется тем обстоятельством, что коррупционные наклонности личности вполне органично вписываются в современную западную общепринятую систему ценностей и не могут быть выявлены общепринятыми психологическими тестами, заимствованными из западных источников.

Предлагается расширенная социальная технология, где за основу взяты две традиционные в странах Востока уровневых системы, основанных на ценностных предпочтениях личности:

"Нужно знать о трех ступенях роста личности – низшей, средней, высшей. Ясно опишу характеристики их и отличия:

(А) Того, кто всячески заботится лишь о собственном благополучии, следует считать ***низшей личностью.***

(Б) А тот, кто отворачивается от счастья мирского и, отбросив зло, радеет лишь о собственной нирване, – ***средняя личность****.*

(В) Кто всецело, искренне желает покончить со всеми страданиями других, мучительно ощущая их как свои – ***тот личность высшая****" (Чж. Атиша, буддийский классический канон X–XI вв.)* [1, с. 134-135]. Именно такие мировоззренческие критерии издавна и в индуизме были основой деления населения на 3 главных варны (касты), хотя с веками оно стерлось и варны стали наследственными, родовыми жесткими кастами, против чего и восстал Будда, пытаясь вернуть прежние четкие морально-этические принципы.

1. Трехуровневая система (шкала Соломона). Считается, что еще царь Соломон впервые применил данный социологический тест при отборе кандидатов на строительство Иерусалимского храма. Тестовый вопрос был: – - *Что ты делаешь?*

Вопрос этот задавался Соломоном каждому рабочему (кандидату), везущему тачку с кирпичами.

Варианты ответов были: – *А. Камни тащу, будь они неладны…*

Б.- Зарабатываю деньги, кормлю семью.

В.- Строю Храм!

Ответ группы А типичен для субъектов «низшего уровня» (см. выше цитату из классического буддийского канона) – характерных для люмпена, лиц бомж, для которых труд ненавистен сам по себе и которые в жизни руководствуются узко-эгоистическими мотивами.

Категория Б: в буддийской классификации – это уже лица с духовными целями в жизни, но в случае Соломона – это скорее обычные трудящиеся с преобладанием материальных ценностей, каких большинство и сейчас.

Известно, что Соломон принял на эту престижную и хорошо оплачиваемую работу лишь тех, чей ответ соответствовал типу В. Можно охарактеризовать эту группу как лиц с явным преобладанием духовных ценностей над материальными, т.е. **лиц устремленных к бескорыстному служению исключительно высшим ценностям. Именно такие претенденты на посты чиновников предпочтительны и в наше время. На этой основе необходима разработка специальных социопсихологических тестов.**

2. На Востоке, особенно в ведической системе Индии, издавна используется также **семиуровневая система ценностей** (см. ниже табл.). Семь ступеней-уровней этой иерархической модели представляют собой **7 объективных стадий развития любой системы** – от живого существа, включая человека – до фирмы и государства…

Чтобы сохранить восходящий смысл иерархической уровневой системы (направление развития) – читать ее мы будем – **снизу вверх (**здесь **каждому уровню прямо соответствует Цель (мотив)**, которую преследует субъект, находящийся на данном уровне). Шкала эта была известна еще Пифагору и его тезис «**Человек есть мера всех вещей**» тесно связан именно с данной шкалой, встроенной неким образом в тело человека – где позвоночный столб и служит этим универсальным аршином. Поэтому не надо удивляться, что названия 7 уровней – суть точки на позвоночнике или их проекции на ближайшие важные центры-органы, на уровне которых фактически и ограничено развитие субъекта (в скобках все же дадим классические для индийской и эзотерической литературы санскритские названия):

Уровень (анатомич. центр)	**Психологич. Уровень как Цель и главная Ценность личности**
7. Темя (Сахасрара)	Единение с Богом, миром, Вселенной
6. Третий Глаз (Аджна)	Постижение Гармонии мира (ИСТИНЫ) Метод – СИНТЕЗ
5. Горло (Вишудха**)**	Гармония с Природой, постижение КРАСОТЫ (метод – АНАЛИЗ)
4. Сердце (Анахата**)**	Любовь ко всему живому - Духовные Ценности: ДОБРО, Бескорыстное Служение людям
3. Пупок (Манипура	Власть над материей-энергией (богатство) и людьми (диктатура и террор)
2. Секс. центр (Свадистана**)**	Элементарно устроенный быт, любовь (секс), семья, дети
1. Копчик (Муладхара**)**	Выживание

Нам не удалось избежать классических санскритских названий центров: они закрепились в психологической литературе (Кен Уилбер [7], А. Подводный [5]) и уже сформировались прилагательные: *манипурные* методы, *сердечный* уровень… Эти формы оценки уже носятся в воздухе и все шире применяются такие «антропоцентрические» термины в культурологии: *«пупочный уровень» (в нашем кино)… [кинорежиссер Св. Дружинина, т/к «Культура», 02.11.2011].*

Итак, конкретизируем данную шкалу-систему ценностей **снизу вверх:**

Ур. 1. – Муладхара (проецируется на область **копчика**) соответствует самому низшему состоянию системы – где единственная цель: **выжить!** Люди, находящиеся или (чаще) опущенные тяжелыми жизненными обстоятельствами, упавшие на этот уровень, как правило, трусливы, одержимы депрессиями, работать не мотивированы. **Зигмунд Фрейд,** утрировавший роль страха смерти и всего лишь двумя нижними уровнями (см. табл.) ограничивал интересы своих пациентов. В таблице можно видеть, что это скорее справедливо лишь для низших уровней духовно-личностного развития, а также патологических состояний психики.

С. Кьеркегор [3] тоже ставил *«стадию отчаяния»* в основании разработанной им лестницы духовной эволюции личности, причем глубина падения субъекта относительно его же идеала по нашему мнению может служить источником творческой энергии («разность потенциалов») для последующего личностного развития, если на таковое субъект найдет силы.

Следующей стадией у Кьеркегора является **обыватель** – ограниченный, равнодушный ко всему (в том числе к морали), безличный, пребывающий в иллюзиях (в том числе алкоголизм, наркомания…). Это очень жесткая, хотя и во многом обоснованная позиция – характеризующая следующий (2-й уровень нашей шкалы):

Ур. 2. Этому уровню соответствует большинство обывателей, чьи единственные интересы и цели – любовь примитивно-сексуальная, **простейшая устроенность быта, семья**… Разумеется, здесь превалируют материальные цели и ценности.

Ур. 3. Цель и пафос данного уровня – это **борьба за деньги, имущество, власть над людьми, причем без разбора в средствах** (часто, как теперь говорят – «*манипурными*» методами – т.е. максимально жесткими, тоталитарными).

По Кьеркегору, это **стадия «отчаяние-вызов» окружающему миру**: субъект уже осознает себя «здесь и сейчас» вместе со своей моральной ответственностью – но обуянный гордыней, не желая еще слышать о Высших Силах и высших ценностях, стремится получить как можно больше от материального мира. **Только с этой стадии** – считает Кьеркегор **– можно вообще говорить о Личности** [3]. **Это пафос всей западной цивилизации**: Власть и Деньги – а духовные ценности здесь не в цене… Официально в западном мире данный уровень не только не осуждается, но и считается высшим из возможных («американская мечта»)…

Однако статистические данные, полученные в США еще в конце 80-х годов, свидетельствуют о том, что при грамотном социологическом опросе и там можно выявить людей всех уровней:

*«Психологи выявили **объективные стадии морального развития личности** – **в основе лежит мотив**, побуждающий человека к выполнению моральных норм:*

1 стадия – боязнь наказания…»

2 – ожидание поощрения»,

3 – ожидание социального одобрения и уверенность в необходимости соблюдения всех предписаний»,

4 – понимание относительности правил (уровень 4. – *О.С.)* и даже –

5 – самостоятельный выбор принципов поведения» (ур. 4 и выше. – *О.С.*) [9].

Как можно видеть, порядковые номера, здесь везде (кроме 5) совпадают с номерами уровней в нашей шкале.

Ур. 4: Сердце – это уже уровень общения с людьми и Богом, причем как в христианстве, так и в восточной мистике [2, с. 62-87]: мы не зря говорим: сердечный человек или бессердечный, мы любим «сердцем», чувствуем высокие порывы сердцем… Человек этого уровня – Настоящий Духовный Интеллигент, и ценности его – **Добро, Общее Благо,** т.е. **Любовь ко ВСЕМ людям**, а не только к своим близким – как на уровне 2. Практически, человек с полностью открытым Сердцем – это Святой (во всех мировых религиях).

Уже наглядно видно, что **иллюзорные ценности** (по П. Сорокину [6]) или «кукольные идеалы» (по А. Подводному [5]) – **это уровни ниже Сердца, ниже пояса** (буквально**).** Достижение их не приносит ожидаемой радости – скорее разочарование и – как наркотик – требует все большей и большей дозы… Это **типичные низменные ценности мира потребления** (по П. Сорокину). И в нашем случае, в целях борьбы с коррупцией – мы должны учитывать, что все коррупционеры – это люди, одержимые именно этими низменными идеалами.

С уровня **Сердца** начинается **«ватерлиния Духовности» и служение истинным, высоким, духовным ценностям**.

В этой связи можно заметить, что принадлежность кандидата на должность к искренне верующим (в любой форме кроме наиболее злостных сект) может приветствоваться.

Разумеется, мы должны признавать за каждым человеком возможность развиваться, подниматься на следующий уровень – в чем в конечном итоге и заключается Цель существования. В общем смысле: **только осознание ценностей следующего уровня** (и ложности старых ценностей) **позволяет подняться на новый уровень**. Или, по К.Г. Юнгу, – решение проблемы своего уровня возможно лишь после подъема на более высокий уровень этой же лестницы: «*путем перерастания /личностью своей/ проблемы* [8].

Ур. 6: – это **Синтез Знания, понимание всего мира** в его внутренней Гармонии. Такую **цель** ставит перед собой настоящий ученый. Третий Глаз – это

гипофиз-эпифиз, редуцированный у современных людей орган ясновидения. Люди с хотя бы на секунды приоткрывающейся Аджной могут сразу дать ответ сложной математической задачи или узнают судьбу человека, мира… Это и есть механизм интуиции, точнее просто *считывание* (чаще бессознательное) информации с Высших Планов (в ведизме Акаша-хроника)…

Ур. 7: Это уже Бого-Человек, закончивший человеческую Эволюцию. Его сознание соединено с Сознанием всего человечества и Бога, что и является на нашем отрезке эволюции **Целью: осознать свою роль и миссию как клеточки в гигантском организме Вселенной…**

Такие люди (уровней 6–7) конечно, редки в наше время – но они есть. Деятелем такого уровня несомненно был Ромеш Чандра, Ген. Секретарь ООН в 70-е годы. В нашем правительстве последних лет также можно видеть людей уровня 5–6, однако они держатся скромно и стараются не выделяться. Кстати, мания величия и нескромность также относятся к признакам низких уровней личности (не выше ур. 3).

Востоковед **В.В. Малявин** [4] вслед за **К.Г. Юнгом** [8], цитируя также **Шлегеля и Ницше**, обращает внимание на раскол на две полярные понятийно-ценностные системы за счет фундаментальных различий в духовных традициях Востока (духовная система ценностей) и Запада (где официальная христианская система ценностей уже сильно деформирована, втиснута в прокрустово ложе общества потребления, которое всячески одобряет и насаждает 3-й уровень (тип Б) как якобы «высший» и предельно возможный).

Выводы:

1. Предлагается уровневая система оценки мотивационно-ценностного уровня развития личности.

2. Предлагаемые методы психологического тестирования кадров позволят не допустить к ответственным должностям лиц недостаточно высокого ценностно-личностного уровня – мотивационно ориентированных на материальные ценности, на рвачество (т.е. на коррупцию).

Список литературы

1. Атиша Чж. Светоч на Пути к Пробуждению. – Т. 2. Ламрим. – СПб.: Тибетский Дом, 1997. – С. 134–135.

2. Вышеславцев Б.П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. – 1990. – № 4. – С. 62–87.

3. Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – 383 с.

4. Малявин В.В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. – М.: Наталис, 1997. – 367 с.

5. Подводный А. Тонкая семерка: в 2 т. – Воронеж: МОДЭК, 1993.

6. Сорокин П. Жизнеописание, мировоззрение, цитаты.– СПб.: Невский Проспект, 2007. – 176 с.

7. Уилбер К. Интегративная психология. – М.: АСТ: Ин-т Трансперсон. психол., 2004. – 412 с.

8. Юнг К.Г. Йога и Запад. – Львов–Киев: 1994. – 230 с.

9. Psychology. – 1988. – V. 25. – No. 1. – P. 1–9.

10. Vinogradova M.V., Kulyamina O.S., Koroleva V.A., Larionova A.A. The impact of migration processes on the national security system of Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – T. 6. – No. 3. – S. 5.– P. 161-168.

Spisok literatury

1. Atisha CHzh. Svetoch na Puti k Probuzhdeniyu. – T. 2. Lamrim. – SPb.: Tibetskij Dom, 1997. – S. 134–135.

2. Vysheslavcev B.P. Serdce v hristianskoj i indijskoj mistike // Voprosy filosofii. – 1990. – № 4. – S. 62–87.

3. K'erkegor S. Strah i trepet. – M.: Respublika, 1993. – 383 s.

4. Malyavin V.V. Molniya v serdce. Duhovnoe probuzhdenie v kitajskoj tradicii. – M.: Natalis, 1997. – 367 s.

5. Podvodnyj A. Tonkaya semerka: v 2 t. – Voronezh: MODEK, 1993.

6. Sorokin P. ZHizneopisanie, mirovozzrenie, citaty.– SPb.: Nevskij Prospekt, 2007. – 176 s.

7. Uilber K. Integrativnaya psihologiya. – M.: AST: In-t Transperson. psihol., 2004. – 412 s.

8. YUng K.G. Joga i Zapad. – L'vov–Kiev: 1994. – 230 s.

9. Psychology. – 1988. – V. 25. – No. 1. – R. 1–9.

10. Vinogradova M.V., Kulyamina O.S., Koroleva V.A., Larionova A.A. The impact of migration processes on the national security system of Russia // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – T. 6. – No. 3. – S. 5.– R. 161-168.

О.А. Уржа,
доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и социальной инженерии факультета социального управления и социологии, Российский государственный социальный университет, Москва.
E-mail: olga.urzha@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК СРЕДСТВА ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА

Аннотация: *в статье рассмотрены основные проблемы, связанные с теоретической интерпретацией и практической реализацией социального управления как наиболее эффективного и демократического способа управления, обеспечивающего оптимизацию социальной структуры общества и способствующего его развитию на основе социоинженерных методов.*

Ключевые слова: *социальное управление, государственное управление, социальная структура, социальная инженерия, социальные технологии.*

Анализ факторов, регулирующих общественную жизнь, а значит, и положение людей в обществе, их мобильность, показывает, что существует два пути приостановления деструктивных процессов: первый – стихийная саморегуляция общества, когда внутренние механизмы структурообразования начинают постепенно работать на кристаллизацию новой социальной структуры, появляются новые элементы и связи, восстанавливается их устойчивость и вновь начинают работать каналы социальной мобильности. Второй путь предполагает управляемость процессами формирования социальной структуры и их прогнозируемость.

В первом случае мы имеем дело со стихийным воздействием на систему. Так, например, рынок с его конкурентными механизмами является мощным регулятором такого воздействия. Кроме того, в определенных условиях оказывают значительное стихийное управленческое воздействие обычаи, традиции, нормы морали, религиозные верования, идеологические установки и другие явления.

Во втором случае – с факторами, обусловливающими целенаправленное управленческие воздействия, которые относятся к сознательным. С одной стороны это могут быть внешние управленческие воздействия, которые являются функцией специфических общественных институтов, в теории управления получивших название субъектов управления и в совокупности составляющих управляющую систему. Применительно к обществу в качестве управляющей системы выступает вся политическая система общества, включающая в себя государство, политические партии, общественные организации и другие элементы. Ведущим институтом политической системы общества выступает государство. С другой стороны – это факторы, связанные с самоуправлением. Гражданское общество несет весомую управленческую функцию. Передавая властные полномочия государственным органам, оно оставляет за собой решение важнейших вопросов частной жизни граждан, их общественных формирований.

Так как сознательное управление является целенаправленным, то достижение цели может осуществляться различными способами, представляющими определенный континуум – нисходящий по силе ряд направленного воздействия: от насильственно-приказного, «жесткого» до «мягкого», демократического, формирующего внутреннюю мотивацию объекта к реализации цели. В этом случае мы имеем дело с социальным управлением. Границы, содержание и цели социального управления зависят от социально-политического строя того или иного общества.

Общество – это целостная организованная система. Организация, по Богданову, является основой развития во всех областях общественной жизни. Очевидно, что процесс организации всегда связан с определенной группировкой элементов системы, координированием и регулированием их взаимодействий в духе целесообразного единства.

Существует точка зрения ряда ученых о том, что по отношению к обществу недопустимо использование термина «управление», что все процессы, связанные с воздействием на общности людей, должны определяться более «мягкими» понятиями – формирование, регулирование. Дискуссия по этому поводу имеет свое обоснование: история человечества богата примерами, когда управление людьми действительно принимало уродливые формы диктатуры с тяжелыми последствиями.

Эта теоретическая проблема в большей степени является терминологической проблемой, проблемой интерпретации. Французский философ Р. Декарт в свое время говорил: «Определяйте значение слов и вы избавите свет от половины заблуждений».

Анализ всего разнообразия интерпретаций таких близких понятий, как «формирование», «регулирование» и «управление» показывает, что существенного отличия, которое характеризовало бы особую «мягкость» того или иного из них, нет. Смысл каждого из указанных понятий – целенаправленное воздействие субъекта на объект. Все остальные ощущения большей или меньшей степени

жесткости, манипулятивности, демократичности – всё это эмоциональное восприятие, связанное с определенной установкой того или иного автора на толкование этих понятий. Таким образом, мы видим, что применительно к обществу, его социальной структуре, интересам социальных групп и слоев оказывается неприемлемым ни одно из перечисленных понятий. Это и вызвало необходимость введения особого социологического понятия – «**социальное управление»**, то есть управление с учетом социального аспекта объекта воздействия.

Социальное управление как особый тип управления приковывало к себе внимание на всех этапах развития человеческого общества, и ему отводилось ведущее место в системе взглядов Конфуция, Аристотеля, Н. Макиавелли, Г. Гегеля, К. Маркса, В.И. Ленина и др. Современные западные теоретики, такие как Дж. Бэрнхем, Д. Белл, Дж. Гэлбрэйт, видят в социальном управлении силу, способную избавить общество от присущих ему социальных недугов, повысить его жизнеспособность. Отечественные ученые-управленцы предприняли значительные усилия для более полного толкования понятия «социальное управление». Еще в 1968 году профессор Г.И. Петров опубликовал статью «Предмет науки социального управления», в которой подчеркивал, что «науку социального управления следует определять как науку о целенаправленной организующей деятельности людей или, другими словами, как науку об оптимальной организации управленческого труда» [1, с. 75].

«Социальное управление», как всякое социологическое понятие, имеет широкий и узкий смысл. Чаще всего многие воспринимают его именно в широком смысле как управление обществом, людьми, живой человеческой средой и происходящими в ней процессами.

Социальное управление в узком смысле определяется как управление процессами и явлениями социальной сферы общественной жизни, средство реализации социальной политики [7, с. 839]. В социальной сфере управление предполагает сознательную деятельность общественных институтов и отдельных индивидов, направленную на регулирование стихийных и осознанных, объективных и субъективных начал, целесообразное упорядочение общественных отношений. В данном случае речь идет не о прямом воздействии на объект, а опосредованном, то есть через воздействие на условия, в которых находится объект, применение особых принципов, методов и средств управленческого влияния.

Социальное управление предполагает включение «мягких», опосредованных форм воздействия на объект. Эта опосредованность состоит в том, что практически управление осуществляется теми факторами, то есть внешними условиями, которые формируют потребности и интересы людей. Таким образом, объектами непосредственного управления становятся системы, институты, организации.

Именно такой вид управленческого воздействия не нарушает демократических прав и свобод, опосредованно, через условия функционирования объекта управления, формирует, регулирует его основные качества, используя внутренние механизмы саморазвития и самореализации объекта. Сама система социального управления анализируется как определенные способы совместной деятельности людей, реализующих управленческие функции в целях самоорганизации, обеспечения саморазвития общественного организма и самих себя.

В переходные периоды, когда происходит ломка, трансформация институтов общества, появляются новые типы организаций – соотношение между процессами саморегуляции и регуляции меняется в пользу последних, требуется более целенаправленное управление созданием новых, адекватных времени форм и конфигураций институтов и организаций в обществе, что является прерогативой государственного управления – особого вида социального управления.

Уровень огосударствления, или степень распространения государственной власти, то есть меры влияния государства на общество, его элементы и процессы, дает нам ряд моделей взаимодействия общества и государства. Этим моделям, безусловно, соответствуют определенные конфигурации «социального конуса», то есть социальной структуры общества.

В российской истории с самого начала ее формирования уровень огосударствления всегда был высоким. Со времен Петра I статус человека в обществе определялся принадлежностью к той или иной категории по Табели о рангах. В советский период огосударствление было почти тотальным. Поэтому становление новой государственности России требует определения пределов государства в жизнедеятельности людей. Государство должно играть свою роль в обществе, но для этого надо знать, в чем она заключается.

Важнейшая функция государства состоит в необходимости выражения общих для всех, интегрированных потребностей, интересов и целей жизнедеятельности граждан. Проблема заключается в том, чтобы на каждом этапе развития определять эту «золотую середину», которая бы, с одной стороны, обеспечивала права и свободы человека, давала простор его активности и творчеству, а с другой – вводила в общество определенное организационное начало, упорядочивала деятельность индивидуумов. В этом смысле функции государства видятся в том, чтобы создавать и поддерживать в «работоспособном» состоянии организационные и правовые механизмы, позволяющие своевременно и полно выявлять потребности, интересы и цели общества, волнующие его проблемы, вырабатывать и проводить в жизнь соответствующие правила (нормы) поведения и деятельности людей, их коллективов, социальных, территориальных и национальных общностей. Государство

не решает проблемы, а формирует условия для решения проблем, на которые направляются усилия всего общества. Если говорить обобщенно, для государства важно в первую очередь понимать, что такое национальные интересы своих народов, какова их связь и взаимозависимость с интересами народов сообщества, и делать все необходимое для их практического осуществления. Выявлять общие потребности, интересы и цели общественной жизнедеятельности людей в каждый исторический момент, убедительно представлять их обществу, получать в нем поддержку и понимание, соединять здесь прошлое, настоящее и будущее – достаточно сложно. Для этого необходимы специальные государственно-правовые институты, прочная связь государственных органов с гражданами, профессионально подготовленные политические деятели и государственные служащие, использование современных методов диагностики состояния общества.

Существуют проблемы в выявлении национальной идеи, общей воли, в понимании решений, принятых относительным большинством (даже посредством референдумов), в адекватности общей цели общественным потребностям и интересам и в осуществимости ее без нарушения прав и свобод каждого. Несмотря на все трудности и относительность любых механизмов и форм волеизъявления, в системе законодательства, формируемой государственными органами, содержится определенная доля общей воли, и развитие демократии состоит в том, чтобы эта доля расширялась и наполнялась содержанием, отражающим потребности и интересы людей, их идеалы и ценности. К. Поппер говорил: «Мы должны понять, что все политические проблемы в конце концов носят институциональный характер, что поэтому в политике важны не столько личные мнения, сколько юридическое оформление политических проблем, и что прогресс на пути к равенству можно обеспечить только с помощью институционального контроля над властью» [5, с. 189]. Рационализация государственно-правовых механизмов институциализации общественной жизни – одна из основных задач демократического общества.

В качестве форм общества государство выступает одновременно структурой и механизмом общественного самоуправления. Вследствие длительного существования самодержавно-вождистского типа государственного управления в российский менталитет крепко вошло представление о том, что государство отдалено и отчуждено от общества, стоит где-то «высоко» над ним и сверху посылает на общество (людей) свои управляющие воздействия [4]. Однако государственно-правовые институты являются институтами общества и, следовательно, должны быть организованы так, чтобы вовлекать в свое функционирование возможно большее число граждан. С этой точки зрения открытость государства обществу и степень вовлечения граждан в процессы

его функционирования характеризуют развитость государства как демократического и правового общественного института.

Управление со стороны государства, или государственное управление, имеет огромное значение для общества, во многом предопределяет его качественное состояние, уровень жизни и развитости. Посредством целеполагания государственное управление привносит в общество интегрированное сознательное (продуманное, обоснованное) начало, на осуществление которого сосредоточиваются совокупные усилия общества и самого государства. В отличие от менеджмента государственное управление «задает» общее направление развитию всего общества, являющееся отражением и обобщением общественных потребностей и интересов, на основе изучения которых выстраивается «древо» целей, пронизывающего совокупную деятельность людей.

Кардинальные изменения управленческих отношений, связей и взаимодействий в государственной системе, такие как мы наблюдаем последние почти полтора десятилетия в России, ведут к большим изменениям в обществе, его основных сферах жизнедеятельности и институтах, трансформации социальной структуры, появлению новых типов организаций и отношений в них, изменению соотношения «центра» и «регионов», образованию новых социальных групп, высокой динамике процессов в обществе.

В государственном целеполагании нельзя опираться на потребности и интересы какого-либо одного класса, слоя, сословия, нации, группы людей и т.п. Такой перекос всегда опасен, обостряет противоречия и, главное, нарушает сущностное свойство государства: равноправие его граждан. Анализ «древа» целей государства, построенного исходя из интересов различных социальных слоев, позволяет судить о нем, прогнозировать его развитие.

Естественно, встает вопрос о том, как выявлять, структурировать интересы в обществе, для того чтобы была возможность представлять весь диапазон интересов, ценностных ориентаций людей, регулировать их для сближения в единое русло.

Мы уже говорили о том, что интерес – это осознанные потребности, а потребности, в свою очередь, детерминированы условиями окружающей среды – политическими, экономическими, культурными, социальными, временными и т.д.

Действие субъекта управления, будучи целенаправленным, стремится реализовать цель, которая является выражением его интереса. Чем больше дистанция между условиями, в которых находятся управляющие и управляемые системы, тем больше отличаются их потребности, интересы и, в конечном итоге, цели деятельности.

Социальная стратификация общества, социографическое отображение которой представлено на рис. 1 в виде конуса А, демонстрирует равномер-

ное распределение социальных слоев в обществе, а это значит, что такая организация, т.е. общество, управляема, неконфликтна, так как каждый последующий уровень ненамного «отрывается» от уровня и условий жизни предыдущего, а значит, их интересы и цели во многом совпадают. Происходящая естественная департаментализация целей по уровням позволяет, несмотря на то что субъекты каждого уровня реализуют свою цель, в итоге получать результирующий эффект, связанный с реализацией интегрального интереса. Среди моделей управленческих отношений такая закономерность в большей степени прослеживается при **корпоративной форме управления**, где корпоративный интерес – есть интеграция интересов членов сообщества.

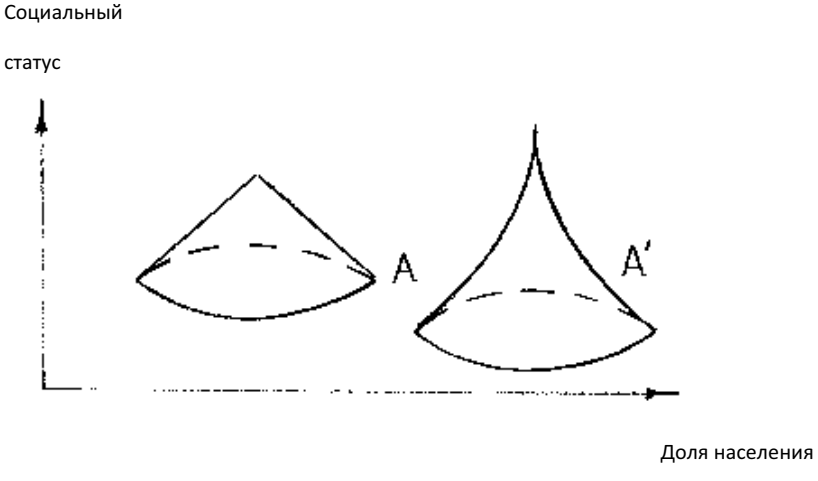

Рис. 1.

Однако конус А' показывает, что «верхи» и «низы» настолько «оторваны» друг от друга, что «верхам» необходимо применять очень жесткие методы управления, для того чтобы «низы» подчинялись их воле, реализовывали их интересы.

Насильно навязать интерес нельзя. То есть прямого, даже насильственного воздействия на интерес быть не может. Возможно воздействовать на деятельность человека, т.е. заставить его делать что-то для реализации чужой, поставленной перед ним цели. Это принудительное, жесткое управление, которое не может возбудить личный интерес человека к тому или иному делу. Внутренней мотивацией такого поведения будет желание избежать конфликта, наказания, страх за последствия. Это тоталитарный, административный режимы управления.

Социальное же управление как управление, нацеленное на реализацию социальной политики, т.е. политики, призванной улучшать условия жизни людей, присуще в большей степени демократическому режиму управления. В этом случае управляющий всегда стремится возбудить личный интерес у своего объекта управления. Сформировать интерес – это значит вызвать у человека, группы людей соответствующую потребность. Это возможно только при создании определенных условий.

Логика развития общества как единой системы подтверждает, что изучать интересы социальных групп, воздействовать на них через условия среды, регулировать их возможно и необходимо, так как иначе общество потеряет форму организации, возможность однонаправленного, поступательного хода развития. Очевидно, что процесс организации всегда связан с определенной группировкой элементов системы, координированием и регулированием их взаимодействий в духе целесообразного единства. Нельзя говорить о какой-то заданной исторической цели развития общества, «развитие общества предполагает многообразие альтернатив, но недооценивать влияние сознательного, организующего начала на выбор альтернативных путей развития было бы ошибочно». При этом огромное значение имеет то, насколько общество «оказывается способным найти необходимый компромисс между тенденциями разумной согласованности интересов различных общественных образований, без которой невозможно обеспечить прогресс...» [3]. Мы уже сказали о том, что такое «влияние» способно оказывать социальное управление, которое включает в себя мягкие, опосредованные формы воздействия на объект через условия его внешней среды, а также при постоянном изучении всей гаммы социальных интересов в обществе, позволяющем сопоставлять их, видеть общие тенденции и частные проявления.

Закон соответствия разнообразия управляющей системы (по У.Р. Эшби – регулятора) разнообразию управляемого объекта, шкала Танненбаума и Шмидта (рис. 2), ранжирующая стили управления от авторитарного до демократического по некоторому континууму, наглядно демонстрирует то, что власть в следующей системе:

власть субъекта управления +
+ самостоятельность объекта управления = const

есть величина постоянная и влечет за собой увеличение одной составляющей при уменьшении другой.

Рис. 2.

Из приведенной шкалы видно, что власть государства и самостоятельность (или самоуправление) народа – величины взаимосвязанные и взаимозависимые. **Чем более зрелое общество, тем демократичней режим правления, тем талантливее, мудрее и профессиональней власть.**

Исходя из «теории незрелости» К. Арджириса, любая формальная организация (а общество есть организация различной степени формализации) строится на принципе отношения к людям как незрелым личностям. Жесткая регламентация норм поведения, общепринятая обязательная система ценностей, иерархия социальных ролей, установленная система коммуникаций (соответствующая формальным распоряжениям), всевозможные инструкции не оставляют места для самостоятельности индивида, проявления его человеческих интересов. Формальная организация только тогда и может эффективно функционировать, когда человеческий материал в ней однороден, взаимозаменяем. Такое общество слабо стратифицировано, монолитно, имеет примерно одинаковый стандарт жизни и легко управляемо командно-административными методами. Именно тогда и появляются такие обобщающие данную большую социальную группу термины, как «народ» или «массы». В нем не выделяются отдельные социальные слои или группы, так как никого

не интересуют их особые, отличающиеся, специфические потребности и интересы.

В менее формализованном, более раскрепощенном обществе у каждого человека есть возможность проявить свою индивидуальность, незаменимость, показывать и развивать свои личные качества. В такой организации люди более зрелые, имеют большую самостоятельность, готовы к самоуправлению, а у власти остаются функции общей, более глобальной координации, что требует от нее высокого профессионализма.

Общество с «низким уровнем зрелости», чтобы продуктивно осуществлять свою жизнедеятельность, нуждается в постоянной коррекции. Власти наряду с другими средствами побуждения приходится использовать здесь и силу принуждения. Однако санкции принуждения не самоцель. Такими действиями власть должна подвести граждан к осознанию того факта, что нежелание следовать «правилам» влечет для них большие наказания.

В обществе с «высоким уровнем зрелости» действия управляющей системы характеризуются особой «мягкостью» и человечностью. В нашей интерпретации – это социальное управление. Наиболее эффективно здесь проявляет себя власть компетенции. **Обществу, действующему на высоком уровне зрелости, не требуется ни директив, ни указаний. Основная масса людей хочет и может выполнять задачи самой высокой трудности. Нужны лишь законы, обеспечивающие легитимность их действий. Задача власти – обеспечить принятие таких законов, проявить свой высокий профессионализм, которым она, безусловно, должна обладать.**

В Конституции РФ заявлено становление нового типа федерального государства – **демократического, социального, правового.** Осуществление этой заявки предполагает создание механизма истинно демократического централизма. В Советском Союзе этот принцип носил больше характер лозунга, так как в реальной жизни централизующая составляющая всегда была значительно больше и подавляла собой демократические начала.

Исходя из целостности общества как системы, для того чтобы оно стабильно функционировало, необходима единая цель, общие законы и принципы, ведущий субъект управления, направляющие его развитие как целостного образования. При отсутствии или несоблюдении любого из этих параметров социальная система сохранять свою целостность не в состоянии. Она вначале испытывает разбалансированность, дезинтеграцию, хаотическое взаимодействие между составляющими ее элементами, а в итоге – распад системы.

Целое (система) и части (компоненты) едины. Они не существуют друг без друга. **Отношения между целым и частью – это отношения равноправных партнеров, одинаково заинтересованных в стабилизации единой системы.** Такая соподчиненность взаимовыгодна, потому что она позволяет опти-

мально развивать как федеральную (целое), так и региональную (часть) системы жизнедеятельности, наиболее полно удовлетворять путем взаимодействия потребности и нужды людей.

Мировая практика подтверждает вышесказанное. Так, например, в США взаимоотношения федеральных органов с входящими в них штатами строятся на основе Конституции США, где зафиксировано положение о том, что федеральные законы распространяются на всю территорию США и не могут отменяться законодательными собраниями штатов. Каждый штат имеет свою конституцию, но она не отвергает общие федеральные законодательные нормы, а исходит из них, т.е. принцип соподчиненности части целому действует неукоснительно. При этом существенно, что федеративные законы, обязательные для всех субъектов федерации, не могут и не должны быть детальными, всеохватными. Для российских условий особенно опасны стандарты, детальное регламентирование. Из одного центра нельзя в частностях всё предусмотреть – субъектам Российской Федерации необходима широкая свобода действий.

В Конституции РФ провозглашено, что истинным субъектом власти является **народ**. Предложен и механизм реализации этого конституционного права – **местное самоуправление**. Однако этот механизм работает пока не в полную силу. С одной стороны, сильны стереотипы восприятия российским гражданином любого чиновника субъектом власти, а не исполнителем воли народа. С другой стороны, слабо развит механизм «запуска» системы местного самоуправления.

Местное сообщество или, как принято говорить, муниципальное образование должно обладать всей полнотой власти на своем уровне. Закон предусматривает реализацию этого положения: органы местного самоуправления наделяются собственной компетенцией в решении вопросов местного значения – управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка и т.п. Реальное его воплощение позволит эффективнее использовать имеющуюся муниципальную собственность, создавать новую, при формировании бюджета «снизу» решить проблему невыплат пенсий, зарплат, дотаций, в итоге – создать условия для поднятия уровня жизни людей, формирования среднего класса и оптимальной социальной структуры в целом. Привести в действие этот механизм может **внедрение корпоративной формы отношений на муниципальном уровне, акционирование муниципальной собственности, превращение жителей муниципального образования в его собственников.**

В социологии вопросы научного обоснования и организации общественно-преобразовательной практики связаны с развитием и использованием со-

циоинженерного подхода [6, с. 109]. В рамках этого направления социологической деятельности создаются специальные средства и методы, которые позволяют не только исследовать, но и активно способствовать решению актуальных проблем общественной жизни.

В структуре социологии социальная инженерия представляет преобразовательный блок, который включает с себя логически связанную цепочку последовательных процедур:

- диагностику состояния объективной реальности;
- прогнозирование будущего состояния объекта;
- моделирование нового состояния социальной конструкции и осуществление эксперимента;
- разработку социального проекта нового состояния социальной реальности;
- социальное планирование в соответствии с проектом;
- реализацию проекта с помощью алгоритмизированных и инновационных социальных технологий.

Социальная инженерия представляет собой способ организации воздействия на человеческую деятельность, направленный на её преобразование с помощью социальных технологий.

Один из основных основоположников социальной инженерии К. Поппер проводил четкую грань между «утопической социальной инженерией» и «поэтапной социальной инженерией». Он выступал за рациональные общественные преобразования «поэтапными», «мягкими», ненасильственными методами воздействия на объективную реальность с целью ее совершенствования. Его концепция противопоставлялась марксистской методологии радикальных, крупномасштабных, насильственных преобразований, которые он назвал «утопической социальной инженерией». Именно поэтому его взгляды не были популярны в нашей стране.

Главное возражение К. Поппера против утопической социальной инженерии состоит в том, что при осуществлении крупномасштабных социальных проектов неизбежны насилие и, следовательно, диктатура. Утопическая попытка достигнуть идеального государства, используя проект в целом, писал Поппер, требует концентрации власти в руках небольшой группы людей и чаще всего ведет к диктатуре [2, с. 80]. Поэтапная инженерия Поппера предполагает реализацию относительно простых социальных проектов, касающихся отдельных областей человеческой деятельности, отдельных организаций, институтов и т.п. В случае «провала» такого проекта, ущерб от него не несет больших социальных потрясений.

В словосочетании «социальная инженерия» первое слово – «социальная» говорит о том, что действие направлено на человека, во имя человека, его

благa, поэтому ни о каких жестких методах воздействия не может быть и речи. Это скорее всего многовариантный комплекс мер, который может быть использован с учетом индивидуальных особенностей конкретной социальной системы. Социоинженерию характеризует нежесткая регламентация и алгоритмизация социальных технологий, тесная связь с неформальным по своей сущности поведением людей, ориентация на неоднозначные требования к технологическому процессу, допускающему возможность творческой активности субъекта управления, что подчеркивает социально-ориентированный характер преобразовательной деятельности.

Итак, мы исходим из того, что социоинженерная функция социологии – созидательная функция. Ее назначение заключается в создании и передаче субъектам деятельности средств и методов выработки научно обоснованных управленческих решений и оценки их возможных последствий, а также средств организации преобразовательной практики социальных субъектов, что резко усиливает продуктивный характер социологии в целом. Социоинженерный подход позволяет на основе глубокой диагностики социальной реальности преобразовывать ее, строить перспективные, реальные социальные проекты на уровне международных образцов, адаптировать их к конкретной отечественной практике, насыщать современными и инновационными социальными технологиями, создавать научную основу для принятия адекватных управленческих решений, способствующих эффективному развитию общества.

В результате можно сделать вывод, что оптимизация социальной структуры современного российского общества, появление развитого, значительного по численности (не менее 80% населения) среднего класса, интересы которого могут быть приняты за основу общественных интересов, требуют совершенствования социального управления: определения уровня государственного влияния, региональной компетенции и муниципального самоуправления; формирования института социального контроля. Такая сбалансированная управленческая система «государство – общество» позволяет осуществлять целенаправленное развитие на основе интеграции интересов. Исходя из того, что интеграция интересов на уровне всего общества возможна только в отношении внешних факторов, а внутренние факторы позволяют интегрировать интересы только определенных совокупностей людей, имеющих близкие условия существования, за единицу рационального самоуправления может быть взята совокупность людей, представляющая собой территориальное поселение, т.е. – муниципальное образование. Интегрирующим интересы жителей муниципального образования управлением является корпоративное управление. Именно такая форма организации позволяет развивать местное самоуправление, делать регионы более самостоятельными и самодостаточными, повышать уровень жизни людей на их территориях, создавать устойчивую, развивающуюся, бесконфликтную социальную структуру общества в каждом регионе, а значит, и в стране в целом.

Список литературы

1. Государство и право. – 1968. – № 6.

2. Макаревич В.Н. Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994.

3. Моисеев Н.Н. Природа и общество: единство процессов самоорганизации // Социально-политический журнал. – 1993. – № 4. – С. 113.

4. Общая теория управления: Курс лекций. – М.: Российская академия наук, 1994. – С. 133–134.

5. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, 1992.

6. Учебное пособие для подготовки кадров высшей квалификации по специальности 22.00.08 – «Социология управления» / [Уржа О.А. и др.]; под ред. О.А. Уржа. – М., 2012.

7. Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995.

Spisok literatury

1. Gosudarstvo i pravo. – 1968. – № 6.

2. Makarevich V.N. Igrovye metody v sociologii: teoriya i algoritmy. – M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1994.

3. Moiseev N.N. Priroda i obshchestvo: edinstvo processov samoorganizacii // Social'no-politicheskij zhurnal. – 1993. – № 4. – S. 113.

4. Obshchaya teoriya upravleniya: Kurs lekcij. – M.: Rossijskaya akademiya nauk, 1994. – S. 133–134.

5. Popper K.R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. T. 2. Vremya lzheprorokov: Gegel', Marks i drugie orakuly / per. s angl. pod red. V.N. Sadovskogo. – M.: Feniks, 1992.

6. Uchebnoe posobie dlya podgotovki kadrov vysshej kvalifikacii po special'nosti 22.00.08 – «Sociologiya upravleniya» / [Urzha O.A. i dr.]; pod red. O.A. Urzha. – M., 2012.

7. Enciklopedicheskij sociologicheskij slovar' / pod obshch. red. G.V. Osipova. – M.: ISPI RAN, 1995.

М.А. Черкасова,
доктор философских наук, профессор, директор филиала Российского государственного социального университета в г. Каменске-Шахтинском.
E-mail: kamensk@rgsu.net

МЕСТО И РОЛЬ КОНФЛИКТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: *конфликт как средство коммуникации сегодня привлекает внимание специалистов многих наук. Особую актуальность имеет рассмотрение конфликта в межкультурном коммуникативном пространстве. В статье рассматривается понятие «межкультурная коммуникация», примеры вербальной и невербальной межкультурной коммуникации, потенциал конфликта в межкультурной коммуникации и пути его решения*.

Ключевые слова: *конфликт, культура, межкультурная коммуникация, вербальная межкультурная коммуникация, языковое насилие, невербальная межкультурная коммуникация*.

Проблема социального конфликта всегда была в той или иной степени актуальна для любого общества. Для России конфликт был, есть и будет в ближайшем будущем одним из решающих факторов, влияющих на ее безопасность и безопасность граждан.

Наличие в обществе объективных и субъективных противоречий, пронизывающих экономику, политику, культуру, обуславливает неизбежность конфликта. Конфликт, в какой-то мере, уже заложен в самой природе человека. Попытаемся представить конфликт как способ межкультурной коммуникации. А.А. Богданов во второй книге «Тектология. Всеобщая организационная наука», определяет конфликт как «способ решения задач в сопротивляющейся среде».

Если говорить о конфликтогенности коммуникативного пространства России сегодня, то она пронизывает все основные сферы ее социального бытия:

– политическую, где произошла потеря управляемости на всех уровнях и во всех звеньях функционирования государства, развились острые политические конфликты (межнациональные, корпоративные и иные) вплоть до вооруженных столкновений;

– экономическую, где сложилась гиперинфляция доходов населения (конфликт между бедными и богатыми);

– структурно-производственную, где обнажился дефицит природных и трудовых ресурсов огромной страны, занимающей шестую часть суши всей планеты, дефицит, обусловленный ресурсо-поглощающей структурой милитаризованного производства;

– собственно социальную, где произошла стремительная дезинтеграция социальных групп и институтов, утрата идентификации личности с прежними структурами, ценностями, нормами.

Два кризиса – социальный и культурный – сложились в одном обществе и действовали в нем одновременно. Точнее, они взаимодействовали, но весьма специфически, воплощая своеобразие советского общества как социокультурной реальности.

Именно поэтому возникает объективная необходимость поставить нарастающей в обществе конфликтности определенные ограничительные рамки, найдя для этого подходящие способы и средства обретения конфликтом статуса способа межкультурной коммуникации.

Для того чтобы представить конфликт как способ межкультурной коммуникации в современной России и подчеркнуть его значимость для социальной практики, необходимо обратиться к эмпирическим характеристикам социального кризиса в России и особенностям его динамики. При этом нас интересует ситуация в так называемой постсоветской России.

Ученые, по их словам, «в качестве наиболее вероятных вариантов разрешения кризиса» заложили в инструментарий исследования следующие четыре:

а) конфликты в обществе будут и впредь, но примут конституционный характер и будут решаться только на основе закона (институционализируются), ради утверждения демократического социального порядка;

б) на основе правовых норм, через диалог партий и движений непосредственно достигается согласие (консенсус) политических сил ради утверждения демократического социального порядка;

в) возобладает вседозволенность, в условиях которой конфликты становятся неуправляемыми и перерастают в социальную катастрофу;

г) незаконным путем осуществляется «откат назад», к тоталитарным порядкам, которые в итоге тоже оказываются дорогой к социальной катастрофе.

Крайне важно упомянуть то обстоятельство, что конфликты обладают возможностью интегрировать индивидов, объединяя их по типу деятельности, а также дифференцировать, способствуя расслоению общества. В этом заключается альтернативный характер социальных функций конфликтов в конкретных исторических условиях. Именно поэтому наше реформируемое обще-

ство движется через конфликты, которые стимулируют движение и в то же время ставят под вопрос само существование общества, и здесь становится ясным, что многое зависит от характера ценностей, утверждающихся в сознании россиян.

Исследователи ценностного сознания россиян пришли к интересному и практически значимому выводу: «Институционализация конфликтов может стать предпосылкой последующего движения к общественному консенсусу». Сегодня низка вероятность непосредственного, «лобового» движения к такому консенсусу. Но вероятность его достижения обходным путем, через институционализацию конфликтов, может оказаться весьма высокой. Напротив, если эта возможность будет упускаться, то возрастет опасность справа – опасность отката назад, который станет катализатором неуправляемого движения к катастрофе.

Сегодня Россия, действительно, преодолев некоторый качественный барьер, превратилась в «общество всеобщего риска», что способствует институционализации конфликта и превращению его в способ межкультурной коммуникации.

Коммуникация – основа социализации человека в обществе, она позволяет личности постичь ключевые идеи, понятия и ценности своей культуры, обеспечивает информационную связь между людьми разных эпох и культур, делает возможным накопление и передачу социокультурного опыта, организацию и координацию совместной деятельности людей, трансляцию идей, знаний и ценностей.

Межкультурной коммуникации присущ ряд особенностей, которые делают ее более сложной, требовательной и трудной, чем внутрикультурная или межличностная коммуникация. Люди общаются, используя две модальности коммуникации: вербальную и невербальную.

При исследовании конфликта как способа межкультурной коммуникации наше обращение к проблеме конфликта в вербальной и невербальной коммуникации будет весьма уместным.

При анализе и описании коммуникации необходимо различать:

1) коммуникацию в широком смысле – как одну из сторон человеческой жизни и многообразные формы речеязыковой деятельности, не обязательно предполагающие наличие содержательно-смыслового плана;

2) коммуникацию как информационный обмен в технологически организованных системах – в этой своей ипостаси коммуникация исследуется футурологами;

3) мыслекоммуникацию как интеллектуальный процесс, имеющий выдержанный идеально-содержательный план и связанный с определенными ситуациями социального действия;

4) экзистенциальную коммуникацию как акт обнаружения Я в Другом. В таком качестве коммуникация – основа экзистенциального отношения между людьми (как отношения между Я и Ты) и решающий процесс для самоопределения человека в мире, в котором человек обретает понимание своего бытия, его оснований.

Говоря о межкультурной коммуникации, сегодня все чаще имеют в виду именно вербальную, языковую коммуникацию, и это естественно. С помощью языка сегодня мы открываем новые миры [7].

Разнообразие языковых форм, употребляемых в состоянии конфликта, можно свести к трем типам речевых стратегий: инвективному, куртуазному, рационально-эвристическому.

Разнообразие языковых форм, употребляемых в состоянии конфликта, можно свести к трем типам речевых стратегий: инвективному, куртуазному, рационально-эвристическому. В качестве единого принципа типологии здесь используется особенность аффективного поведения, которую использует языковая личность для снятия фрустрации. Рассмотрим типологию речевых стратегий в состоянии конфликта, предложенную К.Ф. Седовым [6].

1. Инвективная стратегия конфликтного поведения демонстрирует пониженную знаковость: коммуникативные проявления здесь выступают отражением эмоционально-биологических реакций и выливаются в аффективную разрядку в форме брани, ругани (инвективы).

2. Куртуазная стратегия, наоборот, отличается повышенной семиотичностью речевого поведения, обусловленного тяготением говорящего к этикетным формам социального взаимодействия. В качестве крайней формы аффекта в этом случае предпочтение отдается плачу.

3. Рационально-эвристическая стратегия речевого поведения в ситуации конфликта опирается на рассудочность, здравомыслие. Этот тип разрядки тяготеет к смеху как аффективной реакции. Негативные эмоции в этом случае выражаются косвенным, непрямым образом [6].

В соответствии с тяготением разных носителей языка к той или иной речевой стратегии можно говорить о инвективной, куртуазной и рационально-эвристической языковых личностях, а значит, о различном отношении к конфликтам в ходе межкультурной коммуникации.

Еще раз подчеркнем, что коммуникативный конфликт несет в себе реализацию эмоциональной разрядки, снятия напряжения. Эффект такого «выпускания пара» сходен с тем, что древние греки называли термином «катарсис» – психологическое очищение, приносящее облегчение. Разные языковые личности стремятся к различному вербальному катарсису. Так, инвективная языковая личность разряжается при помощи прямой вербальной агрессии, куртуазная демонстрирует эмоцию обиды, рационально-эв-

ристическая использует смеховой катарсис, представленный в виде иронии.

Характеризуя конфликт как способ межкультурной коммуникации в его вербальном исполнении, следует остановиться и на проблеме языкового насилия. По нашему убеждению, язык может выступать и выступает как средство насилия в межкультурной коммуникации. Приведем некоторые аргументы в пользу нашего утверждения.

Если обратиться к понятию насилия в широком смысле слова, то «насилие – это сила, проявляющаяся как посягательство на свободу человека, производимое вопреки его воле» [3]. Или, другими словами, всякое доминирование людей друг над другом в пространстве свободной воли можно называть насилием.

О.Я. Гелих подразделяет насилие по его социальной направленности на прогрессивное (при всей неоднозначности понятия «прогресс»), в другом именовании – конструктивное, т. е. помогающее движению социума к более совершенным формам организации и отношений; и регрессивное (в другом именовании – деструктивное), сталкивающее общество к менее оптимальным отношениям и структурам, уже отвергнутым ранее социальным временем. Насилие также делится на первичное и ответное. Насилие во всех случаях – это сила, содержащая в себе разрушающий компонент, и потому оно не может являться конструктивным в полном смысле данного слова [3].

Соотнося насилие, информацию и язык в актах управления, О.Я. Гелих пишет: «Насилие может быть не только прямым, физическим, как, к примеру, нанесение раны. Средством насилия может выступать также язык» [2]. В каких формах язык проявляется как косвенное насилие? «Внесение смуты, соблазнение и все способы извлекать преимущества из своего языкового превосходства над тем и теми, кто обладает меньшим словесным могуществом» [5].

Конфликт как способ межкультурной коммуникации в его вербальной форме связан еще и с устранением глубинно-символических значений, определяемых системой высокого стиля, которое привело к развитию слов максимально родового значения (гиперонимов), заменяющих собою все возможные оттенки смысла и значений и тем самым разрушающих сложную синонимическую (гипонимическую, по существу) систему литературного языка; это хорошо заметно, например, в последних переводах Нового Завета.

Еще одна «напасть», которая формирует конфликтный потенциал вербальной межкультурной коммуникации – это принятие огромного количества заимствованных слов как своего рода эталонного стандарта в формально организованном тезаурусе. Это привело к созданию сложной сети однозначно неопределенных терминов, которые постепенно вытесняют традиционные слова, отражающие национальные особенности речемысли, тем самым сме-

щая ментальные характеристики русского слова в область: а) субъективно окрашенной [стилистически], б) обобщенной [логически] и в) семантически [лингвистически] неопределенной семантики.

В России исследования по межкультурной коммуникации считались до недавнего времени частью социолингвистики, к тому же проблематика межкультурной коммуникации в той или иной степени рассматривалась в рамках преподавания русского языка как иностранного, а также страноведения [1].

Данное обстоятельство сужало как предметное поле рассмотрения межкультурной коммуникации, так и ее формы (межкультурная коммуникация предполагалась исключительно как языковая коммуникация), к тому же конфликт рассматривался как частный случай коммуникации, с негативным оттенком, который подлежал удалению из актов межкультурной коммуникации.

Следует заметить, что в процессе конфликта как способа межкультурной коммуникации могут возникнуть коммуникативные барьеры.

1. Логический барьер – возникает у партнеров с неодинаковым типом мышления. В зависимости от того, какие виды и формы мышления преобладают в интеллекте каждого партнера, они общаются на уровне понимания или непонимания.

2. Стилистический барьер – несоответствие формы представления информации ее содержанию. Возникает при неправильной организации сообщения. Сообщение должно быть построено: от внимания к интересу; от интереса к основным положениям; от основных положений к возражениям и вопросам, ответам, выводам, резюмированию.

3. Семантический (смысловой) барьер – возникает при несоответствии лингвистического словаря со смысловой информацией, а также из-за различий в речевом поведении представителей разных культур.

4. Фонетический барьер – препятствия, создаваемые особенностями речи говорящего (дикция, интонация, логические ударения и т.д.).

Исходя их этих рассуждений, мы можем утверждать, что межкультурная коммуникация в ее языковой форме конфликтогенна как по внешним признакам, так и по внутриязыковым причинам.

Но межкультурная коммуникация не исчерпывается вербальной формой, не менее значима с точки зрения эффективности коммуникации и невербальная коммуникация.

Невербальная коммуникация (НВК) является, пожалуй, самой древней формой общения людей [4]. Несмотря на такое совершенное средство общения, каким является вербальный язык, в межличностном общении НВК передает 65% всей информации. Это объясняется тем, что для успешной коммуникации важна информация не только репрезентативного характера (о предметах, их местоположении, об идеях, явлениях данного времени), но также

информация оценочного характера, позволяющая определить отношение говорящего к самой информации и/или адресату. Часто мы «считываем» эту оценочную информацию с лица говорящего и совершенно необязательно с его ведома.

Так, по данным экспериментов, при выражении отношения телодвижения передают 55% информации, голос – 38%, слова – всего 7%.

Столь активное использование невербальных средств в межличностном общении объясняется рядом причин:

1) невербальные сигналы, развившиеся как средства коммуникации раньше, чем вербальный язык, оказались устойчивыми в своих первоначальных функциях и часто употребляются неосознанно. Мы используем невербальные сигналы даже тогда, когда не общаемся. Например, молчание, означающее нежелание поддерживать разговор с соседом в транспорте, является само по себе сигналом;

2) невербальные средства имеют определенные преимущества перед вербальными – они воспринимаются непосредственно и поэтому сильнее воздействуют, несмотря на свою кратковременность. До того как люди начинают общаться с помощью слов, их невербальное общение уже происходит – их поза, одежда и т.д. создают первое впечатление у собеседников друг о друге и, в свою очередь, могут определить характер общения и даже повлиять на то, состоится оно вообще или нет;

3) невербальная коммуникация передает тончайшие оттенки отношения, оценки, эмоций и это приводит к ситуации, когда «не хватает слов». Психиатры, например, изучают невербальные сигналы своих пациентов (например, расширение зрачка) с тем, чтобы определить их действительное (а не кажущееся) эмоциональное и физическое состояние;

4) наконец, в невербальной коммуникации можно передавать информацию, которую трудно или по каким-либо причинам неудобно выразить словом. Например, участники общения значительно удалены друг от друга, хотя и находятся в зоне видимости, либо общение затруднено из-за шумового фона и т.д.

Обстоятельное рассмотрение невербальной коммуникации достигается через раскрытие ее основных, форм и способов, к которым относятся:

- *кинесика* – совокупность жестов, поз, телодвижений;
- *такесика* – рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу партнера по коммуникации и т.д.;
- *сенсорика* – совокупность чувственных восприятий, основывающихся на информации от органов чувств;
- *проксемика* – способы использования пространства в процессе коммуникации;

- *хронемика* – способы использования времени в процессе коммуникации.

Важной составляющей невербальной коммуникации в разных культурах являются жесты, незнание, непонимание или неправильное употребление которых может стать источником серьезных проблем при межкультурном общении, привести к тяжелым по форме и последствиям конфликтам в межкультурной коммуникации.

Таким образом, как вербальная, так и невербальная формы межкультурной коммуникации обладают своим собственным (внутренним) конфликтным потенциалом, который необходимо учитывать при организации коммуникативного взаимодействия.

Список литературы

1. Вархотов Т.А. Методологические проблемы исследования невербального аспекта коммуникативного взаимодействия: дис. канд. … филос. наук. – М., 2003. – С. 28.

2. Гелих О.Я. Управление и насилие: социально-философский анализ. – СПб.: Книжный дом, 2004. – С. 36.

3. Гелих О.Я. Язык как средство управления и насилия: сб. ст. / под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 21, 24.

4. Литвиненко Е.Ю. Современный билингвизм как доминанта мультикультурной модели социализации: дис. … д-ра социол. наук. – Ростов н/Д, 2000. – С. 31.

5. Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 52.

6. Седов К.Ф. Языковая личность в аспекте психолингвистической конфликтологии// Сайт Педагогического института Саратовского государственного университета: SedovKF@info.sgu.ru. – С. 9, 23.

7. Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 9.

Spisok literatury

1. Varhotov T.A. Metodologicheskie problemy issledovaniya neverbal'nogo aspekta kommunikativnogo vzaimodejstviya: dis. kand. … filosof. nauk. – M., 2003. – S. 28.

2. Gelih O.YA. Upravlenie i nasilie: social'no-filosofskij analiz. – SPb.: Izd-vo «Knizhnyj dom», 2004. – S. 36.

3. Gelih O.YA. YAzyk kak sredstvo upravleniya i nasiliya: sb. statej / pod red. K.S. Pigrova. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2004. – S. 21, 24.

4. Litvinenko E.YU. Sovremennyj bilingvizm kak dominanta mul'tikul'turnoj modeli socializacii: dis. … d-ra nauk. – Rostov n/D, 2000. – S. 31.

5. Riker P. Torzhestvo yazyka nad nasiliem. Germenevticheskij podhod k filosofii prava// Voprosy filosofii. 1996. №4. S. 52.

6. Sedov K.F. YAzykovaya lichnost' v aspekte psiholingvisticheskoj konfliktologii// SedovKF@info.sgu.ru. – S. 9, 23.

7. YAzyki kak obraz mira. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST»; SPb.: Terra Fantastica, 2003. – S. 9.

Т.Ю. Шманкевич,
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Научный парк, заместитель директора, Ресурсный центр «Центр социологических и интернет-исследований».
E-mail: taverni0108@mail.ru

МЕХАНИЗМ ТРАНСФОРМАЦИИ ШКОЛЬНЫХ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК В ГРАЖДАНСКИЕ

Аннотация: *в статье раскрыты основные проблемы гражданских взаимоотношений между российской общеобразовательной школой и различными городскими; взаимоотношений школы и родительского сообщества. Автор пытается ответить на актуальные вопросы: «Допустимо ли рассматривать общеобразовательную школу в качестве среды, порождающей гражданские практики? Если допустимо, то каков механизм превращения школьных родительских практик в гражданские?», анализируя результаты двух полевых проектов: «Школа на карте города, Санкт-Петербург, 2004–2007 гг.» и «Взаимодействие школы и родителей, Санкт-Петербург, весна–осень 2013 г.».*

Ключевые слова: *школа, гражданские правоотношения, права родителей, права учащихся, муниципалитет, муниципальное образование, город, родительские стратегии.*

Школа и город

Выстраивание гражданских взаимоотношений между российской общеобразовательной школой и различными городскими структурами в настоящее время находятся в стадии формирования и пока не успели получить должного освещения в социологической литературе. Отсюда интерес к осмыслению аналогичного зарубежного опыта, в том числе к работам французских исследователей, которые еще в 80-е годы XX века обратились к взаимозависимости школы и местного городского окружения как к самостоятельной исследовательской проблеме. Сфокусировав исследовательское внимание на повседневных практиках, из которых складываются будни школы и города, французские социологи одними из первых предложили взгляд на школу как на значимый субъект локального пространства.

Приемлем ли такой подход для изучения российского поля? Возможно ли в решении рутинных «школьных» российских проблем увидеть зачатки гражданских практик и насколько обосновано рассматривать школу в качестве среды, порождающей гражданские практики? Прежде чем приступить к ответу на поставленные вопросы, оговорим используемые термины.

По определению Вадима Волкова, под понятием «гражданские практики» понимаются социальные практики, «состоящие из мелких процедур, установлений, привычек, посредством которых обеспечивается то, что понимается как свобода». Такая интерпретация позволяет вывести из тупика дискуссию о гражданском обществе, рассматривая гражданское общество не как некий почти недостижимый идеал, а как происходящий в определенном контексте процесс. «Городское пространство» (или «город») также анализируется как некий набор социальных практик, всегда связанных, согласно Гидденсу, с характеристиками действующего субъекта, с его постоянным вмешательством в окружающий мир, который, в свою очередь, не всегда поддается воздействию этого действующего субъекта. В качестве действующего субъекта в статье выступает городская общеобразовательная школа, разнообразными сетями связанная с прочими «участниками» городского пространства.

В фокусе исследовательского внимания находится пространство большого города, Санкт-Петербурга: анализируются результаты двух полевых проектов «Школа на карте города, Санкт-Петербург, 2004–2007 гг.» [1] и «Взаимодействие школы и родителей, Санкт-Петербург, весна–осень 2013 г.» (материалы биографических и лейтмотивных интервью со старшеклассниками, их родителями, с учителями, представителями школьной администрацией, с активистом общественной организации «Петербургский родительский комитет», материалы экспертных интервью с работниками отдела образования и муниципальными чиновниками, а также школьные сочинения, когнитивные карты места проживания, составленных старшеклассниками, базовые документы, связанные со школьным образованием, материалы СМИ и материалы тематических дискуссий в социальных сетях материалы дискуссий в социальных сетях)[1].

В 2004 г. в качестве основного исследовательского поля был выбран Приморский район Санкт-Петербурга, довольно неоднородный по своему составу, включающий в себя как престижные, так и типично спальные микрорайоны. Случай спального района большого города интересен тем, что, являясь частью большого ресурсного городского пространства, он имеет довольно четко выраженные границы, в рамках которых доступно проследить, как формируется локальное сообщество. Источников формирования локального сообщества может быть множество. В нашем случае следовало понять, является ли локальное сообщество в том числе результатом развития гражданских практик?

[1] Исследование поддержано персональным грантом IFP-B-09-2.

И, если это так, можно ли рассматривать городскую общеобразовательную школу в качестве одной из порождающих сред для локальных гражданских практик? (Понятие «порождающая среда», предложенное Олегом Яницким для изучения механизма воспроизводства гражданской культуры, подразумевает легитимную государственную или общественную среду, обладающую достаточными ресурсами для развития гражданских практик [7].

Несмотря на значительные контекстуальные отличия Санкт-Петербурга и Парижа, обращение к теоретическим наработкам французских исследователей оказалось весьма плодотворным. Мы получили возможность лучше понять специфику собственного поля, выйдя на обсуждение масштабных проблем, трактовку которых невозможно ограничить локальными, национальными рамками. Именно к таким проблемам относится дискуссия о формировании и развитии гражданского общества.

В конце 90-х годов XX века Петр Щедровицкий сформулировал гипотезу, согласно которой российская городская школа способна выступать в качестве среды, порождающей гражданские практики, и таким образом формировать вокруг себя «новое» городское пространство [2]. Как часть городского пространства школа связана с ним многочисленными сетями. Здесь мы не будем рассматривать всю «ткань взаимосвязанных функций» [6], посредством которых школа и город взаимодействуют друг с другом. Отметим лишь, что для понимания ситуации Приморского района Санкт-Петербурга очень важна его маркировка как «спального» района, акцентирующая невысокий индекс привязанности к месту жительства. Последний предполагает нацеленность большинства практик местных жителей на «большой город», туда, где работа и досуг [9]. В подобных условиях семью с микрорайоном может связывать школа, в которой учатся дети.

Не случайно французская исследовательница Аньес ван Зантен для обозначения школ в спальных районах большого города вводит специальное понятие «периферийной школы» как маргинальной, отличной по своей сути и от школ городского центра, и от сельских школ [11]. По мнению исследовательницы, для окраин Парижа «периферийная» школа – верное отражение того, что происходит с местным окружением, а статус школы очень четко соответствует статусу городского района.

Для спальных районов Санкт-Петербурга термин «периферийная школа» несет совершенно иные коннотации. Хотя в качестве стереотипа восприятия противопоставление «центральная – элитная, периферийная – отсталая» продолжает существовать. В 2005 г. учащимся одной элитной санкт-петербургской гимназии был предложен социологический проект, в рамках которого они были должны взять интервью у ребят *«обычной»* школы в *«обычном»* спальном районе. Проект вызвал у ребят не только интерес, но и большое напряжение; поскольку они воспринимали этот визит в пери-

ферийную школу как выход в *«другой»* мир. И, действительно, этот опыт стал для них шоковой терапией, только с обратным знаком. Они были поражены, отмечая, что ремонт в *«чужой обычной»* школе сделан лучше, *«чем у них»*; что по школе чинно разгуливают *«маленькие буржуа»*, одетые в костюмчики (обязательные пиджак и брюки для мальчиков, пиджак и юбка или брюки для девочек), чего опять-таки нет в их гимназии[1]. Неожиданный эффект объясняется не в последнюю очередь тем, что администрация периферийных школ «в борьбе за своего ученика» вынуждена особенно стараться, выискивая всевозможные ресурсы для выстраивания школьного имиджа.

Несоответствие предложенного понятия «периферийная школа» уровню большинства школ спальных районов Санкт-Петербурга определяется различием в районировании двух мегаполисов. Для Петербурга, в отличие от Парижа, не характерно жесткое соответствие элитного района элитной школе. Кроме этого, следует подчеркнуть такую особенность петербургских «спальных районов», как постоянное развитие новых функций. Название «спальный» становится номинальным, ибо район удовлетворяет горожанина не только в его потребности в жилье, но все больше в его потребности в работе и отчасти в досуге. Постепенно уходит жесткое противопоставление центральных и периферийных районов, город становится полицентричным. Сегрегирование идет скорее внутри самого городского района, когда для маркировки микрорайона как удобного или неудобного, кроме степени развитости инфраструктуры, немаловажную роль играет наличие «хорошей» школы.

В итоге, возникает понятийный оксюморон – «успешная периферийная школа». На деле, такая школа способна изменить имидж спального района, став локальной достопримечательностью, местным брендом. Пример подобной метаморфозы – случай общеобразовательной турецкой школы на Ржевке, элитной школы в удаленном, не престижном спальном районе Санкт-Петербурга, куда детей возили со всего города, в том числе и из городского центра. Случай явно расходится с довольно подробно описанной и в российской, и в зарубежной литературе «ситуацией замкнутого круга локальной ущербности», когда стигмат социальной неуспешности передается от микрорайона школе, а «плохая» школа, замыкая порочный круг, закрепляет стереотип «плохого» места [3, 8]. Напротив, успешная петербургская периферийная школа, как показывает исследование, способна предложить дополнительные сценарии прорыва такого круга.

Родительские стратегии как гражданские практики

Если общеобразовательная школа способна выступать в качестве среды, порождающей гражданские практики, и таким образом преображать окружающее пространство, изменения, в первую очередь, должна претерпеть сама школьная жизнь, включая взаимодействие школы с родителями учащихся. Не случайно взаимоотношения школы и родительского сообщества стали предметом многочисленных международных научных дискуссий.

Исследователи, в частности, отмечают, что, хотя все школьные реформаторы в США старались учитывать пожелания граждан, взаимоотношение школы с родителями учащихся обострялось на протяжении последних тридцати лет. Herbert F. Pandiscio такой результат не в последнюю очередь связывает с приходом в школу нового поколения родителей, утратившего абсолютное доверие к школьному учителю как к носителю истины [10]. Многие из современных родителей школьников имеют образовательный бэкграунд, превосходящий тот, которым обладают школьные учителя. Родители не просто хорошо знают свои конституционные права, но и удачно апеллируют к своему жизненному опыту, особенно те из них, что имеют опыт участия в бизнесе или даже опыт управления своей собственной компанией и считают себя компетентными в вопросе, каким образом должна строиться работа в организациях. Новое родительское поколение отличает четкое понимание того, что школы принадлежат им и что учителя и школьная администрация работают для них. Исследователь подчеркивает, что именно по требованию родителей, либо не согласных с учительской стратегий, либо недовольных управленческой идеологией, были уволены многие учителя и директора американских школ.

Признавая неоднородность нового родительского поколения, Pandiscio особо акцентирует внимание на группе влиятельных и активных родителей, которые достаточно много времени проводят в школе. Такие родители нередко знают состояние школьных дел лучше, чем представители школьной администрации, и поэтому активно вмешиваются в решение самых разнообразных школьных проблем.

Схожий феномен описывает Аньес ван Зантен, говоря о французской школе [12]. Начатая во Франции в 80-е годы XX века реформа децентрализации образования стимулировала участие территориальных сообществ в решении разнообразных проблем местных коллежей и лицеев. В и желанием, и достаточными ресурсами (материальными, культурными, временными) для активного участия в процессе обучения своего ребенка. По этих условиях активизируются и родители учащихся. Исследовательница особо отмечает т.н. «стратегических родителей», подразумевая под ними тех, кто обладает одновременно замечанию исследовательницы, первоначально «стратегические родители», независимо от места проживания, были ориентированы на обучение своих детей в престижных школах в престижных районах Парижа. Но со временем приходило понимание, что подобный выбор не ограждал ребенка от влияния социальной среды по месту жительства. В результате начинали

[1] Здесь и далее курсивом выделены выражения, взятые из интервью. – *Примеч. авт.*

возникать проекты родительской поддержки местных школ даже тогда, когда собственные дети посещали другие, как правило, более престижные образовательные учреждения. По инициативе родителей в «периферийных» школах создаются «элитные» классы. А главное, сами родители через участие в школьных советах пытаются влиять на ситуацию в школе, а через нее на ситуацию в микрорайоне в целом. Ван Зантен объясняет подобные инициативы родительским и одновременно гражданским стремлением «облагородить» социальный контекст своего проживания, «ограничить деградацию учреждений квартала» и тем самым обеспечить лучшие условия социализации своего ребенка.

Для «стратегических» родителей петербургских школьников также характерны два основных сценария: «возить» сына/дочь в престижную элитную школу или выбрать «элитный» класс в обычной школе по месту жительства. Причем в центральных и «спальных» районах возможности для такого выбора практически одинаковы: почти все городские общеобразовательные школы имеют классы с углубленным изучением того или иного цикла предметов, отличающиеся не только учебной программой, но и социальным составом учащихся. Но в отличие от рассмотренного парижского случая в Санкт-Петербурге открытие таких классов, как правило, не результат гражданской инициативы родителей, а скорее эффект конкуренции школ. В «нулевые» школьная родительская инициатива чаще всего ограничивалась выбором конкретного класса в конкретном учебном заведении или выбором определенного учителя, особенно если речь идет о начальной школе.

В России попыткой институциализации гражданской родительской инициативы «сверху» и одновременно реализацией перехода к государственно-общественному управлению школой стало учреждение школьных попечительских советов. Указом Президента РФ от 1999 г. школьные попечительские советы расценивались как «возможность легитимации различным локальным сообществам, готовым помогать школе, благодетельствовать ей, опекать ее». По этой логике представители локальных сообществ, «благодетельствующих школе», совсем не обязательно должны быть родителями учащихся. Но так как уже со следующего после Указа года в бланки школьных отчетов была добавлена графа: «Есть в школе попечительский совет или нет?», наличие или отсутствие попечительского совета стало рассматриваться как показатель работы школы. Поэтому в школах в авральном порядке формировались списочные составы совета, нередко фиктивные и довольно часто дублирующие общешкольные родительские комитеты.

Похожая история произошла и с созданием школьных управляющих советов. Намеренно размытые формулировки министерских рекомендаций (как пример, Письмо Министерства образования РФ от 14 мая 2004 г. № 14-51-131/13) позволяли управленческим структурам «сохранять недемократические механизмы манипулирования демократическими образованиями вплоть до форсирования создания новых послушных марионеток» [4]. В итоге, к лету 2007 года попечительские или управляющие советы существовали (по крайней мере, на бумаге) практически в каждой общеобразовательной школе Санкт-Петербурга. Но, как показали результаты исследования, мифотворчество о тотальном со-управлении продержалось не долго. На начало учебного 2013/2014 года подобные советы сохранились лишь в немногих школах города. Один из примеров – попечительский совет гимназии № 56, где директор Майя Борисовна Пильдес действительно может опереться на известных и влиятельных горожан.

Общеобразовательные школы традиционно выстраивают отношения с родителями школьников через ранжированную систему родительских собраний (классные собрания, родительские собрания по параллелям, общеродительские собрания, дни открытых дверей, школьные фестивали и т.д.). Причем, как заметил директор одной элитной петербургской школы, чем благополучней школа и чем выше у нее статус, тем выше кредит родительского доверия к учителям и, соответственно, тем традиционнее формы общения школы и родителей. Традиционный алгоритм предполагает, что в повседневной школьной жизни инициативы поступают от школьной администрации или педагогического коллектива, а родительская активность проявляется в поддержке выдвинутых инициатив, будь то организация субботника или внесение коррективов в Устав школы.

Непосредственно родительские инициативы возникают там, где обнаруживаются нерешенные проблемы. В 2005 году, изучая ситуацию в школах Санкт-Петербурга, я описала феномен, который определила, как «новые стратегические мамы» [5]. Это были, как правило, молодые мамы учащихся начальной школы, официально не работающие, но довольно обеспеченные и в силу этого обладающие достаточными материальными и временными ресурсами, а главное желанием принимать активное участие в школьной жизни не только своего ребенка, но и в целом класса и школы. Продолжив исследовательский проект весной 2013 года, в разговоре с представителем «Петербургского родительского комитета», я поинтересовалась, есть ли среди активисток общественной организации подобные мамы. Как выяснилось, поначалу были, но когда потребовалось системное участие, не просто пригласить модного художника преподавать в школе рисование, но заниматься рутинными делами, «новые стратегические мамы» интерес к общественной работе потеряли.

Из интервью: «*Понимаете, там немножко другой менталитет. Этим людям, как правило, в силу воспитания, образования, круга общения, не интересны вот эти бытовые вещи. Им интересны: а) как вариант, запариться*

и куда-то там вылезти, ну какую-то публичную роль себе придумать; б) развлечься. А тут развлечения скучные, потому что мы начинаем вкапываться в какие-то проблемы, тут развлечений мало. Тут надо выхаживать ногами, надо что-то делать конкретное». Поэтому люди, которые приходят в организацию просто «*убить время или потусоваться*» в таких условиях «не выживают», фитнес и маникюр, по словам информанта, не вписывается в повседневную рутинную работу.

Переломным моментом в трансформации родительской активности в гражданские практики для Санкт-Петербурга стала осень 2010 года. Обсуждение Федерального закона № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» вылилось в протестное движение против коммерционализации образования. Активистская волна вылилась на улицы города сначала как довольно спонтанное движение, затем появился актив, оформившийся в штаб и взявший на себя организацию участия в собственных мероприятиях, распространение подготовленных писем, прокламаций, организацию уличных пикетов. Одновременно обсуждения Закона шло в социальных сетях, создавались специальные группы «ВКонтакте».

В итоге, возникла сетевая структура «Санкт-Петербургский родительский комитет»: общественная организация, где каждое отделение занимается своим направлением: поддержкой многодетных семей, ювенальной тематикой, безопасностью в Интернете, бытовыми делами, досугом и так далее. Все активисты работают «*в режиме чистого волонтерства*». В основном это родители учащихся начальных классов и среднего звена школы, есть родители, которые стали активно сотрудничать с организацией, когда их дети ходили еще в детский сад. Совсем немного участников, чьи дети уже закончили общеобразовательные школы. Получается, что большинство родителей школьников свою *«активную жизненную позицию теряют уже к пятому-шестому классу*».

На сегодняшний день общественная организация «Петербургский родительский комитет» является юридическим лицом, имеет свой Устав. Штатных единиц в организации нет, как и нет членских взносов. Совместными усилиями активисты поддерживают телефон горячей линии, когда приходит очередной звонок, решают, по какой это линии, и направляют информацию в соответствующее подразделение. Каждый год на телефон «*сбрасываются*» примерно по 500 рублей. С организацией стабильно поддерживают отношения около двадцати школ города. И около пятидесяти школ имели с ней хотя бы разовый контакт. Обычно инициативы исходят от школы, когда там возникают определенные проблемы. На контакт, как правило, идут родительские комитеты школ или классов. Опыта совместных проектов с попечительскими

советами нет. Действительно работающие при школе попечительские советы – это структуры, сложившиеся исторически. У каждой такой школы свой круг попечителей. Например, школа Шестаковича[1] изначально создавалась как школа при заводе «Балтика» и, соответственно, от своего попечительского совета получает мощную финансовую поддержку. Из интервью с активистом «Санкт-Петербургского родительского комитета»: «*Попечительские советы вместе с администрацией школы формируют планы развития общеобразовательного учреждения и финансируют это развитие по этим планам. Мы их знать не знаем. Это все люди высокого полета, нам не доступные и повода для общения с нами у них нет, поэтому нет нужды и как-то общаться с ними*».

Среди организаций, с которыми поддерживает сотрудничество «Петербургский родительский комитет», юридическая организация «За права семьи», несколько общественных клубов, занимающихся организацией семейного досуга, православная организация «Светлица», специализирующаяся на помощи многодетным и малообеспеченным семьям. Были отдельные контакты с Израильским центром и мусульманской организацией при мечети. Но как заметил мой собеседник, там *«такая узкая тема, со своей паствой там занимаются»*. Особо стоит зародившееся на одном из родительских форумов региональное общественное движение «Петербургские родители», занимающееся судьбой детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в государственных учреждениях Санкт-Петербурга. Несмотря на формальное сходство названий с «Санкт-Петербургским родительским комитетом», это два разных поля деятельности, хотя и случаются редкие пересечения в публичном пространстве города, как пример, участие в тематических дискуссиях.

В заключение

Структуры, подобные «Санкт-Петербургскому родительскому комитету», существуют в Москве, во многих региональных городах. Большинство из них также возникли в 2010 году в результате активного участия в обсуждении системы социального патроната или ювенального сопровождения семей. Организации между собой поддерживают связь. Можно говорить о стихийно возникшем общероссийском родительском движении, которое постепенно принимает юридические формы, но остается по-прежнему разрозненным. В течение трех лет их существования не прекращается попытка создать общероссийскую структуру, которая позволит управлять (в другой версии, манипулировать) этим движением. В 2011 году на II Съезде родительской общественности в Казани была создана «Ассоциация родительских комитетов

[1] Средняя общеобразовательная школа № 235 им. Д.Д. Шостаковича с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла.

и сообществ России», объединяющая на сегодняшний день 67 родительские общественные организации со всей страны.

В условиях, когда традиционные манипулятивные техники перестают работать, возникает искушение для представителей политики и бизнеса использовать социальный капитал родительской страты. Отсюда желание возглавить спонтанно начавшийся процесс. В качестве примера карманной, полностью подконтрольной власти организации называют прошедший в феврале 2013 года родительский съезд, состоявшийся по инициативе движения «Суть Времени», возглавляемого С. Кургиняном, и «Ассоциации родительских комитетов и сообществ России». Отмечается, что, как военно-политический дискурс съезда (идентификация себя как «родительского сопротивления», деление на «своих» и «чужих») сложно коррелируется с толерантностью и демократическими ценностями, так «внезапное» появление на съезде российского Президента, пообещавшего в своей «экспромтной» речи тесное сотрудничество с новой организацией, сложно состыкуется с декларируемой оппозиционностью съезда.

Подобные манипуляционные игры не только не умаляют, а скорей подчеркивают значимость той трансформации, что произошла с активностью родителей российских школьников за последнее десятилетие. В так называемые нулевые годы учителя и представители администрации школы упрекали родителей школьников за равнодушие к школьным проблемам, используя для определения главной школьной функции метафору «камера хранения», куда родители, загруженные собственными проблемами, сдавали своих детей. В начале нового десятилетия 21 века школа, напротив, ощутила напор родительского внимания, к которому оказалась не всегда готова. Защищая свое детище от «чрезмерного» желания родителей учащихся вмешиваться в дела школы, директор одной петербургской школы отметил, «*если учитель – хороший профессионал, то, несмотря на активность родителей школьников, не родители, а именно учитель по-прежнему останется хозяином в своей школе*».

Насколько учитель является хозяином в своей школе – это отдельный вопрос. Но то, что в школе появилось новое поколение родителей учащихся – реальность для российской школы не меньшая, чем для американской. Это новое поколение относится к школе, учителям, административной команде гораздо критичней, чем предыдущие поколения родителей школьников. Не ограничиваясь критикой, наиболее инициативные из родителей учеников (те, которых Аньес ван Зантен определила как стратегические родители) пытаются активно участвовать в школьной жизни своих детей, выстраивать для них не шаблонные образовательные траектории, меняя правила школьной жизни. Как показало исследование, если школа такую инициативность не-

редко встречает «в штыки», спеша напомнить, «кто в доме хозяин», то для различных политических сил новая гражданская активность представляется весьма перспективной, правда, в том случае, если ее получится обуздать.

Список литературы

1. Волков В. Советская цивилизация как повседневная практика: возможности и пределы трансформации // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном мире. – М.: Интерцентр, 1997. – С. 326.

2. Очерки по философии образования (статьи и лекции). – Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 1993.

3. Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001.

4. Шманкевич Т.Ю. Школа и город: особенности институционального регулирования социального партнерства: автореф. дис. … канд. социол. наук. – СПб., 2017. – С. 20.

5. Шманкевич Т.Ю. Школа и город: «родительские стратегии» как гражданские практики // ЖССА. – 2005. – № 3.

6. Элиас Н. Общество индивидов / пер. с нем. – М.: Праксис, 2001. – С. 31.

7. Яницкий О. Забытая страница новейшей политической истории России // Pro et Contra. – 2003. – Т. 8. – № 2. – С. 126.

8. Champange P. Die «Problemviertel» und die Politik // Pierre Bourdieu (Hrsg.): Der Lohn der Angst: Flexibilisierung und Kriminalisierung in der «neuen Arbeitsgesellschaft». – Konstanz: UVK-Verl.-Ges. (Liber Jahrbuch; Bd. 3), 2001.

9. Rémy J. Persistance de la famille étendue dans un milieu industriel et urbain // Revue francaise de sociologie. 1967. Vol. VIII. No 4. – P. 495.

10. Pandiscio Herbert F. A power shift in public education: seven strategies for dealing with broken promises. – London, New York, Toronto: Rowman & Littefilf Education, 2009.

11. Zanten A. Van. L'école de la périphérie. Scolarité et ségrégation en banlieue. – Paris: Presses universitaires de France, 2001. – P. 3.

12. Zanten A. Van. L'école de la périphérie: Scolarité et ségrégation en banlieue. Paris: Presses universitaires de France. 2001.

Spisok literatury

1. Volkov V. Sovetskaya civilizaciya kak povsednevnaya praktika: vozmozhnosti i predelih transformacii // Kuda idyot Rossiya? Obthee i osobennoe v sovremennom mire. – M.: Intercentr, 1997. – S. 326.

2. Ocherki po filosofii obrazovaniya (statji i lekcii). – Riga, Pedagogicheskiyj centr «Ehksperiment», 1993.

3. Pehnto L. Lichnihyj opiht i nauchnoe trebovanie objhektivnosti // Lenuar R., Merlje D., Pehnto L., Shampanj P. Nachala prakticheskoyj sociologii. – M.: Institut ehksperimentaljnoyj sociologii; SPb.: Aleteyjya, 2001;

4. Shmankevich T.Yu. Shkola i gorod: osobennosti institucionaljnogo regulirovaniya socialjnogo partnerstva: avtoref. dis. ... kand. social. nauk. SPb, 2017. S. 20.

5. Shmankevich T.Yu. Shkola i gorod: «roditeljskie strategii» kak grazhdanskie praktiki // ZhSSA, 2005, № 3.

6. Ehlias N. Obthestvo individov. Per. s nem. – M.: Praksis, 2001. – S. 31.

7. Yanickiyj O. Zabihtaya stranica noveyjsheyj politicheskoyj istorii Rossii // Pro et Contra. 2003. T. 8. № 2. – S. 126.

8. Champange P. Die «Problemviertel» und die Politik // Pierre Bourdieu (Hrsg.): Der Lohn der Angst: Flexibilisierung und Kriminalisierung in der «neuen Arbeitsgesellschaft». – Konstanz: UVK-Verl.-Ges. (Liber Jahrbuch; Bd. 3), 2001.

9. Rémy J. Persistance de la famille étendue dans un milieu industriel et urbain // Revue francaise de sociologie. 1967. Vol. VIII. No 4. – P. 495.

10. Pandiscio Herbert F. A power shift in public education: seven strategies for dealing with broken promises. London, New York, Toronto: Rowman & Littefilf Education, 2009.

11. Van Zanten A. L'école de la périphérie. Scolarité et ségrégation en banlieue. – Paris: Presses universitaires de France, 2001. – P. 3.

12. Van Zanten A. L'école de la périphérie: Scolarité et ségrégation en banlieue. Paris: Presses universitaires de France. 2001.

ANNOTATIONS

Ivanov V.N.,
corresponding member of the Russian Academy of Sciences,
doctor of Philosophy, professor, Adviser of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Yudina T.N.,
doctor of sociological sciences,
professor, head of the department of sociology of the social sphere
of the Russian State Social University, Moscow

THE EMERGENCE OF SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA: FOR THE 25TH ANNIVERSARY OF THE NEW PAGE

Annotation: *article is devoted to the 25 anniversary of the new page of sociological education in Russia in the context of history of development of sociology and sociological education from the second half of the XIX century. The central part of article are Vilen Nikolaevich Ivanov's memories about development of government decisions on acceptance of necessary measures for creation of accurately operating system for preparation of highly qualified personnel of sociologists. He was the director of Institute of sociological researches of Academy of Sciences of the USSR from 1983 to 1988.*

Key words: *social knowledge, sociology, sociological education, sociological science.*

M.M. Basimov,
doctor of psychological sciences, professor of department of psychology of labour and official activity, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: basimov_@mail.ru

THE TRIVIALITY OF LINEAR PAINTINGS IN SOCIOLOGY AND THE NEED FOR A SYNERGISTIC APPROACH (FOR EXAMPLE, SPECIFIC RESEARCH)

Annotation: *the article considers the political preferences of students and their relation to «civil marriage» in the framework of nonlinear sociology, provides detailed interpretations of selected content from two groups of non-linear dependencies. The triviality of the linear approach and the little substance of the correlation analysis results obtained in the article and so the necessity of nonlinear models for sociology is established.*

Key words: *political preferences, dependence, non-linear, maximum, comparative weightiness, factor of the connection strength, triads, quarts.*

T.Y. Kirilina,
doctor of sociological sciences, professor of department of sociology of social sphere of the Russian State Social University, Moscow.
E-mail: kirilina_t@rambler.ru

CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIOLOGY OF MORALITY: STATE, PROBLEMS, PROSPECTS

Annotation: *the present article is devoted to the analysis of the characteristic features of development of Russian sociology of morality at the present stage in the context of Russian sociology development. There are copyright research data. The most important problems and prospects of development of this scientific direction in our country are taken into consideration.*
Key words: *sociology of morality, the moral atmosphere of Russian society, moral values.*

E.И. Kluchko,
postgraduate student, Russian state pedagogical University A.I. Herzen, Moscow.
E-mail: key-1@mail.ru

THE IMPACT OF THE INTERNET ON NATIONALIST SENTIMENT

Annotation: *the article examines the role of the Internet in generation of nationalist sentiment. There is a hypothesis that the Internet reduces nationalism, facilitating communication between people. The results of the inquiry shows that this hypothesis is not confirmed. The Internet is an alternative method of communication but it does not solve the problem of nationalism.*
Key words: *nationalism, national identity, Internet.*

S.A. Kravchenko,
doctor of philosophical Sciences, Professor, chief researcher, RAS Institute of sociology, head of Department of sociology of the Moscow state Institute of international relations (University) of the Ministry of foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO-University MFA of the Russian Federation).
E-mail: sociol7@yandex.ru

MILESTONES OF THE DYNAMICS OF SOCIOLOGICAL KNOWLEDGE IN THE TWENTY-FIRST CENTURY (ON MATERIALS OF THE WORLD AND EUROPEAN SOCIOLOGICAL CONGRESSES)

Annotation: *there analyzed the process of very radical changes in the essence of sociological knowledge that took place in a relatively short historical period since 2002 (Australia, Brisbane,*

XVth World Congress of Sociology) up to 2014 (Japan, Yokohama, XVIIIth World Congress of Sociology). It is shown that sociological knowledge reflecting the realities of «becoming» (P. Sztompka), «liquid» (Bauman) society, itself increasingly acquires the quality of reflexivity, while it increases more and more components of «scientific non-knowledge» (U. Beck). The dynamics of knowledge takes on a completely new vector: there is a transition from the simple accumulation of knowledge through the development of its paradigmatic essence (T. Kuhn) to complicate the formation of the complex integral knowledge in the context of the «arrow of time» (I. Prigogine) that presuppose assuming the emergence, response to «play of structures» (J. Derrida), and at the same time a re-reading of sociological classics. These changes are claimed to adequate types of sociological imagination, significantly different from the theory of C.R. Mills, created in the middle of the last century. Also change takes place within the relationship among sociology and the other sciences – one can see the transition from isolation, specification of subject matter to the dialogue through the «turns» to different social, hard and human knowledge, from which separate terms and concepts are borrowed and then they are filled with the actual sociological content. There revealed the essence of the idea of a new sociological integralism put forward at the Yokohama Congress, which in the foreseeable future may contribute to the formation and establishment of a supra-national, interdisciplinary sociology, theoretical and methodological tools of which will be adequate to the complex socium.
Key words: *sociological knowledge, socio-cultural dynamics, complex socium, the arrow of time, reflexivity, turns in sociology, new integralism.*

A.I. Kuropyatnik,
doctor of sociological Sciences, Professor, head of the Department of cultural anthropology and ethnic sociology, faculty of sociology, St. Petersburg state University.
E-mail: alkuropjatnik @mail.ru

SOCIOLOGICAL EDUCATION: CONTEXTS OF STANDARDIZATION

Annotation: *the article is devoted to the study of modernization contexts as a set of conditions in which there is a change in the forms of education's conceptualization, as well as its modernization. Standardization is dealing as a tool for optimizing the updating of education.*
Key words: *standardization, modernization, education, sociological education, educational space, culture, new forms of education, market of educational services, globalization.*

I.V. Leskova,
doctor of Sociological Sciences, associate professor social anthropology and sociology department RSSU, director of RSSU Intellectual Resources Directorate Management.
E-mail: Leskova.i@yandex.ru

OPPORTUNITIES AND VALUE OF THE EUROASIAN INTEGRATION IN THE MIRROR OF PUBLIC OPINION OF RUSSIANS

Annotation: *in article some aspects of the relation of Russians to option of integration of Belarus, Kazakhstan and Russia within the Euroasian Union are considered. Features of reflection in public opinion of integration processes and visions by citizens of specifics of the structure of future Union of three states are shown. As information base for the analysis materials of the all-Russian sociological research are used.*

Key words: *Euroasian Union, integration, public opinion, relation of Russians to integration of Belarus, Kazakhstan and Russia, sociological research.*

A.K. Mamedov,
doctor of sociology, Professor, head of chair of sociology of communications sociological faculty of Moscow state University named M.V. Lomonosov.
E-mail: akmnauka@rambler.ru

L.V. Temnova,
doctor of psychological Sciences, Professor, head of the research laboratory of information and educational technologies of the faculty of sociology of Moscow state University named M.V. Lomonosov.
E-mail: temnova.larisa@yandex.ru

SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS

Annotation: *the article considers the main tendencies of development of sociological education in Russia since the 1990-ies. The authors analyze the functions of sociological education, the role and place of University education in the development of society, the demand for sociologists, the requirements of employers to the work of the sociologist, problems of formation of young specialists-sociologists, especially the content of education sociologists, the dynamics of the quality of teaching staff.*

Key words: *sociological education, the demand sociologist, teaching staff, educational content, the activities of the sociologist.*

V.I. Mukomel,
doctor of sociological Sciences, head of division for the study of migration and integration processes, Institute of sociology RAS.
E-mail: mukomel@isras.ru

THE SPECIFICITY OF MUTUAL ADAPTATION AND INTEGRATION OF THE HOST POPULATION AND MIGRANTS IN THE YOUTH ENVIRONMENT

Annotation: *the most acute tensions between receiving society and migrants take place among the youth. The article is based on the analysis of the problems of mutual adaptation and integration of the local youth and young migrants from the Central Asia and Transcaucasia in the Russian cities.*

The research was included the peculiarities of self-presentation, values, presentation of the 'others', investigation of the specifics of routine communication practices' definition as 'ours' or 'others' as well as stereotypes of the expected operation of the social institutes of the receiving society.

Key words: *integration; migrants; youth; trust; loyalty; values.*

S.S. Novikova,
doctor of sociological Sciences, Professor, Professor of Department of sociology of the social sphere of the Russian state social University.
E-mail: s_novikova60@mail.ru

THE ORIGINS OF SOCIOLOGICAL EDUCATION IN RUSSIA: 1875–1917

Annotation: *in Russia in 1875–1917 was an intensive process of institutionalizing a system of sociology and sociology of education. A number of talented and brilliantly educated Russian scientists (most notably, m. Kowalewski and N.I. Kareev), wide interest of young people to a new sociological knowledge, other factors help sociology to become independent of social discipline. However, the negative stereotype of the official authorities and has not been overcome. As a result, in the early 20-th century in public institutions of higher education was not created by any Department of sociology.*

Key words: *sociology, education, social education, self-education, institutionalization.*

G.I. Osadchaya,
doctor of sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of socio-political research Russian Academy of Sciences for scientific work.
E-mail: osadchaya111@gmail.com

SOCIOLOGY OF SOCIAL SPHERE

Annotation: *the article presents the main provisions of the author's concept of the special sociological theory sociology of the social sphere.*

Key words: *sociology, social policy, theory, methodology, methods, monitoring, public education.*

E.V. Reutov,
candidate of sociological Sciences, associate Professor of social technologies Institute of management, Belgorod state national research University, Belgorod.
E-mail: reutovevg@mail.ru

M.N. Reutova,
candidate of sociological Sciences, associate Professor of social technologies Institute of management, Belgorod state national research University, Belgorod.
E-mail: reggina77@mail.ru

I.V. Shavyirina,
candidate of sociological Sciences, associate Professor
of sociology and management, Belgorod state technological University
n. a. V.G. Shukhov, Belgorod.
E-mail: shavyrina_77@mail.ru

SOCIAL ENVIRONMENT CIVIC ACTIVISM IN THE REGION

Annotation: *based on the results of sociological research diagnosed the level of acceptance of the public civic initiatives and capacity of civic participation. In the society emerges enquiry to overcoming of social atomization. Social activism becomes regulatory acceptable to the majority of citizens. People, as a rule, far from politisized forms of civil participation, but welcome civil initiatives directed to the decision of local problems. Exactly in given domain the potential of personal participation is the most high which, according to data of our research, accounts for about two thirds of interrogated.*

Key words: *social space, local community, solidarity, micropractices of solidarity, mutual aid, self-organising, civic participation, civic initiatives.*

A.L. Sazonova,
candidate of sociological Sciences, associate Professor, Member of the RAS Russian Society of sociologists, associate Professor of the Sociology of social sphere Department, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: an-netic@yandex.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF YOUNG FAMILIES IN THE REPUBLIC OF SOUTH OSSETIA

Annotation: *in the article on the basis of the results of the survey of youth in the Republic of South Ossetia and Moscow, conducted in the framework of a project supported by the Russian Foundation for Humanities analyzes current issues young family. Studied the value attitude to the young family, the love between a man and a woman; it shows the determination that their activities and behavior.*

Key words: *Family, young family, family capacity, family behavior, family strategy, values, love, social practices.*

E.A. Sayko,
doctor of philosophical Sciences, Professor, senior researcher, research laboratory of information and educational technologies of the Moscow state University M.V. Lomonosov.
E-mail: sayko13@list.ru

THE NEEDS OF THE STUDENTS IN THE CONTEXT OF CULTURAL ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Annotation: *in article on the basis of sociological polls features of cultural needs of students sociologists in a context of dynamics of cultural orientations of modern Russian youth come to light.*

Key words: *cultural requirements, culture, art, sociology, education, students.*

G.S. Solodova,
leading researcher, doctor of sociology, Institute of philosophy and law SB RAS, Siberian state University of telecommunications and Informatics (SibGUTI).
E-mail: gsolodova@gmail.com

RELIGION AS A FACTOR IN THE STRUCTURING OF SOCIAL CONSCIOUSNESS

Annatation: *this article investigates the impact of religious beliefs culture and its manifestations in different spheres of life of society. For millennia, one of the major social institutions involved in the formation of public consciousness, was the religion and its associated network of organizations. Religious beliefs played a key organizer of the moral component, were the main source and transmitter of values that were dominant and were perceived as possessing absolute authority for all members of society.*

Key words: *religion, beliefs, perceptions, beliefs, culture, society, Institute.*

D.K. Tanatova,
doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Sociology Social Sphere, Faculty of Social Management and Sociology of the Russian State Social University, Moscow.
E-mail: dktanatova@mail.ru

SOCIAL INEQUALITY AND THE DYNAMICS OF CHANGE IN TODAY'S WORLD

Annotation: *the article demonstrates the existence of social inequalities, which not only persist but are compounded by various parameters. However, many social consequences are not defined, it is critical not understood. In particular, conflicts of political, social and philosophical nature, cover most of the civilized world, including conflicts on ethnic and religious grounds (France, Germany, Russia). It is shown that the inequality along ethnic and religious lines is gaining momentum, the confrontation escalates (Caucasophobia, Russophobia, excess flow ethnic migration, Diaspora territory) against the background of ethnic revival (explanatory concept) and negative practices (French «Charlie Hebdo», Moscow Western Biryulyovo). Ethnic capacity is also significantly alters the social sphere, culture (cultural space ethnicization), forms of cooperation, development prospects. Showing negative attitudes of today's youth on ethnic and religious iden-*

tification (skinheads). Formulated negative symptoms of social inequalities along ethnic and religious factors in the situation in the Russian society.

Key words: *social inequality, ethnic and religious conflicts, social consequences, the dynamics of change.*

D.K. Tanatova,
doctor of sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of sociology of the social sphere of the Russian state social University.
E-mail: dktanatova@mail.ru

L.R. Tairova,
postgraduate student of the Department of sociology of the social sphere of the Russian state social University.
E-mail: tairovalr@mail.ru

MOBILE GADGETS LIKE THE FACTOR OF TEMPORALITY OF THE EVERYDAY LIFE OF THE RUSSIAN POPULATION

Annotation: *shown a time span temporality of the Russian population daily life in the city depending on usage of the mobile gadgets which includes Internet, mobile phone and etc. Analyzed variances of the social skills, capable usage sphere of the mobile gadgets, which has an impact on dynamics day-to-day lifestyle.*

Key words: *gadget, internet, mobile communication, mobile internet, it-technologies, new communication.*

F.S. Fayzullin,
doctor of philosophical Sciences, Professor, academician of the Belarusian Academy of Sciences and Russian Academy of natural Sciences, head of the philosophy Department of the Ufa state aviation technical University.
E-mail: philosugatu@mail.ru

T.F. Fayzullin,
Deputy Director for science and research and implementing activities of the RSSU branch in Ufa, candidate of sociological Sciences.
E-mail: fayzullintf@rgsu.net

NATIONAL VALUES AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF SOCIETY AND THE INDIVIDUAL

Annotation: *the article explains the role of national values in the development of society and the individual. In her ethnic heritage are considered to be part of universal human values, at the same time bearing the reflection of the national culture, subject to the specific historical and geographical and political conditions. It is proved that ethical values are the inner core of the nation,*

its culture, identity and ensure national unity. The theoretical conclusions are confirmed by the materials of empirical sociological research.

Key words: *national values, the stabilization of society, national interests, national consciousness and identity.*

Yudina T.N.,
doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department, Moscow, Russian State Social University, Faculty of Social Management and Sociology, Department of Sociology of the social sphere, Moscow.
E-mail: ioudinatn@mail.ru

SOCIOLOGY OF MIGRATION: MAJOR MILESTONES IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT

Annotation: *in the late 90-ies of XX century in Russian society there is a need in the increasingly deep and full knowledge of migration as a complex social process. Sociology, based on certain theoretical approaches that exist at the moment in the foreign and Russian scientific tradition, took up the challenge of time and began to consider migration as a problem within their subject field. Since then it passed almost 20 years. It is time to sum up the results of sociological knowledge in the field of migration and from the standpoint of modern knowledge to apply to the analysis of the theoretical framework that formed the basis for the development of industry-sociological theory and to analyze new approaches, which could give new impetus to the development of this industry sociological theory.*

Key words: *migration, social migration, nation, conflict, and social significance.*

N.V. Dulina,
doctor of sociological Sciences, head of chair of History, culture and sociology, Volgograd state technical University.
E-mail: dulina@vstu.ru

E.G. Efimov,
candidate of historical Sciences, docent of the faculty of Economics and management, Volgograd state technical University.
E-mail: ez07@mail.ru

SOCIAL NETWORKS AS A FACTOR OF EDUCATIONAL PROCESS ORGANIZATION IN THE FRAMEWORK OF THE GEF

Annotation: *in article features of introduction of social networks in educational process are considered. Studying of this problem in the western sociology is described, the characteristic of results is given. The data of the focus group interviews spent among students of 1–5 courses of*

the Volgograd state technical university is cited. The big role of informal development of social networks in educational process is shown. To see noted desire of respondents social networks as an official resource of educational system. The conclusion about the big role of the teacher in this process becomes. The public opinion role as factor of successful introduction of networks in educational process is considered. At Russia today there is a negative estimation of social networks that reduces their pedagogical potential. Other reason of weak use of social networks is their insufficient scientific level of scrutiny.

Key words: *Social networks, formation, FGOS, public opinion, focus group.*

I.P. Gladilina,
doctor of pedagogical Sciences, Professor,
State Autonomous educational institution of higher professional education «Moscow city Government University of management Moscow».
E-mail: shtazi87@mail.ru

S.L. Razumovskiy,
associate Professor
«Federal state budgetary educational institution of higher professional education Russian state University of tourism and service (RGUTiS)».
E-mail: serg-razumovskij@yandex.ru

THE DEVELOPMENT OF CREATIVITY OF STUDENTS IN HIGHER EDUCATION

Annotation: *the game has a simple, fast and most important thing is to solve personal and professional problems unique to humans with a high level of development of creative abilities. Creativity is such a kind of category learning in higher education young people is an important scientific task of theoretical and applied importance. Focus on this specific social category due to the fact that the student is, undoubtedly, an important human resource in solving complex problems facing society. The need for the development of creativity is formed and develops in young people in the learning process through the establishment of appropriate educational environment. This circumstance requires special organization creative interaction with the students, as well as the significant development of professional competence of faculty members regarding personal creative development.*

Key words: *art, foreign and russians concepts of creativity, social responsibility, best educational practices in Russia and countries of the world.*

A.V. Kirillov,
doctor of Historical Sciences, professor, head of Human Resource, document science and archive science department, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: a.v.kirillov@mail.ru

A.V. Melnichuk,
candidate of Historical Sciences, docent, associate professor of Human Resource, document science and archive science department, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: a.v.kirillov@mail.ru

J.A. Melnichuk,
teacher of Human Resource, document science and archive science department, Russian State Social University, Moscow.
E-mail:melnichuk2608@mail.ru

MANAGEMENT OF ORGANIZATIONAL CULTURE IN THE MODERN RUSSIAN CORPORATIONS

Annotation: *the article analyzes the problems of management of organizational culture of modern Russian companies compared its main aspects in Russian organizations, identified ways to improve. Given the author's view of the relationship between the concepts of «organizational culture» and «corporate culture». Thesis analyzed A.F. Losev about the symbol as «substantial identity ideas and things». Discloses the role values, traditions, norms of behavior, symbols, mission, as a reflection of the general idea of the vector organization. The drawbacks of in these matters in modern Russian organizations identified ways to address them. Revealed ways of involving collective in the development of organizational culture, its basic regulatory requirements in regulatory documents of the organization. Is investigated the content of the basic principles of management of organizational culture to ensure organizational and personal development. Much attention in the article is paid to issues of enhancing the role of managers, system training, motivation in the development of the organization's culture. In conclusion summarizes the main disadvantages of executives from which it is necessary get rid for success in the management of organizational culture.*

Key words: *organizational culture, corporate culture, management, mission, values, traditions, symbols, dress code, code of conduct, corporate code, the principles of management of organizational culture.*

M.S. Kozyrev,
candidate of philosophical sciences, associate professor of the public, municipal administration and social engineering of RSSU.
E-mail: max-han@yandex.ru

ACTUAL PROBLEMS OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Annotation: *the article deals successively approaches to the definition of «management». By analyzing the distinctive and essential features of the notion of specific examples demonstrate the gaps in the definitions. States unresolved modern science conceptual problem. Then the analysis is made on the basic notion of the theory and practice of state and municipal management – public Agency. Serves to clearly distinguish it from related phenomena such as the state mechanism, the state apparatus, the system of state and municipal management.*

Key words: *management, public Agency, state mechanism, the system of state and municipal management.*

E.M. Kryukova,
candidate of economic Sciences, associate Professor, Head of department of scientific and technical information, Russian State Social University, Moscow.
E-mail: lena-krukova@yandex.ru

FACTORS AND FEATURES OF FUNCTIONING OF MONOCARBONATE (FOR EXAMPLE, BAIKONUR)

Annotation: *the relationship between Russia and Kazakhstan have significant difficulties in light of the long-term, long-term development of the cosmodrome «Baikonur». First, due to the absence of a clear program for attracting private resources in financing and development of this facility. Secondly, a significant obstacle to the development of interaction are customs and tax barriers. Third, require solving the issues of compensation for permanent improvements made by Russia at the spaceport compensation for the environmental damage caused by launches, as well as the issues of legal status of citizens of Kazakhstan residing in the territory of Baikonur. To develop effective measures to address these problems, first of all, it should be clarified, to consider the historical moments in the development of relations of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in respect of the cosmodrome "Baikonur".*

Key words: *Baikonur, infrastructure, city of Federal importance, the budget of Baikonur, legal status, Russian-Kazakh relations, legal aspects, legal, history, historical stage.*

Hodyrev A.A.,
head of planning and economic department,
the Russian State Social University, Moscow.
E-mail: khodurev@gmail.com

EVALUATION OF GOVERNMENT PROGRAMS AS A METHOD OF CONTROL EXPENDITURE COMMITMENTS OF SOCIAL ORIENTATION

Annotation: *the conditions were consolidated budget deficit of the Russian Federation is becoming particularly urgent question of the most efficient implementation of expenditure commitments. Performance budgeting, currently used as the main tool expenditure management, the system has one drawback – the lack of a coherent, transparent and cost-based system of evaluation of public programs. The article is an attempt to describe the current approaches to evaluating government programs, classification of assessment tools, their distinctive features. Due to the fact that more than 44% of the consolidated budget of Russia at the moment have a social focus, this research is particularly important in order to assess the effectiveness of expenditure commitments in the field of health, education and social policy.*

Key words*: budget, target programs, assessment of performance, efficiency, expenditure commitments.*

I.N. Markaryan,
candidate of economic Sciences, associate professor, head of department management and administrative law of Russian State Social University, Sochi.
E-mail: 2703_irina@mail.ru

A.S. Varyukhin,
candidate of technical Sciences, associate professor of the department management and administrative law of Russian State Social University, Sochi.
E-mail: varyukhins@mail.ru

STRATEGY DEVELOPMENT MANAGEMENT DECISIONS AT THE STAGE OF IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECTS

Annotation: *the article considers modern approaches in strategy development management decisions at the stage of implementation of innovative projects. In modern conditions the existing trends on the rationale for the strategy management decisions at the stage of implementation of innovative projects of enterprises and their management systems, respectively, this becomes especially important. For these purposes require special, high versatility and high performance model, a comprehensive methodology, in General different from the models and methodologies underlying collateral. The article offers in the implementation of various business projects with a high degree of dimensional factors used (material flows), use the search for optimal management decisions at the preliminary stages of their implementation.*

Key words: *modern approaches, strategies, innovative projects, socially significant objects, design, computer-aided design, management decision model, methods, techniques, research tasks, the apparatus logistics.*

I.A. Shpekht,
candidate of technical sciences, associate professor, associate professor of technosphere safety, mathematics and informatics department of
Russian State Social University branch in Anapa.
E-mail: shpekht@mail.ru

R.R. Saakyan,
doctor of technical sciences, professor, professor of technosphere safety, mathematics and informatics department of
Russian State Social University branch in Anapa.
E-mail: rsahakyan@yahoo.com

ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF ACTIVITY OF BODIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONDITIONS OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

Annotation: *considered the practical implementation of the Integrated Information Platform «Automation stages of systems analysis» with a consistent set of tools for example the organization of information decision support problem of estimating the efficiency of the local government of the Krasnodar Region. Solve the problem of identifying trends in health indicators in the framework of an information decision support problem of estimating the effectiveness of local governments.*

Key words: *efficiency, local governments, systems analysis, automation, complex system, decision support, dynamic visualization of multidimensional data.*

O.V. Stukova,
candidate of biological Sciences, doctoral student, sociology Department, St. Petersburg state University, St. Petersburg.
E-mail: olga-stukova@mail.ru

SOCIAL TECHNOLOGY TO PREVENT CORRUPTION: THE SELECTION OF THE PERSONNEL TAKING INTO ACCOUNT THE VALUE OF LEVEL

Annotation: *the article presents the author's social technology, which opens the possibility of preventing corruption at the stage of selection of the personnel and forth during their routine testing is offered to 3-and 7-level system (scale) assessment of spiritual and personal level actors. They emit respectively 3 (7) of groups of values from basic material to the highest spiritual. Used traditional Eastern tier of the scale with the transfer of the current situation. After the development of special psychological and sociological tests the basis of this system of scales for testing personnel and identify such qualities (corresponding to a certain level of personal development) – as a tendency to enrichment, the pursuit of power or, conversely, selflessness, and the predominance of spiritual values in his personal Pantheon.*

Key words: *technology, technology, social technology, corruption, anti, research methodology, human resources, HR policies, labor relations/*

O.A. Urga,
doctor of sociological Sciences, Professor, head of chair of state and municipal management and social engineering of the faculty of social administration and sociology Russian state social University, Moscow.
E-mail: olga.urzha@gmail.com

SOCIAL CONTROL AS A MEANS TO OPTIMIZE THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY

Annotation: *the article describes the main problems with the theoretical interpretation and practical implementation of social-oriented administration as the most effective and democratic control method that optimizes the structure of society and contribute to its development based on socio-engineering methods.*

Key words: *social-oriented administration, public administration, social structure, social engineering, social technologies.*

M.A. Cherkasova,
doctor of Philosophy, Professor, director of the Russian State Social University in Kamensk-Shakhtinskiy.
E-mail: kamensk@rgsu.net

THE PLACE AND ROLE OF CONFLICT IN CROSS-CULTURAL COMMUNICATIVE SPACE

Annotation: conflict, as a means of communication, attracts today the attention of specialists in many sciences. Of particular topicality is the consideration of conflict in intercultural communicative space. The concept of «cross-cultural communication», examples of verbal and non-verbal cross-cultural communication, the potential of conflict in cross-cultural communication and ways to solve it are considered in the article.

Key words: *conflict, culture, cross-cultural communication, verbal cross-cultural communication, linguistic violence, non-verbal cross-cultural communication.*

T.U. Shmankevich,
PhD in sociology, senior researcher faculty of sociology, St. Petersburg state University, Science Park, deputy Director, «Resource center and the Center for sociological and Internet research».
E-mail: taverni0108@mail.ru

THE MECHANISM OF TRANSFORMATION OF THE SCHOOL PARENTAL PRACTICES IN CIVIL

Annotation: *in the article the basic problems of civil relations between the Russian secondary school and the various urban; school relationships and parent community. The author tries to answer the burning questions: «is it Permissible to consider the school as an environment that generates civil practice? If valid, what is the mechanism of transformation of the school parental practices in civil?», analyzing the results of two field project «School on the city map, Saint-Petersburg, 2004-2007» and «Interaction between schools and parents, St. Petersburg, spring-fall 2013».*

Key words: *school, civil matters, the rights of parents, rights of students, municipality, municipality, city, parent strategies.*

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУССКОЯЗЫЧНОЙ РУКОПИСИ СТАТЬИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА», «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ», «ВЕСТНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВУЗОВ РОССИИ ПО ОБРАЗОВАНИЮ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

Материалы журналов включены в систему Российского индекса научного цитирования.

1. Общие положения

Для издания принимаются только ранее не опубликованные авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике журналов: «Социальная политика и социология», «Ученые записки Российского государственного социального университета»[1], «Вестник учебно-методического объединения ВУЗов России по образованию в области социальной работы».

Объем статьи составляет 25 000–30 000 знаков; при этом минимальный/максимальный объем статьи в листах А4 значения не имеет, автору следует ориентироваться только на количество знаков в статье.

Допускается до 4 соавторов.

При отправке статьи в Сектор научных изданий отдела Управления результатами интеллектуальной деятельности Управления организации научно-исследовательской деятельности (далее – Сектор) необходимо указать контактный номер телефона для связи.

Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе

Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке:

- фамилия, имя, отчество;
- ученая степень, ученое звание;
- должность или профессия;
- место работы, учебы: наименование учреждения или организации, населенного пункта, включая подразделение (кафедра, факультет);
- контактная информация (E-mail или другая контактная информация для публикации в журнале);
- наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

Например:
В.А. Осипов,
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной работы и экономики филиала Российского государственного социального университета в г. Обнинске.

V.A. Osipov,
candidate of economic sciences, associate professor, head of Social work and economics department of Russian State Social University branch in Obninsk.
E-mail: osipovvladimi@yandex.ru

Примечание. При последующей публикации материалов в других изданиях автор обязан сделать ссылку на первичную публикацию в научных изданиях РГСУ (название журнала, номер, год).

Все статьи, направляемые авторами для публикации в журналах, рецензируются согласно Положению о рецензировании.

[1] Рекомендованы Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки России (далее – ВАК) для публикации научных работ, отражающих основное содержание докторских диссертаций.

3. Аннотация и ключевые слова

Должно быть указание, что это **Аннотация** (**Annotation**) или **Ключевые слова** (**Key words**).

Аннотация и ключевые слова должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация должна содержать 50– 250 слов.

В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Аннотация включает в себя следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- новизна;
- выводы.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается…»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Ключевые слова выбирают из текста материала (кроме передовых статей, докладов, тезисов докладов, научных сообщений, писем в редакцию) и помещают отдельной строкой после аннотации. Ключевые слова приводятся в именительном падеже. Должно быть представлено от 3 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

Ключевые слова не должны содержать формулы и рисунки.

4. Основные требования к содержанию авторских материалов (научная статья, обзор, рецензия на монографию, учебник, рецензия на научную статью).

1. Научная (практическая) статья. Текст идет сразу после ключевых слов. Текст рекомендуется разбить на части или придерживаться данной логической структуры при написании:

- Введение;
- Методика;
- Результаты;
- Обсуждение;
- Заключение;
- Благодарности.

Объем каждой части (введение, методика, результаты, обсуждение, заключение) должен быть не менее 150 слов. Если часть превышает 600 слов, желательно разбить на пункты (например, часть 1 разделить на 1.1 и 1.2 и указать заголовок для каждого пункта).

Введение. Ответственная часть рукописи, которая содержит все необходимые квалификационные характеристики статьи. Во введении автор знакомит с предметом, задачами и проведенными этапами исследования. Введение позволяет читателю понять гипотезу авторов и средства ее проверки.

В научной статье должно излагаться личное авторское исследование. Но очень важно в самом начале показать, что авторы знают об исследованиях, которые выполнены учеными перед ними, и как вновь полученные результаты вписываются в имеющиеся знания. Поэтому во введении необходимо отразить результаты предшествующих работ ученых, что им удалось, что требует дальнейшего изучения, какие есть альтернативы.

Методика. Необходимо описать методы исследования, процедуры, оборудование, параметры измерения, и т.д., чтобы можно было оценить и/или воспроизвести исследование. Обратите внимание, что в англоязычных журналах эти данные выделяются в раздел «Материалы и методы» («Materials and Methods»). Здесь же авторы приводят допущения и отклонения, а также процедуры, используемые для их уменьшения.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Обсуждение. В этой части статьи авторы излагают значение их работы, прежде всего с субъективной точки зрения. Они могут интерпретировать полученные результаты на основе объединения своего опыта, базовых знаний и научного потенциала, приводя несколько возможных объяснений.

В данном разделе научная статья должна также отображать не только выбранный инструментарий и полученные результаты, но и процесс самого исследования или последовательность рассуждений, в результате которых получены теоретические выводы. В научно-практической статье необходимо описать стадии и этапы экспериментов или опытов, промежуточные результаты и обоснование общего вывода в виде физического или статистического объяснения.

Необходимо также изложить данные об опытах с отрицательным результатом. Здесь как нигде уместно заявить, что «Отрицательный результат тоже результат». Затраченные усилия исключают проведение аналогичных испытаний в дальнейшем и сокращают путь для следующих ученых. Следует описать все виды и количество отрицательных результатов, условия их получения и методы их устранения.

Проводимые исследования предоставляются в наглядной форме, причем не только экспериментальные, но и теоретические. Это могут быть таблицы, схемы, графические модели, графики, диаграммы и т.п. Формулы, уравнения, рисунки, фотографии и таблицы должны иметь подписи или заголовки. При их оформлении рекомендуется следовать положениями ГОСТ Р 7.0.5–2008, которые рекомендуется применять по аналогии в частях, посвященных регламентируемым вопросам.

Заключение может содержать рекомендации, оценки, предложения по тематики статьи. Авторы могут приводить интерпретацию полученных результатов в соответствии с поставленными задачами исследования.

Благодарности. Этот раздел нужен, если необходимо указать, что статья подготовлена в рамках гранта, поблагодарить коллег, которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование и т.п.

2. Обзор (обзорная статья). В обзоре должны быть проанализированы, сопоставлены и выявлены наиболее важные и перспективные направления развития науки (практики), ее отдельных видов деятельности, явлений, событий и проч. Материал должен носить проблемный характер, демонстрировать различные взгляды на развитие научных (практических) знаний, содержать выводы, обобщения, сводные данные.

3. Рецензия на монографию, учебник – анализ, критический разбор, оценка научного произведения (кроме диссертационных исследований) в жанре газетно-журнальной публицистики. Заглавие рецензии допускается заменять библиографическим описанием рецензируемого произведения. Библиографическое описание оформляется согласно ГОСТ 7.1–2003.

4. Рецензия на научную статью – отзыв на научную работу перед ее публикацией. Рецензия, которая направляется в научные издания РГСУ почтой, электронной почтой (в сканированном виде), по факсу или лично, должна раскрывать актуальность, значимость, научно-теоретическую методологическую и практическую ценность статьи, содержать оценку, характеристику работы, выводы и следующие обязательные разделы:

- Тема или название рецензируемой работы.
- Ее автор.
- Актуальность выбранной темы.
- Степень разработки темы.
- Научная новизна.
- Полнота раскрытия проблемы.
- Результаты теоретико-практической апробации.
- Наличие четких выводов.
- Использование теоретико-методологического и информационного базиса исследования.
- Качество оформления работы.
- Недостатки, имеющиеся в работе.
- Вывод о возможности допуска рукописи к публикации.

5. Технические требования

Шрифт Times New Roman, 14 кегль, обычный интервал между букв, межстрочный интервал 1,5; поля 2 см со всех сторон, отступ перед абзацем – 0 pt, после абзаца 0 pt. Размер шрифта и интервал между строками должен быть одинаковым по всему тексту.

Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически, а не с помощью клавиши «пробел».

Выравнивание текста производится по ширине.

Не используется функция автопереносов.

Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты.

Римские цифры обозначаются латинскими буквами.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Для обозначения длинного тире следует нажать одновременно клавиши [Ctrl] и [-] (последняя клавиша находится в правом верхнем углу клавиатуры).

Иллюстрации выполняются в графических редакторах в виде черно-белых графических файлов с разрешением 300x300 dpi в реальном размере печати. Все иллюстрации сопровождаются подрисуночными подписями (не повторяющими фразы-ссылки на рисунки в тексте), включающими номер, название иллюстрации и при необходимости – условные обозначения.

Рисунки выполняются в соответствии со следующими требованиями:

1) масштаб изображения – наиболее мелкий (при условии читаемости);
2) буквенные и цифровые обозначения на рисунках по начертанию и размеру должны соответствовать обозначениям в тексте статьи;
3) размер рисунка – не более 15x20 см, только в портретной ориентации; стандартные графики не менее 8,5 см шириной;
4) текстовая информация и условные обозначения выносятся из рисунка в текст статьи или подрисуночные подписи.

Иллюстрации (диаграммы, рисунки, таблицы) могут быть включены в файл текста, но кроме того, они должны быть представлены отдельным файлом с разрешением 300x300 dpi в реальном размере печати.

Термины и определения, единицы физических величин, употребляемые в статье, должны соответствовать действующим национальным или международным стандартам.

Формулы следует нумеровать в круглых скобках, литературные ссылки в квадратных скобках, подстрочные замечания оформляются в виде сноски. Формульные выражения выполняются только в редакторах формул MathType или Equation Editor. В формулах латинские и греческие строчные буквы следует набирать курсивом, а греческие прописные прямо. Векторы и матрицы следует набирать прямым жирным шрифтом; «е» в значении экспоненты – прямым светлым шрифтом. В индексах сокращения от русских и английских слов следует набирать прямым шрифтом.

6. Требования к оформлению таблиц и рисунков

Текст может содержать таблицы, подписи к которым должны приводиться над таблицей с выравниванием по ширине.

Оформление текста в таблицах: интервал одинарный, шрифт 10 Times New Roman.

В тексте необходимо давать ссылку на рисунок с указанием номера рисунка.

Примечание. Избегайте сокращения названий таблиц, рисунков и уравнений (т.е. Tab. 1, рис. 2, уравн. 3) в подписи или в тексте. Не пишите «в таблице выше/ниже» или «на рисунке на странице 2», потому что позиция и номер страницы таблицы или рисунка может меняться при верстке.

Все составляющие формул должны быть оформлены в макросе «Microsoft equation» (программа Word).

Графические рисунки должны быть хорошего качества. Если есть надписи, то текст должен отображаться четко.

Количество таблиц, рисунков и формул не ограничено.

Просьба высылать файлы со статьями в формате .doc, иначе при публикации возможно некорректное отображение рисунков и формул.

7. Литература (список источников)

Библиографическая часть аппарата статьи должна быть представлена библиографическими ссылками (ГОСТ 7.05–2008) и библиографическими списками в конце материала.

В тексте в квадратных скобках указывается порядковый номер ссылки в соответствии со списком литературы.

Список литературы оформляется строго в алфавитном порядке.

Допускается минимальное количество – 20 источников. При заимствовании материала из других источников ссылка на эти источники обязательна. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте.

Как минимум 2–3 источника – это работы, опубликованные за последние 5–10 лет.

Рекомендуется, но не обязательно, чтобы были указаны источники, опубликованные на английском языке.

Самоцитирование не более 1–2 источников. В соответствии с этикой научных публикаций БД Scopus рекомендует соблюдать степень самоцитирования в пределах 0–10%.

Автор отвечает за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники.

Иностранное написание слов приводится в скобках, кроме ссылок на литературу.

В список литературы не включаются:

- статьи из внутривузовских сборников;
- нормативные и архивные документы;
- статистические сборники;
- справочные издания;
- газетные заметки без указания автора;
- ссылки на главные страницы сайтов.

Данные материалы оформляются в подстрочных библиографических ссылках (сносках внизу страницы). Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

Список литературы должен быть представлен на русском языке и в романском алфавите (латинице).

Например, на русском:

Список литературы

1. Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. – Волгоград: РПК «Политехник», 2010. – С. 31.

на латинице:

Spisok literatury

1. Bobrovnikov V.G. Blagotvoritelnost i prizrenie v Rossii. – Volgograd: RPK «Politexnik», 2010. – S. 31.

Англоязычные источники переносятся без изменений.

8. Сопроводительные документы

Вместе с авторским оригиналом автор должен представить:

1. Сопроводительное письмо - приложение;
2. Авторскую анкету:

Фамилия, имя, отчество	
Информация	
Контактный телефон и факс (с кодом города)	
Адрес электронной почты	
Научная направленность статьи	

3. Справку с места учебы (для очных аспирантов и докторантов).

9. Материалы можно направлять:

– почтой (заказным письмом или бандеролью), курьером: по адресу: 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 2, каб. 408. Тел./факс: (495) 748-67-67, доб. 17-92, ip: 17-92 или по адресу: 107150, Москва, ул. Лосиноостровская, д. 24, комн. 106. Тел./факс: (495) 748-67-67, доб. 30-15, ip: 30-15;

– электронной почтой: editorialofficergsu@ya.ru.

Примечание. При отправке распечатки авторского оригинала почтой или доставке его в Сектор научных изданий РГСУ необходимо также выслать (доставить) электронную версию материала на магнитном носителе информации (флэш-карте (USB), CD-диске и т.п.).

10. Проверка на заимствование текста из других работ

К публикации принимаются материалы, не предназначенные для публикации в других изданиях.

В конце статьи должна быть надпись «Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста....%» - ставиться дата и подпись автора (авторов).

На последней странице рукописи должны быть подписи всех авторов. Кроме того, статьи студентов, соискателей и аспирантов, должны быть подписаны научным руководителем.

11. Решение о публикации

Итоговое решение об одобрении или отклонении представленного в Сектор материала принимается Редакционно-издательским советом РГСУ и является окончательным.

В случае отклонения статьи Сектор направляет автору мотивированный отказ.

После принятия материала к публикации Сектор направляет автору пакет документов, без которых представленный материал не может быть опубликован.

Сектор не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих принципиальных вопросов.

Статьи, направленные в Сектор без выполнения требований настоящих условий публикации, не рассматриваются.

Плата с аспирантов и докторантов за публикацию статей не взимается.

ПРИЛОЖЕНИЕ
К «ТРЕБОВАНИЯМ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫМ К РУССКОЯЗЫЧНОЙ РУКОПИСИ СТАТЬИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ В НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА», «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛОГИЯ», «ВЕСТНИК УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ВУЗОВ РОССИИ ПО ОБРАЗОВАНИЮ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ»

(присылать в сканированном виде)

В Сектор научных изданий
Отдела управления результатами интеллектуальной деятельности
Управления организации научно-исследовательской деятельности
от автора **(Ф.И.О)**

Я, **(Ф.И.О. полностью)**; ученая степень **(ученая степень)**; паспорт, серия **(серия),** номер **(номер)**, выдан **(кем выдан)**, дата выдачи **(дата выдачи)**, код подразделения **(код подразделения)**, дата рождения **(дата рождения)**, место рождения **(место рождения)**, зарегистрирован по адресу: **(индекс, почтовый адрес)**; контактный телефон: **(телефон)**; контактный E-mail: **(e-mail).**

Направляю Вам подготовленную мной статью « **(название статьи)** » для рассмотрения и публикации в журнале « **(название журнала)**».

С требованиями и условиями публикации согласен(а). Передаю Сектору сектор научных изданий Отдела управления результатами интеллектуальной деятельности Управления организации научно-исследовательской деятельности исключительные права на мое произведение (статью). Статья ранее не публиковалась. Против воспроизведения данной статьи в других средствах массовой информации (включая электронные) не возражаю.

Контактная информация (E-mail или другая контактная информация для указания в журнале и на сайте издательства): **(контактная информация)**.

Авторский экземпляр журнала предоставляется автору в редакции. Редакция не оказывает почтовые услуги.

Приложения:

1. Распечатка (электронный вариант) статьи на ___ листах (страницах).
2. Авторская анкета.
3. Справка с места учебы (для очных аспирантов и докторантов).
4. Рецензия (по желанию, если имеется).

Автор: **(Ф.И.О) (подпись)**

« » _____ 20___ г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
ПИ № 77-14047 от 17.11.2006.

Подписано в печать 11.02.2015.
Формат бумаги 60x84 1/16. Гарнитура «Журнальная». Усл. печ. л. .....
Тираж 2000 экз.

Издательство Российского государственного социального университета.
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, вл. 24.
Тел.: 8 (495) 748-67-67 (доб. 30-06).
www.rgsu.net

Отпечатано в типографии
Российского государственного социального университета.
107150, Москва, ул. Лосиноостровская, вл. 24.
Тел.: 8 (495) 748-67-67 (доб. 30-40).
Заказ № 15-.....